

РОССИЯ В ИГРЕ: СТРАНА И МИР

РОССИЯ
В ИГРЕ:

СТРАНА И МИР

Москва - Ростов-на-Дону
2019

**Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова**
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Экономический факультет
Южный федеральный университет
Экономический факультет
Академия философии хозяйства

Россия в игре: страна и мир

Монография

Под редакцией
Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова,
Е. С. Зотовой

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2019

УДК 330(470+571)(4/9)(035.3)

ББК 65.5(2Рос)(3)я43

Р 76

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д.э.н., проф. А. Ю. Архипов (Ростов н/Д);

д.э.н., проф. М. М. Гузев (Волжский);

к.э.н. Е. С. Зотова (зам. председателя);

к.э.н., проф. В. В. Кашицын (Новороссийск);

д.э.н., проф. С. Г. Ковалев (СПб.);

д.э.н., проф. В.М. Кульков; к.э.н. Н. П. Недзвецкая; к.с.-х.н. С. С. Нипа;

д.э.н., проф. Ю. М. Осипов (председатель);

Т. С. Сухина; Т. Г. Трубицына

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д.э.н., проф. М. В. Кулаков;

д.э.н., проф. В. Т. Рязанов

ОРИГИНАЛ-МАКЕТ:

К. Ю. Беневская

Р 76 Россия в игре: страна и мир : монография по итогам международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» (экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, 5–7 декабря 2018 г.) / Под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2019. – 292 с.

ISBN 978-5-9275-3142-4

Большая экзистенциальная, она же и геостратегическая; игра, рискованные партии; замысловатые судьбоносные миттельшпили. Россия – большой субъект-игрок. Внешняя для России и внутренняя для нее актуальные партии, их миттельшпили. Проблемы, ходы, исходы.

Для непредвзятого, заинтересованного чтения учеными, экспертами, диссертантами, студентами из любых гуманитарных и иных познавательных сфер.

УДК 330(470+571)(4/9)(035.3)

ББК 65.5(2Рос)(3)я43

ISBN 978-5-9275-3142-4

© Коллектив авторов, 2019

Большая всемирная игра, актуальная российская партия, судьбоносный миттельшпиль

Научный совет «*Центр общественных наук МГУ*», ставший наследником *Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова* (акkurat через четверть века существования и плодотворной деятельности ЦОН при МГУ) и *лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ*, ставшая в 2018 г. тридцатилетним юбиларом, провели 5—7 декабря 2018 г. на базе и с участием экономического факультета весьма аналитически любопытную и концептуально значимую международную научную конференцию под оригинальным названием-ориентиром «**Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия**». Сия «игровая» постановка, вовсе, как может показаться, не метафорическая, а вполне себе реалистическая, позволила подойти к текущей реальности как к *большой игре*, к геостратегическим и вообще жизнеотправительным действиям актуальной России как к открытой ею и упорно ею ведущейся *игровой партии*, а возникшую на игровом поле ситуацию трактовать как игровое срединное положение — *миттельшпиль*, чреватое разными, по преимуществу и неожиданными, ходами, комбинациями и конечными исходами¹.

То, что бытие — как национальное, так и международное — можно трактовать как большую игру — не новость, а вот аналитическое обращение к окружающей актуальности как к игре открывает, бесспорно, новые и по-своему уникальные возможности в понимании, экспликации и оценке всего в мире и в стране происходящего.

Да, вокруг идет большая игра, — и у России, ее верховного правления, ее ведущей элиты, как и у всей российской нации, тоже *своя*, а с весьма уже давних времен вполне и *большая*, игра — как на мировой, так и на национальной аренах, а для нынешнего момента, как стало с некоторых пор совершенно ясно, еще и *своя актуальная партия*, точнее,

¹ Отметим, что тема и название-ориентир конференции родились еще в конце 2017 г. во дни планирования научной деятельности на подступающий 2018 г., — так что идея и величание форума не имеют никакого генеологического отношения к телевизионной «Большой игре» уважаемого коллеги по МГУ профессора В.А. Никонова.

партии — внешняя для России и для России внутренняя, вполне по роли, значению и возможным последствиям исторические.

Исходя из возникших к 2017 г. реалий, уместно поставить вопрос как раз о некой середине обеих российских партий, об их, выражаясь по шахматному, *миттельшпилях*, соответственно — *российских миттельшпилях*, когда дебют в партиях уже явно пройден, а эндшпили еще впереди.

Миттельшпиль — не просто временная середина партии, это еще и ее смысло-функциональная сердцевина, она же и очаг, когда все «партийское» сплетено в клубок и все для будущего движения партии и даже ее конца как раз и решается, хотя и решается во многом неосознанно для игроков, вероятно, неопределенно, тайно. Этакая итогово-судьбоносная часть, она же и явно-неявная кухня, если, пусть нас извинит читатель, не сама игровая преисподняя!

Отсюда масса всего реально важного и познавательно интересного, не говоря о возникающих по ходу партий воодушевлениях, беспокоествах и даже тревог: *что, как, зачем, куда?*

Вот и дискуссия на конференции развернулась нешуточная, демонстрируя и обоснованную гордость за нынешнюю «внешнеаренную» Россию, и немалую озабоченность по случаю ведущейся Западом с Россией новейшей «гуманитарной войны», но при этом и нескрываемую тревогу за не самое надежное состояние «внутринационального тыла», пораженного если еще не управленческим параличом, то уж явно *концептуально-системным кризисом* пореформенного социохозяйственного строя — как раз возникшим по итогам «лихого реформирования» 1990-х и не довольно в 2000-е гг. скорректированного в сторону эффективной национальной целостности (цугцванг, заметим, — тоже ведь возможная принадлежность миттельшпиля).

Отсюда и утвердительный пафос конференции в пользу текущей — *пересотворенческой* — реконструкции возникшего *по*-реформенного строя по *пост*-реформенному вектору. Ничего ведь весьма хорошего для России и ее народа ожидать в рамках сложившегося произвольного, еще и обильно криминализованного, *административно-финансового деспотизма* не приходится. Оголтелый «либерал-глобальный менеджержизм» пора уже сменить на конструктивный социально-национальный неодирижизм, не отрицающий ни гражданской, ни идейной, ни экономической свободы, а лишь тактично направляющий сию свободу в русло всенационального интереса, не исключая при этом, по случаю приходящих извне и возникающих внутри страны «гуманитарных напряжений», и мобилизационно-экстремальных сценариев.

Особое значение в мире и в России придается сегодня развернувшейся повсюду *цифротронной техноигре*, отчего и тезис: «Играть-то

надо, да вот не заиграться бы!». Утверждая рабочую эффективность нейрокиберновведений, не просмотреть бы тут кое-чего, так сказать, подметного и не допустить бы это подметное в бытийные реалии, а именно: не превратить бы нам человека (все-еще-человека) в постчеловека, в киборга, в «погремушку», в «механического зверя», что увы, вполне и возможно, а кому-то ведь в передовом мире и весьма потребно.

Отсюда и особое внимание конференции к *фундаментальному гуманитаризму* — как не то чтобы антиподу, а, скорее, базисному сопроводителю современного, весьма уже идеологически оформленного, вездесущего цифротехнологизма. Последний, конечно, всерьез для человека и социума модификационен, если не трансгрессивен, но он вовсе не панацея от бед человеческих вроде таких «панаций», как вождизм, демократия, авторитаризм, диктатура, религия, гуманизм, капитализм, коммунизм, фашизм, либерализм, глобализм, что там еще... а-а... механизация, электрификация, химизация, электронизация, компьютеризация, нет — тут потребно *гуманитарное преобразование*, которое смогло бы, возможно, и не допустить взрыва конечной апокалиптики, да ведь его все нет и нет, да и вряд ли когда случится.

Да-а, миттельшпиль в развернувшейся техноигре тоже знатный, да вот каким может стать вскорости ее эндшпиль?!

Большие игры, о которых речь, не лишены правил и даже кое-каких принципов, но, когда кому-то из игроков очень надо, игра охотно ведется им вне всяких правил и за пределами каких-либо общих принципов, мало того — ведется попросту не на жизнь, а на смерть, не пренебрегая излюбленным для больших игроков самым надежным-де «игровым» способом — *войной*.

Вот и сейчас: стоило России слегка отпрянуть от Запада и повести свою экзистенциальную геостратегическую игру, как тут же Россия получила от Запада не что-нибудь, а... войну, пусть пока и «гибридную», пусть и «гуманитарную», но... *войну!*

А все почему? Да потому что Россия — не Запад, хотя она и не Восток, — Россия — это *Россия*, то бишь нечто для Запада не только не приемлемое, но и, как справедливо мерещится Западу... опасное, если не попросту... *страшное!* И все это по причине *инаковости*, слишком уж большой *инаковости*, напрямую как раз *альтернативной* всемогущему ныне Западу.

Не должно быть поэтому на планете Земля России — *России как России*, как идеи, как концепта, как феномена, хотя что это такое — *Россия*, каковы ее идея, ее концепт, ее призвание, никто в мире, даже и сама Россия, вполне до срока и не знает, но... что-то *этакое* все-таки в России *есть*, и против этого-то *что-то* Запад и ведет многовековую, хотя в целом пока и безуспешную, войну — как раз в основе-то... *гуманитарную!*

Вот и «войновским» выходит ныне российский миттельшпиль: внешний — Запад против России, и внутренний — свой западнизм против своей же российскости. Так и бытует нынешняя Россия — в войне, а пожалуй что, и в войнах — внешней (явной) и внутренней (неявной).

Тут-то и выходит кое-что важное: Запад и война против России; война и российский тыл; тыл и внутрироссийский кризис; кризис и необходимые радикальные перемены; перемены и, даст Бог... не война, а всего лишь *трансформация*, — вполне властной элитой и всей нацией осознанная и настойчиво бы продвигаемая.

Конференция подняла множество острых вопросов, на которые она как дала кое-какие ответы, так и не дала, удовлетворившись постановкой проблем и первым их осмыслением. В любом случае: дело, как говорится, было и было сделано, мало того, продолжено в последующих за декабрьским форумом размышлениях его участников и адептов, что и нашло отражение в нижепубликуемых материалах.

Не пренебреги, читатель, завлекательной книгой, не суди о ней предвзято, прочти со вниманием, разберись — *не пожалеешь!*

Ю.М. Осипов

Раздел I

Большая игра: российский миттельшпиль

Ю.М. ОСИПОВ

Большая игра — российский миттельшпиль — «русская рулетка»

Аннотация. Полная деяний, событий и вероятностей окружающая жизнь допускает образное сравнение с шахматной игрой, длящиеся процессы — с партиями, а возникающие ситуации — с дебютами, миттельшпилями и эндшпилями. Современная Россия в лице государства ведет свою геостратегическую на мировой арене и социохозяйственную внутри страны игру, достигшую стадии миттельшпиля, однако не лишенную неопределенности и риска. Какую конкретную игру, с какими текущими итогами и возможными перспективами?

Ключевые слова: мир, Россия, большая общемировая игра, миттельшпиль, геостратегия, реформизм, постреформизм, «русская рулетка».

Abstract. All the life is full of acts, events and probabilities, allows figurative comparison with a chess game, different processes can be compared with parties, and the arising situations can be compared with debuts, middle game and endgame. Modern Russia with its state leads a geostrategic game in the world and an economic game in the country which is reached middle game stage, however, it's not deprived of uncertainty and risk. What the game will it be and what results will we expect?

Keywords: world, Russia, universal game, middle game, geostrategy, reformism, postreformism, Russian roulette.

Жизнь — игра, война — театр (театр военных действий), многое из вокруг происходящего — цирк! Вроде бы вполне милые, не совсем милые, а то и весьма саркастические, метафоры — игра, театр, цирк, но при этом и вполне себе смыслодержательные определения, более того — сами сущности тут по существу и есть!

Бытие человеческое, как и больших земно-человеческих образований (стран, государств, наций), — большая экзистенциальная игра. Можно ли так? Можно! Именно игра и именно большая: с субъектами-игроками, их «игроцкими» ходами и выходками, ходом самой игры — с намерениями, планами, тактиками и стратегиями, с неопределенностью, вероятностью, случайностью и неизвестностью, с удачами и победами, промахами и поражениями, с метафизикой, мистикой и чудесами, в общем, со всем, что свойственно почти любой игре — что шахматам, что преферансу, что тому же футболу, но что присуще и самому бытию, самой жизни, самой зёмной экзистенции.

Не одно тут лишь сравнение с игрой, а и сама по себе игра, мощная, разнообразная, захватывающая, романтическая, ну и рисковая, жесткая, беспощадная, кровавая. Не в шутку вовсе тут игра, да и не только на жизнь, а и на смерть!

Почему так? А потому что жизнь тут, экзистенция, бытие, ну и сознание, воля, деятельность, творчество, выдумки, перемены, суета, беспокорство, беспредел, отчаяние, ну и... много еще чего, что не может вершиться иначе, как через борьбу — «за» или «против», вообще всякую борьбу, а следственно, и через игру, которая и есть борьба, ее проектно-расчетная и даже стихийная реализация. Никакой игры нет лишь на погосте, да и то, знаете ли... души, души покойников, призраки... своя, видно, и там игра, как же без нее?

Играя в большую экзистенциальную игру, каждый субъект-игрок играет не только с другими игроками, как и не только с самой игрой, но и с собою тоже, что, пожалуй, самое важное в такой игре и есть, хотя менее всего игроком замечаемо, контролируемо и управляемо: поглощенный игрой, делая превосходные на свой взгляд ходы и обыгрывая других игроков, гордясь собою, хотя и немало при этом расходуясь, игрок-счастливцев не замечает ни своего уже лукаво ослабленного состояния, ни подступающего к нему предательского самопереигрывания. И это не только самое в любой игре важное — для самого успешного игрока, но и самое для него... страшное!

Что сегодня?

Большая. планетарного масштаба и значения, судьбоносная для всего зёмного мира, экзистенциальная, она же и геостратегическая, игра. И Россия в лице своего государства — один из ведущих в этой игре игроков, разумеется, игрок среди игроков, ну и игрок с самим собою: одно дело — игра России в мировой игре, совсем другое, хотя и зависимая от мировой игры, как и в нее попросту включенная, но все-таки *своя игра России с самою собою*, так что наряду с большой планетарной игрой, в которой участвует Россия, идет и другая, тоже ведь не малая игра по значимости и риску — *игра России с... самой же Россией*.

На том пока и порешим!

А теперь обратимся к самой большой игре, которая разворачивается на наших глазах и в которой Россия непосредственно из ведущих игроков, той самой игре, которая вдруг пошла при внезапном и неожиданном для всего мира выходе нынешней России к игровому столу, что было сначала обозначено всего лишь метким словом (мюнхенской речью главы российского государства в 2007 г.), а затем и кое-какими деяниями (подъем «оборонки» и рождение новых вооруженных сил — это внутри страны, и кое-какие оборонно-наступательные действия вне страны: от защиты российских окаемов и русского мира до борьбы с угрожающим России международным терроризмом на том же Ближнем Востоке).

Игра со стороны России — игра за себя, свой суверенитет, свою неприступность, свое бытие и соответственно против всепоглощающего имперо-колониального глобализма, круто замешанного на постмодерновом западнизме, а потому и игре за иное общемировое устройство — многополярное, и за иное, чем западное, цивилизационное разрешение зёмного бытия.

Игра-то игра, но зато... *какая!*

Ничего особенно нового в самом факте такой игры для человеческого мира нет — сия экзистенциально-футуростратегическая игра, она же и борьба, всегда на Земле была, есть она и сейчас, правда, в уже глобально и тесно взаимозависимом планетарном мире, а для ведущих игроков еще и с атомной бомбой за пазухой.

Некоторый набор внутренних и внешних ходов-деяний, не говоря о бьющих в цель откровенных словах, и вот — из почти что списанного, то бишь весьма разоренного и ослабленного предшествующей мировой игрой, субъекта — постсоветской России 1990-х, вдруг возникает... *игрок*, да еще *какой* (!)... вдруг оказавшийся в *самом центре* больших игровых событий, прямо в эпицентре большой геостратегической игры.

Почему?

По причине вдруг им начатой и неплохо проведенной контригры как раз против главного и вполне уже почивавшего на планетарных лаврах всемирного глобального игрока — «дяди Сэма». Стоило лишь нашему «мюнхенцу» заявить, что «дядя Сэм», не более чем... «дядя Сэм» (то бишь вовсе не бабушка из «Красной шапочки», а всего лишь... серый волк в образе бабушки), как всё стало на свои места: «дядя Сэм» оказался снова на своем почетном имперо-колониальном, но уже явно пошатнушемся, стуле, а мир, вдруг зашевелившись, стал подыскивать себе другие на мировой арене стулья, если не «контрстулья», относительно великого «дяди Сэма».

Раздосадованный «дядя Сэм» тут же начал вполне себе уже военную игру с взбрыкнувшей Россией, обозвав в конце концов эту войну

«гибридной» — не объявленной официально и по преимуществу информационно-санкционной, без собственно боевых, то бишь горячих действий, но все-таки войной, а затем повел и войну тут уже более всего торговую, с другим мощным контригрокком — Китаем, причем войну уже объявленную, пусть и вопреки дипломатическому этикету.

Интересно, что раздраженный «дядя Сэм» не удержался и даже открыл внутризпадную войну, в основном с не слишком с ним солидарной и стремившейся к своей имперского пошиба самостоятельности Европой — Европейским союзом.

Очень любопытная тут выходит в целом всемировская заварушка!

С началом войны США и всего Запада с Россией российская большая игра вступила, завершив стадию дебюта, в характерную для шахмат основную игровскую стадию — *миттельшпиль*, в ту самую стадию, когда всё главное для перспективы ведущейся игры и решается, пусть еще и не слишком заметно, а во многом и вообще скрытно, но... решается: в замыслах игроков и в их ходах, «ходом вещей», «ходом неизвестности».

Россия, пользуясь ментальной, духовной, геополитической, отчасти и экономической, поддержкой так или иначе антисэмовски настроенной части мира, тоже, впрочем, по преимуществу игровской, справляется в целом с фронтальной против себя «войновской» игрой «дядюшки Сэма», принявшего, кстати, адекватный себе персональный образ в лице г. Трампа — очень уж подходит «рыжий Дональд» на хрестоматийного «дядюшку».

Россия отстаивает прежде всего себя, свой суверенитет, но при этом еще и ведет геополитическое наступление, препятствуя Штатам вольготно по миру господствовать, а также если не впрямую построая, то активно способствуя созиданию новой конструкции планетарного мира — *многополярной*, да еще и ведет атаку, пусть еще только «вылазковскую», на святая святых Западного мира — американский доллар.

Примечательно, что Россия не только играет в большую мировую игру, но и весьма определенно переигрывает в ней зазнавшегося «дядю Сэма», хоть и несет немалое материальное бремя и заметные экономические убытки.

Зачем это России надо: большая игра, война, борьба, бремя, убытки, потери?

С позиции обыденного здравого смысла ничего *такого* стране вроде бы вовсе не надо, наоборот, надо бы ей было оставаться в «великолепной восьмерке», пусть и в роли «попутной шестерки (!)», пользуясь доверием и покровительством всесильного «дяди Сэма», возлежать на отведенной глобализмом энерго-сырьевой поляне, спокойно продавая себя и свои ресурсы, раздавая «умному Западу», а может, и хитроумному

Китаю, свои пространство, территорию, землю, покончив с собою как историческим субъектом, но при этом жить, жить, жить — в немалом материальном достатке и в неограниченном виртуальном довольстве.

Но... но, с одной стороны, имперо-колониальный эгоизм Америки и Запада, как и их лицемерное, эгоистическое и в целом неэффективное управление миром, реализуемое через перевороты, войны и катастрофы, вкупе с тлетворным антикультурным и ядовитым античеловеческим влиянием, а с другой — поначалу глухой, а с российской инициативой все более зычный, протест незападной части планетарного мира против всего этого американо-западного безобразия с желанием обзавестись неформальным суверенитетом и идти по жизни и в будущее *своими* путями, сохраняя традиции и выдвигая для *себя* свои же новые экзистенциальные и цивилизационные разрешения.

В мире так или иначе назрела потребность в освобождении от американо-западного доминирования, усиленная и ускоренная наглыми силовыми и санкционными расправами с неугодными режимами и государствами, что привело к возникновению международного оппозиционного «сердечного соглашения» под чудесным названием БРИК (теперь уже БРИКС), а также к неожиданному, но вполне оправданному «взбрыку» России — страны европейской, хотя при этом и евразийской и даже азиатской, в основе христианской, пусть по преимуществу, и русско-православной, белорусовой, арийской, то бишь... в целом такой же по натуре, генезису, культуре, цивилизации, как и большинство других западной принадлежности стран, что и стало мощнейшим концептуально-политическим ударом для почивавшего на золотых лаврах Запада. Из чуть ли уже не ставшего союзническим партнером Запада, если не прямо звеном западнического по духу планетарного Севера, могшего эффективно-де противостоять Востоку и Югу, Россия вдруг оказалась мало того что выпавшей из северной западнического края железной челюсти золотой коронкой, но еще и... чуть ли не главной противницей Запада, хотя, конечно, не так, собственно, Запада, как американо-западнического на планете и над самой Россией доминирования.

За сие-то «предательство», как старается себя убедить обманутый-де Россией Запад, уже и всю саморазрушающийся как поздний Рим или та же запоздалая Византия, Запад и обрушился на Россию войной, которая вовсе не предавала Запад, а всего лишь заявила о себе как... *Россия*, причем заявила не то что незападной страной, а попросту... *собою*, следовательно, никак не частью глобальной американской (америкоевропейской) империи. Россия всего лишь отказалась пребывать в сей замечательной всемирной империи, вновь вступив на путь собственного суверенного бытия — и ничего более!

Запад хорошо понимает, что за Россией на данный исторический момент не только большая экзистенциальная *правда*, но и явная *геостратегическая инициатива*, а еще лучше он сознает, что из России истекает для него великая экзистенциально-геостратегическая угроза, против которой он, во-первых, не может не бороться, а во-вторых, не может не бороться несправедливо и неправомерно, лживо, подло, ибо как тут иначе поступать с лицемерных имперо-колониальных позиций перед лицом жесткой и колочей исторической правды, хотя Россия нынешняя вовсе и не такая уж праведная «дамочка», а та еще в своих евразийских чертогах прозападная «блудница».

Да — суверенитет, независимость, самостояние, самодеятельность, — все это так, и это вполне уже оправдывает антиамериканский «взбрык» России. Но дело не только и столько в этом: Россия — *сама-себе-проект*, хотя сама себе она вполне и не принадлежит, а поэтому действует не так, как видится и хочется актуальной России, а как ей вовсе и не видится, и не хочется, что бывало не раз в большом бытии-истории России, что случилось с ней и в переходном XX в. — от Великой революции 1917 г. до великого самопогрома 1991 г., ну и, разумеется, революционной реформы 1990-х. Антиамериканский (антизападный, антиглобалистический) рыбок России из того же ряда не слишком субъективно желательных, но объективно неизбежных происшествий. Метафизики с глубинной трансценденцией тут куда как больше, чем физики с имманентной ей поверженной обыденностью.

Россия исходно *неотмирна* и деяния ее с событиями, происшествиями и потрясениями тоже *неотмирны* — никаким разумом с никакой логикой они не объяснимы!

Но и это не всё: какой бы конкретно ни была в текущем бытии-истории Россия, в каком бы положении ни находилась, она всегда, пусть и не слишком выраженно, пусть более всего потенциально, пусть где-то в темных закромах бытия-истории, она — Россия — всегда какая-то никому и неизвестная, даже и самой России... *альтернатива*, причем альтернатива всему зёмному миру сразу, не говоря уже о Западе, Европе и тех же США, да и самой себе она постоянная альтернатива, ибо ни на чем конкретном не задерживается, хотя и спелёньвается, и спутывается, и насильно кем-то и чем-то на чем-то конкретном удерживается: то рюриковством, то византийством, то ордынством, то святорусскостью, то европейством, то большевизмом, а теперь вот и глобализмом, но, увы, ничего с того не получается: приходит момент, когда Россия охотно и без сожаления сбрасывает с себя навязанные ей одежды и, охотно или нет, напяливает на себя какие-то новые одежды, как правило, увы, с чужого плеча, поносит их некоторое время и непременно с себя сбрасывает — не то как норовистый конь, не то как вытянутый в неурочье из берлоги

растревоженный медведь, но непременно сбрасывает, ища что-то *иное*, а что... и сама не знает!

Россия — единственная страна в мире, причем не просто страна, а мир-страна, не эволюционирующая просто так, не развивающаяся в рамках навсегда избранной модели, не что-то конкретное достигающая и на чем-то конкретном покоящаяся, а идущая дискретно и импульсивно куда-то вперёд, держа в себе неизвестную ей самой альтернативу и стремясь к чему-то иному — не этому, не тутошнему, не сеумирному, не земному только, а хотя бы к *земно-космическому*, то бишь к действительно иному.

Таков он, изначальный, запятанный в первосемени, генетический код России, ее подспудная проектная матрица, ждущая реального воплощения в каком-то (не)реальном и (не)зёмном варианте.

Игра, в которую вступила (попала, встряла) Россия, не только большая игра с миром, с Западом, Востоком, Югом, с Европой, США, Китаем, Индией, с кем тут еще, ибо игроков разных хватает, включая и мелких подпевал, подстрекателей, перебежчиков, изменщиков, нахлебников, но это и большая игра России *с самою собою* — вполне себе «русская рулетка», — и ежели вовне у России война фронтальная — против внешней антиРоссии, то внутри России идет уже тыловая война — как с самою собою, так и со вполне враждебной коренной России (России как России) внутренней антиРоссией, давненько поселившейся в России и с ней самозабвенно враждующей.

Отсюда и российский миттельшпиль, о котором речь, накрывающий сразу и внешнее фронтальное и внутреннее тыловое, а потому и говорить надо о миттельшпиле сложном, двойственном, внешне-внутреннем, фронтально-тыловом.

А по-другому, надо заметить, в России и с Россией и быть не может: внешняя антиРоссия вполне тут естественна, а внутренняя — весьма для России органична. Так что ежели экзистенциально-геостратегическая война, то непременно там — вовне и здесь — внутри.

Во внешней сфере Россия не ставит перед собой задачи какого-либо себе подчинения и уж тем более уничтожения (в отличие от некоторых, западного края сил, буквально грезящих распадом и исчезновением России), ибо игра, которую ведет Россия, это игра всего лишь за самостояние России и всего лишь за новое устройство мира, к которому мир, как надеется Россия, должен прийти без всемирной тотальной войны — компромиссно и согласительно. Разумеется, амбициозный имперо-колониальный и агрессивный Запад, в особенности США с Англией, никакого переустройства мира не желают и ради сохранения своего доминирования идут на всё, включая прежде всего войну с Россией, что означает,

что конфронтация Запада с Россией, вполне и яростная со стороны уходящего в преисподние дали Запада, совершенно неизбежна.

Что же Россия?

Ведет-таки свою игру, разоблачая и дискредитируя Запад во главе с США, вовсю уже прибегающий к нарочитой диффамации России и к откровенной антироссийской лжи, отбивая любые западные на себя идеократические наскоки; останавливая на подступах к России западный «Дранг нах Остен»; ведя и кое-какое наступление, включая медийно-информационное; ища и находя поддержку вовне, не исключая и самого Запада, который вовсе не так однороден, каким кажется, и где находятся силы, заинтересованные в существовании и даже процветании России, как и заинтересованные в переходе к новому обустройству мира; обретающая, — может, и временных, — союзников, сторонников и попутчиков, а в складывающейся тревожной ситуации в мире не таких уж и временных; создавая и стимулируя международные интеграционные группировки, заключая межстрановые договоры, реализуя взаимовыгодные политико-экономические отношения, продвигая свое конструктивное влияние во все стороны, в особенности на Юго-Восток, Ближний и Средний Восток, поддерживая взаимоприемлемые отношения со многими странами, не исключая и страны СНГ.

Да — война с Западом, да — западные санкции, да — западная игра без правил, но при этом невероятные, но такие долгожданные со стороны России стойкость, твердость, отстаивание своих интересов, наступательные, причем не только реактивного, но и опережающего характера, «игроцкие» ходы: политические, информационные, экономические, военные, технические, геостратегические. Запад тревожится, негодует, бесится, но... фортуна нынче все-таки более с Россией, чем с Западом: таков всесильный, он же и магический, разворот *самого Бытия-Истории!*

Россия в целом справляется — и неплохо, надо заметить, справляется! — с большой геостратегической игрой, доведя начатую ею партию в позиционном, содержательном и перспективном планах до весьма обнадеживающего миттельшпиля, что позволяет сделать вывод о новом качестве России как действующего на мировой арене субъекта-игрока. Что, что, но *это* у нынешней России, судя по всему, получается!

Не то с внутренней — тыловой на сегодня — социохозяйственной игрой, а ведь в стране тоже идет немалая игра — за настоящее, будущее и даже прошлое (его трактовку), в которой участвуют разные субъекты-силы и силы-субъекты, как и просто силы как силы — вроде обстоятельств, стихий, процессов, случайностей, неизвестностей.

Внутри страны, как и на мировых просторах, тоже ведь своеобразное *казино*, где хватает всего: игроков, управителей, инициаторов, слуг,

хапуг, мошенников, палачей, жертв, а главное — игры без правил, питаемой алчностью, блудом, деспотизмом.

Тут ведь не какое-то райское для населения убежище, скорее некое адовское прибежище, где в почете деньги, богатство, успех любой ценой, присвоение, коррупция, грабеж... да, конечно, уже не так, как в лихие 1990-е, но... увы... всё еще *сверх всякой меры*, — да и что еще может быть в пореформенном (созданном лукавой грабительской реформой) казино, если не это: игра без правил, нескончаемая схватка за блага, разьедающее беззаконие.

Но что особенно интересно, хоть и не особенно приятно: идет и вполне себе «казионная» игра... между властью и населением — на основе и в рамках пореформенной социохозяйственной системы, которая в общем-то никакая не система, а скорее — антисистема, ибо управляющая власть, хоть и старается иной раз что-то хорошее сделать, но либо в не очень-то управляемой ею среде, либо с не слишком адекватными стране задачами, либо явно «чужебесно» и вполне себе абсурдно, либо всего лишь некомпетентно, а главное — более всего служа, если уж это получается... самой себе, как и новым в стране большой собственности и кое-каких властей предержажим, кровные интересы которых, увы, не очень-то совпадают не то что с народными, а даже и национальными.

Тут даже не противоречие между верхами и низами, а уже... *противостояние*, нет, конечно, не площадное, во всяком случае, пока, а... воззренческое, поведенческое, духовное, одним словом — *метафизическое*.

Власть — одно, население — другое, — и никакие телеинтервью и телешоу ситуацию внутри страны не спасают и спасти не могут, в особенности с уклонением власти от возможности начать отход по итогам мартовских выборов от по сути и духу глобалической пореформенной системы (антисистемы) в пользу постреформенной системы, как более адекватной России, — что исторической, что нынешней, что будущей.

Власть решила не на переделку себя под коренную суть и текущие интересы России, а вместе с этим и на созидание новой, адекватной как раз самой себе России, а на дельнейшую переделку России под все тот же реформенный, в основе и в главном вполне глобалический, проект, т. е. переделку не себя под Россию, а *Россию под себя*, наступая на все те же, излюбленные отечественным правлением, грабли: не себя ломать под Россию, разумеется, новую Россию, а ломать Россию под себя, повторяя, что рюриковичей-византийцев, что Петра-европейца, что большевиков — мировых революционеров.

Ату ее — корневую Россию!

И что же в стране сейчас?

А сейчас наблюдается, может, пока не слишком явно выраженный, но все-таки... *кризис*, да не какой-нибудь там переходный или обычный экономический, а кризис самой *пореформенной системы*, ее уже *собственный кризис*, который на деле выражается сверху в *кризисе властных намерений* и в *кризисе властного управления*, а снизу — в *кризисе народного к власти доверия*.

Да, это *кризис пореформенной системы*, но вовсе не ее крах, — система жива и действует, однако в концепте своем она близка к полному банкротству: она то ли не захотела, то ли не смогла радикально измениться, а потому сама въехала в кризисное безвременье, когда никакие ссылки на безобразные 1990-е уже не выручают, — тут уж ее — пореформенной системы — собственное достижение.

Верховное правление рассчитывает на некоторое подправление социоэкономической ситуации в стране и даже во властвующей системе, но... на основе, в рамках и усилиями самой этой системы, что очень напоминает те же николаевские (Николая I и Николая II), хрущевские и брежневские времена, а это, как хорошо известно из отечественной, да и зарубежной тоже, истории, чревато лишь углублением кризиса и переходом кризисной системы в неуправляемый режим существования.

Внутри страны, как мы видим, идет совсем другая большая игра, совсем иная тут разворачивается партия, отличный у нее и миттельшпиль. Какой же? Мало того, что остро проблемный, напряженный, неопределенный и рискованный, но и... страшно сказать... чуть ли не безысходный, что-то вроде шахматного *ната*, когда любой ход либо ничего не меняет, либо многое или все в партии лишь усугубляет.

Возникшая по итогам реформы и стабилизации пореформенной системы, административно-менеджеральная подсистема существует, действует, как и безостановочно бездействует, более всего ради себя, но никак не ради какого-то там населения, предназначенного для непонимания, послушания, эксплуатации, обирания, безработицы, самовывживания, обмана, издевательств, ну и для бегства за границу; точно так же бытуют и надзорно-охранительные органы, кроме разве МЧС, даже и неподсудные «независимые суды»; и наша медийно-развлекательная матрица такая же, хотя и имеет, как и везде во всем, какие-то позитивные исключения.

Если власть бывает в себе очень уж уверена и не считает нужным искать реальной, а не той же шоу-электоральной, поддержки у народа, то это, как когда-то выразился хитроумный Талейран, даже не преступление с ее стороны, а... *ошибка*, та самая роковая ошибка, которая дорого обходится всякому из правлений, как раз вполне уже в себя и в свою несокрушимость уверившимся.

Власть, даже самая авторитарная, неотделима от народа-демоса, даже самого, казалось-бы, пассивного и самой же властью изрядно... э... э... презируемого, ибо между народом-демосом и властью бытует мистическая — невидимая и безгласная — связь, причем как позитивная, так и негативная, причем направленная в обе стороны — либо такая связь, либо этакая — и что тут особенно важно: не власть вовсе питает энергией и силой народ, а народ питает власть, а потому не так народ мистически зависит от власти, хотя и немало от нее функционально зависит, как власть мистически зависит от народа — не так от действия народного, хотя и это бывает, как от его... *существования*. Плохо народу, когда власть уходит от него в отрыв и ему достойно не служит, но горе власти, которая, оторвавшись от народа, служит боле себе чем народу, ибо вовсе не власть, даже и церковная, благословляет по существу народ, а народ — власть, как, собственно, именно народ благословляет церковь, правящую партию, того же авторитарного вождя, а не наоборот.

Народ всегда бытует и всегда остается, как и та же Россия — бытует и остается, а вот власти и правления приходят и уходят, мало того — исчезают, как и навязанные ими не органично стране режимы.

И что же в России сегодня? А сегодня, что надо бы хорошенько осознать, не что иное, как кризис, да и явная бесперспективность для России навязанного ей *пореформенного* режима, а потому и необходимо встать на путь *постреформенного перестроения*, вовсе и не возвратного к чему-то из прежнего, нет, а как раз устремленного к новому — к новой России, но не по форме и внешним признакам, а по сути, по духу, по *концепту*.

Какой же *суперход*, во всяком случае открытый для публичного обозначения, намерено предпринять наше властное правление в развернувшейся в стране судьбоносной партии, чтобы не так даже преодолеть, как попросту смыть и забыть возникший в стране системный кризис, начисто переделав все и вся, всю российскую обыденность, все управление, все жизнеотправление, разумеется, кроме возникшей собственности и всех властей предрержащих.

Нетрудно догадаться, что вся надежда теперь у властей на *тотальную цифровизацию* бытия, жизни, хозяйства, экономики, человека, сознания, интеллекта, когнитива, коммуникаций, не говоря уже о труде, производстве, потреблении, творчестве, технике, технологиях, — надежда, сравнимая с надеждами, если их не превышающая, на ту же христианскую веру, коммунизм (как учение прежде всего), на научно-технический прогресс, на электрификацию, индустриализацию, коллективизацию, химизацию, электронизацию (ЭВМ), на тот же глобализм, капитализм, на рынок в конце концов, а теперь вот на *всеобъемлющие цифровые технологии*, включая и *кибернейроповеденческие*, да с такой системностью,

массированностью и дотошностью, что впору говорить не просто о *новой научно-технической революции*, а о *новой гуманитарной революции*, вполне и гибридной (человек+техника+цифра), сравнимой по силе и образу с неолитической революцией, когда произошла замена неандертальца на кроманьонца, с той лишь разницей, что нынешний «кроманьонец» — оператор-цифровик, он же и киборг, а вместо кроманьонского общества, сменившего неандертальское стадо, приходит оцифрованная матричная сеть.

Не случайно ныне приоритет в образовании и науке отдан математике, лишенной что материального, что идеального предмета, кроме голы когнитивной цифры, а фундаментальная наука, она же и по сути метафизика, в загоне, даже и во вполне осознанном притеснении, если уже не в гонении, ибо всё теперь сводится к количеству, числам, моделям — к цифровым скелетам, а не к содержательным, описываемым словами, «телам» и «душам».

Особенно ныне стало тяжело под прессом наукометрических лимитаций гуманитарной фундаментальной науке, всего ближе и полнее относящейся к метафизике, к слову, к переживанию и откровению, к мудрости, но при этом и к человеку с обществом, к сознанию, разуму, когнитиву, психике, ноосфере, как и к трансценденции, ко всему тому, что призвано концептуально судить обо всем происходящем с бытием, жизнью, человеком, обществом, историей, идеологией, с той же наукой, с культурой, цивилизацией, государством, вообще со всем человеческим мирозданием.

Цифровизация, видно, нужна и явно неизбежна, но... *какая* цифровизация, с какой гуманитарной *мерой* и в каком предметном *воплощении*? Предпринимаемый в России, как и во всем мире, курс на цифровизацию всего и вся оправдан творческой (демиургической) историей человека, но насколько оправдана вполне возможная тотальная цифровая эсхатология, ведущая к *трансгрессии* человека и человечества во что-то *иное*, вовсе не обязательно, что человеческое? Не окажется ли новая гуманитарная революция самой настоящей античеловеческой революцией, в итоге которой уже не станет ни человека, ни человечества, ни Земли как космического ковчега спасения? Или же наоборот — всё у человека с человечеством, как и у Земли грешной, только начинается?

Кто ответит на эти и им подобные вопросы, пусть и не полно, не окончательно, но хотя бы с заботой о человеке и его будущем, ежели не гуманитарная метафизика, которую нынче если и не гонят взашей из университетов и академий, но к которой явно не спешат прислушиваться ни функционеры, ни даже ученые — денег она не приносит, степеней, должностей и премий тоже!

Вот вам, господа, и *российский миттельшпиль*, прямо посреди функционального игрового алгоритма и в смысловых глубинах сложнейшей экзистенциально-геостратегической партии, точнее, двух взаимосвязанных партий — внешней для России и для нее же внутренней, — и что интересно: вовне Россия разворачивает антиглобалическую игру — против однополярного мира за многополюсный мир, а внутри страны российское правление ведет вполне глобалическую игру, точнее, игру-то вроде бы национальную, по месту ведения, а вот по целям, механизмам и духу своему вполне себе глобалическую — за нового цифrogenного человека (*may be* — постчеловека) и новое, тоже цифrogenное — сетевое общежитие (*may be* — постчеловеческое).

Особенность сей игры, что игры вовне, главным образом с Западом, с США и Европой, хотя и не только — с бывшими и нынешними «союзниками» тоже, что игры внутри — с собственным населением, которое, как может, приспособливается к глобалическим новинам, обороняется от них, избегает их и им сопротивляется, кое в чем им поддается, кое-чему идет навстречу, в общем — преобразуется, по возможности себя сохраняя, — так вот особенность сей игры в большой неопределенности, как текущей, так и перспективной: во-первых, «что день грядущий нам готовит?», ибо *всякое* тут возможно, а во-вторых, чем же все-таки в итоге всё это станет — что в *эндишпиле*, что в самом уже *конце*?

В общем, хочешь, не хочешь, а «*русская рулетка*» тут: что *там* — вовне, что *тут* — внутри, хотя, быть может, вовсе и не русская, во всяком случае не только русская, ибо истории известны и другие «рулетки» вроде той же бонапартовой, но все-таки... э-э... *рулетка*, хотя, заметим особо: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского!».

Д.В. ГАРБУЗОВ, С.П. РАМАЗАНОВ

Россия в мире: «Большая игра» между миттельшпилем и «концом истории»

Аннотация. Статья посвящена исторической драматургии политики глобализма. Рассматриваются особенности и феноменология западного (американского) глобализма, а также смена моделей глобализации, происходящая в настоящее время.

Ключевые слова: глобализация, американский глобализм, ценовая модель глобализации, новый модерн, Большая игра, геополитика.

Abstract. The article considers the historical drama of the implementation of the policy of globalism. Peculiarities and phenomenology Western (American) globalism are considered, as well as a change in the models of globalization that is currently taking place.

Keywords: globalization, American globalism, the value model of globalization, new Modern, the Big game, geopolitics.

Российская геополитика: пока на часах не упадет флажок

В 2007 г. в Мюнхенской речи В. Путин фактически объявил о том, что Россия начинает новую игру на международной арене, связанную с преодолением лидерства США. Через десять лет эта игра приблизилась к своей середине, обозначаемой в шахматах как миттельшпиль. К сравнению мировых политических процессов с шахматной игрой, конечно, можно предъявлять претензии. Но при всей условности этого сравнения оно способно помочь осознанию тактики и стратегии реальной игры, а также целей, задач и возможностей выигрыша той или иной стороной.

Если одна из сторон в шахматной партии стремится к победе, она нацелена на овладение центром на поле игры и захват открытых линий, при этом наступление на противника должно быть неожиданным, осуществляться в оригинальной, своеобразной манере. Если же целью одной из сторон является ничья, то она находится в постоянном ожидании инициативных ходов противника, подолгу раздумывая над своими ответами и, в лучшем случае, разменивая фигуры. Не рассматривая вопрос о сознательном желании проигрыша, следует отметить, что и в первых двух случаях таится серьезная опасность. Игра в шахматы ведется с часами и отведением равного времени оппонентам. Долгие раздумья над ходами могут привести к падению флажка на часах даже при сильной позиции.

Первые ходы России в начавшейся реальной игре были в целом удачными и успешными. Россия занимала открытые линии, причем достаточно неожиданно для противников. В марте 2014 г. в результате волеизъявления подавляющего большинства населения Крым вошел в состав Российской Федерации. Это событие объединило и воодушевило народ России. Осенью 2015 г. эффективными действиями в Сирии российское государство утвердилось как решающий актер на Ближнем Востоке. В начале 2018 г. Россия сумела продемонстрировать свое технологическое превосходство в сфере обороноспособности страны. Россия успешно решила транспортную и энергетическую проблему Крыма, произвела сильное благоприятное имиджевое впечатление в ходе проведенного чемпионата мира по футболу, улучшила взаимоотношения со странами Азии и Латинской Америки.

Вместе с тем Россия, по сути дела, отдала противникам другие открытые линии. Она явно проиграла в антидопинговом скандале, когда не спешила с реакцией на первые антироссийские выступления в западных СМИ. Она оказалась слабой оправдывающейся стороной в так называемом «деле Скрипалей», когда первой не обвинила Англию в варварском отравлении граждан России и похищении, по крайней мере, Юлии Скрипаль. Российское государство, несомненно, промедлило в дипломатической войне с США, когда в ответ на высылку дипломатов в конце 2016 г. и конфискацию российской собственности не спешило с ответными действиями и даже пригласило детей американских дипломатов в Москве на новогоднюю елку в Кремль. Россия запоздала с выходом из парламентской ассамблеи Совета Европы. Россия не предприняла немедленных, в том числе военных действий по освобождению крымских рыбаков, захваченных Украиной в нейтральных водах. И самое главное, правительство России не спешит занять центральное поле партии, обеспечивающее успех в игре. Таким полем, безусловно, являются прорывные действия в экономическом развитии, о которых неоднократно говорил Президент РФ В. Путин. Однако в реальности ничего подобного не происходит.

Представляется, что долгие раздумья, медлительность, показные благородные поступки российского руководства в адрес международных партнеров обусловлены неискоренной верой в первенство Запада в экономической, правовой, политической, культурной, научной сферах. Правительство России сохраняет веру в иностранные инвестиции и рекомендации МВФ. Также сохраняется уверенность в старых международных договорах, несмотря на установленный в отношении России режим санкций. Особенно очевидно признание приоритета Запада проявляется в области образования и науки. Процесс вестернизации, выраженный в принятии Болонской системы, Единого государственного экзамена и прочих западоцентричных новаций, подорвал качество традиционной отечественной системы образования, но так и не создал новой. Подстраивание под западные рейтинги неизбежно приводит и закрепляет периферийный, провинциальный статус российских вузов. Требование публикации лучших отечественных статей в зарубежных журналах на иностранных языках приводит к деградации отечественной издательской традиции и утрате позиций русского языка в международном научном сообществе. Все это очевидно говорит о том, что правящая элита современной России находится в плену иллюзий и не очень понимает социокультурную специфику и смысл нашего времени. Представим наше видение этого вопроса.

Мировая геополитика

Запад. Крупнейший политический игрок — это условный Запад. Визитная карточка Запада — демократия, свобода, закон, права человека. Однако современный Запад не является монолитным. Внутри него можно выделить два центра, различия между которыми неожиданно достигли критических значений.

1. *Соединенные Штаты Америки.* До недавнего времени наиболее точно соответствовали идеальному типу своей культурной традиции властвования: либеральная демократия, религиозность, космополитизм, транснациональный глобализм, ориентация на революционные инновации. Однако приход к власти Дональда Трампа свидетельствует об идущем процессе глубокой трансформации политической культуры США. Новая культурная программа, которая прямо была сформулирована в ходе президентской кампании и поддержана большинством американского общества, содержит существенно иной набор принципов: консервативная демократия, когда участником власти должен являться не каждый, исходя из простого факта своего существования, а только достойный этого, благодаря большому комплексу причин-признаков; национализм; автономная уникальность; ориентация на определенную культурную традицию и селекция инноваций в соответствии с ней.

2. *Европа.* В последние десятилетия превратилась в большой испытательный полигон, на котором проводится эксперимент по созданию принципиально новой социокультурной системы, которую, собственно говоря, уже нельзя идентифицировать с Западом. Это культура с приставкой «транс» — транснациональная, трансгосударственная, трансгрупповая, трансграничная, трансрелигиозная, транссексуальная и т. п. Это «цифровая» социальная структура, в основании которой находится «кибернетическая машина», которая не имеет локализации в одном центре, но присутствует одновременно в каждой и во всех точках системы. Сама эта машина и генерируемая ею интерактивная сеть еще находится в процессе создания, но присутствие ее прототипа уже вполне очевидно. События последних лет показывают, что эксперимент вошел в решающую фазу — происходит смена демографической структуры европейского общества, которое в максимально сжатые сроки наполняется апатридами, людьми, утратившими свою родину и культурную традицию и не имеющими ни малейшего представления о европейской. Очевидно, они должны в ближайшей временной перспективе растворить «старое» европейское население и стать пионерами новой цивилизации. Подобная перспектива, скорее всего, приведет к расколу Европы, начало которого уже можно наблюдать на примере «брексита». Есть все основания предполагать, что к Англии в скором времени присоединятся европейские страны

с сильной и глубокой исторической традицией, не испытывающие психологических комплексов по отношению к своему прошлому и способные к автономному существованию. Это в основном представители «старой» Европы, за исключением Германии, пережившей слишком глубокую психологическую травму, связанную со своим историческим наследием, и, по этой причине, желающей создать новую цивилизацию, которая «обнулит» счета прошлого.

Россия. Имиджевая, медийная визитная карточка России — это авторитаризм, правовой нигилизм, коллективизм, архаичность, агрессивность [1]. Однако современная Россия также не монолитна. После распада СССР она прошла через уникальный для ее истории опыт безвластия, когда центральное правительство сохраняло способность контролировать лишь ограниченное количество административных опций из множества, а остальные де-факто оставались за границами его реальных полномочий. Так появились две России, которые до сих пор существуют в рамках одной территории. Одна — центральная, федеральная, вторая — местная, локальная. Первая — авторитарная, обеспеченная, управляемая, цивилизованная. Вторая — брошенная, оставленная самой себе, вольная, дикая. Два антипода в одних границах — своеобразные государство и «антигосударство». Такое «двойничество» чрезвычайно осложняет анализ и описание событий. Поверхностному наблюдателю трудно разобраться в происходящем, поскольку двуликий Янус постсоветской России совмещает два противоположных ряда качеств — нищету и роскошь, безвластие и авторитаризм и т. п. Соответственно, неопытный или предвзятый наблюдатель при желании может обнаружить здесь все, что угодно.

Важно отметить, что, несмотря на сложные проблемы своего политического и экономического существования, Россия — фактически культурный двойник, «близнец» Запада. Истинность этого утверждения комичным образом подтверждается той критикой, которую обрушили на Дональда Трампа западные медиа и правящие политические элиты, называющие его «агентом влияния» России и, очевидно, оказавшиеся неготовыми к тому, что существовавший после Второй мировой войны политический цикл близок к своему завершению и наступает время новой эпохи. Соответственно программа нового президента США — консервативная цензурная демократия, национализм, автономность, ориентация на свою культурную традицию — это не копирование российской политической культуры, а очередной долгосрочный тренд исторического развития.

Ближний Восток. Медийный имидж Ближнего Востока — это религиозный (исламский) фундаментализм, авторитарное наследственно-олигархическое управление, традиционализм, архаичность. Важнейшей характеристикой государств ближневосточной цивилизации является то,

что она представляет собой прямую альтернативу западной цивилизации. Если Запад и Россия — это вариации одной цивилизации, то Запад и Ближний Восток — принципиально оппозиционные полюсы внутри монотеистической культурной традиции. Для Ближнего Востока, как и для Запада, характерен представительный тип власти. Однако здесь он построен по другому культурно-историческому принципу. Как и положено в монотеистической традиции, правящая элита управляет не от своего имени, а представляет другого, но принцип формирования элиты в общем случае не является случайным. А именно, представителями правящей элиты принципиально может быть не каждый, а только потомок Пророка. Даже, если этот принцип нарушается, то представители правящих элит и в этом случае претендуют на особые отношения с пророком и Творцом. Это означает, что структурная архитектура социума имеет здесь принципиально «пирамидальный» характер, власть распределяется сверху вниз из единого центра. Самым сильным инструментом властвования здесь также является революция, т. е. радикальное изменение ситуации, происходящее не извне, а изнутри. Но Ближний Восток — это цивилизация одной победившей революции. Это, таким образом, цивилизация, находящаяся в состоянии предсказанного теоретиками революции «конца истории», не испытывающая поэтому потребности в дальнейшем развитии и ориентированная не на структурные инновации, а на пространственное расширение.

Технологическая отсталость, жестко иерархическая структура социума и олигархическая система управления, ощущение морального превосходства как цивилизации, уже достигшей «конца истории», а также обладание большой долей энергетических сырьевых ресурсов предопределили современное положение Ближнего Востока как арены и жертвы политической игры.

Дальний Восток. Медийной идентичностью этого региона считаются традиционализм, патриархальность, коллективизм, авторитарное управление не представительного, а автономного типа. Названные медийные стереотипы стремительным образом устаревают и в наше время все меньше соответствуют реальности. Это касается не только представителей региона, аффилированных с Западом, но и всех остальных, ориентированных, прежде всего, на Китай. Фактически они перехватили инициативу у стран Запада и стали главным локомотивом глобального экономического роста. Причем, принципиально существенно то, что они успешно ассимилировали и освоили именно механизмы либеральной рыночной экономики. Многие изменив в себе, но при этом сохранив свои традиции и особенности, они оказались более приспособленными к глобальному либеральному рынку, чем все остальные конкуренты, включая

Запад, и теперь медленно, но неотвратно движутся к глобальному экономическому доминированию. Таким образом, запущенный Западом импульс экономической рыночной глобализации привел к неожиданному результату — вместо предполагавшегося процесса вестернизации мир ощутимо сдвинулся и дрейфует в сторону Востока.

Это позволяет с высокой долей вероятности спрогнозировать существенные изменения в процессе глобализации. В частности, очевидно, что существующая модель глобализации, опирающаяся на принципы открытого свободного рынка, утратила свой конструктивный смысл для Запада. Соответственно, вариантов выбора в данной ситуации существует не слишком много — либо принципиальный отказ от глобализационной модели развития, что пока не кажется реалистичным, поскольку это объективный процесс, либо формирование альтернативной ценовой модели, опирающейся не на свободный рынок и конкуренцию, а на определенные ограничивающие принципы, прежде всего этического характера. Утвердившаяся и широко используемая в последние годы практика «санкций» как в отношении целых государств, так и отдельных организаций и даже людей, ясно показывает, что формирование этой модели уже находится в активной фазе. Философия этой модели вполне очевидна — правом на экономический доход, рост и благосостояние обладает не любой игрок благодаря просто самому факту своего существования, а только тот, кто соответствует определенным критериям нового этического порядка. Однако нужно понимать, что Запад опоздал с формальной легализацией этой модели, он пропустил то время, когда это можно было сделать с использованием существующих законных механизмов принятия международных решений. Поэтому сегодня он вынужден в одностороннем порядке «продавливать» признание этой модели, опираясь на свои экономические, информационные и силовые возможности и ресурсы. Но поскольку время тотального превосходства Запада не только в сугубо силовой, но и экономической сфере уже прошло, попытка смены моделей безостановочно генерирует социальную конфликтность и «войну цивилизаций».

То, что целью и объектом первоочередного «санкционного» и прямого давления Запада выбраны именно Россия и Ближний Восток, вполне соответствует целерациональной логике. Если атака будет успешной, то Запад получит основные источники природных ресурсов и устранил главного «силового» конкурента (Россия). После этого можно будет приступить к «убеждению» Китая принять новые этические принципы экономической глобализации. Соответствовать этим принципам в полной мере, например, в плане экологических стандартов, Китаю будет очень сложно, и Запад таким способом сможет вернуть себе безусловное мировое лидерство.

Социокультурное программирование истории: образы Апокалипсиса и «новый модерн»

Популярность образов Апокалипсиса, финальной катастрофы в современной культуре Запада (и элитарной и массовой), возможно, объясняется не спецификой «общества риска», в котором всегда присутствует опасность катастрофы, а нарастающим ожиданием «нового модерна». Вообще говоря, сам феномен Модерна как культурного проекта не так тривиален, как это выглядит в школьных учебниках по истории. Прежде всего, нужно отметить, что культура Модерна — это достаточно уникальное явление в мировой истории. Большинство человеческих цивилизаций развивались иным образом. Они зарождались и достигали зрелости, формируя определенную культурную традицию, которая была их главным сокровищем, утрата которого была тождественна смерти, уходу в небытие. И они несли эту традицию до тех пор, пока непреодолимые обстоятельства не завершали их исторический путь. И только европейская цивилизация впервые в истории сумела изменить этот алгоритм. Отказавшись от своей материнской средневековой культуры, европейцы совершили акт символического самоубийства, но одновременно им удалось максимально продуктивно использовать высвободившуюся энергию разрушения, совершить символическую перезагрузку и создать принципиально новый — модернизированный — тип общества. Это можно назвать инерционностью Модерна. Феномены и институты первого европейского Модерна разворачивали импульсы, заданные исходной, материнской христианской культурой. Когда эти импульсы рассеялись, Модерн, не имеющий собственного энергетического основания, перешел в стадию Постмодерна. Весь объем энергии создается на стадии материнской традиционной культуры, и в дальнейшем эта энергия только расходуется.

События, происходящие в современном мире, позволяют предположить, что постмодернистский Запад в очередной раз «чреват» новым типом общества, который призван необратимым образом перевести в ряд архаических все остальные, как это произошло в конце XVIII—XIX вв. Нечто подобное сегодня вновь пытается произвести Запад, обнуляя традиции и иницируя анти-традиции. Это событие вновь должно сделать Запад неоспоримым лидером, возвышающим его над остальным миром. Изображая Апокалипсис, нарциссический Запад ожидает вовсе не плохое, а хорошее.

Современный западный социум совмещает два незыблемых элемента. 1) абсолютную неприкосновенность личного пространства человека и его официального публичного статуса и имиджа; 2) абсолютную отвязанность культурного пространства, десакрализацию всех его компонентов. Эти элементы взаимодополняют друг друга. Только безуслов-

ная гарантия безопасности личного пространства поддерживает стабильность системы без сакральных центров. Соответственно, если такая гарантия не будет обеспечиваться, данная система утратит равновесие. Патриархальные же общества (в том числе Россия и мусульманские страны), в которых личное пространство в значительной степени беззащитно, не способны существовать без сакральных центров.

Нужно отметить, что если «первый Модерн» имел преимущественно экономическую форму, осуществляясь как индустриальная революция, создавшая новый экономический базис общества, то «второй Модерн», скорее всего, изначально предполагается как преимущественно духовно-культурный проект. Его элементы уже видны — трансгендерность, толерантность, виртуальность, экологичность, медийность и пр. Это такой набор, который по разным причинам окажется недоступным и неприемлемым для всех остальных социумов, кроме Запада, и поэтому они будут объявлены культурными аутсайдерами, отставшими от хода истории.

Очевидно, что в этой ситуации Россия должна не полагаться на конъюнктуру, не надеяться на благосклонность Запада и возможность свести Большую игру вничью, а активно повышать свой уровень научно-технического развития и, одновременно, отстаивать свои традиционные ценности, мировоззрение и образ жизни [2, 11—22].

Литература

1. *Гарбузов Д.В.* Мифоистория России: от Третьего Рима к Открытому Обществу // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3 (29). С. 92—102.

2. *Осинов Ю.М.* Россия на пути к России // Философия хозяйства. 2017. № 6. С. 11—22.

В.В. КАШИЦЫН

Российский миттельшпиль в свете современной мирохозяйственной трансформации

Аннотация. В данной статье политэкономическая ситуация в современной России рассматривается в ее эволюции сегодня как миттельшпиль в шахматной игре. Причем рассматривается как состояние не только переходное, но и пороговое в контексте трансформации современ-

ного мирового хозяйства. Сложность данного перехода обусловлена современной четвертой эпохальной научно-технической революцией, характеризующейся движением экономики как российской, так и мировой от пятого технологического уклада к шестому. Анализируются шансы соискания лидерства в этом процессе между США, Китаем и Россией.

Ключевые слова: миттельшпиль, внутренний рынок, мировое хозяйство, технологический уклад, лидерство, экономическая политика, конкурентные преимущества, трансформация.

Abstract. In this article, the political economic situation in modern Russia is considered in its evolution today as a middlegame in a chess game. Moreover, it is considered as a state not only transitional, but also threshold in the context of transformation of the modern world economy. The complexity of this transition is due to the modern fourth epochal scientific and technical revolution, characterized by the movement of the economy both Russian and world from the fifth to the sixth technological mode. The article analyzes the chances of seeking leadership in this process between the United States, China and Russia.

Keywords: middle game, domestic market, world economy, technological structure, leadership, economic policy, competitive advantages, transformation.

Непрерывно усложняющаяся и обостряющаяся по всему спектру состояния мирохозяйственных производительных сил и производственных отношений обстановка все более и более свидетельствует об определенном попадании мировой экономики в динамическую бифуркационную развитийную яму (камеру). И в самом первом приближении, очевидно, это связано с наложением-сочетанием двух самих по себе эпохально переходно-трансформационных эффектов. Эффекта перехода развитых стран в части производительных сил к новому шестому технологическому укладу и эффекта утраты доминантного мирохозяйственного уклада, имеющего миссию поддержания благоприятного климата в среде производственных отношений этой способности.

В функциональном плане подобное эпохальное положение в силу предельного сжатия в кулаке всех возможных и невозможных финансовых капитальных авуаров выливается в сочетание интенсивных и экстенсивных, своих и чужих возможностей захвата и выжимания всех реальных и гипотетических рынков с целью обеспечить переход к новому инвестиционному интенсивному очередному (сегодня шестому) технологическому укладу. Причем заплатить за это, как правило, должно тотальное и экстенсивное выпотрашивание всех традиционных рынков,

функционирующих в разном сочетании предыдущих технологических укладов.

Постольку поскольку два оставшихся ассиметрично гигантских рынка (российский и китайский) все более очевидно становятся способными защитить свои богатства (мы — пространственно-природные, китайцы — системно-производственные), они оказываются в эпицентре бифуркационного напряжения других развитых стран в их тотальном целеполагании сохранения и преумножения в новых мирохозяйственных условиях своих лидерско-господских возможностей. Причем несмотря на свою скромную 1,5%-ю долю в мировом ВВП, именно Россия в силу наилучшего сочетания семи современных факторов производства объективно способна первой преодолеть все перипетии перехода на новый инновационный виток спирали развития, что она и продемонстрировала, заявив о выходе на принципиально новый уровень гиперзвуковых технологий, никому пока не доступных в ВПК. И способствовали этому, во многом, обстоятельства наименьшего физического и морального омертвления общественного капитала, вложенного в предприятия предыдущих пяти укладов.

Поэтому у России ввиду ее объективного мирохозяйственного статуса заложника этого положения просто нет другого выхода, кроме двух: либо окончательно и навсегда исчезнуть, либо реализовать исключительно предпочтительное сочетание факторов выхода в стратегическую опережающую лидерскую позицию.

И в этом контексте, как нам представляется, оргкомитет конференции в своем анонсе темы «Российский миттельшпиль: экономика, технологизация, геостратегия» предложил довольно изящную, адекватную и точную характеристику описания и оценки бытийной ориентации современной России в этом непростом и невероятно ответственном положении во всей ее ориентационной двойственности и противоречивости.

То есть, с одной стороны, во внешнеэкономическом и геостратегическом форматах Россия вынуждена все более объемно генерировать и защищать свои интересы. С другой стороны, становятся все более очевидными противоречивость, непоследовательность и боязливость, сопряженные со все более заметным непрофессионализмом в генерации и реализации внутренней управленческой-экономической политики фактически во всех макроэкономических сегментах, начиная с кредитно-денежной и промышленной политик и кончая политикой комплексного системного развития и целостного управления обществом и экономикой, что является скорее уже основным фактором стимулирования усиления внешнего давления.

Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Мирохозяйственная логика достаточно банальна. Тот субъект, который априори не обустроивает и не запускает работу своего внутреннего рынка, будет кормить и обслуживать рынки своих партнеров-конкурентов, стимулируя свои социально-экономические и технологические, да и в целом политико-экономические диспропорции в соискании минимума эффекта с максимумом затрат.

Экономическое развитие вообще и экономический рост в частности суть функции целостного социально-экономического организма. А данная целостность обретается посредством целевой энергичной экономической политики, в ядре которой содержится промышленная политика, направленная на первостепенное конструирование воспроизводственного контура, нейтрализующего весь спектр диспропорций и запускающего механизм экспоненциального роста. А весь этот процесс моделируется эффективно работающим внутренним рынком, управляемым эффективным функциональным государством, использующим целую гамму инструментов, но прежде всего исходящего в связке протекционизма-фритредерства из примата первого.

Рынок создается и «самоуправляется» не сам по себе, а эффективным государством, в том числе и посредством деятельности доминирующих на рынке государственных предприятий. Гибкость взаимосвязи монополии и конкуренции становится креативной и плодотворной тогда, когда она национально-страновая и внутрирыночная, когда национальные, преимущественно государственные корпорации конкурируют не между собой и уж тем более не с зарубежными компаниями на внутреннем рынке, а со своими потребителями. А межсубъектная конкуренция возможна и может быть эффективной преимущественно в малом и, отчасти, среднем бизнесе.

Никакой конкуренции с иностранными крупными компаниями на своем внутреннем рынке без предварительного формирования воспроизводственного контура, продуцирующего конкурентоспособную продукцию, быть не может. В противном случае имеет место факт войны, как минимум экономической, на своей собственной территории. Именно поэтому весь современный тридцатилетний период «реформирования» таковым являться не может, так как по своей политико-экономической сути является актом самоубийства по типу открытия перед конкурентом ворот в осажденной крепости. Примат фритредерства по отношению к протекционизму есть привилегия господствующего конкурентоспособного субъекта, и то с оглядкой, как это и демонстрирует в своей политике президент США Д. Трамп. Дальше — больше.

Сегодня мировое хозяйство переживает в своей истории по всему своему развитому субъектному полю массовое падение темпов роста,

пребывая в фазе перехода от очередного историко-экономического периода великих потрясений (трехволновый эпохальный синтез-кризис 2008—2019 гг.) и стремительно движется к очередной эпохе революции мировых рынков (2020—2044). Оно определено обуреваемо гротескными страстями по поводу лидерства в грядущем периоде материальной экспансии на основе локомотивных технологий нано, биоинженерии и новой энергетики, создающих принципиально новые рынки с принципиально новой системой производства и потребления.

То, что вчера и сегодня является конкурентоспособным, уже завтра будет никчемным, так как конкурентоспособным будет являться тот субъект, кто создает новые потребности и новые возможности. Поэтому стремиться надо не в последний вагон, а в первый, а еще лучше превращаться в локомотив, причем локомотив с неведомой ранее силой тяги.

Разумеется, в такой исторической экзистенциальной ситуации близнецы либерализм с фашизмом попадают в закономерную гротескную панику. Первый — так как традиционными методами господствовать не получается и «папуасить» не с кого. А второму некого грабить, так как новое качество богатства пока эфемерно.

Разумеется, предыдущие технологические уклады, особенно третий (локомотивная технология — электродвигатель), четвертый (локомотивная технология — двигатель внутреннего сгорания) и пятый (локомотивная технология — микроэлектроника) не исчезают, а модернизируются взаимосвязанно и адаптивно с новым шестым технологическим укладом (нано, биоинженерия и новая энергетика). Но эти уклады в данной системе координат мимикрируют и являются производными, приобретающими в этом смысле новое качество.

Ввиду того, что в силу необходимой для лидерства гармонизации последних четырех укладов, вкупе с современными семью факторами производства, на первом плане исторически и логически оказываются три страны: США, Китай и Россия. Их не только стратегические интересы, но и тактические объективно не могут не быть антагонистическими. С другой стороны, такого масштаба задачи в одиночку не решаются. Поэтому происходит сегодня отчаянная борьба за сферы мирохозяйственного влияния, с целью консолидации вокруг себя мирохозяйственных макроэкономических группировок. Причем это важно не только и не столько для вала-объема в части контроля мирового рынка, сколько для амортизации асимметрии в соотношении укладов в трех странах — потенциальных лидерах.

Таблица 1

**Технологические уклады и их распределение
по потенциальным странам-лидерам в XXI в.**

Страны	Уклады					
	1	2	3	4	5	6
США		3%	7%	20%	60-65%	5-7%
Россия		3%	30%	>50%	15-20%	1-2%
Китай		7%	20%	>30%	>30%	3%

Примечание: данные не статистические, а порогово-оценочные.

У России очевиден существенный провис в пятом укладе (цена самоубийственного реформирования). У США — провис в третьем и четвертом укладах (цена доминирования ТНК, экспортирующих производственные предприятия за рубеж). У Китая вроде бы самое сбалансированное сочетание. Но у Китая «японская болезнь» — отсутствие механизма генерации взаимосвязанных открытий и инноваций. К тому же из семи факторов производства самый главный фактор сегодня — военно-стратегический потенциал. У Китая в тройке стран он самый слабый, причем слабее на порядок. Поэтому острота современной мирохозяйственной битвы объясняется тем, как быстро и насколько успешно три стратегических лидера смонтируют свои мирохозяйственные макроэкономические группировки с целью компенсации сформировавшихся за последние десятилетия провисов. Не будем забывать, что устойчивый экспоненциальный рост есть функция сбалансированности внутреннего рынка (в ближайшем будущем внутреннего рынка мирохозяйственной макрогруппировки).

Именно в рамках данной логики, как нам представляется, могут быть содержательно объяснены осознанные или интуитивные доминанты в трансформации политики всех трех вышеупомянутых держав — соискантов грядущего лидерства.

Для США это восстановление сбалансированности внутреннего рынка и придание ему нового качества (сделаем США снова великими — отсюда эффект Д. Трампа), равно как и «подвешивание» Европы под свои задачи. Для Китая это стремительный и масштабный разворот к сбалансированности и самодостаточности опять-таки же гигантского по емкости внутреннего рынка с одновременным реструктурированием экспансии на всех других рынках (Юго-Восточная Азия, Африка, Латинская Америка, Европа и, по возможности, США и Россия) под свои задачи. А вот с Россией, несмотря на то, что у нее самое благоприятное с точки зрения потенциала лидерского спурта сочетание семи современных фак-

торов производства, ситуация самая сложная, чему, главным образом, поспособствовали самоубийственные «реформы» последних 30-ти лет, из хищнического капкана которых и общество, и страна, и экономика никак не могут выбраться.

Отсюда и рельефный диссонанс между внешней и внутренней политико-экономической ситуацией.

Казалось бы, провис пятого микроэлектронного уклада не очень трудно ликвидировать комбинацией внутренних усилий, мобилизацией внутреннего научно-технического потенциала (денег у государства, бизнеса и населения — море, а с учетом неизбежности национализации Центробанка и сопутствующего восстановления адекватной кредитно-денежной системы и проблемы нет) с внешними — ассиметричной элегантной и взаимовыгодной интеграцией с носителями в мире микроэлектронных компетенций (Япония, Южная Корея и другие «тигры» Азии, а также, помимо Германии, некоторые страны Европы: Голландия, Чехия и т. д.). Однако пока не очень получается, и не получается как раз из-за дисбаланса внутренней и внешней экономической политик, где базовую миссию объективно реализует первая, а у нас пока все наоборот (чего стоит хотя бы пафос импортозамещения).

Иначе говоря, не за технологиями и капиталами по всему миру надо гоняться, а запускать работу своего разбалансированного внутреннего рынка, причем запускать в направлении ликвидации самого главного дисбаланса, т. е. дисбаланса между европейской частью страны и Сибирью (естественно, вкуче с Дальним Востоком и Арктикой). Тогда и деньги не только внутренние, но и внешние потекут рекой сами, так как нет ничего более желанного для денег, чем массовые длинные высокие долговременные прибыли и доходы. Тогда и население побросает свои гниющие города-миллионники, в которых давно уже делать нечего, рассредоточится по стране и воссоединится, наконец, с природой, а малодетная семья с пятью детьми снова станет основной ячейкой общества, обретя традиционные ценности и смысл жизни.

Но для этого необходимо, дав, наконец, адекватную оценку дореволюционного, двойного (до Сталина и после) советского периода и, самое главное, тридцатилетнего «реформенного» современного, перейти к разумной, профессиональной, работающей внутренней социально-экономической политике, с автоматическим запуском механизма долговременного роста в районе 10% годовых, и через 5 лет ни мы, ни мир страну не узнаем. Что нужно и как нужно — профессионалам хорошо известно. И профессионалов в стране — да, на порядок меньше, чем 40—50 лет назад, — но они еще есть. К тому же, один из немногих плюсов пенсионной реформы (увеличение возраста выхода на пенсию) здесь может сработать, так как средний возраст профессионалов в стране находится

в диапазоне 60—70 лет, и «благодаря» непрерывной реформе образования и науки все время увеличивается. Профессионалы-творцы без творчества не бытийствуют. А творчество вне полинаучной, политехнической и, главное, полигуманитарной среды, питаемой социумом и его историей, не воспроизводится. Так что никуда профессионалы не уехали, да и в таком возрасте не могли бы уехать. Так что в случае возвращения молодежи, прежде всего внутренней, в лоно массового и непрерывного творчества, питаемого содержательно Великим проектом возрождения и преобразования страны и общества, а функционально — работающим внутренним рынком, в стране все сегодня немислимое заработает и свершится. Но первостепенная задача конечно — это система управления, которая тоже может быть восстановлена при условии воссоединения ее с профессионалами и их дальнейшей общественно-государственной ре-генерации.

Вот тогда историческая связь времен будет восстановлена, и шахматная партия с Историей будет выиграна. А пока имеем то, что имеем. А именно ситуацию российского миттельшпиля в свете миттельшпиля мирохозяйственного.

М.М. ГУЗЕВ

Цугцванг в миттельшпиле

Аннотация. Рассматриваются проблемы кризиса неолиберальной идеи развития России и делается вывод, что они носят системный характер, и выход из этого цугцванга по-русски, в рамках созданной по ее лекалам модели, невозможен. Рассматривается необходимость новой парадигмы развития для России и мира.

Ключевые слова: цугцванг, криминально-рыночный фундаментализм, неолиберальная модель, кризис цивилизации, новая парадигма, посткапитализм, самосохранение.

Abstract. The article deals with the problem of the crisis of neoliberal ideas of the development of Russia. It is concluded that these problems are systematic in nature and there is no way out of Zugzwang in Russian in the context of the model created along its lines. It accentuates the necessity of a new development paradigm for Russia and the whole world.

Keywords: Zugzwang, criminal and market fundamentalism, neoliberal model, crisis of civilization, a new paradigm, postcapitalism, self-preservation.

По прошествии почти двух десятилетий нового тысячелетия можно констатировать, XXI в., после череды кровавых революций, двух мировых войн с колоссальными человеческими жертвами, после атомных бомбардировок и Чернобыля в XX в., мира и благоденствия не принес, хотя стремительно развиваются технологии, растут интеллектуальный потенциал, комфортность проживания людей. За вторую половину XX в. «без мировых войн» удалось осуществить давнишнюю мечту человека выйти в космос и поставить его себе на службу, создать искусственный интеллект, научиться значительно продлевать человеческую жизнь и работоспособность людей.

Но не удалось решить главного — оградить человеческую цивилизацию от опасности внутреннего саморазрушения. В XX в. стремление стран и народов к суверенитету показало, что его не бывает без ответственности, свобода и ответственность — это парные категории; разделение людей на касты внутри государств на основе отношений собственности закладывает мину замедленного действия под их будущность как самостоятельных субъектов; разделение народов на «полноценные» и «неполноценные», изначально развитые и «навсегда отставшие», т. е. первого и второго сорта, — под будущность самой цивилизации.

Пример КНДР и ряда других государств уже в XXI в. свидетельствует, что пришло время парадигмальных решений. Сигналами, что откладывать решение накопившихся проблем мирового человеческого общежития на потом нельзя, являются Сирия, кровавые религиозные войны на Ближнем Востоке и в Северной Африке, потоки беженцев в «цитадель европейской цивилизации», обострение борьбы за ресурсы, разгорающаяся санкционная война. И если эти изменения не будут происходить под контролем, начнут набирать силу неуправляемые хаотичные процессы с непредсказуемыми результатами, точнее предсказуемыми — общецивилизационная катастрофа. И не должно вводить в заблуждение, что в настоящее время экономика якобы демонстрирует устойчивость и постоянный рост мирового ВВП. Не стоит обольщаться — все может измениться в одночасье, «в черный понедельник», потому что сохраняются глубинные причины глобального кризиса цивилизации.

По неведению или злему умыслу Россия, испытав на прочность социалистическую модель и ужас постсоциалистического реформирования, вновь вошла не в свою колею. Философско-хозяйственное осмысление российской реальности позволяет использовать широкий спектр инструментов познания, в частности, шахматную терминологию, поскольку в этой древней игре мудрецов на доске кипят такие же страсти со многими неизвестными, что и в жизни. Не одному же Бжезинскому в шахматы играть! Так вот, пользуясь этой терминологией, будем считать: все, что мы наблюдаем в нашей стране в настоящее время — это

еще не эндшпиль. В противном случае мы бы обсуждали совсем другие проблемы, если бы обсуждали вообще. Будем оптимистами. Мы — в миттельшпилье, когда идет еще поиск своего пути развития.

Всем известно безвыходное положение в шахматной партии, когда любой следующий ход только ухудшает позицию, чаще всего это случается в эндшпилье, потому что, когда меньше фигур и пешек на доске, меньше и вариантов. *Это — цугцванг*. Но иногда, в редких случаях, такое может случиться и в миттельшпилье. Особенно если игрок не опытен, в шахматах не очень образован, придерживается догм, не обладает стратегическим мышлением и не способен предвидеть последующие ходы соперника. Представляется, современная российская социально-экономическая политика это и есть тот самый *цугцванг*, когда что бы ни делала политическая элита со своим экономическим блоком в правительстве, будет только хуже. А поскольку это лишь середина партии, миттельшпилье, как мы условились, когда вроде бы есть еще масса возможностей изменить ситуацию в свою пользу, что успешно проделывают многие другие государства, бесперспективность в миттельшпилье — это российское ноу-хау новейшего времени. Попробуем проиллюстрировать этот *цугцванг* на конкретных примерах современной российской действительности. И спроецировать возможные варианты последующих событий для России и в России, опираясь... на трансцендентность современного мира.

1. Начнем с Конституции РФ, которая и есть самый *главный цугцванг* России. Согласно ст. 7 действующей Конституции, «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [4, 6]. В реальности от социального государства Россия в XXI в. становится все дальше и дальше, если взять, например, образование и здравоохранение, которые более чем на 50% стали уже официально платными, если принять во внимание снижающиеся все последние годы реальные доходы населения, превышение смертности над рождаемостью, недопустимую для XXI в. бедность большинства населения в потенциально и реально богатой стране. И это в условиях, когда многие государства мира, с пассионарным народом и не очень, как на Западе, так и на Востоке, демонстрируют противоположную практику — создание условий, обеспечивающих действительно достойную жизнь большинству своих сограждан, а не отдельным кланам и олигархам. Иначе говоря, социально-экономическая политика российского государства, по большому счету, осуществляется вопреки требованиям Конституции, но *изменить эту политику нельзя* в рамках господствующей криминально-сырьевой неолиберальной парадигмы развития современного российского общества, какими бы ни были благие намерения отдельных личностей из властвующей элиты. Но и *Конституцию нельзя изменить*, поскольку по

многим причинам нельзя в нее записать, что Россия — это не социальное, а антинародное и олигархическое государство.

Правда, есть один аргумент, вроде бы весомый, в пользу долготерпения: «да, автору этих строк, как и многим его читателям, хорошо известны все вопиющие проблемы, изъяны, пороки, несоразности, преступности современного российского бытия, но ежели мы, соотечественники, не хотим обратиться в энтропийную пыль, может, по-обыденному и счастливую, то будем тогда любезны чувствовать и быть российскими имперцами — творцами как своей, так и мировой истории!» [6, 22]. Это судьба? Скорее это судьба народа, попавшего в ловушку ложных неолиберальных догм и мифов, когда приходится не «благодаря», а «вопреки», отстаивать свое право на существование. Не в первый раз!

2. *Другой цуцванг* — в сфере экономики. Он многообразен. Так известна позиция Центрального банка в области денежно-кредитной политики: нельзя увеличивать денежную массу, поскольку, согласно установкам неолиберальной идеологии, это приведет к инфляции. Но и не увеличивать нельзя, так как нет внутренних инвестиций, а возможности внешних заимствований резко сокращены в условиях санкций. О предотвращении бегства капиталов за границу, которое просто обескровливает экономику (а это несколько десятков миллиардов долларов в год), и о падении реальных доходов подавляющей части населения вообще речь не идет, значительно важнее, чтобы в отчетах Росстата был позитив. Также по отчетам должна быть низкой инфляция, хотя потребительские цены на многие товары ежегодно растут на 10 — 20 — 30%. Только после краха этой «панамы» мы узнаем реальные показатели неолиберальной аферы.

Макроэкономическая политика. Планирование и прогнозирование. Нашим либеральным правительством предложен «вдохновляющий» проект «развития» страны до 2035 г., который предполагает рост ВВП до 2035 г. на 25%. Для сравнения: с 2012 г. мировая экономика по всем странам, вместе взятым, растет в среднем на 3% в год и больше. В 2018 г. рост общемировой экономики составил около 3,5%. А у нас закладывается 1,5—2%. В январе 2019 г. Международный валютный фонд (МВФ) понизил прогноз по росту российской экономики в 2019 г. до 1,6% и в 2020 г. — до 1,7%. Значит, если все останется как сейчас, через 17 лет мировой ВВП вырастет минимум на 50%, а Россия по величине ВВП с сегодняшнего 12-го места не только не перейдет на 5-е, о котором говорит Президент, а выпадет даже из 20 самых крупных экономик мира. И опять та же проблема с криминально-сырьевой неолиберальной моделью, заложенной в основу российской экономики. «Рыночные фундаменталисты не замечают качественных изменений в воспроизводстве экономики, за-

мыкаясь в схоластике абстрактных математических построений. Рассуждая в категориях экономического равновесия, они не могут ни понять причины кризиса, ни спрогнозировать состояние экономики в ближайшее будущее. Проводимая по их рекомендациям макроэкономическая политика загнала российскую экономику в стагфляционную ловушку. Ее продолжение влечет нарастание хаоса и утрату управляемости социально-экономическим развитием, что проявляется в неспособности органов регулирования предвидеть последствия собственных решений и достигать поставленных целей» [2, 10].

Третий цугцванг — в социальной сфере. Например, пресловутый прогрессивный налог на доходы и налог на роскошь. Уйти от плоской шкалы и ввести прогрессивную шкалу, как во всех развитых и не очень странах мира, российской власти нельзя, поскольку это снизит сверхдоходы российской олигархии, российской, так называемой, элиты, приближенных к ней бойцов идеологического фронта. Но и оставлять все, как есть, уже нельзя, поскольку зреет социальное напряжение в обществе и растет негатив к лихим 90-м и ко всей сложившейся тогда и сохранившейся с косметическими изменениями по сей день социально-экономической и политической системе, обеспечивающей прежде всего благополучие властвующей олигархии за счет интересов народа и подрыва интересов российского государства. В настоящее время в руках российских долларовых миллионеров сосредоточено 62% национальных богатств России, а на долю миллиардеров приходится 26% достояния страны. Среди ведущих экономик мира Россия — страна с самым разительным материальным неравенством: в США этот показатель составил чуть более 30%, в Японии на долю миллионеров приходится лишь 22% национальных богатств.

Разрыв в уровне доходов богатых и бедных, по данным Росстата, в последние годы составляет 1 к 14, 1 к 16, а по данным независимых экспертов — 1 к 40. Это же относится и к разрыву в уровне доходов в Москве (к которой примыкают Санкт-Петербург и Ханты-Мансийск) и остальной России. Так во многих регионах России ВВП на душу населения в 5, 10, 15 раз меньше, чем в Москве, что стимулирует тотальную коррупцию и воровство госсобственности. В нищете и разрухе прозябают 2/3 российских регионов — нет инвестиций, коррупция, наркомания, отдаление власти от населения. Этот разрыв в уровне доходов необходимо как можно скорее сократить, пока народ сам не взялся его сокращать. Но сокращать этот разрыв нельзя, поскольку, если перенаправить финансовый поток из Центра в регионы (а в Центр поступает более 50% всех доходов страны), появляется реальный риск роста недовольства и полевления населения в Центре — со всеми вытекающими из этого по-

следствиями для властвующей элиты. Криминально-сырьевая неолиберальная модель российского капитализма и здесь встает на пути прогрессивного развития страны. Как такое имущественное расслоение отражается на состоянии общества? Как выстрел стартового пистолета для остальных: грабь награбленное и уезжай из этой страны, кто может. События на выборах в Приморье осенью 2018 г. — первый серьезный звонок для властвующей элиты.

Наконец, *еще один цугцванг*, социально-экономический — увеличение пенсионного возраста. Сам по себе этот сложный для общества выбор может быть объяснен: а) ростом продолжительности жизни населения; б) сокращением и нехваткой граждан трудоспособного возраста; в) увеличением числа пенсионеров; г) низкой производительностью труда; д) высокой рождаемостью и увеличением детского населения и др. Но эти аргументы дискуссионны и слабы в условиях, когда не задействованы другие решения: рост реальных доходов населения, создание, как ставилась задача, 25 млн высокотехнологичных рабочих мест, восстановление промышленности и аграрного сектора экономики, повышение производительности труда, развитие малых и средних городов, сел и деревень, восстановление бесплатной медицины и бесплатного образования, избавление от олигархата, введение прогрессивного налога, реальная борьба с коррупцией, разворот капитала от «бегства за границу» к внутреннему инвестированию. Поэтому *нельзя увеличивать* пенсионный возраст, поскольку это ухудшит и без того низкое материальное (и духовное) благополучие десятков миллионов граждан России. По словам Президента РФ, одних только нищих в современной России более 20 млн, прежде всего пенсионеров, лиц предпенсионного возраста, многодетных. Но и *нельзя оставлять прежние 60 и 55 лет*, поскольку якобы «кормить» пенсионеров некому: промышленность, кроме ВПК и точечного, в основном сырьевого производства, полуразрушена, пенсионный фонд бесстыдно опустошен, молодые и работоспособные, самые квалифицированные, мигрируют из страны (их по сути выгоняют), до половины заработной платы — серая. А справиться с этими проблемами гораздо сложнее, чем увеличить пенсионный возраст в спящей пока стране.

И каков предполагаемый результат этого крайне непопулярного, подрывающего социальную стабильность среди населения России мероприятия? В ближайшие 20 лет реальный рост пенсий будет нулевым, следует из прогноза Минэкономразвития. Доходы россиян смогут вернуться к уровню докризисного 2013 г. к 2022 г.... В ближайшие 20 лет доходы населения увеличатся на 55%, реальные зарплаты — на 56,5%, рост экономики составит 78% по сравнению с 2016 г. Однако пенсии вырастут всего на 2,5%. Минэкономразвития считает, что их рост продолжится в 2024 г., но до 2022 г. в реальном выражении они будут сокращаться.

В итоге к 2035 г. пенсии будут на 4% ниже уровня 2013 г. И где же логика? Может быть, она в том, чтобы повышать градус социального напряжения и недоверие к власти?

Таких *цугцвангов* в современной российской действительности накопилось много, и не только в социально-экономической сфере, но и в политике (внешней и внутренней), других сферах жизнедеятельности российского государства, которые обрекают страну и ее народ на многие годы исторического прозябания. Причем, в этот процесс по расшатыванию и разрушению России вовлечены не бывшие диссиденты, криминальный мир, воры в законе, хотя и они тоже. Но главное — представители всех основных структур, на которых стоит фундамент современного государства. Особенно это проявилось в процессе обнаружения и расследования самых резонансных криминальных событий последних лет: финансовые аферы вокруг бывшего министра обороны РФ А. Сердюкова и министра экономического развития А. Улюкаева, обвинения во взятках и хищении денежных средств — полковника МВД Д. Захарченко (8,5 млрд р.), губернатора Сахалинской области А. Хорошавина (340 млн р.), руководства Республики Коми во главе с В. Гейзером (800 млн р.), мэра г. Переславль-Залесский Д. Кошурникова (1 млрд р.), 1-м зам. главы администрации г. Уфы В. Никитина (1 млрд р.), экс-главы Серпуховского района Московской области А. Шестуна (10 млрд р.), бывшего заместителя генерального директора ОАО «Военторг» Л. Тейфа (150 млн дол.) и т. д. И это только верхушка криминального айсберга. Наблюдаются круговая порука власть имущих, безнаказанность, полная недееспособность власти в решении текущих и перспективных задач развития страны, криминальный характер вывоза капитала за границу, его легализация и непроизводительное использование (яхты, замки, земли, квартиры, дома), расправа с неугодными, теми, кто угрожает такой власти. Особенно отметим маниакальное стремление любой ценой, даже ценой собственной страны, удержаться у власти. И понятно почему. Но ведь так уже было во время горбачевско-ельцинской перестройки! Неужели ничему не учимся?

Но важна не констатация, важно понять истоки этого апокалипсиса. Если это случайность, стечение обстоятельств — одно лекарство для лечения болезни. Если закономерность — другое. По многим симптомам болезнь носит системный характер, поскольку *цугцванг* одновременно охватил все сферы существования российского общества. Как проявления системной болезни, которая может окончиться смертью пациента — происходящий массовый отъезд детей («на учебу») и жен властвующей элиты, скупка ею недвижимости в благополучных странах Европы и мира.

Название этой болезни — криминально-рыночный фундаментализм. Россия — капиталистическая страна, и как всякая капиталистическая страна она, естественно, живет по законам капитализма. Только сила определяет, какая будет налоговая шкала, плоская или прогрессивная, будет у тебя работа или нет, будет бесплатное здравоохранение и образование или нет. Но именно этого — консолидации народа для решения назревших проблем — российская олигархия и не хочет, и боится этого. А потому всячески, в том числе с помощью мощного информационного ресурса, реализует древний колониальный принцип: «Разделяй и властвуй». Россия попыталась встроиться в мировую капиталистическую систему, когда мир стал глобально капиталистическим и уже поделен, колониальных ресурсов не хватает, не хватает и территорий для переселения народов. Только в таком качестве, колониальном, России и отведено место в этом капиталистическом рае.

Высказывается предположение, что можно подправить «рыночную колею» России: «Правящим бизнес- и политической элитам выгодно сохранять размытость ответственности, что ведет к размытости рыночных принципов. Даже тогда, когда без “рыночной колеей” не обойтись, расплывчатая ответственность чиновников и собственников искажает эффективность рыночного пути, отталкивает население. Противопоставляет разные группы работников друг другу, вызывает недоверие к тем, кто под прикрытием слов о заботе о народе на самом деле раздувает собственный кошелек» [7, 99]. Но, думается, дело не в ответственности, а точнее безответственности, чиновников. Ведь среди чиновников немало в принципе и хороших людей. Их даже, наверное, большинство. «Плохими» их делает созданная в России криминально-рыночная система, а другой системы в силу внутренних и внешних условий в XXI в., уже быть не может.

Не останавливают реформаторов ни обнищание населения, ни разрушение экономики, ни бегство населения со многих территорий страны, ее обезлюдивание, ни разрушение качественного и доступного образования и здравоохранения. Не останавливает и предостережение ученых: «Нынешний капиталистический путь, даже в случае его успеха, объективно ведет Россию к распаду или по крайней мере к экономической автономизации той же Сибири и Дальнего Востока, не говоря уже о все большем удалении бывших союзных республик от России. И этот процесс стимулируется именно капиталистическим вариантом развития, поскольку *капитализм предполагает высокую степень автономии экономических субъектов не только на уровне фирм или компаний, но и на уровне регионов, развивающихся не по указке из Центра, а по логике ответственности рыночным отношениям...* Упование же на трансформацию

нынешнего режима в сторону социал-демократического капитализма является очередной утопией, поскольку такой тип капитализма может работать только на малых территориях с громадным историческим опытом демократии. Этот тип практически неприемлем ни для России, ни для Китая» [1, 131]. Этим объясняется и крен в сознании и общественной практике в сторону имперскости, поскольку постепенно приходит осознание, что Россия (как и Китай) может быть или империей, или ничем.

По сути, об этом же говорит С. Губанов: «Частнособственнический, олигархически-компрадорский строй есть строй социальной несправедливости и экономической неэффективности — таков приговор, вынесенный социально-трудовым большинством. Приговор этот окончателен и обжалованию не подлежит. Теперь подошло время для того, чтобы он был приведен в исполнение. Общество закипает недовольством против олигархически-компрадорского строя и колониальной зависимости России от нефтедоллара» [3, 212].

Поэтому выход из этого цугцванга по-российски — в рамках созданной по лекалам неолиберальной утопии социально-экономической и политической системы российского капитализма, с авторитарным режимом и гипертрофированной ролью бюрократии — невозможен. Нужны новые прорывные идеи. Необходимо понять, что неолиберализм — это анахронизм прошлого, а вырваться из этого цугцванга в миттельшпиле, разрушающего страну, можно только на путях новой парадигмы развития общества.

В пользу такого пути развития России (и мира) в XXI в. появились новые веские аргументы. В литературе традиционно переход к посткапиталистическому обществу трактуется как неизбежный результат социально-экономического прогресса. Это, так сказать, внутренний процесс количественного накопления изменений и перехода их в качественные изменения. Но кроме внутренней логики социально-экономического прогресса неизбежность посткапитализма в XXI в. все в большей степени связывается с возрастанием значения внешнего фактора — либо самоуничтожение человеческой цивилизации, идущей по пути либерализма, либо новая парадигма человеческого существования. Если успеем к ней перейти. Ведь исторический опыт XX и начавшегося XXI в. с железной логикой доказывает: капитализм — это война. А в XXI-ом большая вероятность — ядерная. Поэтому выбор у всех небольшой. И Россия выстрадала его как никакая другая страна мира. Но какова же российская колея этого выбора?

Конечно, гуманизм *невозможен*, так как это противоречит всему предыдущему ходу истории человека, насыщенной борьбой за пространство, за ресурсы, за богатство, за жизнь. Но он *неизбежен*, поскольку он вытекает из всего хода развития истории человека, насыщенной борьбой

за человека как существа разумного. Повторим: мы стоим на развилке: или новая парадигма развития, со всеми ее сложностями, или исчезновение человека (цивилизации). И это касается не только России. В развитых странах мира, на Западе и Востоке, постепенно приходят к пониманию, что неолиберализм — это анахронизм прошлого, потому и насыщают свои общества элементами гуманизма, а отставшим народам (к которым относят и Россию) по-прежнему дарят неолиберальные фантики, которые помогают разделять и властвовать в мире.

Поэтому главное для России в настоящий момент, после всех экспериментов в XX и уже в XXI в., необходимо как можно скорее отказаться от неолиберальной утопии и *обратиться к самой себе*. А учитывая мировые тренды, главное сейчас — это самосохранение. Но самосохранение не означает неизменность и консервация, напротив — *самосохранение* может быть осуществлено только *через саморазвитие*, причем на базе национального.

Наши размышления — это не пессимизм и не оптимизм, это реализм, следовать императивам которого раньше или позже, но придется. И лучше раньше, чем позже. Ю.М. Осипов по этой проблеме высказывается давно и совершенно определенно: «Системное перестроение российского хозяйства и экономики, пусть и идущее по извилистой и дискретной линии “от реформизма к постреформизму” — *животрепеющая историческая реальность!* Это уже не пожелание, не прогноз, даже и не задуманный кем-то проект, а текущая действительность, пусть и не особенно четко выраженная, но всюю уже исполняющаяся» [5, 25]. Так что партия не окончена. Она продолжается. Извечное чудо в истории России позволит и сейчас в условиях цугцванга найти победное продолжение. Иного не дано.

Литература

1. *Бэттлер А.* «Евразия»: иллюзии и реальность. М.: ИТРК, 2018.
2. *Глазьев С.* Догматизм и научная революция в экономике // Экономические стратегии. 2016. № 5.
3. *Губанов С.С.* Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012.
4. Конституция Российской Федерации. М., 1996.
5. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как неперемнная актуальность // Философия хозяйства. 2009. № 6.
6. *Осипов Ю.М.* Россия на пути к России // Философия хозяйства. 2017. № 6.
7. *Пороховский А.А.* Системное перестроение российской экономики: возможности «рыночной колеи» // Философия хозяйства. 2017. № 1.

С.Г. КОВАЛЕВ

Метафизика миропорядка: воспроизводство суверенности РФ в Большой Евразии

Аннотация. Большая Евразия многомерное понятие: концептуальный образ геоконтинентального устройства; конкретный интеграционный геополитический и геоэкономический проект, охватывающий европейские и азиатские страны; пространство глобальной игры, в которой участвуют державы, претендующие на мировое лидерство, а также крупнейшие ТНК, ТНБ, мировые биржи и другие игроки. Долгосрочная стратегическая цель Российской Федерации — оставаться крупнейшим игроком.

Ключевые слова: миропорядок, Большая Евразия, стратегия развития России.

Abstract. Big Eurasia is a multidimensional concept: a conceptual image of a geocontinental device; specific integration geopolitical and geo-economic project, covering European and Asian countries; the space of a global game in which the powers that claim to become the world leader are involved, as well as the largest TNCs, TNBs, world stock exchanges and other players. The long-term strategic goal of the Russian Federation is to remain the largest player.

Keywords: world order, Greater Eurasia, Russia's development strategy.

Мир — это не просто объективная реальность, но и глубинная рефлексия человеческого разума на окружающую его внешнюю природу и социальную среду. Соответственно легко можно выделить: а) неживой природный мир (неорганический и органический животный мир); б) живой природный мир (животно-биологический и социально-биологический, человеческий во всех ипостасях его проявления).

Природный мир (неживой и биологический) образует естественную среду обитания и воспроизводства человека и человечества — природосферу, а социальный мир образует естественно-искусственную среду жизни и воспроизводства человека и человечества — социосферу. Пересечение двух вышеназванных сфер порождает еще одну сферу жизни — ноосферу, т. е. сферу, создаваемую сознательно и бессознательно самим человечеством в процессах его жизнедеятельности на основе использования сил природы.

Природосфера — это сфера, дарованная человеку свыше, а ноосфера — продукт жизни самого человека, создаваемый в процессах его

эволюции и социальной жизни многих поколений людей. Употребляя слово «мир», мы делаем акцент не только на природной, но и на социальной общности человека и ее формах. Тем самым общество можно рассматривать и как совокупность локальных социальных образований, и как совокупную целостность. Широкий взгляд на общество означает рассмотрение его мироустройства, миропорядка. Мир — это не просто наше бытие, а наше осознание себя в данном бытии.

Мироустройство, миропорядок — неоднородная совокупность множества единичных целостностей, или микромиров, взаимодействующих между собой (род — община — сельское поселение — городское поселение), а также более крупных целостностей — стран, регионов (либо как частей конкретных стран, либо как совокупности различных стран), континентов. Тем самым в процессе взаимодействия данных миров формируется более общая человеческая целостность — общепланетарное человеческое единство — глобальный мир. Однако современный мир — это все-таки многосубъектный мир: единого общеземного человечества пока не существует. О нем можно говорить либо как о публицистическом понятии, характеризующем возможное будущее, либо как о понятии, разграничивающем население планеты Земля от возможных форм высшей жизни на других космических объектах. Соответственно современный человеческий мир состоит из отдельных, ограниченных, достаточно неоднородных локальных миров, и прежде всего — совокупности суверенных стран, конкурирующих между собой как в целом, так и в различных аспектах сфер жизни: социальной, политической, экономической, культурной, информационной. Также он состоит из отдельных уровней воспроизводства жизни: мир человека, мир семьи, мир конкретной страны; миров отдельных сторон жизни: региональный мир, религиозный мир, мир социальных институтов и т. д. Тип самоорганизации и воспроизводства общества позволяет говорить об авторитарном обществе, гражданском обществе и т. д. В принципе можно выделить два типа организаций: основанных либо на самоорганизации, сетевом взаимодействии либо на иерархии, внешнем давлении, управленческом воздействии. В реальной жизни присутствуют оба механизма. Причем это наблюдается как внутри конкретных страновых обществ, так и в человеческом сообществе в целом.

Миропорядок — это сочетание двух слов, а именно: мир — планетарная целостность, и порядок — упорядоченное целое. Вместе это сочетание слов характеризует социально-политическое планетарное состояние, в котором есть элементы и параметры устойчивости, а также элементы и параметры хаотичности, изменчивости. Миропорядок означает, что планетарный мир обладает определенной внутренней целостно-

стью, а его игроки (акторы, субъекты, объекты) в своих ролях и отношениях взаимодействия придерживаются определенных правил. Миропорядок всегда, с одной стороны, означает организационную упорядоченность, устойчивость (как сетевую, так и иерархическую), а с другой — имеет очаги напряженности, нестабильности, ведущие к смене типа миропорядка. О миропорядке можно рассуждать, когда страны в своем взаимодействии выходят за пределы двухсторонних взаимоотношений.

Современный мир — это не только горизонтальные и вертикальные связи между странами и их корпорациями, но также и надстрановые связи, охватывающие взаимодействие стран и корпораций с международными организациями. История знала несколько систем миропорядка. Современный миропорядок — полуторополярный мир, переходящий к многополярному миру.

Возможны различные взгляды на целостность современного мира: как на страновую целостность и как на уже сформировавшуюся глобальную целостность. Возможен также подход с позиции континентальной целостности — например, с позиции Большой Евразии, позволяющий более четко и выпукло рассмотреть место РФ в мире сквозь призму ее взаимодействия с ближайшими континентальными соседями, т. е. сквозь ближний пространственный круг, состоящий из потенциальных геополитических партнеров, конкурентов, противников.

Современная Большая Евразия — это центр форматирования нового миропорядка. Современный мир — не просто глобализирующийся, турбулентный мир, это и неоимперский мир, мир крупных интеграционных региональных образований, которые складываются вокруг крупнейших держав, доминирующих в данных регионах и группировках.

Рассматривая суверенное воспроизводство РФ в Большой Евразии, надо прежде всего раскрыть смысл данного понятия, а также место и возможности РФ в ней. Большая Евразия — многоаспектное понятие: 1) природно-географическое пространство суши крупнейшего мирового континента; 2) исторический центр и место становления современного миропорядка, место переформатирования нынешнего однополярного мира в многополярный; 3) геополитический проект, выдвигаемый отдельными политическими и общественными лидерами континента и отдельными странами.

Можно выделить следующие отдельные геополитические, геоэкономические и геокультурные черты, присущие Большой Евразии.

1. Самое территориально крупное и народонаселенное континентальное пространство, самое природоразнообразное и климатически дифференцированное пространство.

2. Океанически ограниченное пространство: омывается водами четырех океанов, что потенциально позволяет осуществлять каботажное континентальное плавание вокруг всей территории.

3. Пространство, являющееся исторической колыбелью становления человеческой цивилизации: крупнейших империй, основных мировых религий.

4. Пространство, на котором расположены крупнейшие и наиболее развитые страны мира, создающие больше половины мирового ВВП, при этом очень экономически дифференцированное пространство.

5. Пространство, где в перспективе сосредоточатся наиболее крупные экономики: Китай, Индия, Япония, Индонезия, Россия, ФРГ, Турция, и куда перемещается центр экономического развития планеты.

В XX—XXI вв. Евразия стала центром переплетения противоречивых интересов крупнейших держав — как непосредственно самого континента, так и США, а также центром интересов крупнейших корпораций и банков, а соответственно и войн как форм разрешения накопившихся противоречий.

Большая Евразия — это пространство, где постоянно протекает империогенез. В наши дни мы видим его новую фазу, а именно рождение и становление новых супердержав — Китая, Индии, возможно, ЕС (не только как интеграционного экономического объединения, но и как единого политического образования, имеющего свои сферы влияния), а также появление других крупных держав — объединенной Кореи, Индонезии, Филиппин, Вьетнама и, возможно, объединенной Средней Азии. Все это означает, что все процессы, протекающие в пространстве Большой Евразии, подлежат пристальному отслеживанию, осмыслению, причем не вообще, а с позиции возможного воздействия на Российскую Федерацию.

Большая Евразия — взрывоопасный и сверхмилитаризированный континент. На нем располагаются крупнейшие страновые ОПК, военные базы, армии мира, центры терроризма. По индексу военной мощи из 25 сильнейших армий мира 19 находятся на этом континенте, здесь же сосредоточена и основная масса ядерного оружия.

Большая Евразия — место геополитического и геоэкономического соперничества стран, их интеграционных и дезинтеграционных интересов, а также место образования крупнейших интеграционных группировок. В Большой Евразии идут процессы «слияния» двух ее частей: Запада (Европа) и Востока (Азия). При этом Россия выступает как связующий мост между ними, образуя свое собственное геополитическое пространство — Северную Евразию. Ситуация осложняется тем, что США пытаются по-прежнему контролировать данное пространство и сохранять

свое присутствие в нем. Большая Евразия — это место крупнейших военных группировок и блоков. И, наконец, Большая Евразия — крупнейшие рынки: товарные, факторные, инвестиционные, а соответственно пространство гиперконкуренции — страновой, корпоративной, отраслевой и т. д.

Большую Евразию можно рассматривать и как крупный интеграционный проект, имеющий корни и в ее истории, и в ее современности. Вся многотысячелетняя история Большой Евразии — это история формирования крупных территориальных образований: стран и империй. Причем такие империи, как Македонская, Персидская, Византийская, Римская, Российская, располагались как в Азии, так и в Европе. А современная идея общности, единения Европейского и Азиатского пространств уходит корнями в первую четверть XX в. Это и идея единого западно-европейского пространства (без СССР, Великобритании) — «Пан-Европейского Союза», — которая была высказана и претворялась в жизнь австрийским философом Р.Н. Куденове-Калерги (1894—1972) (Манифест «Пан-Европа» (1923 г.)), это и идея Соединенных Штатов Европы, которую высказывали европейские и российские социал-демократы, а в 1946 г. ее озвучил У. Черчилль в своем выступлении в Цюрихском университете. Данные идеи частично материализовались в виде европейского экономического интеграционного объединения — ЕС.

Интересно, что Куденове-Калерги, обосновывая идею создания Пан-Европейского Союза в том числе и для сдерживания СССР, допускал возможность торгово-экономического альянса между ними.

Взгляд на Российскую империю, а позже на СССР как на страну с дуальной историей, культурой, занимающей свое особое место в мировом и континентальном пространстве — стык Востока Европы и Северо-Запада Азии, высказывали и европейские, и российские, и советские геополитики. Наиболее последовательно на эту особенность страны обращали внимание российские ученые-иммигранты — евразийцы (Н.Н. Савицкий, Н.П. Алексеев), которые констатировали, что Российская империя, СССР как ее пространственный и исторический преемник, являются самобытными державами, порожденными особым месторазвитием и сформировавшими свою самобытную, историческую, культурную и экономическую идентичность, а вся история России — это расширение и сужение по оси Евразии.

В противовес идее Пан-Европейского Союза в конце Второй мировой войны и в первые годы сразу после нее в СССР выдвигалась идея интеграции для Восточной Европы не только на основе пролетарской, социалистической общности, но и на основе этнической, славянской общности — идея панславянского федерализма (уходящая корнями к славянофилам XIX в.). Данный проект предлагался для освобожденных

территорий, ранее входивших в орбиту германского третьего рейха: Албании, Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии — с возможностью создания конфедерации с СССР. В дальнейшем от вышеназванного проекта руководство СССР отказалось.

Первым на возможность и важность интеграции Европы и Азии обратил внимание немецкий геополитик К. Хаусхофер (1869—1946), в статье «Континентальный Блок: Центральная Европа, Евразия, Япония» (1941) выдвинувший идею тройственного пакта для противостояния державам моря (Великобритания, США). Хаусхофер хотел сформировать мировой континентальный центр суши — Хартленд — в составе Германии, России и Японии.

Позднее, в 1950—1960 гг., идею «Европы от Атлантики до Урала» выдвигал Шарль де Голль. В 1980-е гг. двадцатого столетия риторика об общеевропейском доме звучала из уст лидера СССР М.С. Горбачева, канцлера ФРГ Г. Колля. В 2000-е гг. идею общего экономического пространства от «Лиссабона до Владивостока» выдвигали президент Франции Ж. Ширак, канцлер ФРГ Г. Шредер. После распада СССР была высказана американская инициатива нового «шелкового пути» для республик Средней Азии. Позже Китай выдвинул свой более масштабный и глубже проработанный проект «Пояса и пути», который был обращен не только на континент, но и на весь мир.

В 2016 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме президент РФ предложил встречный дополняющий проект — инициативу Большой Евразии, как пространства взаимодействия прежде всего ЕС, ЕАЭС, Китая, а также других стран.

Оценивая место РФ в мире и прежде всего в Большой Евразии, важно учитывать системность протекающих процессов, возможные геосценарии, геоигры, геостратегии потенциальных мировых игроков, исходить из интересов воспроизводства собственной страны в глобальной среде, обеспечивать суверенитет страны, а также принимать во внимание экспансионизм, присущий большинству стран и транснациональным корпорациям.

Анализируя место РФ в современном мире, и в частности в Большой Евразии, важно использовать системно-сценарную методологию: необходимо оценивать развитие общепланетарных тенденций (в краткосрочном, среднесрочном, долгосрочном периодах, а также в разрезе возможных геореалий и геосценариев), выделять ключевых геоигроков, их геостратегии и их геовозможности — причем как с позиции общепланетарных интересов, планетарного самосохранения, так и с позиции интересов отдельных стран, принимая во внимание, что в поведении геоигроков одновременно присутствуют и общечеловеческий геогуманизм, и геоэгоизм, и геоэкспансионизм, который присущ большинству стран и

особенно транснациональным корпоративным структурам. Рассматривая Российскую Федерацию как ядро, более значимых территориальных образований — Российской Империи, СССР, — вынужденное в силу обстоятельств вновь искать свою идентичность, обретать новую государственность, суверенную целостность, определять свое место в мире, важно правильно оценивать ее реальные геовозможности, а также степень геoaгрессивного давления на нее, потенциальные и реальные геоугрозы, имеющийся военный, экономический потенциал для их отражения.

Российская Федерация, оставаясь крупнейшим геополитическим игроком новоимперского мира, обязана преодолеть собственные колониальные тенденции, сформировать модель экономики прорывного выживания, чтобы обеспечить ее вхождение в глобализирующийся мир не в качестве объекта экономической экспансии, а в качестве самостоятельного экономического субъекта. Теоретически Россия может попытаться: а) интегрировать вновь постсоветское пространство (или его часть) в более целостное, более единое образование; б) сама интеграционно войти в более широкое образование — западное либо восточное; в) окончательно состояться как новое самостоятельное суверенное государство, обрести новую историческую судьбу.

Но в любом случае Россия должна окончательно сформировать и укрепить свою новую суверенную государственность, а это означает, что необходимо: 1) избежать регионализации страны, которая связана с ее федеративным устройством; 2) сохранить занимаемое пространство; 3) сформировать целостный воспроизводственный контур.

Необходимо преодолеть состояние дуализма, когда одна часть предприятий работает на мировой рынок (внешний контур экономики), а другая — на внутренний потребительский рынок (внутренний контур экономики). Данные контуры слабо взаимодействуют между собой — отсюда происходит разрыв между стратегическими интересами страны, ее народа и интересами отдельных компаний.

Важно преодолеть несколько порочных кругов, присущих российской экономике. Прежде всего следует разорвать круг «спрос → предложение», а именно: недостаток платежного спроса населения и предприятий → низкие темпы экономического роста → недоинвестирование в расширение производства, что в перспективе ведет к недостаточному предложению товаров. Можно выделить и более локальные круги: а) низкие доходы большинства населения → низкие сбережения и далее по сценарию большого круга; б) низкая привлекательность инвестирования в российскую экономику → для российского капитала — бегство его за границу, для иностранного капитала — крен в сторону спекулятивных,

а не прямых инвестиций; в) высокий вывод российского капитала за границу → недоинвестирование собственной экономики, а также недоинвестирование НИОКР → нехватка новых технологий.

Вышеприведенные круги взаимосвязаны, переплетены и порождают много проблем и трудностей для прорывного экономического развития. Более подробно остановимся на двух проблемах.

С момента распада СССР российской экономике присущи высокая инфляция и вывод капитала из страны. И хотя в период 2015—2016 гг. ситуация улучшилась, она все еще далека от оптимальной. Для мировой рыночной экономики процессы межстранового перелива факторов производства естественны и неизбежны. Можно наблюдать и приток, и отток капитала, миграцию рабочей силы и т. д. Если капитал понимать широко — как денежный капитал, вложенный в процесс реально производства (энергия, технологии, интеллектуальная собственность и информация, основные фонды, сырье, товарные запасы и оборотные денежные средства, необходимые для функционирования производства, ценные бумаги обеспечивающие право принятия решений) — то в истории Российской Федерации можно выделить два периода в движении капитала:

1) период чистого оттока капитала за счет его высвобождения из материального производства, перетока ресурсов за границу: продажа сырья, оборудования, миграция рабочей силы, трансфер рублевых денежных средств в валюту — этот процесс начался в последний период существования СССР и резко усилился в момент становления государственности России;

2) период притока-оттока капитала, когда чистое сальдо платежного баланса может быть положительным, но масса ресурсов и денежных средств, уходящих за границу, остаются весьма значительными — этот период характерен для 2000-х гг. и продолжается до настоящего времени.

Последний процесс обусловлен как операционной, производственной и коммерческой деятельностью, так и нежеланием инвестировать в собственную страну. Важно тщательно анализировать все слагаемые данного процесса. Настораживает, что в этом процессе притока/оттока происходит дисбаланс. Особенно это видно на примере миграции населения. Из страны уезжают молодые, наиболее мобильные, высокообразованные, высокопрофессиональные молодые люди, часто этнические русские, а приезжают также молодые, но менее профессионально подготовленные мужчины преимущественно из Средней Азии. Они плохо адаптированы к российским реалиям, пытаются создавать свои диаспоры, сохраняют свою культуру, нормы поведения, язык. Налицо этнический сдвиг в составе населения Российской Федерации.

Национальный капитал также утекает за счет регистраций компаний в офшорах, невозвращения выручки от операционной деятельности в Россию. Отдельный вопрос — утечка российской интеллектуальной собственности: изобретений, технологий за счет продажи патентов, ноу-хау либо из-за недостаточной защищенности собственных разработок при продаже продукции за рубеж, что позволяет безнаказанно копировать российские изделия. Важно перекрыть оттоки российского капитала за границу и стимулировать его возвращение. Это очень сложная задача, но без ее решения вхождение страны в пятерку сильнейших экономик мира проблематично.

Еще одна проблема — это низкие доходы большинства населения, что сужает возможности инвестирования за счет аккумуляции накопленных граждан, направления их сбережения в новые проекты. И соответственно вынуждает государство брать на себя несвойственные для рыночной экономики функции, а именно — напрямую инвестировать не только в крупнейшие, имеющие важное народнохозяйственное значение межотраслевые проекты, но и вкладываться просто в крупные отраслевые проекты, что является прерогативой частного бизнеса. Кроме того, низкие доходы населения подрывают спрос на готовую продукцию, а значит, у производителей нет стимулов к расширению производства, увеличению предложения.

Майские указы президента страны призваны частично решить данные проблемы.

В заключение можно констатировать, что давление, которое оказывает Запад на Российскую Федерацию (а потенциально существует и давление Востока), требует от государства больших усилий по удержанию своего геополитического, геоэкономического и геокультурного пространства, а также объективно вынуждает развивать свои северные, арктические территории (и для целей их удержания за собой, и для извлечения ресурсов, получения прибыли). Кроме того, «геополитические конкуренты» (особенно с Юга) объективно выдвигают Российскую Федерацию на Север.

Большая Евразия — это и большая игра как для стран, граничащих непосредственно с Россией, так и для других геополитических игроков, а также пространство для интеграционного взаимодействия и партнерства².

Литература

1. *Ковалев С.Г.* Воспроизводство суверенности России // *Философия хозяйства*. 2018. № 3.

² Подробнее по теме см.: [1—4].

2. Ковалев С.Г. Теория трансформационного прорывного развития России в глобализирующемся мире: Учебное пособие. СПб., 2002.

3. Ковалев С.Г., Рыжова А.В. Неоиндустриальное развитие России в условиях турбулентно-глобализирующегося мира: значимость и потенциальные возможности. СПб., 2017.

4. Ковалев С.Г., Сабинин В.Е. Логика цивилизации: 1917—2017 // Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 115—129.

Г.А. РОДИНА

Современное состояние российского социума: насколько правомерно трактовать его как «миттельшпиль»?

Аннотация. В статье анализируется современное состояние российского социума под углом зрения завершения постсоциалистического переходного периода. Для оценки применяется двойная система координат. Показывается, что, во-первых, ни по количественным, ни по качественным критериям, во-вторых, ни по внутренним, ни по внешним критериям нельзя констатировать завершение этого периода. Обосновывается вывод о том, что выбор модели развития остается прерогативой политиков.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, переходный период, индекс человеческого развития, валовой внутренний продукт.

Abstract. The article analyzes the current state of Russian society from the point of view of the completion of the post-socialist transition period. A double coordinate system is used to evaluate. It is shown that, firstly, neither quantitative nor qualitative criteria, and secondly, neither internal nor external criteria can state the end of this period. It justifies the conclusion that the choice of a development model remains the prerogative of politicians.

Keywords: socio-economic development, transition period, human development index, gross domestic product.

Постановка проблемы в общем виде. Тематика конференции рождает вопрос, насколько правомерно трактовать сегодняшнее состояние отечественной экономики как «миттельшпиль», иными словами, как завершение переходного периода («дебюта»)? Вопрос не праздный, ибо

если выяснится, что о завершении переходного периода говорить преждевременно, то придется признать, что отечественная экономика «не представляет собой законченную равновесную систему с сильными устойчивыми закономерностями» [6] и что двери для «основных событий» остаются еще закрытыми.

Первая система координат: качественные критерии vs количественные. С точки зрения распространенного количественного (формального) критерия, окончание переходного периода ассоциируется с восстановлением уровня ВВП до предкризисного. В этой системе координат российская экономика вышла на предкризисный уровень национального производства в 2007 г. Так, по мнению Е. Гайдара, А. Чубайса и Е. Ясина, основные переходные процессы в России, в целом, оказались исчерпаны. В связи с этим перед Институтом экономики переходного периода встала неожиданная проблема — надо менять свое название, что и было сделано в 2010 г.: институт стал называться «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», основной темой исследований которого первоначально предполагалась адаптация России к развитию в условиях постиндустриального мира; в итоге тема была скорректирована на более нейтральные теоретические и прикладные исследования в области экономической политики. Правда, за кризис 2008—2009 гг. пришлось расплатиться 7,9% ВВП, а с учетом его среднегодовых темпов роста на уровне 0,5% [1, 149—151], мы к 2018 г. практически опять оказались на линии производственных возможностей 1990 г., даже ниже.

С точки зрения *качественного* (содержательного) подхода, как мы отмечали еще 10 лет назад, «критерии окончания переходного периода “привязываются” к созданию развитых рыночных структур и современной работоспособной рыночной инфраструктуры, цивилизованному решению институциональных проблем, прежде всего, формированию эффективного собственника» [5]. В более общем виде речь идет о формировании зрелого социального государства, поддерживающего конкуренцию, свободу экономической деятельности, частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности, в соответствии с Конституцией РФ (ст. 7, 8).

Можно ли констатировать достижение этих рубежей?

Отнюдь: налицо значительные проблемы России в реформировании государственных институтов, в создании надежной правовой, социальной и образовательной инфраструктуры, эффективной финансовой системы, что можно проиллюстрировать анализом структуры рейтинга международной конкурентоспособности стран, разрабатываемого Всемирным экономическим форумом (ВЭФ). По итогам 2018 г., Российская Федерация занимает 43-е место в целом (из 140 стран) с результатом 65,6

баллов из 100, входя в регион «умеренной конкурентоспособности» и являясь «лучшим исполнителем» в региональной группе Евразии [8]. По сравнению с 2017 г., это небольшое улучшение, однако весьма впечатляющий шаг вперед относительно состояния 15 лет назад (70-е место среди 102 стран мира по общему рейтингу).

В чем подвох? Дело в том, что, как и 15 лет назад, Россия занимает более низкие позиции по индексу качества социально-политических и экономических институтов и уровню экономической свободы. Так, по уровню учреждений (характеристика безопасности соблюдения права собственности, социального капитала, эффективности государственного сектора и корпоративного управления) Россия имеет лишь 35 баллов; по предпринимательской культуре страна занимает 64-е место; по уровню развития институтов — 72-е место (наравне с Парагваем, Гондурасом, Мексикой и Киргизией); по финансовой системе — 73-е место (вследствие «ограниченной глубины», т. е. доступности кредитов и страхования); а по индексу восприятия коррупции — 136-е место (в основном из-за очень низкого уровня прозрачности)!

О каком зрелом социальном государстве может идти речь?

Более того, в результате проведенного исследования можно прийти к *выводу, что качественные характеристики вступают в противоречие с количественными*. Так, находясь по уровню подушевого ВВП в группе среднеразвитых стран, занимая по уровню образованности населения пограничную позицию между развитыми и среднеразвитыми странами, Россия по уровню коррупции, степени соблюдения законности, реализации контрактного права, подотчетности государства обществу расположена в группе бедных, отсталых стран. В целом, в рамках первой системы координат (качественные критерии vs количественные) следует констатировать *незавершенность переходного периода в России*.

Вторая система координат: внутренние критерии vs внешние.

В мировом контексте наиболее распространенным показателем ранжирования стран с социально-экономической точки зрения является индекс человеческого развития, разработанный ООН. В Докладе ООН о развитии человека за 2018 г. представлен ИЧР для 189 стран и территорий за 2017 г. [4]. Пятерка лидеров представлена Норвегией, Швейцарией, Австралией, Ирландией и Германией. В замыкающую список пятерку входят Бурунди, Чад, Южный Судан, Центральноафриканская Республика и Нигер. Российская Федерация расположилась на 49-м месте [7, 22].

Хорошо это или плохо? С одной стороны, Россия с этим рейтингом имеет статус страны с «очень высоким ИЧР», т. е. страны так называемого «золотого миллиарда». С другой стороны, давайте посмотрим, как менялся отечественный рейтинг с позднесоветского по настоящее время. Несмотря на то, что ИЧР был разработан в 1990 г., методику его расчета

можно применить и к более раннему периоду, что мы и сделаем. И так, в первой половине 1980-х гг. СССР находился на 20—25-м месте; Россия вступила в эпоху своей независимости в 1991 г. с 33-м местом; накануне судьбоносного дефолта и девальвации рубля 17 августа 1998 г. — 60-е место; конец ельцинской эпохи — декабрь 1999 г. — 73-е место; середина нулевых — 2005 г. — 68-е место; 2010 г. — 65-е место; и, повторимся, сейчас — 2017 г. — 49-е место. Разумеется, не может не радовать положительная динамика нашего рейтинга в XXI в. Но все же это еще даже не 20—25-е место!

Иными словами, если перейти от внутренней системы оценки к внешней (позиции страны в мировой экономике), то, пока мы не восстановим свое 20—25-е место в рейтинге стран по индексу человеческого развития, мы все еще будем находиться в рамках «дебютной стадии» с ограниченным набором «планов игры».

А если взять индекс реального ВВП на душу населения (традиционно соотнеся его с США) и сравнить его с реальным ощущением экономического благополучия социума, то мы получим интересный результат. По Докладу ООН о развитии человека за 2018 г., российский подушевой ВВП в 2017 г. составлял 46% от американского. Когда я задаю вопрос аудитории: как это выглядит по ощущению экономического благосостояния, то получаю разные ответы: люди старшего поколения чувствуют себя намного комфортнее этих 46%, а молодежь — гораздо ниже этого показателя. Давайте скорректируем подушевой доход, во-первых, с учетом продолжительности жизни. Здесь нам придется понизить исходный параметр на 30%, так как ООН зафиксировала продолжительность жизни россиян в 2017 г. на уровне 71,2 г., а американцев — 79,5 лет. Во-вторых, следует отнять 5% за меньшее свободное время (при 1980 рабочих часов год россияне в среднем имеют 28 дней оплачиваемого отпуска при 40-часовой рабочей неделе; в США — 1790 рабочих часов в год, однако оплачиваемый отпуск законодательно не закреплен, а в реальности составляет 2 недели, плюс 40-часовая рабочая неделя). В-третьих, по неравенству в распределении доходов исходный параметр следует повысить на 2%: по исследованию ОЭСР «Вместе: почему чем меньше неравенства, тем лучше всем», соотношение между 10% наиболее богатых и 10% наиболее бедных граждан в США составляет 18,8 [3]. Мы не можем здесь позаимствовать данные из исследования ОЭСР, так как Россия не входит в эту организацию. Обратимся к расчетам академика РАН А.Г. Аганбегяна: средний душевой доход в 10% богатых семей составляет 96 тыс. р., в 10% бедных семей — 6 тыс. р. в месяц [1, 152]. Делим 96 на 6 и получаем разрыв на уровне 16. В итоге первоначальные 46% превращаются в 31% ($46\% + (-30 - 5 + 2)\% \times 0,46 \approx 31\%$), т. е. менее трети уровня США. Выходит, молодежь является более чутким индикатором.

Итак, россиянин чувствует себя на треть хуже показателя ВВП на душу населения.

Следовательно, в рамках второй системы координат (внутренние критерии vs внешние) также следует констатировать *незавершенность переходного периода в России*.

Перспективы нашего развития на ближайшие годы весьма скромные. Несмотря на начало нового цикла экономического роста в 2017 г., который может оказаться неустойчивым, структурные темпы роста в 2018—2020 гг. замедляются, а вклад внешнеторговой компоненты будет отрицательным [2, 5].

Стратегическая задача, сформулированная Д.А. Медведевым, — «войти к 2024 г. в число пяти крупнейших экономик мира» [4, 27] — нам не представляется амбициозной: сегодня Россия по объему ВВП является шестой экономикой в мире, а пять лет назад была пятой-шестой. Стало быть, наша цель — топтание на месте. Как предупреждал Л. Кэрролл, «чтобы оставаться на месте, нужно бежать сломя голову, а чтобы двигаться вперед, надо бежать в два раза быстрее». В нашем понимании это означает, что без структурных и институциональных преобразований нам вряд ли удастся сохранить даже текущее состояние.

Вывод. Во-первых, ни по количественными, ни по качественным критериям; во-вторых, ни по внутренним, ни по внешним критериям Россия переходный период не завершила. А это означает, что политика преемствует над экономикой; поэтому выбор модели развития остается прерогативой политиков.

Однако этот вывод не снимает с повестки сегодняшнего дня вопрос «что дальше?», т. е. какое общество «оставит после себя» переходный период.

На вопрос «что дальше?» невозможно дать однозначного ответа, поскольку переходные процессы обладают *конечным горизонтом видимости* (за горизонтом видимости будущее переходного процесса становится полностью неопределенным). Мы считаем, что «дальше» для России ассоциируется с некой новой моделью западной цивилизации гуманитарно-информационно-креатосферного общества; в противном случае, «дальше — тишина»...

Литература

1. Аганбегян А.Г. Исследование социально-экономического развития России // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 146—154.

2. Дробышевский С.М., Идрисов Г.И., Каукин А.С., Павлов П.Н., Синельников-Мурылев С.Г. Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007—2017 гг. и прогноз на 2018—2020 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 5—31.

3. Мануков С. Десять развитых стран с самым высоким неравенством в доходах // Expert Online: Интернет-журнал. 2015: [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2015/05/22/desyatka-razvityih-stran-s-samoj-shirokoj-propastyu-mezhdu-bednyimi-i-bogatyimi/> (дата обращения: 14.01.2019).
4. Медведев Д.А. Россия—2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5—28.
5. Родина Г.А. Переходный период: динамический и статический аспекты // Экономические проблемы завершения переходного периода. Сб. научных трудов: / Под ред. Б.Д. Бабаева, В.А. Гордеева, Г.А. Родиной. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2008. 132 с.
6. Транзитология. Транзитология как наука: [Электронный ресурс]. URL: <https://econiver.com/2379-tranzitologiya-tranzitologiya-kak-nauka.html> (дата обращения: 13.01.2019).
7. Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update. United Nations Development Programme. [Электронный ресурс]. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (дата обращения: 25.10.2018).
8. The Global Competitiveness Report 2018: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2018> (дата обращения: 13.01.2019).

И.Р. БУГАЯН

Новый Рим и Новый Карфаген современного мирового хозяйства: межимперский миттельшпиль!

Аннотация. Переход в III тысячелетие ознаменовался тремя знаковыми событиями вселенского масштаба: в астрономии — парадом планет, в НТР — открытием графена (революция в предметах труда), в мировом хозяйстве — противоборством между Новым Карфагеном и Новым Римом.

Ключевые слова: доминантный фактор производства «товар», Новый Карфаген и Новый Рим, обострение мировых противоречий, британский мир.

Abstract. The transition to the third Millennium was marked by three significant events of universal scale: in astronomy — a parade of planets, in science — the discovery of graphene — a revolution in the objects of labor, in

the world economy — the confrontation between the New Carthage and New Rome.

Keywords: the dominant factor of production «product», New Carthage and New Rome, aggravation of world contradictions, the British world.

*Ю.М. Осипов — И.Р. Бугаяну:
«Так, кто же победил в итоге: Рим или Карфаген?»*

Научно-исторический факт: три Пунические войны продолжительностью 140 лет закончились победой Рима. Но, вопреки ожиданиям, в современном мире наиболее успешны империи не Римской генерации, а так называемого золотого миллиарда (ЗМ), относящиеся по месту, которое занимают их экономики в мировом хозяйстве, к Карфагенской генерации (ИКГ).

Другими словами, хозяйства стран ЗМ имеют содержанием экономики, а их общественный сектор выступает в качестве формы проявления этого содержания. Об этом свидетельствует действие в этих странах закона-тенденции опережающего роста общественного сектора хозяйства [2, 126—133], вызванное необходимостью социальной защиты категорий граждан, не имеющих ни собственности на факторы производства, ни способности (или желания) найти свое место в существующей экономической структуре общества.

Таким образом, речь идет о гражданах стран ЗМ, объективно выключенных из экономики и этим вынуждающих свои правительства — из-за опасений социальных выступлений типа желтых жилетов в нынешней Франции — содержать их за счет общественного сектора хозяйства. Число содержащих и содержанок, по преимущественно внутренним, а иногда и скачкообразно нарастающим внешним причинам, непрерывно растет. Например, в ФРГ — за счет более 1 млн беженцев, прибывших с Ближнего Востока, а также Севера Африки. Другие же страны — члены ЕС, не входящие в ЗМ, объективно не могут располагать значительными общественными секторами своих хозяйств. Будучи по своей доброй воле включенными в эту империю, они должны, но не способны принимать беженцев.

Возникшая коллизия свидетельствует о следующем.

1. Империя ЕС, относясь к Карфагенской генерации, состоит из, образно говоря, *стран-учредителей*, население которых относится к ЗМ (Италия, Франция, ФРГ). Однако большая часть ЕС находится за рамками ЗМ. Среди зарамочных кого только нет: и бывшие государства социалистического лагеря, и «братские республики» СССР, и, наконец, цветно-майданно-революционно-псевдосамостоятельные потоки,

устремляемые дирижерским участием МИД неугомонной Польши, Франции и локомобильного ФРГ в «це-европном» направлении.

2. Между уровнем развития экономик всех этих стран и их общественными секторами существуют взаимодействия, взаимосвязи и, самое главное, *взаимозависимости*, соответствующие условиям диалектического единства частей целого: содержания и формы. Но характер этих *условий не одинаков*.

3. *В странах — учредителях ЕС* содержанием хозяйств выступает экономика, а общественный сектор — формой его проявления, а в других — может и наоборот.

Общественный сектор ЕС лишь своей частью, обусловленной странами-учредителями, является формой проявления империй Карфагенской генерации (ИКГ) и, конечно, обладает самостоятельностью, но лишь относительной, поскольку ему необходимо оформлять и проявлять содержание — экономику всех вошедших в империю стран. При этом следует учитывать все специфические черты ИКГ, а именно:

1. Доминирующим фактором производства в этих империях, как и в Древнем Карфагене, является предпринимательство, но на основе уже не золота, а новых и информационных технологий (НиИТ.). Включение и распространение НиИТ в мировом рынке неизбежно сопровождается расширением поля их применения за пределами национальных границ ИКГ, а, значит, и превращения в средство транснационально-глобального присвоения мирового прибавочного продукта, значительная часть которого создается уже не руками своих сограждан, а иных стран.

2. В основе действия закона-тенденции опережающего роста общественного сектора хозяйства в ИКГ лежит именно этот процесс глобализации. По мере его развертывания работающие граждане иных стран вынуждены социально обеспечивать всех граждан на территориях ИКГ, включая обездоленных. Это достигается за счет вывоза из ИКГ для производственного применения национальных НиИТ и наймом через внешних предпринимателей рабочей силы за рубежом.

3. Подобное развитие событий резко обостряет противоречия между экономическим и общественным секторами хозяйств ИКГ. Экономика их продолжает оставаться преимущественно в частных и государственно-национальных рамках ИКГ, а общественный сектор, создаваемый за счет усилий граждан многих стран, использующих НиИТ империй ИКГ, не только демонстрирует опережающий рост, но и вызывает социальные последствия, в буквальном смысле стремящиеся разрушить все существующие межгосударственные границы. Поскольку он ориентирует нанятых в других странах работников, в том числе беженцев и переселенцев, в направлении, совпадающем с движением создаваемого

ими мирового прибавочного продукта, присваиваемого ИКГ, и в противоположном потоку НиИТ, ввозимых и применяемых на территории их стран. Как показывает безуспешный исторический опыт препятствования подобному переселению народов путем возведения всевозможных стен: Китайской, Римской, современной (президента Д. Трампа) и др. Никакой физической стеной от этой метафизики, засевшей в головы людей, отгородиться невозможно!

4. Достаточно вспомнить, что было время, когда Черное море называлось Русским. Не только стена, даже море не стало препятствием для предков россиян. Желание погостить в Царьграде оказалось сильнее. Пришлось Византии — Второму Риму — официально предоставлять им статус хоть и непрошенных, но гостей императора, обеспечивать им из общественного сектора содержание, обучать ремеслам, создать алфавит для более полного приобщения к православию и, наконец, выдавать своих принцесс замуж за русских князей. Как известно, в жилах Ивана IV Грозного, кроме Рюриковической, текла кровь последнего Византийско-Римского императора из Комнинов. Таким образом, с уходом Ивана IV одновременно прервались на троне России две имперские ветви во власти, слившиеся в одну: Рюриковичей и Византийского Второго Рима. Это было для того исторического периода настоящей катастрофой, не преминувшей о себе заявить каскадом Лжедмитриев.

5. Произошли разрыв пуповины с прежним — античным — Римом и рождение Третьего Рима — России! Это было воспринято Западом как общеевропейская проблема, неразрешенная, по их мнению, по сей день. Но это проблема только в их головах. Она давно разрешена историей!

6. А вот в США в подобных случаях находится простое, физически четко воспринимаемое решение метафизической проблемы — стена. Гениально!

7. Последователи находки США нашлись и в Европе. Началось — по инициативе Украины — пока не заверщенное сооружение «трансевропейского» забора по границе с РФ.

Самое опасное для судеб мира то, что ущемление экономических интересов со стороны ИКГ происходит прежде всего в отношении граждан империй Римской генерации (ИРГ), располагающих всем современным арсеналом средств для защиты национальных интересов: Индии, КНР. Эти ИРГ возникли в период доминирования фактора производства «труд». И ныне трудовой вклад населения, проживающего в этих странах, создает подавляющую часть присваиваемого ИКГ мирового прибавочного продукта на основе лицензионных и прочих договоров.

В отличие от РФ — Третьего Рима, Индия и КНР как были первыми, так в целом и остались — и территориально, и по этническому составу.

Общее же между РФ, Индией, КНР в том, что некогда все они входили в состав Ордынской империи, основанной, как и Россия, на доминанте земли [4, 49—59]. Но главное в ином — у них однотипная, как некогда и у Ордынской империи, генерация — Римская; содержанием их хозяйств является не экономика, а общественный сектор. Экономика в этом случае является формой проявления общественного сектора хозяйства; она лишь проявляет хозяйственные возможности империи в тех направлениях, которые, по мнению ее политической элиты, предпочтительны.

Покойный президент США Р. Рейган назвал СССР «империей зла». Основное зло проистекало из того, что им было непонятно, как удастся ее ВПК практически в одиночку противостоять объединенному ВПК стран НАТО? После подписания Хельсинского договора обе стороны находились в благодушном состоянии, чем решили воспользоваться корреспонденты СМИ. Главе делегации СССР, Л.И. Брежневу, был задан «карфагенский» вопрос, касающийся физики — цифры, отражающей размер оборонного бюджета. Л.И. Брежнев дал метафизически честный и искренний ответ: «Мы тратим столько, сколько нужно», но вряд ли был понят карфагенской стороной и тогда, и сегодня.

СССР, как и Индия, КНР, РФ, относился к империям Римской генерации. Его содержательная сторона, включая ВПК, заключалась в общественном секторе хозяйства, а экономика — лишь проявляла ее. Когда же экономика СССР как форма из-за затянувшегося запрета гражданского предпринимательства полностью себя исчерпала, в том числе и по отношению к ВПК, перестала соответствовать современным реалиям, он рухнул.

Суть проблемы — в изменившейся по сравнению с привычной для СССР эпохой капитализма субординации факторов производства. В ней стало доминантой длительно запрещаемое в СССР частное предпринимательство на основе частной же собственности на новые и информационные технологии.

Капитал, как показал опыт СССР, обобществляем, а интеллектуальная собственность первоначально нет. Она всегда имеет фамилию, имя, отчество автора. И не важно, закон ли это естественных наук (например, Архимеда), общественных (закон-тенденция опережающего роста общественного сектора хозяйства в странах золотого миллиарда [1]), или литературное произведение («Война и мир» Л.Н. Толстого). Без общественного признания этого факта и отражения его в отношениях соб-

ственности, прежде всего связанных с факторами производства и с учетом их нынешней субординации, ничего путного сделать оказалось невозможно. А ныне доминирует предпринимательство, но уже опирающееся (посреднически) не на золото, а на новые и информационные технологии — современный — тоже доминирующий — но уже не фактор, а товар.

Способность доминировать тому или другому фактору вменяет именно товар. Другими словами, то, что предпринимательство ныне вновь, спустя тысячи лет, стало доминировать, оно прежде всего обязано появлению *нового доминантного товара* — *НиИТ*, отодвинувшего золото на второй — так сказать, сокровищный — план. Современным новым доминантным товарам изначально присуща особенность, неповторимая индивидуальность. Они, как уже отмечалось, имеют фамилии, имена, отчества, потому что всегда являются результатом интеллектуального прорыва одного, нескольких человек или группы людей.

Возвратимся к поставленному Ю.М. Осиповым вопросу.

Победа ни одной из рассмотренных сторон невозможна. «Карфаген» и «Рим» — две стороны диалектического единства, составляющего целое — мировое хозяйство. Одна из этих сторон выполняет функцию содержания, а другая — формы. Но перемещения доминантных свойств между факторами производства, вызываемые появлением нового, ранее несуществовавшего доминантного товара (*т. е. товара, сама собственность на который открывает возможность присвоения части мирового прибавочного продукта*) обостряет противоречия между названными сторонами. Свидетелем этого мы все являемся.

«Новый Карфаген» (НК) в нынешнем мировом хозяйстве представлен Британским миром, ЕС, Японией; «Новый Рим» (НР) — Индией, КНР, РФ.

Содержательная сторона современного мирового хозяйства, безусловно, за ИНК, гражданам которого принадлежит более 90% нынешнего доминантного товара — новых и информационных технологий. По существу, за право пользования современным богатством в производственной сфере граждане ИНР должны платить согласно лицензионным или иным договорам. Но в этот более или менее прозрачный процесс проявления содержания — экономики ИНК — в мировом хозяйстве через свою форму — общественный сектор ИНР — неизбежно вмешиваются политические элиты со своими «благими намерениями», например, санкциями, и быстро-быстро начинают строить дорогу в ад. Их бурная деятельность ныне чаще всего затрудняет взаимодействие содержания мирового хозяйства — экономики ИНК — со своей формой —

общественным сектором ИНР — и в итоге уменьшает размер всего мирового продукта — и в части, извлекаемой ИНК, и в части, произведенной ИНР.

Что за радость ИНК от того, что рост таможенных пошлин и санкции со стороны США снизили темпы роста ВВП в КНР, а в РФ (в 2018 г. +2%) он не растет так, как было намечено? Ведь и курсы акций 500 наиболее крупных и 100 самых научно-технологических компаний США практически тоже перестали расти. Впервые за последние 10 лет в феврале 2019 г. они продолжают находиться на прежнем уровне — февраля прошлого года!

Искусственные препятствия, возводимые политическими элитами на пути естественного развития мирового хозяйства, будь те, что уже здесь названы, или новые придумки, включая ложь, могут привести к цепи политически обусловленных причин, замыкание которых может вызвать преждевременный взаимопереход экономик ИНК, являющихся ныне содержанием мирового хозяйства в его форму, а общественных секторов ИНР — в содержание. Последствия будут катастрофичны для всех насельников земли, поскольку этот взаимопереход произойдет без необходимых для этого условий, без предварительного перемещения доминантных свойств от фактора производства «предпринимательство» к фактору «труд» [3, 61—69].

Литература

1. Бугаян И.Р. Графен — революция в предметах труда, соразмерная по глобализирующим последствиям для мирового хозяйства с открытием железа // *Философия хозяйства*. 2019. № 2.
2. Бугаян И.Р. Закон-тенденция опережающего роста общественного сектора хозяйства стран «золотого миллиарда»: причины, границы, последствия // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
3. Бугаян И.Р. Предпринимализм и предпринимательство, экономика и общественный сектор: соотношение и мера // *Философия хозяйства*. 2017. № 2.
4. Бугаян И.Р. Россия в современном мировом хозяйстве: приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое «не так сидим» // *Философия хозяйства*. 2014. № 2.
5. Бугаян И.Р. Россия в современном мировом хозяйстве: приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое «не так сидим» // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.

У.Ж. АЛИЕВ

Российский миттельшпиль с сомнительным дебютом и... обнадеживающим эндшпилем (краткий тематический анализ конференции)

Аннотация: Суть научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» — анализ положения России, которое можно сравнить с шахматной партией: — миттельшпиль — срединная, ответственная часть партии, а впереди — эндшпиль.

Ключевые слова: Россия, миттельшпиль, геостратегия.

Abstract: The essence of scientific conference “ Russian Middle Game: Economy, Technogenesis, Geostrategy” is the analysis of Russian situation, which we can compare with a game of chess where middle game is the median, critical part of the game and ahead will be the endgame.

Keywords: Russia, middle game, geostrategy.

Итак, тема международной научной конференции «*Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия*». В аннотации профессор Ю.М. Осипов, как всегда, метафорически удачно используя шахматно-шашечную терминологию, всесторонне раскрыл основные направления работы форума и поставил перед его участниками множество сверхзадач по их содержательному осмыслению и освещению.

В контексте краткого тематического анализа конференции мне импонируют такие высказывания-выражения, как «расставание с Западом», «дрейф на Восток», «движение к самой себе», «апокалиптически содрогающаяся метаистория», «Большая игра идет по миру, а промахи в ней, даже и малые, не прощаются». Это — своеобразный «крик души» человека-мыслителя, способного схватить глубочайшую — где-то потаенную — суть современной не только национально-социумной (российской), но и общемировой «эпохи перемен». Схожие мысли и опасения от предпринятого курса некоторыми бывшими республиками СССР после его распада были высказаны и мною в 1990-е гг. и позже [2; 1]. И тем не менее *как хорошо жить в эпоху великих перемен* вопреки древнекитайскому изречению: «Не дай Бог жить в эпоху великих перемен!», ибо «спокойные времена» — для ленивых да бестолковых, а «эпоха перемен» — для истинных мыслителей и творческих личностей. Доказательство тому — почти все великие творения людей — мысли, идеи, открытия во все времена совершались именно в кризисные «смутные эпохи» как результат закономерно-вынужденной реакции их авторов на эти «великие смуты». В этом плане данная конференция является содержательно-смысловым продолжением нашего прошлогоднего форума

под названием «Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия» [5] и заставляет нас опять размышлять во времена, во многом неопределенных и непредсказуемых, кардинальных перемен в ее современной многострадальной и судьбоносной истории.

Итак, «Российский миттельшпиль». Да, «миттельшпиль» — в шахматно-шашечной теории срединная, наиболее ответственная часть партии. Но, в свою очередь, общее положение миттельшпиля в определенной мере зависит и от «дебюта» — первых шагов в начале партии. Ведь как говорили мудрецы разных эпох, «путь в десять тысяч ли начинается с первого шага» (китайская мудрость), «Достоинство человека определяется его подходом (намерением, началом. — У.А.) к делу, а не тем, как он его завершил» (Абай Кунанбаев) [4, 74]. И памятуя об этом, Ю.М. Осипов образно описывает «дебют» постсоветской России в виде «российского гамбита с жертвами фигур», причем, как известно, жертвами «тяжелых» фигур в социально-экономической жизни страны вкупе с «пешечным строем» — народом. К слову, такая же картина сложилась и в «дебютной части» нынешнего суверенного Казахстана с соответствующим «миттельшпилем».

«Расставание с Западом»: не географически, а мировоззренчески, ценностно, ментально, т. е. в собственно *культурно-историческом* смысле и отношении. «Дрейф на Восток, движение к самой себе»: опять-таки не географически, а именно в вышеуказанном смысле. Другими словами, видимо, начинает срабатывать формула «*Восток–Запад–Восток*», синтезирующая в Новейшее время разрозненные ранее формулы: «*Восток–Запад*», «*Запад–Восток*» [2].

«Россия — не страна, а мир, причем мир особенный, мало того — судьбоносный» (Ю.М. Осипов). В чем ее особенность? Конечно, не в чисто цивилизационных характеристиках, а в уникальной *национально-культурной* самобытности России, характеризующейся собственными онтологическими, аксиологическими (ценностными), духовно-нравственными основаниями. А в чем ее судьбоносность? В том, что Россия, главным образом, своей богатейшей культурно-исторической и, вдобавок, государственно-цивилизаторской миссией вполне способна противостоять вездесущему субъективному *глобализму*, исходящему, прежде всего, от США и их союзников (в последнее время — и от Китая), результатом чего и является «апокалиптически содрогаящаяся метаистория» современности. Кроме того, она способна смягчить и негативные «ударные волны» объективного процесса *глобализации* путем ведения суверенной государственной политики в области национальной экономики и выстраивая подлинную миротворческую геостратегию в международных отношениях, отчасти входя в макрорегиональные (межрегиональные) интеграционные объединения (союзы) и налаживая механизм их эффек-

тивного функционирования. Очевидно, этими обстоятельствами и продиктована выражение-максима: «Большая игра идет по миру, а промахи в ней, даже и малые, не прощаются!» (Ю.М. Осипов).

Что же касается «большой игры по миру и промахов в ней ...» — это уже из области «*российского эндшпиля*», завершающей части шахматной (шашечной) теории и партии. И каков характер российского эндшпиля или каковы результаты сегодняшнего «российского миттельшпиля», все это зависит от того, «каковы же верные ходы России в незримых теснинах политического, экономического, технологического, геостратегического криптолабиринтов?» (Ю.М. Осипов). Я бы дополнил этот список собственно человеческим, экологическим, организационным, информационным, правовым, управленческим и собственническим компонентами инвариантно-интегральной структуры хозяйственной (экономической) системы общества [3]. И, как говорится, «надежда умирает последней», а предполагаемые «верные ходы России», исходящие, как правило, от «мыслящего меньшинства» и поддерживаемые истинными патриотами своего отечества, завершатся *обнадеживающим эндшпилем*. Да будет так!

Напоследок, перефразируя известное выражение К. Маркса, хочу сказать: социально-экономическая «анатомия и физиология» современной российской реальности с ее вышеуказанными дебютом и миттельшпилем (и желаемым эндшпилем) — «ключ к анатомии и физиологии» современного (постсоветского) Казахстана, поскольку в принципиальных позициях они в полной мере соответствуют друг другу. И в этом отношении тематика данной, как и прошлогодней, конференции на руку нашим отечественным исследователям в деле анализа, диагностики и принятия необходимых концептуальных мер по оздоровлению и развитию казахстанского общества.

Литература

1. *Алиев У.Ж.* Какая модернизация нужна для России сегодня? (Некоторые теоретические размышления) // Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2011.
2. *Алиев У.Ж.* Концепция модернизации в контексте трех типов общества: традиционного, гражданского, гуманистического // Модернизация: мировой опыт и современный Казахстан. Ч. 1. Алматы, 1995.
3. *Алиев У.Ж.* Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. Гл. 2. Алматы: НИЦ «Гылым», 2001.
4. *Кунанбаев А.* Слова назиданий. Алма-Ата, 1970.
5. Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. М.: Издательский дом «Библио-Глобус», 2018.

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ

Шах России или ее реванш на европейской «шахматной доске»

Аннотация. В статье анализируются проблемы российско-европейской интеграции и особенности функционирования Европейского союза в условиях создания многополярного мира. Рассматриваются вопросы развития цифровой стратегии России на современном этапе. Уделяется особое внимание геополитическому кризису последнего десятилетия. Выход Великобритании из Европейского сообщества поставил целый ряд пока неразрешенных вопросов экономического и политического характера. Можно лишь предсказывать неминуемые последствия брексита для европейской интеграционной системы.

Ключевые слова: геополитика, Россия, Европейский союз, интеграционная стратегия, цифровая экономика, геополитический кризис, брексит.

Abstract. This paper presents an analysis of the problems of the Russian- European integration and of the features of the European Union during the making of a multipolar world. Issues related to the development of a digital strategy of Russia in the morden conditions are discussed in this paper. Particular attention is addressed to the geopolitical crisis of the last decade. The exit of the United Kingdom from the European Union created a range of, for now, unsolvable economic and political problems. Only the immediate effects of Brexit can be predicted for the European integration system.

Keywords: geopolitics, Russia, European Union, integration strategy, digital economy, political crisis, Brexit.

Жизнь неопределенна — шахмат, к счастью, тоже, ибо игра, в которой все ясно, как дважды два четыре, с такой же несомненностью теряет интерес к себе.

Эм. Ласкер

XXI век ознаменовался крупномасштабными геополитическими сдвигами. Глобальные политические, экономические и научно-технические изменения коснулись всех частей света. Новые мировые вызовы — четвертая промышленная революция, получившая в западной литературе титул «Индустрия 4.0»; назревающие проблемы изменения климата на планете; насущные требования перестройки систем природопользования и ресурсообеспечения — в настоящее время оказывают первостепенное влияние на экономическое развитие всех страны мира.

Несмотря на изменившуюся ситуацию в российско-европейских политических и экономических отношениях, традиционным союзником для России на долгосрочную перспективу, на наш взгляд, должен оставаться европейский блок. Сегодняшние антироссийские экономические санкции со стороны Европейского союза (ЕС) беззаговорочно являются последствиями политических баталий и будут ограничены во времени. А многовековой опыт экономической, научно-технической и культурно-образовательной интеграции России и стран Западной и Восточной Европы является мощной платформой для сохранения и дальнейшего развития всего спектра международных отношений.

За последние десятилетия не только Россия, но и сама Европа претерпела геополитические сдвиги и столкнулась с новыми непредсказуемыми проблемами. В этой связи создание в 1992—1993 гг. ЕС открыло новую эпоху международных отношений стран Западной и Восточной Европы во всех областях общественной жизни: политической, экономической, научно-технической, социальной, образовательной, культурной. XXI век поставил и перед Россией, и перед европейскими странами ряд серьезных вопросов. Как действовать дальше в условиях растущей глобализации и перехода от биполярного к многополярному миру? Как противостоять растущему давлению США и Китая? Как выстоять перед новыми проблемами распространения терроризма во всем мире? Как обеспечить прогрессивное развитие общества на долгосрочную перспективу, учитывая формирование новой цифровой экономики?

В этих условиях стала очевидной необходимостью трансформировать устоявшиеся отношения стран Западной и Восточной Европы и создать широкомасштабную и всеобъемлющую систему международного сотрудничества и всесторонней координации, базирующуюся на принципах конкурентоспособности, стабильности и сбалансированности западноевропейских и восточноевропейских держав. При этом до последнего времени Россия рассматривалась первостепенным экономическим партнером для большинства европейских государств, особенно в энергетическом и инновационных секторах.

За двадцатипятилетний период своего существования Европейский союз прошел достаточно сложный, но в целом успешный путь становления и развития. Так, показатель ВВП на душу населения в Евросоюзе увеличился с 26 800 евро в год в 2013 г. до 29 900 евро в 2017 г. Например, в Германии в этот период ВВП на душу населения возрос с 35 300 евро в год до 39 500 евро, во Франции — с 32 100 евро до 34 200 евро [4]. Для сравнения данный показатель в России, которая не является членом Евросоюза, хотя географически и соседствует с ним, в 2013 г. ВВП на душу населения составлял 16 007 евро в год, а в 2017 г. понизился до 10 743 евро [3].

На сегодня наиболее актуальной является проблема, возникшая перед Европейским союзом буквально в последние годы. Она связана с намерением Великобритании покинуть данную организацию. Спустя 43 года после своего вступления в Евросоюз Соединенное Королевство в результате референдума, проведенного в 2016 г., приняло решение о брексите. Осуществление брексита запланировано к 2020 г. и обойдется Лондону в 60 млрд евро. В результате выхода Великобритании Евросоюз ежегодно будет терять 10 млрд евро. В 2017 г. бюджет Евросоюза составлял 160 млрд евро [5]. Но это только одно из последствий брексита. Другие серьезные последствия связаны с реорганизацией свободной торговли, переливом капиталов и миграцией рабочей силы; реакцией финансовых рынков на брексит; перестроением хозяйственных связей между Соединенным Королевством и Евросоюзом [1, 50].

Вопросов на международной арене в связи с брекситом возникает множество, и не только экономического характера. Многие политики опасаются снижения престижа Европейского союза как мощной международной организации, которая успела продемонстрировать всему миру наивысший интеграционный уровень во всех сферах. Чтобы смягчить негативные последствия брексита для граждан Евросоюза, в марте 2018 г. в ходе длительных переговоров Брюсселя и Великобритании была достигнута договоренность о «переходном» периоде. Согласно этому решению, все права подданных Соединенного Королевства в странах Евросоюза и граждан ЕС, проживающих в Великобритании, будут законодательно оформлены с целью их сохранения.

Другая актуальная проблема для европейских стран и России напрямую связана с развитием сферы цифровых технологий. В последние годы вся земная цивилизация все чаще сталкивается с опасностью кибератак, которые способствуют возрастанию рисков информационной нестабильности. В связи с этим во всех высокоразвитых странах наблюдаются усиление системы кибербезопасности и совершенствование методов защиты национальных электронных систем, электронной подписи, финансово-банковской информации и персональных данных. Особую опасность представляют кибератаки, направленные на целые секторы национальной экономики, например, энергетический, банковский или транспортный.

На современном этапе мы наблюдаем сосредоточение супермощной компьютерной информации и высокоэффективных технологических ресурсов у ограниченного количества развитых капиталистических держав, что соответственно приводит к определенной дискриминации компаний на мировом и, в частности, европейском рынках и осуществлению рискованных операций для пользователей. Мировое распространение интернета и активное расширение компьютерных

сетей создают условия для реального дистанционного манипулирования умами миллионов людей и производственными процессами. Это, в свою очередь, может привести к изменению национального общественного климата и вызвать непредсказуемые последствия.

Неконтролируемое развитие информационных технологий в определенной степени может быть опасным, поскольку провоцирует формирование общества тотальных рисков. Цифровизация частной жизни, массовая безработица, хищение информационно-компьютерных баз данных, ослабление демократических устоев общества, тотальный контроль населения, миграционный хаос — таковы возможные последствия дигитальной стадии научно-технического прогресса в современном мире, о которых обеспокоенно говорят отечественные и западные аналитики.

Таким образом, сегодня у российско-европейской интеграции есть уникальная возможность развиваться во всех хозяйственных и научно-технической сферах и делать свою взаимозависимость более устойчивой в долгосрочной перспективе и взаимовыгодной. Для достижения этих благородных целей от России и всех членов ЕС требуется целенаправленная работа по установлению нового баланса интересов между странами-участницами интеграционных процессов, который повысил бы уровень доверия и взаимопонимания держав.

Учитывая жесткую международную конкуренцию в наукоемких отраслях и современную вынужденную изоляцию России от Евросоюза, в нашей стране назрела необходимость проведения срочных структурных преобразований и создания собственной исключительной бизнес-модели. Первостепенная задача развития российской цифровой экономики предполагает изменение классических рыночных правил и построение новой высокотехнологичной системы, стимулирующей инновационные процессы и обеспечивающей информационную и технологическую безопасность. Именно на достижение этих целей направлены все последние решения российского руководства.

Предпринимаемые меры должны быть реализованы во всех отечественных хозяйственных сферах. Распространение и внедрение CPS (киберфизических систем) — самая перспективная задача крупнейших индустриальных держав в наши дни. Главная черта данного этапа научно-технического прорыва характеризуется повсеместным внедрением CPS во все сферы жизнедеятельности людей. В последнее время в результате принятия ряда государственных положений по развитию цифровых технологий Россия предпринимает активные меры по реализации данного проекта. Теперь совершенствование системы CPS, можно сказать, является первоочередной мерой российской реформации хозяйственной стратегии с целью сохранения конкурентных позиций на мировой арене и построения совершенно новой цифровой экономики. В скором будущем

державы — обладатели искусственного интеллекта приступят к формированию совершенно нового социума и будут иметь возможность диктовать свои условия всем остальным игрокам на мировой шахматной доске. Сегодня все прогрессивные российские ученые прекрасно осознают, насколько опасно оказаться на периферии цифровой стадии научно-технического прогресса, поскольку это приведет к унижительной зависимости от передовых стран-лидеров.

Первые рейтинговые позиции в высокотехнологичной сфере по-прежнему занимают США. Однако конкуренты США не стоят на месте, а уверенными шагами продвигаются вперед в различных областях цифровой экономики. Бывший СССР, а теперь новая Россия всегда были главными конкурентами США в области научно-технического прогресса. В этой связи представляется наиболее целесообразной политикой развитие глубокой экономической интеграции России и стран ЕС, в первую очередь, в высокотехнологической сфере.

А как же быть с навязанными нашей стране санкциями? Как добиться взаимопонимания Москвы и Брюсселя? Что могут сделать для скорейшего решения этого политико-экономического кризиса руководства стран, дипломаты, бизнесмены, прогрессивные представители науки, образования и культуры? Может быть, уже настало время перейти от практики бесконечных претензий и недоверия друг к другу к плодотворному стратегическому партнерству в интересах российского народа и европейского социума?! Нужно искать компромисс, и Россия способна на это. Более того, многие европейские страны втайне рассчитывают на подобный ход событий. Как прозорливо пишет профессор Ю.М. Осипов, «чтобы ослабить едкую напряженность и не допустить губительной войны, потребен чаще всего именно компромисс, исходящий из взаимного понимания противоборствующими сторонами большой опасности от усиления взаимной конфронтации, а также восходящий к взаимному осознанию необходимости достойного, с сохранением лица, выхода из создавшейся, по преимуществу весьма скверной, ситуации» [2].

И тут уже возникает удивительный эндшпиль, когда с мировой шахматной доски исчезает большинство старых передовых фигур и особое значение приобретает активность новых «королей-политиков». В настоящее время Европа под грузом проблем застыла в нерешительности — какую партию играть: наступательную или оборонительную? Тем временем Россия, Китай, Индия решительно выходят на мировую политическую арену со своими сценариями геополитического устройства. Хорошо известно, что игра в эндшпилье требует от участников дальновидной стратегии и точного расчета. Мировым ведущим политикам, особенно США, следует помнить, что малейшая неточность в их действиях может

быть чревата тяжелыми последствиями: выигранная позиция превращается на мировой шахматной доске в ничейную или даже в проигранную.

Литература

1. Делчиор А. Соглашения о свободной торговле и глобализация. (В тени Брексита и Трампа). Palgrave Macmillan, 2018.
2. Осипов Ю.М. Социально-экономические компромиссы на повестке мирового дня // Философия хозяйства. 2017. № 3.
3. <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 04.04.2018).
4. <https://www.ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 01.04.2018).
5. <https://www.rfi.fr> 12.2017 (дата обращения: 05.04.2018).

Раздел II

Геостратегия: ходы и выходы

В.М. КУЛЬКОВ

Миттельшпиль в российской экономике: откуда и куда?

Аннотация. В статье этапы новейшей экономической истории России синхронизированы со стадиями шахматной партии. Акцент сделан на миттельшпиле, через который проходит современная Россия. Выделены его экономические особенности. Показана необходимость перехода от позиционного маневрирования к реализации стратегии прорыва. Раскрыта перспективность разработки «отечественного гуманитарного концептуализма», который позволит интегрировать разные научные парадигмы под углом зрения обеспечения национальных интересов России.

Ключевые слова: стадии шахматной партии, российский миттельшпиль, стратегия прорыва, «отечественный гуманитарный концептуализм», национальная экономическая система.

Abstract. In the article, the stages of the newest economic history of Russia are synchronized with the stages of a chess game. Emphasis is placed on the middle game, through which modern Russia passes. Its economic features are highlighted. The necessity of the transition from positional maneuvering to the implementation of the strategy of breakthrough is shown. The prospect of the development of «domestic humanitarian conceptualism», which will integrate different scientific paradigms from the standpoint of the national interests of Russia is disclosed.

Keywords: the stages of a chess game, the Russian middle game, the strategy of breakthrough, «domestic humanitarian conceptualism», the national economic system.

Образ шахматной партии, вошедший в название конференции, очень хорошо отражает два аспекта: во-первых, ход и драматизм новейшей истории России, зримо синхронизирующейся со стадиями шахматной партии (гамбитом, миттельшпилем и эндшпилем), а, во-вторых, доминирующее влияние субъективного фактора, который, по определению,

отчетливо проявляет себя в шахматной игре, но оказался столь же значимым и применительно к российской экономической политике, которая (так получается) многие годы формировала определенную экономическую систему в стране в большей степени, чем объективные детерминанты. Как говорил в свое время в небезызвестных Васюках легендарный Остап Бендер, «шахматы двигают вперед не только культуру, но и экономику». Но вернемся к ходу шахматной партии в России.

Миттельшпиль, в котором находится современная российская экономика (да и вся Россия), отличается целым рядом особенностей.

Во-первых, он несет на себе печать весьма своеобразно разыгранного в 90-е гг. дебютного гамбита, который характеризовался незнанием элементарных правил розыгрыша рыночных дебютов, бессистемностью переходных преобразований, хаотичностью решений, значительными и во многом неоправданными жертвами (социальными, экономическим, научно-технологическим, геополитическими), слабым соответствием условиям и статусу России, ее стратегическим национальным целям и интересам. Напомню, что гамбит — это такой розыгрыш дебюта, для которого характерны жертвы (пешек и даже фигур) в борьбе за инициативу, и российские жертвы (все мы это хорошо знаем) были огромными и неэффективными, чего нормальный гамбит не предполагает, даже с учетом всегда имеющихся в игре рисков. Единственное, пожалуй, эффективное действие на этой стадии — это своевременное проведение политической рокировки («рокировочки») в самом конце этой стадии, позволившей худо-бедно перейти в миттельшпиль, а не получить мат уже на стадии дебюта (что нередко бывает в подобных условиях).

Во-вторых, маневрирование, характерное для миттельшпиля, не приобрело в современной российской экономике форму системного перестроения а, скорее, представляет собой позиционное лавирование в целях сохранения стабильности (финансовой, макроэкономической, социально-политической и др.), нежели курс на неуклонное наращивание экономического потенциала страны и динамичное развитие национальной экономики с ориентацией на перспективу. В российской экономике сложилась своеобразная квази-система, которая так или иначе функционирует, обладает даже некоей целостностью и институциональным равновесием, к которой вроде бы все экономические субъекты как-то приспособились, но которая слабо адекватна национально-специфическим условиям, жизненно необходимым целям развития, национальным интересам и статусу страны. Играть такую игру в миттельшпиле — это значит, не иметь надежных перспектив, а рассчитывать только на авось и невнятицу со стороны соперника, что, возможно, но не очевидно. В этих условиях нужно переломить ход игры, заиграть инициативно, нужно идти на такой прорыв, который сможет перевести «игру» в выгодный

эндшпиль и которого нельзя достичь при заикливание на узких стабилизационных задачах. В России, похоже, образовался очень своеобразный симбиоз либеральной и патриотической ветвей власти: первые, ориентируясь на приоритеты финансовой стабилизации, исходят из известных либеральных рецептов; вторые — делают акцент на накоплении финансовых средств и поддержании финансовой устойчивости как выражении национальной экономической безопасности. В результате возникла своеобразная коалиция либералов и части государственников, у которой задачи достижения финансовой стабилизации и в целом финансовые приоритеты стали самодовлеющими в ущерб задачам развития. И именно такая политика, а не набор объективных факторов и процессов, стратегических целей и интересов формирует на протяжении многих лет в России определенную экономическую систему — точнее, квази-систему.

В-третьих, консервирование сложившегося в условиях российского миттельшпиля состояния способно породить цугцванг в экономике, когда каждое последующее решение может вести к ухудшению ее положения, поскольку не создаются в должной степени необходимые предпосылки и направления выхода из этого состояния. К тому же все жестче ощущается цейтнот — причем не в эндшпиле, что характерно для шахматных баталий (когда часто приходится играть «на флажке»), а уже в миттельшпиле, что случается гораздо реже. Россия реально стоит перед жесткой необходимостью провести глубокие преобразования в исторически сжатые сроки, что означает неизбежно форсированный характер российской модернизации.

В этих условиях необходима стратегия прорыва, в основу которой должно быть положено формирование в России такой экономической системы, которая бы адекватно отражала всю совокупность факторов и целей национального развития и сочеталась бы, с одной стороны, с передовыми технологическими трендами, а с другой стороны, с обеспечением реального суверенитета и национальных интересов страны. Кстати, раскручиваемая ныне «цифровая экономика» зачастую преподносится очень односторонне, нередко без учета многих ограничений, иллюзий, «ловушек», одна из которых состоит в том, что «бездумное вхождение в мировую цифровую экономику, включение в мировые цифровые цепочки создаст особые возможности для стран, более продвинувшихся в цифровом направлении, и сделает объектом манипулирования менее развитые страны, включая Россию» [1, 153]. Необходим акцент на создание и наращивание передовой материально-технической базы, которая позволила бы обрести надежный фундамент суверенного развития России, сделать национальную экономику конкурентоспособной и защищенной. Ее стержнем могла бы стать новая индустриализация, сочетающаяся

с расширением передовых технологических укладов — особенно в той части, в какой мы имеем заделы и можем их нарастить. Прорыв (как в экономике, так и в других сферах) невозможен без накопления и увеличения потенциала и активных действий по его реализации. Это предполагает системное видение современной ситуации, сложившейся в России, и системные действия, основанные на стратегии прорыва. Понятно, что изменения должны касаться не только производственно-технологического направления, но и социально-экономического, и институционального направлений, затрагивать основы социально-экономического строя, включая способы и экономической координации, и социального присвоения, повышать социальную консолидацию общества, а это предполагает переориентацию многих акцентов и серьезное обновление элиты в пользу ее социально-ответственной и национально-ориентированной части. Требуются реальные изменения, а не строительство «Нью-Васюков» и подобного рода объектов и не очередной броский лозунг «цифровизации», удачно прикрывший слабое выполнение предыдущих стратегий. Только при всем этом появится надежда, что миттельшпиль сформирует весомые предпосылки для перехода в выгодный и даже выигрышный эндшпиль.

А до этого, надо упорно гнуть свою линию в миттельшпиле, даже если кажется, что позиция обреченная и хочется закончить эту изматывающую игру и начать другую партию с чистого листа и «белыми» (только кто даст нам такую возможность?) или от отчаяния ударить кого-то шахматной доской, как это, помнится, случилось в тех же Васюках. Но надо надеяться: надеяться на Высший Промысел, который всегда мистически оберегал Россию; надеяться на помрачение, зевки соперников и скандалы в их тренерских штабах, а главное — совершать позитивные действия и гнуть свою линию, отыскивая и расширяя возможности улучшения своей позиции. Одно из характерных действий в миттельшпиле — подготовить почву для потенциально проходных пешек, так чтобы потом в эндшпиле они совершили прорыв — превращение в ферзей и привели к победе в партии. У нас, похоже, нет сил вести борьбу по всему фронту, на каждой клетке шахматной доски, а вот такой спасительный прорыв мы подготовить можем. И это будет очень по-русски.

Возвращаясь от шахматных баталий к научной системе координат, хотелось бы поддержать выдвинутый в Резолюции конференции акцент на перспективности разработки «отечественного гуманитарного концептуализма». Резкое нарастание турбулентности и противоречивости экономических процессов в мире, новые технологические тренды и — при всем этом — нарастающая необходимость серьезного обновления экономической системы России и ворох обрушившихся на нашу страну проблем не могут быть представлены и осмыслены на базе какого-то одного

научного направления, каким бы оно ни казалось фундаментальным, продвинутым и современным. Необходима интеграция широкого потока экономической мысли и в целом гуманитарного знания. В особой мере это относится к российскому измерению. Системообразующим для нашей страны должен стать концепт сбережения и развития России. А для этого ей «необходимо встать на путь пореформенного перестроения... устремленного к новому — к новой России, но не по форме и внешним признакам, а по сути, по духу, по концепту» [2, 22]. Именно этот национальный концепт способен оценить разные научные парадигмы, как бы учиня их досмотр на предмет адекватности российским реалиям и задачам и затем синтезируя эти представления в рамках национальной экономической системы. В таком случае Россия предстает не как частный случай или не как одна из конкретных форм проявления «универсальных закономерностей», а как основание, находящее свое выражение и проявление в разных теоретических координатах. Здесь «общее» и «особенное» как бы меняются местами. В этом нельзя видеть пренебрежения известными научными парадигмами: просто они будут работать не вхолостую, а начнут по-настоящему и эффективно обслуживать национальные потребности. Такое понимание концептуализма позволит более органично соединить теорию и реалии национальной экономики, научные парадигмы и Россию.

Литература

1. *Кульков В.М.* Цифровая экономика: надежды и иллюзии // *Философия хозяйства*. 2017. № 5. С. 145—156.
2. *Осинов Ю.М.* Большая игра — российский миттельшпиль — «русская рулетка» // *Философия хозяйства*. 2018. № 6. С. 11—24.

А.В. КУЗНЕЦОВ

Россия и мир в XXI веке

Аннотация. Автономизация финансового капитала привела к разрушению капиталистической модели рыночного фундаментализма. Западная цивилизация оказалась в ловушке собственного комплекса превосходства и находится на грани самоуничтожения. Другие полюсы капитализма не создали концептуального противовеса всемирному распространению англосаксонской модели в условиях полномасштабного

развертывания процессов финансовой глобализации. Цифровизация как производная от промышленной революции довершает деградацию человечества. Выход на следующий уровень развития требует отказа от воспроизводства фиктивных ценностей и перехода от техноцентричной к человекоцентричной модели развития. России предстоит сделать выбор: либо противостоять расчеловечиванию путем демонстрации миру образца Иного жизнеотправления, либо продолжать заниматься саморазрушением, насаждая мертворожденные ценности западного постмодерна.

Ключевые слова: финансовый капитал, столкновение цивилизаций, разрушение капитализма, цифровизация, преобразование человека, судьба России.

Abstract. The autonomy of financial capital led to the destruction of the capitalist model of market fundamentalism. Western civilization was trapped in its own superior complex and is on the verge of self-destruction. The other poles of capitalism did not create a conceptual counterbalance to the worldwide spread of the Anglo-Saxon model in the context of the full-scale deployment of financial globalization. Digitalization as a derivative of the industrial revolution completes the degradation of humanity. Entering the next level of development requires abandoning the reproduction of fictitious values and the transition from the technocentric to the human-centered developmental model. Russia will have to make a choice: either to oppose dehumanization by demonstrating to the world a sample of Other life-giving, or to continue to engage in self-destruction, implanting the stillborn values of Western postmodern.

Keywords: financial capital, the clash of civilizations, the destruction of capitalism, digitalization, the transformation of man, the fate of Russia.

Человечество вошло в фазу рождения нового мира, которому, как учит история, всегда предшествует период разрушений — антимир. Капитализм (рыночный фундаментализм) привел к тотальному неравенству, безработице, деградации, отрицанию человека, фетишизации цифры и виртуального мира. В мире накопилось слишком много противоречий, которые нельзя разрешить иначе, как разрушением. Человек стал слишком независим, неуправляем. Люди перестали согласовывать свои действия друг с другом. Общество растворилось в миллионах индивидов. Финансового капитала стала слишком много. Над глобальной финансовой системой утрачен контроль. Капиталу все тяжелее находить прибыльное размещение. Чтобы он снова «заработал», необходимо большую часть человечества социализировать — лишить собственности на орудия производства (капитала), снова поставить людей в зависимость друг от друга. Но для этого нужно разрушить большие территории, которые научились самостоятельно воспроизводить капитал. Сделать это

очень не просто — капитал научился себя защищать. Все попытки англосаксов развязать большую войну с втягиванием в нее своих главных капиталистических конкурентов (Европу, Японию, Китай, Россию) провалились. Восточные народы стравливают друг с другом в надежде развязать большую войну в Евразии. Уничтожение истории, памятников культуры — это один из инструментов этого стравливания. В мире много несогласных с творящейся несправедливостью (особенно среди молодежи) со свободной энергией, которая ищет выхода. Всегда найдутся те, кто захотят использовать эту свободную энергию в корыстных целях.

О «столкновении цивилизаций»

Нужно четко различать матрицу западной цивилизации (построенную на успехе, конкуренции, индивидуализме, действии, плоти, лицемерии, материализме) и матрицу русской цивилизации (построенную на чистой совести, взаимовыручке, коллективизме, недеянии, душе, правде и духовности).

Мир живет в постоянном «столкновении цивилизаций», которое на протяжении всей истории было связано с человеческими жертвами. Глобализация является одной из современных причин «столкновения цивилизаций», потому что она ведет к углублению социального неравенства. Реализация модели рыночной экономики не может помочь преодолеть этот социальный разрыв, потому что сегодня «развитый мир» управляет асимметричным доступом к глобальным финансовым ресурсам и передовым технологиям. Гражданское общество не может сыграть решающую роль в решении этой проблемы, поскольку большинство влиятельных НПО обслуживают финансовый капитал.

Запад никогда не заботился о третьем мире, если это не было в его интересах. Ислам как самая молодая и, следовательно, самая агрессивная религия является исключительно привлекательным для осуществления задач гегемонии финансового капитала Запада.

Запад сознательно отрицает разделение стран по цивилизационному признаку. Так называемые развитые западные страны считают цивилизованными только тех, кто решил пойти по их стопам. Однако «слаборазвитый» Восток, «слаборазвитый» Китай, «недоразвитая» Индия, а также «недоразвитый» Ирак, Иран и Сирия — это цивилизации с гораздо более древними и в некоторых отношениях гораздо более глубокими историческими корнями, чем так называемая западная цивилизация. Говорить о США с этой точки зрения просто смешно. США в своем развитии насчитывают чуть более 200 лет и ни в коем случае не являются самодостаточными с точки зрения развития цивилизации. Однако на основе силового преобладания США чувствуют себя в состоянии диктовать

свои требования народам, которые дали миру величайшие научные знания и послужили колыбелью всей человеческой цивилизации.

В связи с целесообразностью глобального распространения западной цивилизации возникает еще один вопрос: можно ли считать наилучшими условиями для жизни человека условия, в которых люди отказываются иметь потомство? Да, на Западе люди могут иметь полную свободу и обеспечить себе комфортную жизнь, но будет ли все это иметь хоть какую-то ценность, если никто не унаследует ее? Сегодня западная цивилизация быстро умирает. И куда бы США не приходили со своей «демократией», они сразу же приводят общество в состояние деградации, войны и, в конечном итоге, демографической катастрофы. За примерами далеко ходить не надо, достаточно взглянуть на Украину.

О Китае и Европе

Китай обогнал США по объемам производства, экспорта и денежной массы. Однако китайская валюта не заменила доллар США в качестве мировой резервной валюты. Современные проблемы интернационализации юаня сопряжены со сдержанностью выхода Китая на международный уровень, что предполагает еще большее открытие страны для внешнего мира. В XIV в. после того, как монголы покинули Китай, Поднебесная отказалась от бумажных денег. Китай практически не чеканил собственных серебряных или золотых денег. Таким образом, в Китае не было создано предпосылок для порчи денег или надувания финансовых пузырей в западной традиции. Современный экономический рост Китая не совсем совместим с традиционными китайскими ценностями, вытекающими из учений Конфуция и Лао-Цзы. Не стоит забывать: Китай никогда не проявлял собственной воли к интернационализации своей экономики, пока Запад не подтолкнул Поднебесную к этому «опиумными войнами».

Неоднозначно положение объединенной Европы. За двадцать лет обращения евро так и не создало должной конкуренции доллару США. С момента своего образования евро являлся не столько монетарным атрибутом суверенного союза, сколько средством для усиления гегемонии транснационального капитала. Об этом свидетельствует долговой кризис стран зоны евро, правительства которых фактически попали в долговую кабалу международных банков. В наибольшем выигрыше от создания европейского валютного союза оказалась Великобритания, а точнее лондонский Сити, который превратился в трансатлантического мегасредника на рынках финансовых инструментов, номинированных в евро. Сомнительно, что без евро Лондон смог бы восстановить свой статус мирового финансового центра.

Те, кто обвиняют во всех бедах Евросоюза страны периферии, смешивают причину и следствия. Нынешней кризис зоны евро обусловлен не столько слабыми финансовыми возможностями европейской периферии, сколько нежеланием финансово более сильных членов ЕС разделить издержки интеграции с более слабыми. Вместо того чтобы демонстрировать негативное отношение к финансовым спекуляциям и проводить консолидацию финансовой системы ЕС через создание фискального и банковского союзов, сильные члены ЕС поощряют ненасытную жадность финансовых посредников — частных банков и других финансовых институтов как англо-американского, так и европейского происхождения, — которые цинично продолжают высасывать прибыль из европейских стран-должников, в особенности тех, которые однажды были колыбелью европейской цивилизации. Не означает ли это разрушение собственных культурных корней? Является ли это проявлением европейской/западной солидарности в христианской традиции? И почему Великобритания присоединилась к единому рынку, но осталась за пределами евро? Только, чтобы сохранить экономическую эффективность? Тогда получается, что прав был Шарль де Голль, который дважды блокировал вступление Великобритании в ЕЭС. На самом деле связи Великобритании с США были и остаются более сильными, чем связи с ЕС. Происхождение проекта Евросоюза вызывает много вопросов. В конце концов, разве не Уинстон Черчилль призвал к созданию Соединенных Штатов Европы (прежде чем это сделали французы) и разве не американский План Маршалла финансово поддерживал первые шаги европейской интеграции?

Преобразование человека

Каждому поколению приходится проходить через свои испытания. Самое сложное, что мы живем в эпоху информационной агрессии, насаждающей в обществе подложные ценности. В таком обществе очень сложно двигаться в одном направлении, потому что каждый надеется уцелеть в одиночку и не желает ничего делать для общества, надеясь, что за него все решится как-то само собой. Люди не хотят изучать историю, а история, как отметил В.О. Ключевский, ничему не учит, зато жестоко наказывает за невыученные уроки.

Сегодня перед человеком стоит сверхзадача — преобразоваться изнутри, понять, что важно, а что нет. Жизнь, реализация своих способностей, работа над собой, помощь другому человеку — это важно, а вот удовлетворение примитивных желаний и удовольствий, которым сегодня занято человечество — это не важно. Сегодня человек поставлен в услужение машины (цифры). Но машины не решили проблем безработицы,

неравенства и несправедливости. Машина породила армии лишних ненужных людей по всему миру и индифферентна ко всем проявлениям сложного человеческого сознания (взаимовыручке, любви, чести, совести, принципам, достоинству). Шансы человека найти достойную работу в 50-летнем возрасте практически равны нулю. С другой стороны человек по-прежнему умирает в работоспособном возрасте или, наоборот, доживает свою жизнь в немогущности и не востребовавности. Сегодня речь идет о выживании человечества. А для этого важны не столько знания вообще, сколько знания о развитии внутренних духовных сил и способностей человека. Когда человек познает Творца внутри себя, он обретает стабильность и уверенность, тогда внешняя мишура отступает и перестает кошмарить человека. Донесением знаний о том, что важно, а что не важно, и должно в первую очередь заниматься современная система образования.

Сегодня церковь на волне всеобщей коммерциализации во многом утратила свою образовательную функцию. Однако речь идет не о конкретном институте, а о принципах спасения человечества, заложенных христианством. И для многих людей, которые не в состоянии отличать подлинные ценности от подложных, религия, возможно, единственный островок спасения. Творец — внутри человека, а не в погрязшем в грехе внешнем мире, к которому сегодня, увы, относится и церковь как один из представителей корпоративного сообщества, вовлеченного в куплю-продажу (отпущение грехов). Однако еще В.О. Ключевский писал: «На Западе церковь без Бога, а в России Бог без церкви».

Когда мы говорим о достижениях СССР, то все эти достижения базируются на сталинском периоде, когда как раз Сталин стал возвращать к Творцу осатаневшее после прихода к власти большевиков-троцкистов население. Именно благодаря Сталину основные законы СССР во многом воспроизводили христианские заповеди. Сталин отказался от сотрудничества с Западом, не ратифицировав итоговый документ о членстве в МВФ, и стал создавать самодостаточную, не зависимую от доллара экономку, направленную на развитие внутренних сил человека. Австрийский экономист Йозеф Шумпетер в своей книге «История экономического анализа» имел довольно низкое мнение о сталинских экономистах. Но постоянно растущее богатство — как культурное, так и материальное — для широких слоев общества при Сталине было безусловным доказательством того, что людям становится лучше.

После смерти Сталина эта система по инерции продержалась до 1980-х, все время откатываясь назад, поскольку после оттепели СССР был вовлечен в гонку с США, что постепенно привело к переходу советского общества от человекоцентричных ценностей к техноцентричным.

В начале Советский Союз был чем-то похож на лабораторию Q из серии фильмов о Джеймсе Бонде. Но, в конце концов, советский строй пусть ненадолго, но освободил человека от всевластия вещи, и на десятилетия создал для миллионов людей ощущение нетревоги о завтрашнем дне. После распада СССР небольшой процент счастливиц получили расширенные возможности для самореализации, но для абсолютного большинства советского населения крах государства оказался полной катастрофой. Мы не были готовы войти во внешний мир с его эгоцентризмом, жестокими правилами выживания и бесцензурной аморальностью. Едва ли можно обвинить русского человека в возникновении советского эксперимента, поскольку сама идея пришла с Запада, который щедро профинансировал этот эксперимент на этапах его зарождения и завершения.

Сегодня глобальная элита не популяризирует знания, необходимые человеку для работы над собой и самопознания, а делает все для оглушения человечества и возвращения его в животное состояние. Привыкание глобального населения к этой участи происходит через средства массовой информации в форме повседневного окошмаривания населения сообщениями о болезнях, катастрофах, извращенных убийствах и т. д. Привыкание к будущему, в котором не будет многообразия цивилизаций и свободы, активно насаждается в сознании людей через англосаксонский кинематограф и производство унижающей человека поп-культуры. Англосаксы застилают глаза, ум, сердца людей при помощи красивых лозунгов борьбы за демократию, свободу, права человека, искушают и калечат людей золотом и удовольствиями, ведут информационную войну, направленную против всех, кто сопротивляется приходу античеловека в форме искусственного интеллекта, цифры или псевдосознания. Практически все, что снимается сегодня англосаксонским кинематографом, направлено на подавление воли к жизни молодого поколения, которому предлагается безальтернативный путь в потребительское рабство.

Англосаксонская цивилизация еще в XVII в. противопоставила смертного человека вечному Творцу через императив «Знание — сила» (Ф. Бэкон). Но Бог не в силе, а в правде. И задача каждого мыслящего и праведного человека — доносить эту истину до окружающих.

Итак, сегодня главная задача человека — возвращение к самому себе, своей богочеловеческой природе, в противостоянии лукавому втягиванию в мир подложных, искусственно созданных ценностей техноцентричной, цифровой (нечеловеческой) цивилизации. Миру как воздух необходимо возвращение человека любящего, ищущего, мыслящего, чувствующего, неравнодушного к жизни. В конечном итоге все человеческое в этом мире сводится к любви и неравнодушию.

Россия на мировой «шахматной доске»

До 1991 г. все ходы на мировой «шахматной доске» контролировались двумя полюсами силы — во главе с США, с одной стороны, и Россией (СССР) — с другой стороны. Европа была расколота на множество проамериканских или просоветских государств-сателлитов. К 2019 г. Европа пришла объединенная, но балансирующая на грани распада. В США внутривнутриполитическая обстановка также накалилась с приходом в Белый дом Д. Трампа.

В условиях стагнации мировой торговли и инвестиций, усиления популизма и национализма, возрастающей кризисогенности и международной напряженности России выпадает уникальный шанс выступить в качестве стабилизатора мирового порядка, сплотив вокруг себя максимальное количество стран и народов.

Под силу ли России, измотанной десятилетиями разрушительных квазикапиталистических экспериментов, выступить в роли глобального умиротворителя и носителя здравого смысла? Следует помнить, что именно в этом заключалась уникальная роль России на протяжении всей истории мирового развития. Россия как феноменальное государство-цивилизация наделена особым даром — иммунитетом против расчеловечивания. И на этом поле у России нет конкурентов (кроме самой России). Поэтому включение России в любые международные рейтинги — бессмысленно, как и бессмысленно стремление России лидировать в этих рейтингах.

Россия — сильное, богатое, героическое и гуманное государство-цивилизация, способная самостоятельно устанавливать собственные правила игры, не подчиняясь кризисогенной, дисбалансирующей мировое развитие англосаксонской модели неэквивалентного обмена, которая работает главным образом на пользу компрадорских элит ядра западной цивилизации.

Россия сама должна стать ядром новой (иной) пусть пока не глобальной, но региональной социально-экономической системы с использованием самых современных человекоцентричных информационно-коммуникационных технологий.

Для этого нужно активно интегрироваться не только с Западом, но и с Востоком, позиционировать себя не только как европейское, но и как азиатское государство, поскольку Россия обладает огромной азиатской территорией.

России необходимо создать собственную высокотехнологическую элиту, которая будет гордиться жизнью в своей стране, а не думать о том, как уехать на Запад. Для этого нужно за счет возвращенных из офшоров

капиталов обеспечивать достойный уровень жизни преподавателям, ученым, изобретателям, программистам — всем, кто создает интеллектуальное богатство страны.

Необходимо вести самую жесткую борьбу с коррупцией, хотя бы по примеру того, как это делается в Китае (а можно воспользоваться и собственным историческим опытом). Требуется пресекать нецелевое использование финансовых ресурсов.

Дальнейшее втягивание России в античеловеческую цифровую экономику (финансомику) может обернуться такой катастрофой, последствия которой могут превысить совокупные потери, понесенные Россией за последние сто лет. Поэтому для реализации своего уникального потенциала России необходимо создать собственную модель человекоцентричного развития.

В.Я. ИОХИН

Геополитические сдвиги и парадигма развития России

Аннотация. Происходящие изменения в современном мире связаны с крахом идеи глобализации с ее однополярным миропорядком, формированием новых центров мировых сил, изменением геополитической конфигурации евразийского пространства, бесперспективностью финансового капитализма, что сопряжено с новыми вызовами и угрозами для нашей страны. В связи с этим нами предпринята попытка осмысления национальной парадигмы развития России, сориентированной на ее возрождение как полноценной геополитической державы и включающей в себя анализ идеологических, политических, социально-экономических аспектов жизнеотправления и жизнедеятельности общества и государства с позиций главной государствообразующей нации — русского народа.

Ключевые слова: миропорядок, глобализация, центры мировых сил, геополитические сдвиги, финансовый капитализм, парадигма, Россия, общество, идеология, православие, ментальность, государство, политика, экономика, экономическая модель.

Abstract. The changes taking place in the modern world are associated with the collapse of the idea of globalization with its unipolar world order,

the formation of new centers of world forces, changes in the geopolitical configuration of the Eurasian space, the hopelessness of financial capitalism, which is associated with new challenges and threats to our country. In this connection, we have made an attempt to understand the national paradigm of Russia's development, focused on the revival of it as a full-fledged geopolitical power, and includes the analysis of ideological, political, socio-economic aspects of life direction and the life of society and the state from the standpoint of the main state-forming nation — the Russian people.

Keywords: world order, globalization, centers of world forces, geopolitical shifts, financial capitalism, paradigm, Russia, society, ideology, orthodox, mentality, state, politics, economy, economic model.

Современная международная жизнь, характеризующаяся неустойчивостью и непредсказуемостью, представляет собой пример мировой смуты, вызванной крахом евроцентрического, неоколониального мышления. В последние два десятилетия в мире стали происходить такие геополитические сдвиги, которые вызвали сомнение в жизнеспособности складывавшегося под диктовку США миропорядка, а, следовательно, и международных экономических отношений, что поставило мировое сообщество перед необходимостью своего перестроения. Это подтверждается целым рядом обстоятельств [4].

Потерпела крах «глобализация», базирующаяся на логике намеренной неолиберальной элиты США, которая представляла собой попытку перескочить этап мегарегионализации мирового пространства, сопряженный с многополярным и полицивилизационным мироустройством [3]. А ведь казалось, что ее величие, дополненное «исключительностью», не требует никаких доказательств, ибо с невероятно высоким напором разворачивался процесс подчинения своему господству мирового сообщества. Обрушился один из полюсов сложившегося миропорядка. Мир объявлен однополярным и уже сделана заявка на «конец истории» [7], «конец географии как государственно-национального деления мира [6]. Создан и единый мировой финансовый институт — МВФ. Сформирован и «мировой центр», представленный «высокоорганизованным пространством», назначена и «периферия» как «технологическая зона», призванная обеспечить качество жизни обитателям высокоорганизованного пространства.

Складывалось впечатление, что в течение XX—XXI вв. ход мировых событий определялся исключительно США и их союзниками в Европе. Однако подспудно в мире накапливалась энергия противостояния набирающих силу развивающихся стран, которая спровоцировала первые импульсы тектонических сдвигов на всем геополитическом про-

странстве. Да и в самой цитадели рождения этой химеры пришло осознание несостоятельности затеи с установлением однополярного миропорядка и необходимости возвращения в родные пенаты под страхом проигрыша в противоборстве с начавшими формироваться новыми центрами мировых сил.

В мире произошло осознание, что следование положениям «вашингтонского консенсуса», ориентированного на установление господства финансового капитала путем подчинения ему национальных валютных систем и навязывания мировому сообществу принципов МВФ, препятствовало развитию. При этом творцы «империи доллара», опиравшиеся в своей деятельности на МВФ и ВБ, превращенных «де-факто в прислужников министерства финансов США» [5] и отказавшиеся от ее адаптации к новым реалиям, поставили действующую мировую валютно-финансовую систему под удар фрагментации, связанной с формированием альтернативных ей систем.

США, разработав правила игры на мировом рынке и выступая одновременно в роли и игрока, и судьи, оказались проигрывающей стороной на торгово-финансовом поприще, что побудило их бросить «забавы» на мировой арене и перейти к возведению «редутов» на национальных границах. Замена «глобального альтруизма» на «национальный эгоизм» заставила другие страны обратиться к макроэкономическому переосмыслению решения назревших проблем развития экономики и определения степени допустимости ее открытости.

Для США становится все более очевидным, что в мирных условиях формирование новых полюсов, представленных то ли другими (РФ, КНР), то ли группой стран (ШОС, БРИКС, ЕАС) неизбежно, а это подталкивает их к применению силы в условиях все еще сохраняющегося своего явного военно-стратегического превосходства. Одновременно необходимо помнить и об угрозе непосредственной внешней агрессии против России, которая проистекает и из того факта, что наша страна выступает в качестве главного военно-стратегического и политического препятствия на пути установления «нового мирового порядка» под эгидой США и попыток перестройки под него действующих международных институтов и международного права.

В условиях неустойчивости и неопределенности в мире начали происходить геополитические сдвиги, направленные на переформатирование существующего миропорядка и создание новых мировых центров силы. При этом евразийское геополитическое пространство становится главной ареной взаимодействия и сотрудничества, противостояния и противоборства мировых сил влияния. Но полноценной евразийской страной на этом пространстве является лишь Россия, которая становится

и связующим звеном в международном сотрудничестве, и центром в противоборстве геополитических сил, и участником переформатирования евразийского пространства.

Поведение России на международной арене во многом будет зависеть от того, как будут развиваться события и в Европе, и в Азии. Что касается положения в Европе, то здесь сложилась ситуация, изменение которой трудно предсказуемо и характеризуется многовариантностью. Развитие отношений между США и странами Европы приобретает сложный и противоречивый характер, а руководители ведущих государств ЕС задумываются о новой конфигурации сотрудничества в Европе. В частности, канцлер А. Меркель говорит о том, что пора «взять судьбу в свои руки», а Э. Макрон — о необходимости «исторического переформатирования Европы», как в свое время это пытался сделать Ш. де Голль.

Самое важное заключается в том, смогут ли страны Малой Европы осуществить политико-экономическое и военно-стратегическое интегрирование и превратиться в самостоятельный центр силы или останутся в рамках североатлантического альянса под эгидой США. От этого будет во многом зависеть как перспектива Большой Европы, так и участие Малой Европы в различных формах и методах сотрудничества в рамках евразийского пространства. От этого зависит и выбор нашей страны: быть ли ей самостоятельным мировым центром силы или вступать в военно-политический союз с Китаем.

Конечно, нам необходимо разворачиваться на Восток с целью усиления сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, но, разворачиваясь, не оказаться повернутыми спиной к Малой Европе, со странами которой связана большая часть нашей истории. Вполне можно и давление на руководство России с использованием ресурсов финансового контроля американской администрацией над чиновничьим аппаратом и олигархатом России с целью заставить его пойти на определенные уступки и не допустить военно-стратегического союза России и Китая и тем самым ослабить позиции последнего как набирающей силу мировой сверхдержавы.

Относительно Азии можно с уверенностью сказать, что там неизбежно возникновение самостоятельного центра или нескольких центров мировых сил, а также новых организаций экономического сотрудничества, которые, несомненно, окажут существенное воздействие на переформатирование евразийского пространства и придадут ему новую геополитическую конфигурацию. В складывающихся условиях единственно приемлемый формат новой парадигмы развития России — быть полноценной геополитической державой-империей в ее русской интерпретации, при которой только и можно рассчитывать на выживание и процветание.

Другой ее формат не предвещает ничего хорошего в будущем, в связи с тем, что она становится центром внимания всего мира. Это обусловлено следующими обстоятельствами: ее политико-географическим положением в мире, включая евразийское пространство; ее ископаемыми и природными богатствами, имеющими всемирное значение; ее довольно слабой заселенностью от Урала до Дальнего Востока; ее всемирной значимостью в качестве «Ноевого ковчега» в случае природно-экологического катаклизма, вызванного климатическим потеплением на планете.

Несмотря на нагнетание негативной политической атмосферы вокруг России, нам необходимо терпеливо и последовательно проводить политику поддержки консолидированной Малой Европы и изменения вектора ее развития в сторону Большой Европы, не важно в какой ее конфигурации, лишь бы не до Ванкувера, что открывало бы дорогу к единению стран евразийского пространства. Такая политика выгодно контрастировала бы с позицией новой администрации США, приветствующей выход Великобритании из ЕС и призывающей остальные страны этого союза последовать примеру последней.

В этих условиях дальнейшее углубление сотрудничества со странами ШОС и организациями Юго-Восточной Азии существенно увеличивает возможности консолидации стран Евразийского континента, включая Малую и Большую Европу. Тем более, что контуры трансатлантического партнерства становятся все более проблематичными в силу начавшегося процесса финансово-экономической разобщенности в нем и осознания руководством ведущих стран Малой Европы своей самодостаточности и открывающихся благоприятных возможностей поворота на Восток.

При выборе парадигмы развития страны нельзя не обращаться к фундаментальным основам бытия нации. Речь идет о естественно-историческом процессе в виде этногенеза с его этно-природной сущностью (Л.Н. Гумилев), которая лежит в основе национального инстинкта (И.Л. Солоневич) и находит свое проявление в духовно-культурной форме бытия человека и общества (Н.Я. Данилевский), равно как и в политико-идеологической и социально-экономической их жизнедеятельности (К. Маркс, В.И. Ленин).

При осмыслении переломных моментов развития общества, очевидно, следует концентрировать внимание не на различиях сторонах процессов и явлений человеческого бытия, не на выборе одной из них, а на их симбиозе, в их противоречивом единстве, на взаимосвязях, взаимозависимостях. Национальный инстинкт указывает на необходимость учета глубинного, данного природой бытия человека и общества как неотъемлемой формы существования в конкретной природе, частью которой они являются.

Цивилизационная составляющая исходит из духовно-культурной формы их бытия, которая окультуривает, подвергает «огранке» природный инстинкт народа, этноса и вводит их в рамки должного очеловечивания на основе той или иной веры, религии. При этом надо иметь в виду, что в религии содержатся основополагающие идеи бытия человека и общества, проявляющиеся в культуре как секуляризированной духовности.

Все это находит свое проявление в разнообразных формах идеальной и материальной действительности, или цивилизации, отражающей в себе и национальный инстинкт, и веру народа. И, наконец, человек как общественное существо в своей жизнедеятельности и жизнеотправлении вступает в разнообразные идеологические, политические, экономические, технико-организационные, социально-управленческие и прочие отношения, которые обретают тот или иной колорит в зависимости от национального инстинкта и духовно-культурной среды.

Для лучшего представления о взаимосвязях между этими различными уровнями бытия, в которых одновременно пребывает человек и общество, обратимся к нашей истории. Что касается этноприродного момента, или национального инстинкта русских, формировавшегося и развивавшегося на протяжении всей их истории существования, то с ним связаны их основополагающие истоки мироощущения, мировосприятия и мировоззрения. Доброта и отзывчивость, ярость и свирепость, храбрость и самоотверженность, жестокость и беспощадность, жертвенность и иные положительные и отрицательные черты их характера проистекают от естества их природного бытия.

Принятие православия стало для русских тем инструментом, с помощью которого произошла огранка их как природного алмаза и превратила в непревзойденный бриллиант, который засиял всеми гранями своего достоинства. С помощью его были укрощены жестокость, буйство, бесшабашность, неукротимость их натуры, облагорожены другие негативные наклонности и в то же время приучены к выдержке, смирению, терпению, состраданию, соучастию, сохранены и преумножены преданность своей земле, своему Отечеству, любовь к своему народу, Родине.

Именно благодаря принятию нами православной веры произошло преобразование русских в народ-государственник, в народ всечеловеческого духа. Формирование централизованного государства на основе имперского мышления происходило под воздействием, во-первых, горького урока разобщенности русских сил, приведших к утрате своей государственности, во-вторых, выстраданного опыта управления восточных властителей, в-третьих, православной церкви, не только увещевавшей к единению русских земель, но и всеми силами содействовавшей формированию института единовластия. Именно это позволило нам из-

бежать тех кровопролитных войн, которые были спровоцированы борьбой между «папством» и «цезаризмом», различными землями и уделами, которые сотворили «лоскутное одеяло» государственности в Малой Европе.

Одновременно православная вера нам позволила избежать той дикости и варварства так называемой цивилизованной Европы, которые во всей полноте проявились в годы инквизиции, геноцида коренных народов Америки и работорговли жителями Африки, а также колониального гнета в отношении народов Латинской Америки, Азии и Африки. Они нарушили основополагающую заповедь Христа в отношении человеческого общежития: для Бога нет ни эллина, ни иудея. Иначе говоря, для Него все люди и народы равны, нет ни избранных, ни отверженных.

Об этом свидетельствует и притча о добром самарянине, которая была рассказана Им в ответ на вопрос фарисея: кого следует считать ближним? Суть ответа заключается в том, что таковым следует считать любого, кто творит добро, проявляет милосердие в отношении других. Иисус недаром в притчу ввел именно самарянина, ибо самаряне среди других народов были наиболее презираемыми иудеями. Наши предки и мы помним и руководствуемся в своей жизни этой притчей, европейцы игнорируют ее. В этом принципиальное отличие русских от остальных европейцев в межнациональных отношениях.

В процессе расширения своей ойкумены русские никогда не навязывали силой ни религию, ни свой образ жизни, тем более не пытались уничтожать и угнетать проживающие там этносы, напротив, стремились адаптироваться к местным условиям жизнедеятельности. При этом, осваивая великие полиэтнические пространства, русские в отличие от европейцев никогда не превращали их в колонии, а сразу же, если хотите, приступали к их «метрополизации» путем их включения в состав российского государства, в котором они также становились государствообразующими народами.

В данном контексте будет уместно привести заявление бывшего госсекретаря США М. Олбрайт о том, что в мире существует большая несправедливость, когда одна страна владеет большими пространствами Сибири. В этом нашла отражение вся суть западного колониального мышления. У них никак не укладывается в голове, что эти великие полиэтнические сибирские и дальневосточные пространства — не владения России, а сама Россия. Специфика российской действительности заключается в том, что на нашем огромном полиэтническом пространстве нет даже в первом приближении другой нации, кроме русских, которая в случае необходимости пришла бы им на смену в качестве консолидирующего стержня, вокруг которого концентрировались бы силовые линии межнационального единства.

Обращаясь к имперскому содержанию нашего мышления и государственности, следует разграничивать два типа империй. Один связан с захватом тех или иных территорий и распространением власти страны-захватчика на проживающие на них народы, превращая их в вассалов, а территории в колониальные владения. Другой тип империи обусловлен стремлением общества и государства к освоению новых земель, объединению проживающих на них народов в единую социально-экономическую общность и включению их в процесс формирования и развития государства.

Наше державно-имперское мышление никогда не было инфицировано бациллами колониализма, а было направлено на консолидацию народов в интересах упрочения могущества имперского государства. Нельзя не согласиться с периодизацией исторического бытия нашей державы, предложенной А.А. Прохановым: Киевско-Владимирская Русь, Московское царство, Российская империя, Советская империя и Пятая империя, которая находится на стадии своего становления.

В имперской системе с неизбежностью действуют и центробежные силы, олицетворенные в многочисленных и разнообразных по своему этно-конфессиональному составу народах России, включая и русский народ. Что касается русских, то всякого рода попытки к их обособлению в «чисто» русское государство (на чем иногда настаивают наши «рафинированные» русские патриоты) представляют собой не просто угрозу, а катастрофу государства российского с сопутствующими трудно вообразимыми жертвами и страданиями для всех без исключения народов России в силу вышеописанных внешних обстоятельств.

Относительно других народов, входящих в Российскую Федерацию, вполне естественно допускать возможность их стремления к обособленности в условиях, не благоприятствующих для их нормальной жизнедеятельности и развития. Но в этом случае они также не могут игнорировать демографический состав населения, проживающего на той или иной территории, и возникающие угрозы для функционирующего государства.

Главное заключается в том, чтобы и федеральные, и региональные элиты в полной мере осознавали все те последствия, которые могут возникнуть в результате реализации идей сепаратизма. Наш исторический опыт и современная действительность во всей полноте демонстрируют, как народы, вырвавшиеся из «русского рабства», превращаются в страны с внешним управлением и разменную монету в геополитических играх стран Запада, которые игнорируют их национальные интересы.

Современное состояние неопределенности, которое волей или неволей поддерживается властью, вызывает метания между капитализмом

и социализмом, ибо и тот, и другой являются реальностью нашей действительности. И надо заметить, что основным аспектом в этом противостоянии является идеология: буржуазная и коммунистическая. С точки зрения перспективы развития человечества несомненным предпочтением обладает социализм в силу огромной ущербности капитализма с его идеологией потребительства, который, по мнению авторов доклада Римского клуба 2017 г., требует своего демонтажа [8].

В противоположность ему социализм опирается на идеологию возвышенного бытия человека и общества. Мало того, социализм рушит саму матрицу исторического бытия человечества, ядром которой была эксплуатация человека человеком. Уже капитализм принес с собой бутафорские формы свободы и равенства, но сохранил экономическую эксплуатацию, которую упраздняет социализм и тем самым приближает нас к свободе и равенству всех и каждого, дарованных Богом по естеству своего рождения.

В то же время, осознавая ограниченность рассматриваемого исторического периода, связанного с капитализмом и социализмом, с их непримиримыми идеологиями, правомерно, очевидно, обратиться к идеологии бытия народов и государств в предшествующие периоды всемирной истории и задуматься, о чем мыслили наши далекие пращуры и не столь далекие предки, вглядываясь в туманное и неопределенное будущее. Мы допускаем, что течение их мыслей было обусловлено прежде всего ходом внутренних и внешних событий и той конфигурацией окружающего мира, которая вырисовывалась в их воображении и в которой им предстояло жить.

Так что же было для них определяющим, главным? Очевидно, они думали, как и мы, те, которые остались не инфицированными вирусом космополитизма, в первую очередь о сохранении своей жизнедеятельности, продолжении их бытия в этом мире, что не мыслимо вне их государственности, так как только сильное государство гарантирует им нормальное жизнеотправление и безопасность.

Образно говоря, речь идет, несомненно, о Родине-матери, которая олицетворяет собой то, с чем неразрывно связано наше рождение, наша жизнь, наше бытие, т. е. народ, плотью от плоти, духом от духа которого мы являемся. А «государственный» народ уже обретает Отечество, олицетворенное государством, которое несет на себе весь груз ответственности перед народом, выполняя покровительственные, защитные и иные функции по отношению к нему.

В данном контексте нельзя не согласиться с президентом В.В. Путиным относительно того, что главной идеей является патриотизм, а это означает любовь к Родине, Отечеству. За этими возвышенными понятия-

ями скрывается самое сокровенное — любовь к родным и близким, к семье, к своей малой родине, к своему народу. Но в качестве «охранной грамоты» всего этого нашего сокровенного богатства выступает государство и только государство.

Однако формирование такого чувства, свойства, достоинства в человеке требует систематического воспитания особенно в годы детства и юношества. В связи с чем огромная ответственность ложится на школу, которая, не надо забывать, является одним из важнейших институтов государства. Необходимы формы воспитания, напоминающие те, которые были в Советском Союзе, или которые есть в США, где каждый учебный день у школьников начинается с клятвы верности государственному флагу США.

При этом как бы понятие «государство» ни трактовалось, оно представляет собой в одно и то же время и власть над народом, и власть народа, и власть вне народа как воплощенную в действительность волю человека, группы лиц, сословия, класса, общества вне зависимости от того, каким образом она была достигнута и установлена. Надо отметить, что воля представляет то свойство (качество) человека, посредством которого реализуются все остальные его достоинства и недостатки, и которая проявляется лишь в деянии. Вне деяния может быть лишь безволие. Можно иметь массу намерений, желаний, устремлений, но ни одно из них не воплотится в бытие, не станет реальностью вне проявления индивидуальной или общественной воли.

Важнейшим и решающим моментом новой парадигмы должна стать державно-имперская идеология, главная идея которой заключается в государственности как высшей ценности, которая выражается в единственно возможной форме бытия народа, его сохранения, обеспечения безопасности и дальнейшего развития. Если отбросить современные нагромождения, связанные со всякого рода «...измами», и обратиться к всемирной истории народов, то нельзя не заметить, что их судьба определялась, определяется и будет определяться прочностью и упругостью этой формы их бытия. Поэтому необходимо всеми силами и способами защищать этот институт, пресекая любые шаги по его ослаблению и дискредитации.

Всякого рода права и свободы человека вторичны — в силу того, что сам человек с его правами и свободой произведен от народа. Нет народа — нет и человека. А народ в этом противоречивом, жестоком и находящемся в постоянной вражде и противоборстве мире может выстоять и выжить, лишь имея государство, способное защитить его право на существование — ни больше, ни меньше. Поэтому права отдельно взятого индивида не могут довлеть над народом, над обществом, а следовательно, и над государством. Именно государство в лице светской власти

гарантирует те или иные права человека, исходя из интересов народа, условий его общежития и окружающей действительности.

Идея государственности органически вытекает из интравертной ментальности нашего народа, сформированной под воздействием православной веры. К тому же именно православная церковь стояла у истоков единения народов, централизации власти и становления государства российского в имперском его содержании.

Наряду с главной идеей государственности идеология должна включать в себя систему морально-нравственных ценностей, проистекающих из секуляризированных духовных ценностей православия. Выбор данных ценностей в качестве основы для первых обусловлен, во-первых, тем, что у нас нет другой нации, кроме русских, которая могла бы взять на себя функцию межнациональной консолидации общества. К тому же русские является главной государствообразующей нацией, что не исключает, а предполагает считать таковыми и другие народы нашей страны.

Во-вторых, эти ценности приемлемы для других народов и этносов нашего многонационального и поликонфессионального российского народа. В-третьих, исторический опыт становления и развития российского государства свидетельствует об органичном включении других народностей, народов и наций в процессе формирования и развития нашей государственности.

В системе ценностей православной этики главным и определяющим богатством общества является человек, ибо все духовно-культурные и материально-вещественные блага производны от него. Есть человек — будут материальные и нематериальные ценности, ибо они результат его неустанной творческой и созидательной деятельности. А поэтому труд, составляющий ее содержание, должен стать неотъемлемым атрибутом бытия всех и каждого не только в силу необходимости участия в производстве тех или иных благ, но и во благо собственного развития и самосовершенствования. Однако наращивание интеллектуально-духовного потенциала всех и каждого предполагает наличие в обществе всеобщей доступности без ограничений и преференций к объектам здравоохранения, образования, культуры, социальной сферы.

В области политических отношений необходимо исходить из наличия духовной и светской властей, которые разделены в силу того, что церковь отделена от государства. Поэтому необходим баланс светской и духовной властей, посредством которого достигалась бы симфония между ними. Духовная власть, не вмешиваясь в общественные отношения, регулируемые светской властью, выполняет роль своего рода камертона состояния духовно-культурной и морально-нравственной атмосферы бытия человека и общества, светской власти и государства.

Светская власть либо опирается на духовные ценности, либо впадает в грех и осуществляет порочную деятельность. В последнем случае духовная власть начинает обличать светскую власть с целью вернуть последнюю в лоно духовно-культурных ценностей православия и национальных традиций. Поэтому стремление к симфонии духовной и светской властей необходимо не только из-за их обособленности, но и в силу их ответственности перед народом. При этом верховенство духовной власти неоспоримо в силу ее божественной природы. Она дает оценку складывающейся морально-нравственной атмосфере в обществе и структурах светской власти.

В случае слабости или недееспособности светской власти Церковь как представитель духовной власти принимает на себя консолидирующую функцию в жизни общества и становится вдохновителем создания сильной государственной власти. Когда же светская власть уклоняется от духовной власти, вступает в противоречие с ней, игнорирует последнюю и тем самым утрачивает духовную опору, она может впасть в грех разращения общества. Наступает момент диссонанса властей, обусловленный изменением характера светской власти, в результате которого рушатся традиции, устои общества, попираются морально-нравственные принципы жизнедеятельности и жизнеотправления нации. В этих условиях Церковь либо выступает с жесткими и нелицеприятными обвинениями светской власти, либо попускает ее деятельность, ведущую к конфронтации с народом и ее устранению.

С нашей точки зрения, особого внимания заслуживают политические отношения, которые становятся ареной борьбы за власть различных партий, что провоцирует создание условий для нестабильности в обществе и государстве. Поэтому требуются кардинальные перемены, связанные с необходимостью перехода при формировании власти от партийно-идеологической системы к представительной сословно-профессиональной и национально-конфессиональной системе. При таком способе формирования власти наша государственность будет защищена от воздействия партийно-идеологических пристрастий, приходящих во властные структуры. В таком случае, кто бы ни приходил к власти, институт государственности останется незыблемым.

В области экономических отношений необходимо создание двухсекторной модели развития: производство общественных благ и производство частных благ [2]. За первое полную ответственность несет государство, так как с ним связано обеспечение безопасности и обороноспособности страны, а также функционирование социальной сферы, включая объекты инфраструктуры, образования, здравоохранения, культуры, которые должны быть равнодоступными для всех, что позволит непрерывно наращивать интеллектуально-духовный потенциал

человека и общества. Производство второго типа становится объектом приложения усилий частных предпринимателей, функционирующих на принципах коммерческого расчета, под строгим регулированием, контролем и регламентацией со стороны государства [1].

В отношении общественных благ наша ментальность в силу государственно-религиозного и национально-исторического опыта не приемлет партикуляризм, тогда как в отношении частных благ и иных областей хозяйственной деятельности он вполне приемлем. Поэтому успех нашего общего дела будет зависеть от использования таких форм и методов реализации предлагаемого проекта, которые бы опирались на духовно-нравственные принципы его идеологического обоснования.

В этой связи следует заметить, что любая модель предполагает необходимость учета двух составляющих: технико-экономической и ментально-культурной. Первая является всеобщей в силу того, что она — основа любого развития и представлена технологическим укладом и экономическими принципами. Вторая представлена духовно-культурной средой того общества, той нации, на территории которой предполагается реализовать выбранную модель. Если первая опирается на общие организационно-управленческие принципы, то вторая требует таких форм и методов их реализации, которые не вызывали бы эмоционально-культурного отторжения и отвечали бы духовно-нравственным представлениям народа о жизнеотправлении и жизнедеятельности человека и общества.

Весьма важным моментом при выборе модели развития страны является также степень открытости или закрытости экономики. Под закрытостью мы понимаем не автаркию и не изоляционизм, а систему, которая базируется на самодостаточной экономике с точки зрения обеспечения национальной безопасности и опирается на национальный духовно-нравственный, интеллектуально-культурный и социально-экономический фундамент. Это особенно важно для крупных держав в силу того, что именно они в первую очередь сталкиваются с различного рода вызовами времени. Степень открытости экономики определяется тремя незыблемыми принципами: обеспечением национального суверенитета и безопасности страны; вступлением во внешние экономические отношения в той мере, в какой степени они отвечают ее национальным и геополитическим интересам; характером поведения главных ее контрагентов на мировой арене.

Что касается нашей хозяйственной практики, то здесь необходима переориентация финансово-экономических структур правительства на обеспечение экономического роста и социально-экономического развития страны, что требует пересмотра приоритетов как кредитно-денежной, так и финансовой политики. Банк России должен переключиться с

таргетирования инфляции как инструмента обеспечения ценовой стабильности на таргетирование инвестиций и экономического роста, что трансформирует таргетирование инфляции из самоцели в средство ускорения экономического роста. Одновременно Минфин РФ должен отказаться от соблюдения требований «бюджетного правила».

Необходимо также устранить привязку эмиссии национальной валюты к экспортной выручке, а осуществлять ее в соответствии с запросами национальных инвесторов. Такое изменение существенно упрощается тем, что почти все наши крупнейшие коммерческие банки подконтрольны государству, а поэтому проследить движение денег в нужном направлении и на заранее определенные цели при должной ответственности ЦБ не представляется сложным делом.

Российская экономика фактически не испытывает ресурсных ограничений. По расчетам академика С.Ю. Глазьева, она может расти с темпами до 10% в год. Определяющими ограничителями экономического роста являются низкая монетизация экономики и отсутствие должной организаций и управления денежно-кредитными и финансовыми отношениями, которые должны соответствовать требованиям общенациональных интересов, а не интересам иностранного капитала и (или) приближенных коммерческих банков к ЦБ.

В первую очередь необходимы изменения законодательных и нормативно-правовых актов, в соответствии с которыми реализуется экономическая политика государства российского. Дело в том, что законодательные и нормативно-правовые акты принимались в РФ в условиях, когда в мире господствовала идеология «рыночного фундаментализма». Поэтому все подобные целевые ведомственные установки ЦБ и Минфина, которые закреплены законодательными и правовыми актами, должны быть упразднены и трансформированы в денежно-кредитный и финансовый инструментарий по реализации экономической политики, направленной на достижение запланированных макроэкономических показателей социально-экономического развития страны.

По нашему мнению, Минэкономразвития совместно с ЦБ и Минфином должны разрабатывать экономическую политику государства, опирающуюся на долгосрочные прогнозы и среднесрочное планирование развития национальной экономики. Поэтому требуется немедленное введение в действие Федерального закона «О стратегическом планировании», которое было отсрочено на три года сразу после его принятия. Дальнейшее затягивание его исполнения указывает либо на неспособность, либо на нежелание решать задачу планирования экономического развития страны.

В сложившейся обстановке на международной арене движение к намеченной цели, равно как и решение поставленных задач, должны

быть соотнесены со сроками их исполнения. В связи с этим властные структуры должны осознавать и представлять себе временные границы, которые отведены стране ходом истории. Примером такого подхода к решению системных задач может служить разработка проекта ускоренной социалистической индустриализации с ее коллективизацией, культурной революцией, просвещением, образованием, наукой, реализация которого спасла наши народы от фашистского истребления, а российскую государственность от упразднения и заложила основы для будущих прорывов в области науки, техники, технологий, производства, развития общества.

Литература

1. *Ващекин А.Н., Ващекина И.В.* О развитии моделей непрямой государственной поддержки сельхозпроизводителей в Российской Федерации // *Аэкономика: экономика и сельское хозяйство*. 2017. № 6 (18): [Электронный ресурс]. URL: <http://aeconomy.ru/science/economy/orazvitiij-modeley-nepriamoj-gosuda/>.
2. *Ващекин А.Н., Ващекина И.В.* Применение вексельных схем для реализации отраслевой государственной поддержки. Математическая модель // *Вестник Российского государственного торгово-экономического университета*. 2010. № 10. С. 62—71.
3. *Иохин В.Я.* Испытание глобализмом // *Философия хозяйства*. 2010. № 2 (68). С. 106—117.
4. *Иохин В.Я.* Миропорядок и Россия: глобализация и движение к устойчивости мира. Saarbrücken: Palmarium academic publishing, 2016.
5. *Хаттон У.* Мир, в котором мы живем. М.: Ладомир, 2004.
6. *O'Brien R.* Global Financial Integration: The End of Geography Royal Institute of International Affairs. London: Pinter Publishers, 1992.
7. *Fukuyama F.* State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. Cornell University Press, 2004.
8. *Weizsaeckt E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet // A Report to the Club of Rome. Springer, 2017.

В.А. ИОНЦЕВ, А.А. СУББОТИН

Евразийский путь демографического развития — основа спасения «тонущей» России

Аннотация. В работе рассматривается альтернативный западному варианту возможный путь демографического развития России — евразийский путь демографического развития. Современная западная демографическая модель (второй демографический переход), которая предполагает свободу выбора в демографическом поведении, на взгляд авторов, является тупиковым вариантом, поскольку крайне низкая рождаемость, несмотря на относительно низкую смертность, ведет к убыли населения. Особенности евразийского пути демографического развития базируются на национальных традициях, демографических евразийских ценностях и на учете уникального географического расположения державы. Эти идеи евразийства зародились довольно давно, в 1920-х гг., причем корни идеологии прослеживаются еще глубже. Поэтому основной упор, помимо финансовой стимуляции деторождения, необходимо делать прежде всего на пропаганду исконных нравственных ценностей и детовоспитания, которые непосредственно отвечают за качество человеческого капитала. Отмечается, что этот вариант демографического развития для России представляется чуть ли единственным вариантом для выживания российского народа в силу современного демографического кризиса.

Ключевые слова: евразийский путь демографического развития, демографический кризис, демографическое развитие, второй демографический переход, современные информационные технологии.

Abstract. The paper considers the Eurasian demographic development path in Russia, which is an alternative to the Western approach. Its modern demographic model (second demographic transition), which presupposes a freedom of choice in demographic behavior, is, in the authors' opinion, a dead-end option, since an extremely low birth rate, despite relatively low mortality, leads to a decline in population. The features of the Eurasian demographic development path are based on national traditions, demographic Eurasian values and take into account the unique geographical location of the country. These Eurasian ideas originated a long time ago, in the 1920s, the roots of the ideology being even more historically remote. Therefore, the main emphasis, in addition to financial stimulation of childbirth, has to be made on promotion of original moral values and upbringing, which directly determine the quality of human capital. It is noted that in fact this way of demographic development seems to be the only option for the survival of the Russian people due to the current demographic crisis.

Keywords: Eurasian demographic development path, demographic crisis, demographic development, second demographic transition, modern information technologies (IT).

Демографический фактор является определяющим при решении проблем различного рода, будь они социального, экономического, политического или любого другого характера. Любые положительные изменения в государстве, которые хотелось бы, чтобы они произошли, зависят в первую очередь от решения именно демографических проблем. От того, как население будет развиваться демографически, качественно зависит и положительная реализация попыток изменить будущее государства к лучшему. Причина важности демографической составляющей, а не только экономики и территориального суверенитета для любого государства, очевидна: количество и качество человеческого капитала необходимы для решения любых задач.

Нужно ли России копировать современную западную модель демографического развития, которая представляет собой путь демографического вымирания? В этом случае государство и его название, безусловно, останутся, вот только население страны станет совсем иным. Нет необходимости тратить баснословные средства на вооружение, можно просто «программировать» новые «умы», которые демографически сами себя истребят, каковой процесс уже происходит с помощью сети Интернет и других современных информационных технологий. Постепенное старение и, следственно, вымирание стран Запада — не искусственное нагнетание паники, а элементарная статистика, которая еще ужаснее в России, страдающей к тому же от эмиграции наиболее квалифицированных специалистов в Европу и США, Австралию и Израиль, а также от пугающе высокой смертности мужчин трудоспособного и репродуктивного возраста.

Но даже из такого тупика есть выход. Стоит взглянуть, например, на Китай, где по-прежнему приходится искусственно сдерживать рождаемость, а привлечение программистов и других «умов» во многом происходит за счет реально работающих программ по их привлечению и возвращению на Родину. В чем же секрет успеха Китая, чье население уже давно «зарится» на соседние с ним фактически пустующие и неэффективные для экономики территории Российской Федерации? Вероятно, в том, что китайцы — прежде всего нация, т. е. они имеют общие для всех жителей государства, глубоко укоренившиеся нравственные ценности, интерес к истории и искусству страны — и это несмотря на разнообразие диалектов и сложную в сравнении с принятой у нас письменность! Культ семьи, уважения к предкам и родной земле — вот что помогает китайцам

одновременно не «заболеть» «свободой» гедонизма и не скатиться в унылую пропасть безверия и алкогольно-телевизионного эскапизма.

Поэтому одним из возможных сценариев спасения России представляется путь евразийского демографического развития [4, 5]. Данный путь базируется на национальных традициях, историческом опыте, культурных и демографических ценностях (среди которых здоровые дети являются главнейшими) и многом другом, учитывая при этом уникальное географическое положение страны. Сама идея евразийства зародилась в 1920-е гг. и достаточно крепко укоренилась в стране. Его истоки обычно возводят к славянофильской традиции, призывавшей отказаться от слепой ориентации на Европу. Но философы XX в., в отличие от мыслителей XIX в., отвергали панславистский политический проект: следовало вовсе обратиться к Азии. Об этом был сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1», вышедший в Софии в 1921 г. [5]. У истоков движения стояли лингвист Николай Трубецкой, географ и экономист Петр Савицкий, историк и религиозный мыслитель Георгий Флоровский, музыкальный писатель Петр Сувчинский. Таким образом, изначально евразийство включало в себя представителей различных сфер культуры. В 1923 г. некоторые из вышеперечисленных лиц и примкнувшие к ним основали книгоиздательство для пропаганды собственной идеологии, выпускавшее в том числе альманах «Евразийский временник» и журнал «Евразийские хроники», а также два коллективных манифеста и книги. Но еще в 1930-е гг. движение разделилось на противников и сторонников СССР как возможной основы грядущей державы, и сошло на нет как влиятельное течение мысли. Однако здоровые зерна его идей сумели сохраниться — и начинают прорастать в наши времена.

Дело в том, что именно сейчас стало очевидно: Россия по своему местоположению и по своему менталитету может считаться евразийским государством и поэтому стать центром так именуемого пространства. Об этом пишет, например, известный ученый Ю.М. Осипов: «Россия — евразийская страна, <...> в ней присутствуют как европейские, так и азиатские элементы» [10, 274]. Однако страна «определяется в итоге не их смесью, а третьей, преодолевающей оба отмеченных ингредиента, составляющей — российской» [10, 274]. Она — одна из причин того, что грядущая «интеграция — вовсе не растворение России в евразийских просторах, а формирование на этих просторах общего, хотя и не единообразного, экономического пространства» [10, 275]. Оно уже идет: Ю.М. Осипов отмечает, что «сегодня происходит усиление российской хозяйственно-пространственной динамики как раз на восток, в Азию, что связано как с экономическими ресурсобывовыми потребностями страны,

так и с усиливающейся конфронтацией Запада, или Евро-Америки, с Россией, вызванной нежеланием России находиться в вассальной зависимости от Запада во главе с США, и нарастающим ростом России как самостоятельной великой державы — одного из мировых центров» [10, 274]. Таким образом, гуманитарная, или гибридная, война, ведущаяся против России Западом, подталкивает ее к Востоку.

Сделано уже многое: например, созданы Таможенный союз (ТС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Интеграция начинается с экономики, потому что общий менталитет еще формируется, а опасность финансовой зависимости от Запада более очевидна политикам, чем опасность зависимости ментальной. Однако большинство исследующих процесс ученых, например, А.Н. Клепач, отмечают, что экономическая составляющая, в отличие от двух других, не первична, а основой является создание общей идеи [7, 35]. И именно в идейной сфере Россию и сопредельные государства поджидают трудности. Какие?

Допустим, Ф.И. Гиренок показывает в качестве одной из проблем чрезмерную вольность Украины и одновременно необходимость этой страны для пространства евразийского проекта [2, 45—46]. То, что без названной в заголовке страны интеграция невозможна, отмечает и Клепач [7, 38]. А известный ученый С.Г. Кара-Мурза называет такие главные трудности евразийской интеграции, как инстинкт торгаша, дефицит знания, дезорганизация общества [6, 41—44].

Отсюда следует, что для реализации евразийской программы следует, помимо разработки планов в помощь деторождению и детовоспитанию (последнее не менее важно, так как отвечает за качество человеческого капитала), заниматься пропагандой исконных нравственных ценностей. Для этого следует:

- показать опасность «свободной любви» и, напротив, привлекательность прочного, надежного брака — как для женщин (которые все же более склонны к «штампу в паспорте»), так и для мужчин;
- показать опасность аборта и, напротив, пользу материнства для женщины;
- показать опасность жестокого обращения с детьми (юридические последствия и «вырастет — отомстит или по крайней мере не будет помогать в старости» и, напротив, радость воспитания ребенка — что он не обуза, что с ним можно еще интереснее общаться с друзьями, путешествовать, посещать мероприятия (правда, государству придется продолжать развивать доступную для семей с детьми среду — комнат матери и ребенка или игровых в торговых центрах явно недостаточно, нужно подключать музеи, выставочные залы).

И здесь особенно велика роль не только СМИ или законов, но и искусства. Несмотря на засилье негативных фильмов для детей и взрослых, в которых насаждаются насилие, жестокость и распущенность, в последние годы предпринимаются усилия противостоять всему этому. Начинают производиться фильмы и спектакли для семейного просмотра, которые могут быть интересны как дошкольникам, так и их родителям. Формируется и музейная педагогика, т. е. уже наличествуют специальные программы — например, в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге есть ряд программ, экскурсий и конкурсов, с которыми можно ознакомиться на сайте учреждения культуры под общим заголовком «Музей детям» [8]. Все предложенные там формы досуга можно посещать всей семьей, а профессиональные музейные педагоги помогут, помимо ненавязчивого воспитания патриотизма, изготовить и забрать домой на память об изучении того или иного периода бумажную фигурку-игрушку.

Именно привлечение внимания к образу многодетной крепкой семьи поможет стране встать на евразийский путь, чему может способствовать, в частности, воздействие социальной рекламы о крепкой семье и здоровых детях. Ее можно размещать не только на билбордах, как сейчас, на что иногда жалуются водители или любители красивых фотогеничных видов, но и — лучше всего! — в периодической печати, которая продается в метро, в самом метро и наземном общественном транспорте. Читатель или пассажир в процессе потребления услуги ознакомится, допустим, с изображением папы и мамы, радостно пускающих с чадами кораблики, и картинка, многократно повторяемая на различных страницах и станциях, подсознательно запрограммирует его. И, поскольку здоровому духу необходимо здоровое тело, необходимо также озаботиться о медицинской стороне вопроса, например, инновационно развивать инфраструктуру здоровья населения евразийского пространства [1]. Отсюда следует также то, что нужно следить не только за физической сохранностью тел потенциальных родителей, но и за их психической полноценностью, поскольку мать или отец, пребывающие даже в депрессии, не говоря уже об имеющих более опасные и требующие госпитализации диагнозы, вряд ли могут дать ребенку полноценное воспитание. А именно оно позволит, в свою очередь, настроиться на создание своей семьи, на рождение детей.

Преемственность поколений или ее отсутствие — возможно, главная причина высокой или низкой рождаемости в той или иной стране. Когда предки и семья изначально важны для личности, то человек стремится передать не только практическую, но и эмоциональную составляющую этих ценностей, для чего ему требуется оставить потомство. Если

же индивид живет по принципу «я сам(-а)», «только мне», то такой эгоцентризм прямо противоположен стремлению к деторождению: ведь не только матерям, но и отцам приходится делиться с ребенком — например, временем, необходимым для воспитания. Еще и поэтому в каждой семье лучше иметь не менее двух детей: так люди с младенчества приучаются к альтруизму и правильному полоролевому поведению (в случае разнополости детей), поскольку видят его с первых дней и в семье, а не сталкиваются с необходимостью уважать других самое раннее в детском саду, а то и вовсе в школе.

Обращение к ментальной стороне проблемы воспроизводства человеческого капитала важно еще и потому, что Россия, несмотря на некоторое улучшение в демографическом плане в 2011—2015 гг., тем не менее все более оказывается под воздействием демографического кризиса, который первоочередно обусловлен негативными качественными изменениями характера молодежи, легко «впитывающей» западные ценности. Здесь очевидны действия интернета и рекламы, показывающих как «европейскую ценность» меняющих партнеров, которые только и склоны к покупкам новинок техники, модной одежды, экзотической пищи и т. д. Времени на детей у таких представителей человечества нет, желания их иметь — тоже... да по сути, они сами всегда дети — есть даже понятие «синдром Питера Пена». Причина такого явления — отсутствие воспитания ответственности, мнимая легкость и беззаботность жизни [11], ставшая основной тенденцией западной культуры после Второй мировой войны.

Но Россия — не Запад: по крайней мере не только Европа, но и Азия. Это указание на особенность, на отличие, а синтез лучших европейских и азиатских черт в российской цивилизации — знак уникальности нашей страны по сравнению с державами, не имеющими таких особенностей развития. Именно самобытность и исключительность страны и недопущение дальнейшего развития негативных текущих событий способны вывести Россию на путь ее благополучного развития. «Евразийский вектор бытия вполне естествен для России, мало того, он, несмотря на тяготение России к Европе, немало и определяющ, ибо одно дело тяготение России к Европе, а совсем другое — собственное движение России на восток и юг, на юго-восток, к Азии» [10, 274].

Высказанная в середине 1990-х гг. президентом Казахстана Н. Назарбаевым идея евразийской интеграции показана в докладе Ю.М. Осипова «Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность» как необходимый и уже свершающийся исторический факт [9]. Давние панъевропейские тенденции, общеизвестные примеры, которые приводит ученый, противостоят панъевразийским тенденциям Византийской империи, Ордынской империи, Российской

империи, СССР-империи в том числе потому, что авторитарная глобализация, продемонстрированная на рубеже XX—XXI вв. Соединенными Штатами и не устраивающая остальной мир, активно стимулирует международную региональную интеграцию.

Следовательно, согласно Ю.М. Осипову, «евразийский интеграционный мир — возможный прообраз будущего, уже и не западного, планетарного мира» [10, 275]. Таким образом, Россия способна не только сама встать на путь истинный, но и направить на него своих союзников: «мы строим евразийскую интеграцию по заветам князя Трубецкого и Л. Гумилева <...> с полным уважением суверенитета друг друга, без навязывания силы, на основе доброжелательности и взаимовыгодности» [3, 32—33]. И если заветы евразийства, ценности родины и семьи будут привиты так же успешно, как подобные национальные ценности в Китае, Россия не вымрет, а станет, как утверждали философы около ста лет назад, ведущей мировой державой. Но стать мировой державой без многочисленного здорового и умного населения невозможно [12]!

Литература

1. *Бояринцев Б.И., Рожкова Е.В., Чесноков Ю.В.* Инновационное развитие инфраструктуры здоровья населения евразийского пространства // *Философия хозяйства*. 2014. № 1. С. 99—104.

2. *Гиренок Ф.И.* Евразийский проект и Украина // *Философия хозяйства*. 2014. № 1. С. 45—47.

3. *Глазьев С.Ю.* Актуальные проблемы и основополагающие принципы евразийской (постсоветской) экономической интеграции // *Философия хозяйства*. 2014. № 1. С. 22—34.

4. *Ионцев В.А., Субботин А.А.* Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии) // *Балтийский регион*. 2018. Т. 10. № 3. С. 4—18.

5. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев.* Кн. 1: [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php> (дата обращения: 08.02.2019).

6. *Кара-Мурза С.Г.* Евразийская интеграция: главные трудности // *Философия хозяйства*. 2014. № 1. С. 40—45.

7. *Клепач А.Н.* Евразийская идея: политический, идеологический, экономический, социальный феномен // *Философия хозяйства*. 2014. № 1. С. 35—39.

8. *Музей детям:* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artillery-museum.ru/ru/children/> (дата обращения: 07.02.2019).

9. *Осипов Ю.М.* Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // *Философия хозяйства*. 2014. № 1. С. 17—22.

10. *Осинов Ю.М.* Евразийский интеграционный вектор России // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 274—275.

11. Как распознать синдром Питера Пена: [Электронный ресурс]. URL: <https://psychoday.ru/kompleks/pitera-pena-sindrom.html> (дата обращения: 07.02.2019).

12. *Iontsev V.A., Subbotin A.A.* Current scenarios for the demographic future of the world: the cases of Russia and Germany // Balt. Reg. 2018. Vol. 10. No. 3. P. 4—18. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-1.

В.К. ПЕТРОВ

Геостратегия России в отношении Украины: религиозно- политический раскол вчера, сегодня, завтра

Верую... Во едину Святую, Соборную
и Апостольскую Церковь...

Православный Символ Веры

Киев — мать городов русских.

Историческая надпись в центре Киева

Аннотация. Украина и Россия — некогда две части одной древней Киевской Руси. Их исторические дороги разошлись после монголо-татарского нашествия, но осталась наиболее сильная общая черта — православная вера, которая после многочисленных исторических событий способствовала их воссоединению в единое государство. Сегодня именно по православию враги России и Украины наносят свой коварный удар. Геостратегия России должна ответить на главный вопрос: как нейтрализовать эти сатанинские замыслы?

Ключевые слова: Россия, Украина, Киев, православие, Константинополь, Москва, государство, воссоединение, империя, раскол.

Abstract. Russia and Ukraine were some time back in history the two parts of one ancient Kiev Russia. Their historic tracks became different after the Mongol & Tatar invasion, but the strongest common feature, i.e. orthodox faith, led to their reunion after many historic events. Nowadays, the enemies of Ukraine and Russia make their perfidious blow just against Orthodoxy.

The Russian geostrategy must answer the main question, how to beat these satanic plans.

Keywords: Russia, Ukraine, Kiev, Orthodoxy, Konstantinopolis, Moscow, state, reunion, empire, schism.

Начало: Киевская Русь

Первое русское государство возникло в 862 г., столицей которого стал в 882 г. Киев. В 988 г. произошло ключевое событие, сыгравшее решающую роль во всей последующей истории российского государства — крещение Руси Вел. князем Владимиром. Христианство Русь приняла от Византии, и, таким образом, в духовно-религиозном плане становится частью Византийской империи, а именно Киевской митрополией Константинопольского патриархата. Соответственно, все первые митрополиты поставлялись из Константинополя.

Первым русским митрополитом собором русских епископов был избран Илларион в 1051 г. при деятельном участии Вел. князя Ярослава Мудрого, не желавшего слишком зависеть от Византии не только в церковных, но и светских делах. Однако со смертью Ярослава Мудрого в 1054 г. начались междоусобия и постепенное политическое ослабление Киевской Руси, что имело и духовно-религиозные последствия. В конце XI в. киевские князья возвратили Византии важное право ставить киевских митрополитов [3, 154]. Укрепление связей с Константинополем, тем не менее, не способствовало усилению центральной власти в Киеве.

В государстве не был выработан четкий закон о престолонаследии, поэтому велась жесткая, а порой жестокая борьба за великокняжеский престол между братьями, дядьями, племянниками. Всякие попытки усилить центральную власть, например, Владимира Мономаха, разбивались об устоявшийся удельный порядок государственного устройства. Авторитет киевского Вел. князя постепенно падал и из-за постоянных интриг, клятвопреступлений, честолюбивых поступков. Достаточно вспомнить поведение народа киевского после смерти Вел. князя Юрия Долгорукого (сына Владимира Мономаха) в 1157 г. Его так ненавидели, что народ разграбил его дворец и загородный дом [3, 206].

Вместе с тем падало и значение Киева как столицы государства. Сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский не любил этот город и вообще Южную Россию как постоянный очаг междоусобиц и кровавых конфликтов. Сам он получил свой удел на северо-востоке во Владимиро-Суздальской земле. И как только представилась возможность ударить по Киеву в 1169 г., он собрал ополчение одиннадцати князей и осадил город, взял его на третий день осады и подверг грабежу в течение трех дней [3, 220]. Такова крайне неприятная сторона междоусобиц: россияне

грабили россиян. С этого времени Киев фактически перестал быть столицей государства, которая переместилась во Владимир.

Формально Киевская Русь просуществует еще до 1240 г., когда Киев был окончательно razорен монголо-татарами, и бывшая когда-то крупная держава распалась на разные части со своими особенными историями. К сожалению, принятие христианства не означает дальнейшее автоматическое процветание государства. Вера без дел — мертва, тем более, если светские дела становятся богопротивными.

Разделение: Русь под монголо-татарами

Падение Киева означало начало разделения Руси, ее центром становится Северо-Восточная Русь со стольным градом Владимиром, затем Москвой, а Юго-Западная Русь ее окраиной — Украиной³. Разорение Киева и окрестных земель заставляет многих жителей спасаться в лесистых и более безопасных землях на Северо-Востоке. Отсюда, по преданию, возникло название «Малороссия», т. е. там, где мало русских. Церковь следует за своей паствой, и в 1299 г. митрополит Максим оставляет навсегда Киев (до митрополий нового времени) и переезжает во Владимир. А в 1320 г. митрополит Петр переезжает из Владимира в Москву, которая становится фактически церковной столицей Руси. Его преемник митрополит Киевский и Владимирский Алексий уже имеет официальную резиденцию в Москве. Этот исторический этап можно назвать эпохой сосредоточения Руси вокруг Москвы: политического, экономического и духовно-религиозного.

В это же время возникает еще один центр на части Киевских земель во главе с Вел. князем Литовским и Российским Гедемином (1316—1341), который овладел Западной Русью и Киевом (1320 г.), и который не платил дани Орде. Гедемин вел хитрую политику в отношении Орды и уважал религиозные чувства своих новых христианских подданных, будучи сам веротерпимым язычником. Положение изменилось после заключения брака между польской королевой Ядвига и литовским Вел. князем Ягайло в 1386 г., после чего произошло католическое крещение Литвы в 1387 г. Дело в том, что Польша в 966 г. приняла христианство по западному образцу и связала свою духовно-религиозную судьбу с Римом.

Таким образом, все земли Юго-Западной Руси оказались в пределах польско-литовского государства. Православную церковь тогда в этих пределах возглавлял митрополит Литовский и Волынский Роман. Эта отдельная от Москвы митрополия возникла в Литве в 1352 г. и также входила в иерархическую систему Константинопольского патриархата

³ В московской Руси название всякого порубежья, предельной области на краю государства. Города пограничной местности назывались украинскими [5, 1821—1822].

[4, 585]. То есть митрополиты в Москву и Литву поставлялись из Константинополя. Здесь начинается завязка будущих интриг польско-литовского католического государства против православной церкви на Украине и выявление позиции Константинопольского патриархата по поводу религиозно-политических событий на его канонической территории.

Итак, на землях бывшей Киевской Руси еще нет своей автокефальной церкви. Однако геополитическое положение Византии стремительно ухудшалось. Остатки империи практически со всех сторон обложили турки-османы, и Константинополь вынужден обратиться за помощью в Западную Европу. В результате, в 1438 г. происходит подписание Флорентийской унии, по которой Константинополь признал примат Римского папы, ряд положений католического учения (прежде всего об исхождении Св. Духа от Отца и Сына (*filioque*), о чистилище), оставив за собой обрядовые и внутриорганизационные традиции.

На Флорентийский собор из Москвы был послан Вел. князем Василием II митрополит грек Исидор, ярый сторонник унии, выполнявший волю Константинопольского патриархата. По возвращению Исидор принялся было внедрять положения унии в церковную жизнь на Руси. Однако Вел. князь немедленно пресек его деятельность. В самом Успенском соборе он «назвал Исидора не пастырем и учителем, а «папским прелестником и волком» и велел заключить его под стражу в Чудовом монастыре» [6, 74].

В 1441 г. он был осужден собором русских епископов, но сумел сбежать в Рим, где получил от папы Римского кардинальскую шапочку и умер там в 1462 г. в звании Константинопольского патриарха. Сама уния не помогла Константинополю, и он пал в 1453 г. Унию отвергло громадное большинство православных церквей Востока, и в 1448 г. Василий II повелевает собрать собор русских епископов и избрать русского митрополита без всякого участия Константинополя⁴. Новым Московским митрополитом стал Иона, и можно говорить о начале фактической автокефалии Москвы и отражении натиска Ватикана.

Начало воссоединения: Московская Русь

В 1480 г. Москва окончательно освобождается от ордынского ига и становится единственной независимой православной страной. Начинается самодержавное государственное развитие в окружении враждебного мира. На западе Москва сталкивается с усиливающимся союзным государством Польши и Литвы — Речью Посполитою⁵, которая продолжала удерживать западнорусские земли. В XVI в. происходят многочисленные

⁴ Так как там продолжали признавать униата Исидора Московским митрополитом.

⁵ В 1569 г. этот союз был усилен заключением Люблинской унии.

войны и вооруженные конфликты последней с Русью, которые носили не только геополитический характер борьбы за территории, но и со стороны Москвы борьбу за защиту православных жителей западнорусских земель.

В религиозном аспекте обе части русских земель по-прежнему оставались канонической территорией Константинопольского патриархата. Однако его значение и возможности резко снизились в связи с падением Византии. В Константинополе отказались от вредной и бесполезной во всех отношениях Флорентийской унии и стали искать помощи и поддержки внутри православного мира. В 1588 г. Константинопольский патриарх Иеремия прибыл в Москву за моральной и финансовой помощью в связи с бедственным положением православного центра в турецком окружении. Патриарх встречался с царем Феодором Иоанновичем и фактическим правителем Борисом Годуновым.

В результате произошло важнейшее событие для укрепления авторитета и консолидации русского государства. В 1589 г. Москве была предоставлена автокефалия, и Иеремия посвятил в патриархи русского митрополита Иова. Затем восточные патриархи подтвердили учреждение патриаршества в Москве. Это означало, что Русь в дополнение к политической приобрела и церковно-религиозную независимость и становилась мировым духовно-религиозным центром и надеждой всего мирового православия.

Польские власти не могли безучастно смотреть на все это, и началось сильнейшее давление на епископат западнорусской митрополии Константинопольского патриархата с целью поглощения православия и нейтрализации в случае обострения конфликта с Москвой украинского населения. Так в 1596 г. при активном участии польского короля Сигизмунда III заключается Брестская уния, и большинство западнорусских епископов под невероятным давлением присоединяется к Римско-католической церкви. Однако полностью подавить православие на Украине не удалось.

Прежде всего, против унии выступил экзарх Константинопольского патриарха Никифор, который категорически отверг унию и низложил всех епископов-отступников. До этого в православие вернулись два епископа: Гедеон Львовский и Михаил Перемышльский [1, 150]. Большинство православного народа пошли за ними, а не за униатами. Экзарх Никифор, таким образом, вместе с другими исповедниками отстоял православие в западнорусских землях и заплатил за это дорогую цену: он умер от голода в заключении в польской тюрьме в 1599 г. [1, 156]. В этой связи нельзя не отметить очевидную слабость Константинопольского патриархата после падения Византии, потерявшего всякое политическое влияние на своей канонической территории.

В XVII в. религиозно-политическая борьба Руси с Речью Посполитою приняла особо острый характер. Недавно возрожденное русское государство чуть опять не исчезло с политической карты мира в Смутное время. Иноземные иноверцы, пользуясь глубоким внутренним политическим кризисом и слабостью тогдашнего правящего класса, проникли в самое сердце Отчизны — в Московский Кремль. Низложив в 1610 г. царя Василия Шуйского, думские бояре образовали переходное правительство, так называемую Семибоярщину, которая присягнула на верность польскому королевичу Владиславу и пустила поляков в Москву.

И только Русская православная церковь не пошла на преступный сговор с врагом. Возвания патриарха Гермогена к народу подняли религиозно-патриотический дух всего общества, и Москва была очищена от иноземных интервентов. Сам святитель повторил судьбу экзарха Никифора — он умер от голода в польском заключении. Русь была спасена, и впереди предстояли новые битвы с Речью Посполитою за веру и политическое влияние в Восточной Европе.

В западнорусских землях Речи Посполитой после 1596 г. началась борьба православного народа против Брестской унии. Существенную роль в этой борьбе сыграли православные братства — союзы мирян, объединенных вокруг различных церковных приходов. Они следили за порядком внутри и вокруг церкви, выполняли вспомогательные работы для приходских нужд, охраняли территорию и даже вмешивались в дела духовенства, если видели какие-то его нарушения в быту и на службе. Братства особенно не терпели расположение к унии. Дело доходило до жалоб Константинопольскому патриарху.

Значение братств еще более усилилось после вступления в состав Киевского братства запорожских казаков во главе с гетманом Сагайдачным в 1620 г. Можно сказать, что православные миряне не дали польским властям принудить весь западнорусский клир пойти на унию. Однако положение православных в Речи Посполитой ухудшалось. И в 1648 г. вспыхнуло восстание запорожских казаков во главе с гетманом Богданом Хмельницким. Требования восставших носили как социально-экономический, так и религиозно-политический характер.

В результате кровопролитных сражений запорожцам не удалось договориться с польскими властями на приемлемых для себя условиях. У них явно не хватало сил для продолжения военного противостояния. И Переяславская рада в 1654 г. принимает решение просить русского православного царя принять их с подконтрольными им землями (так называемая Гетманщина) в московское подданство. Это решение уже было согласовано с Москвой, где незадолго до этого Земский собор принял решение о принятии православных западнорусских земель под свою

защиту. Польский король обвинялся в нарушении гарантии веротерпимости.

Началась Русско-польская война 1654—1667 гг., которая закончилась Андрусовским миром. Левобережная Украина с Киевом отошли к Московскому государству. Запорожье отказалось подчиняться польской короне и фактически также присоединилось к русскому государству. «Вечный мир» 1686 г. подтвердил условия Андрусовского мира, и в том же году Константинопольский патриархат отказался от Киевской митрополии и передал ее в юрисдикцию Московской патриархии. Итак, Киев политически снова стал русским городом, и отныне Киевские митрополиты начинают поставляться РПЦ.

Воссоединение продолжается: Петербургская Россия

Россия и Польша в XVIII в. имели противоположные исторические траектории. Если российское государство, несмотря на все трудности и испытания, расширялось и усиливалось, дойдя до размеров империи, то польское хирело и сжималось, как шагреневая кожа. Если в России происходил процесс централизации власти и государственного управления после Смутного времени, то в Польше наблюдался разгул шляхетской демократии. Короли постоянно избирались на сейме, будучи ставленниками тех или иных групп, а крупные магнаты в своих владениях вели себя как независимые удельные князья. Все это напоминало удельный период в истории Киевской Руси и не могло не кончиться национальной трагедией.

В конце XVIII в., в 1772, 1793 и 1795 гг., произошли три раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией. Почти все земли бывшей Киевской Руси за исключением Галиции и Карпатской Руси оказались в составе Российской империи, и начался процесс воссоединения униатов с православием. Следует учесть, что он начался в 1839 г. и закончился в 1875 г. как реакция на польские восстания 1830—1831 и 1863 гг. Можно заключить, что уния никак не помогла польскому государству в его борьбе с Россией. Униаты, естественно, переходили под юрисдикцию Русской православной церкви, в управлении которой произошли серьезные изменения.

Петр I упразднил патриаршество в России и фактически сам стал во главе административного управления церковью, назначая гражданского обер-прокурора Св. Синода. Эта система просуществовала до 1917 г., и хотя такое управление не соответствовало православным канонам, все восточные патриархи, включая Константинопольского, вынуждены были его признать в силу своего шаткого положения в Османской

империи и возросшей мощи России. Тем не менее, межцерковные отношения с Константинопольским патриархатом в синодальный период в силу еще ряда причин оставались достаточно прохладными.

Таким образом, к концу XIX в. униатство исчезло в России и осталось только в австрийских владениях (Галиции), что затем сыграло крайне отрицательную роль в религиозно-политической ситуации на Украине. Униатство стало духовной основой украинского национализма и сепаратизма. И этому всячески способствовали австрийские власти, готовясь к противостоянию с Россией в Первой мировой войне. Но, прежде всего, они зачистили Галицию от русофильских униатов путем неприкрытого террора и создания концлагерей Телергоф и Терезин.

Здесь важно отметить, что из униатства исторически выявилось два выхода: либо воссоединение с православием⁶, либо полный разрыв с матерью-церковью, православным народом и его государством. В австрийской Галиции все было сделано, чтобы сделать из униатов врагов России как в политическом, так и в религиозном плане. И снова мы видим тесное переплетение политических и религиозных факторов, которое может работать как на воссоединение, так и на раскол, стабилизируя или раскачивая национальную государственность.

Важно еще отметить, что в самой католической Польше к униатам было подозрительное отношение — они считались неполноценными католиками. Скоро после окончания Первой мировой войны была восстановлена польская государственность, Галиция оказалась вновь в составе Польши, и польские власти уже на себе почувствовали возросший дух украинского национализма и сепаратизма, который со всей свирепостью проявился затем в годы Второй мировой войны. Создавая унию против православия, поляки сами пожали ее горькие плоды.

СССР: зигзаги церковной политики в России и на Украине

Политический кризис 1917 г. в России непосредственно затронул все стороны общественной жизни и прежде всего РПЦ. Главным событием в церковной жизни было восстановление 21. 11. (4. 12.) 1917 г. патриаршества во главе с патриархом Тихоном. В стране начиналась Гражданская война, и патриарх оказался территориально отрезанным от многочисленных епархий и митрополий. На «белых» территориях в 1919—1920 гг. возникли Высшие церковные управления, которые занимались всеми духовно-религиозными вопросами в связи с отсутствием

⁶ Протопресвитер Г. Шавельский вспоминал, что в 1915—1916 гг. когда Галиция переходила из рук в руки, православным священникам было достаточно легко служить в униатских храмах, так как «униатская масса — народ — совсем не разбиралась в богословских тонкостях. ...В душе простецы-униаты верили, что они одно с нами» [2, 35].

связи с патриархом. В дальнейшем практически все эти иерархи и священнослужители покинули Россию с остатками белой армии и создали Русскую православную церковь за границей (РПЦЗ).

Патриарх Тихон остался в России и выступал против братоубийственной гражданской войны, конфискации церковных ценностей, репрессий против священнослужителей и простых верующих. Он пострадал от новой власти и скончался в заточении в 1925 г. Отношение советской власти к религии и церкви хорошо известно, именно эта власть поддержала новый раскол в церковной среде. Речь идет об обновленческом расколе, существовавшем в период 1917—1943 гг. Общий политический кризис спровоцировал и появление на Украине во время Гражданской войны раскольничьей Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ).

Итак, распад Российской империи и Гражданская война привели к глубокому кризису всю структуру и систему управления Русской православной церкви. Руководство РПЦЗ отвергло декларацию заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. о лояльности верующих советской власти и заняло крайне анти-советскую позицию. Внутри страны существовал обновленческий раскол со своей иерархией, продолжала существовать и раскольническая структура на Украине (УАПЦ). До поры до времени такая ситуация устраивала власти, так как ослабляла духовно-религиозное влияние церкви на общество — «разделяй и властвуй»!

Однако политическая обстановка ухудшалась, приближалась большая война, и надо было уже не разделять, а консолидировать общество. В 1935—1937 гг. происходит ликвидация УАПЦ на территории СССР. Во время Великой Отечественной войны советское руководство под давлением различных обстоятельств идет на сближение с РПЦ. В 1943 г. происходят выборы патриарха, открываются духовные учебные заведения, восстанавливаются закрытые храмы и ликвидируется обновленческий раскол.

По итогам войны Галиция и вся Западная Украина входят в состав СССР, и там ликвидируются все униатские структуры, как и во времена Российской империи на территории бывшей Речи Посполитой. Многие униаты во главе со своим руководством запятнали себя сотрудничеством с немецкими нацистами. Их храмы передаются РПЦ. Внутри страны восстанавливается внешнее церковное единство. Остается только отдельная церковная структура за границей (РПЦЗ)⁷. Однако ситуация снова кардинально меняется в связи с политическими событиями в СССР.

⁷ С 17 мая 2007 г. самоуправляемая церковь в составе Московского патриархата.

Начинается перестройка, и в 1989 г. Горбачев встречается с папой Римским, после чего в 1990 г. легализуются униатские общины в Галичине. Восстанавливается старый очаг сепаратизма и русофобии, начинается захват православных храмов на Западной Украине. В 1989 г. возобновила свою деятельность на Украине и УАПЦ. В Москве в 1990 г. проходит избрание нового патриарха РПЦ, и Украинская православная церковь получает широкую автономию. Тогдашний митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко) проиграл патриаршие выборы и возвращается в Киев, как оказалось с далеко идущими планами.

Политическая обстановка в государстве накаляется, центр теряет контроль над страной, и СССР распадается на бывшие союзные республики. На Украине политический кризис сопровождается возрождением всех старых раскольничьих церковных движений. Советская власть, таким образом, заканчивается так же, как и начиналась: с распадом страны и подготовкой нового церковного раскола.

Политический распад СССР: удар по церковному единству

Распад страны немедленно сказался на религиозной ситуации на Украине. В 1992 г. Киевский митрополит Филарет объявил о создании Украинской православной церкви (Киевского патриархата), которая была отвергнута РПЦ как неканоническая, а сам Филарет предан анафеме. До 2014 г. раскольники параллельно существовали с УПЦ МП, к которой относилось до 2/3 всех православных приходов, без открытого противостояния. Церковный кризис принял особо острый характер после государственного переворота 2014 г., когда резко обострились отношения с РФ в связи с событиями в Крыму и на Донбассе.

Киевские власти под внешним давлением наносят удар по УПЦ МП, единственно оставшемуся институту, связывающему Украину с Россией. Украинское государство способствует объединению всех раскольничьих структур и обращается в Константинопольский патриархат с просьбой об автокефалии. Совершенно очевидно, что Киев и Константинополь являются пешками в чужой мировой шахматной игре. Коллективный Запад поставил цель окончательно разъединить Украину и Россию — и не только геополитически, но и в духовно-религиозном плане.

Первый шаг — вытеснить каноническую православную церковь с Украины. Представляется, что на этом дело не кончится, и новая неканоническая православная структура на Украине подвергнется дальнейшему давлению. Нет ничего нового под солнцем, и мы видим возрождение старого русофобского униатского духа на Западной Украине. Именно эти люди играют сегодня активную роль в политической жизни в стране — антирусская волна из Галиции накрыла Киев. Весьма вероятно, что коллективный Запад не остановится на новой православной

структуре, а потребует перехода ее в унию с Римом. Слабость и зависимость Константинопольского патриархата очевидны, так что от него не должно последовать никаких возражений. Униатская Украина означает полный разрыв с Россией.

Итак, на сегодня мы во многих смыслах пришли к религиозно-политическому положению Украины и России 1654 г. Украина еще не входит в состав России, и Киевская митрополия подчинена Константинопольскому патриархату. Исторический выход из той ситуации хорошо известен и описан выше, но какова современная стратегия России по отношению к Украине? До 2014 г. российская политика в этом направлении была амбивалентной и по сути неэффективной, замыкаясь в основном на финансовых и газовых вопросах, не понимая, что дух ваяет формы.

Сегодняшний враждебный России дух господствует в современном украинском государстве. Чтобы переломить эту реалию необходимы сверхусилия как внутри Украины, так и за ее пределами. На память приходят православные братства, боровшиеся в XVII в. против унии, смелая политика московского государства на воссоединение с православными братьями. Следует подчеркнуть, что Украина вне России — это Украина вне истории, подобно всем остальным членам НАТО или ЕС. История показывает, что Украина не может быть реально независимым и полностью суверенным государством. Киев — мать городов русских и наша общая христианская купель, иными словами, Украина — это часть большой России, или Святой Руси, и ее нельзя отдавать на откуп богоборческим сатанинским силам Запада.

Итак, по христианским представлениям государство и церковь нераздельно и неслиянно связаны между собой. Государство — это тело, а церковь — дух общественного организма. Чтобы изменить сущность государства, надо изменить его дух, что мы сейчас и наблюдаем на Украине. И чтобы вновь соединиться с Божьей помощью с Украиной, в самой России должен восторжествовать христианский православный дух, и «Если Бог за нас, кто против нас?» (Рим. 8:31).

Литература

1. Ватикан: натиск на Восток. М., 1998.
2. Воспоминания Последнего Протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 2. М. 1996.
3. *Карамзин Н.М.* Предания веков. М., 1988.
4. Малый энциклопедический словарь. Т. II. Вып. III. С.-Петербург, 1908.
5. Малый энциклопедический словарь. Т. II. Вып. IV. С.-Петербург, 1909.
6. *Назаревский В.В.* Из истории Москвы. 1147—1913. М., 1914.

Е.В. ЗАЙЦЕВА, П.С. ТОЛКАЧЕВ

Вектор экономического развития мировых цивилизаций

Аннотация. В статье анализируются особенности экономического развития основных мировых цивилизаций: западной, исламской, восточной и российской. Обосновывается тезис, что на современном этапе возрождение России как мировой державы может примирить разногласия между западной, исламской и восточной цивилизациями и создать более благоприятные условия для устойчивого развития всего мирового сообщества.

Ключевые слова: экономика, мировые цивилизации, вектор экономического развития.

Abstract. The article analyzes the features of economic development of the main world civilizations: Western, Islamic, Eastern and Russian. The author substantiates the thesis that at the present stage the revival of Russia as a world power can reconcile differences between Western, Islamic and Eastern civilizations and create more favorable conditions for the sustainable development of the entire world community.

Keywords: economy, world civilizations, vector of economic development.

Сущность экономического развития

Нам уже неоднократно приходилось высказываться о движущих силах социально-экономического развития цивилизаций, в том числе российской (см., напр. [1]). Общей причиной общественного развития, в какой бы форме оно не происходило, является признание человеком (и, соответственно, обществом) простого факта — своего несовершенства.

Как отмечали мы в одной из своих работ, «человек есть духовное существо, имеющее материальный носитель — тело. Духовно-нравственные качества человека позиционируют его как существо *вечное*, в то время как телесная оболочка — *временное*. В этом непримиримом противоречии реализуется *цель* земной деятельности человека — *достижение совершенного вечного бытия*. Человек постоянно ищет полноты радости жизни. Это свойство заложено в его сущности. Отсюда — стремление к духовному и физическому совершенству, побуждающее его, одновременно, к прогрессу и в сфере материального производства» [2].

Распространенное представление об экономике только как о сфере удовлетворения материальных потребностей не является точным. Здесь не хватает смыслообразующего целеполагания, ибо все созданные материальные блага временны, имеют ограниченную ресурсоспособность и

поэтому требуется постоянное их возобновление (воспроизводство). Высшая же и конечная цель развития человека — преодоление своего несовершенства и достижение человеком вечного и полноценного бытия, а в экономическом приложении — *избавление его от необходимости бороться за свое материальное существование*. Именно на это направлены научно-технический прогресс и все фундаментальные научные изыскания в области материального производства.

Таким образом, действительной *высшей целью* экономического развития — *идеалом* — выступает не удовлетворение материальных потребностей как таковых (пусть даже оно будет «полным»), о чем говорит марксистская школа, или — «безграничным», которое прокламирует неоклассика в лице «мейнстрима»), а господство человека над природой или, выражаясь библейским языком, речь идет о *восстановлении царского достоинства человека по отношению к материальному миру*.

По своей сущности данная цель является *духовной*, а материальная среда — та сфера, в которой осуществляется духовная претензия человека на достижение совершенного (и, следовательно, вечного) бытия.

На основании вышеизложенного мы можем дать следующее определение экономики: *экономика — это совершающееся внутри природы духовно-ориентированное воспроизводство материальной жизни человека и общества с целью достижения совершенного бытия*.

Развитие составляет важнейшую сущность хозяйственной деятельности любого экономического субъекта: отдельного человека, семьи, предприятия, региона, отрасли, национального государства и, в конечном счете, всего мирового хозяйства. Если хозяйствующий субъект утрачивает способность к развитию, он рискует исчезнуть как самостоятельная единица. Это относится и к национальному государству.

Разумеется, если говорить в практическом плане, абсолютное господство человека над природой не может быть достигнуто. Природа по своему мироустройству бесконечно сложна, а человеческий разум всегда ограничен уровнем своего развития, достигнутым на данный момент времени. Однако этот факт не отменяет духовного стремления человека к достижению совершенства. Поэтому общий процесс экономического развития включает в себя не только высшую, но и промежуточные цели, которые специфическим образом формируются на каждом конкретном этапе истории.

Хотя развитие выступает необходимым условием существования для всех экономических субъектов, направленность этого процесса (вектор развития) для каждого из них обладает своими отличительными свойствами. Это весьма хорошо видно на примере цивилизационных особенностей современных национальных государств. Когда мы сравниваем их

векторы развития, то обнаруживаем в цивилизационном плане они глубоко дифференцированы, разделены на отдельные (зачастую противоположные) группы. Данная проблема — и прежде всего цивилизационные особенности экономического развития России — является предметом исследования настоящей работы.

Цивилизационные особенности экономического развития

Важнейшим политическим результатом окончания Второй мировой войны стало образование Организации Объединенных Наций. На ее основе сложилась новая система мирового хозяйства, были сформулированы принципы и правила международных экономических отношений. Однако надежды на долгожданный консенсус в сфере мировой экономики не оправдались. Обнаружилось, что в своем развитии национальные государства предпочитают придерживаться своих собственных — специфических — целей, далеко не всегда совпадающих с целями других государств. И что особенно важно, выявились группы стран, исповедующих один и тот же путь развития и на этой основе объединившихся в более или менее устойчивые политические и экономические союзы. В культурном плане речь идет о современных *цивилизациях*. Среди последних наибольшую роль сегодня играют западная, восточная, исламская и российская (последняя представлена одной страной — Россией). Отношения между ними характеризуются существенными цивилизационными отличиями [3].

Экономические цели Западной цивилизации

Страны, относящиеся к Западной цивилизации, характеризуются относительно слабой сплоченностью национальных социумов. В них господствует индивидуализм и превозносится личная свобода (как высшая ценность). Поэтому хозяйственное развитие стран Запада уже с XVI в. (с эпохи меркантилизма) пошло по пути рыночной экономики (как адекватной формы экономической реализации личной свободы).

Начиная с этого времени все европейские экономические школы (от неоклассиков до монетаристов, исключая, разумеется, марксизм и институционализм) в буквальном смысле слова обожествляли рыночную экономику, способную, по их мнению, удовлетворить неограниченные материальные потребности человека. Именно из этого и проистекает то чувство правоты (совершенно непостижимое для других народов и цивилизаций), с которым человек Запада ведет диалог со всем остальным миром. В частности, Запад своей ментальностью не может понять, почему Россия, исламские страны и Восточный мир отвергают так называемые гей-парады.

Развитие рыночной экономики в ее западно-европейском варианте основано на росте капитала. Последний не может находиться в состоянии простого или, тем более, суженного воспроизводства. Он требует непрерывного расширения. Именно в этом лежит причина непрекращающейся на протяжении целых столетий внешнеэкономической экспансии западного социума по отношению ко всему остальному миру и общемировых конфликтов. Конечным продуктом западного сценария для всего мира является *глобализация*. Ее осуществление означало бы создание единого мирового государства и, соответственно, ликвидацию всех нынешних почти 200 государств (превратив их в некие провинции единой мировой империи), что абсолютно противоречит нынешней многонациональной мировой системе.

Экономические цели Исламской цивилизации

Ислам исходит из сакрального характера подчинения всей деятельности человека религиозному закону. Главными ценностями здесь выступают Бог, государство и семья. Вектор экономического развития мусульманских народов не направлен целиком на создание материальных благ. Рынок занимает важную часть в исламской экономике, но в отличие от западной модели не играет в ней главной роли. Ислам благоговейно возделывает землю, поощряет производство и торговлю.

В исламском вероучении стяжание богатства ради богатства осуждается. Производственная деятельность мусульманина не должна причинять зла другим людям. В отличие от господствующей в мире финансовой модели ислам утверждает *отказ от ссудного процента*, что

позволяет думать об исламской экономике как преодолевшей многие недостатки капиталистической системы. Ислам признает и частную, и государственную, и смешанные формы собственности. При этом основой производительной деятельности в исламе признается труд, а не капитал.

С точки зрения целей развития Исламская цивилизация не находится в конфликте ни с странами Востока, ни с Россией. Однако по большинству своих существенных свойств она противостоит Западу.

Экономические цели стран Восточного мира

В нашей работе под *Восточным миром* мы понимаем группу стран, располагающихся к востоку от России, для которых характерен относительно одинаковый тип экономического развития. При всех многочисленных политических, экономических, религиозных и культурных различиях все эти страны роднит один и тот же признак, который мы условно называем *государственным национализмом*. Речь идет об отношении к государству как высшей общественной ценности. Это восприятие весьма характерно для Китая, Вьетнама, Кореи (Северной и Южной)

и Японии. В меньшей степени его можно обнаружить у Индии, Непала, Таиланда и других восточных государств (но и там оно присутствует достаточно явно).

Важнейшим духовным признаком восточного социума выступает *сплоченность нации вокруг государства и его главы*. Отсюда проистекает особенный характер национальной психологии восточных народов, часто именуемый на Западе тоталитарным (ибо он совершенно непонятен обыденному западному сознанию, основанному на крайнем индивидуализме).

Мировая экономическая статистика ясно показывает, что Восточная цивилизация сегодня — самая динамично развивающаяся. Ее три главных представителя — Китай, Япония и Индия — концентрируют 40% населения планеты. Их ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности (ППС), занял сегодня соответственно первое, третье и четвертое места в мировой экономической иерархии, тогда как ВВП США опустился с первого места на второе (после ВВП Китая).

С точки зрения идеалов экономического развития страны Восточной цивилизации не могут принять западных ценностей (как, впрочем, и никаких других). Они идут своим путем, не навязывая своей идеологии соседям. Однако эти страны ясно осознают глобалистские намерения Запада. Поэтому, учитывая их огромный потенциал и нравственное превосходство над Западом, обострение их противоречий с западным миром представляется весьма вероятным.

Экономические цели Российской цивилизации

В России на всем протяжении ее истории все внутринациональные экономические отношения строились и получали институциональное закрепление на мировоззренческой (цивилизационной) основе. В своем развитии они прошли три периода.

В Патриархальной России (первый исторический период), начиная от призвания Рюрика в 962 г. и до Октябрьской революции 1917 г., они зиждились на принципах русской правды — нравственного закона российского социума, всех его сословий. В этот период хозяйственные усилия наиболее активной части общества не нацеливались исключительно на увеличение личного или государственного благосостояния. Движущей силой элиты тогдашней России было *миссионерское стремление распространить русскую правду* как духовный эталон человеческой жизни *на другие страны и народы*. Утрата обществом (и, прежде всего, его высшими сословиями) принципов русской правды привела к исчезновению России первого периода и рождению России новой — Советской России.

В советский период прежняя духовная направленность российского социума не исчезла, но была существенно модифицирована. Новое общество объявило о рождении *новой русской правды*: построения «рая на Земле» на основании принципов научного социализма. Причем речь шла о построении этого рая не только для себя (для России в лице СССР), но и *для всего человечества*. Поэтому, как и в первом периоде, в Советской России экономический базис строился не на узко национальной, а на мировоззренческой (цивилизационной) основе. Была поставлена задача созидания *коммунистической цивилизации и перехода к ней всего человечества*. Российским (советским) обществом овладела новая мессианская идея.

Так и не осуществив на протяжении почти всего XX столетия поставленных целей и разочаровавшись в социализме, российское общество в 1991 г. выбрало для себя новую (внешне привлекательную) модель развития: используя рыночные отношения, достичь высокого *личного благосостояния*. Для ее реализации была выбрана рыночная экономика западного образца. Однако в отличие от западного социума у российских людей не оказалось того индивидуального материалистического эгоизма, на котором зиждется экономика Западной цивилизации. «Виною» сему — коллективистский характер российского общества.

После распада СССР новая российская экономика сразу утратила свою макроэкономическую эффективность, которая и до сих пор в полном объеме не восстановлена. Однако самое важное состоит в том, что Россия до сих пор не выработала новый идеал своего развития (образно говоря, *третью русскую правду*), который был бы способен и объединить всех людей в одно единое общественное целое, и повести их к достижению намеченной цели. В нахождении этого идеала и состоит главная задача современного российского общества.

Цивилизационное противостояние

«Вглядываясь в посткоммунистический мир, — пишет российский историк и политолог А.И. Уткин, — Запад видит, что такие цивилизации, как *восточноевропейская, латиноамериканская, индуистская*, хотя и проходят определенную фазу самоутверждения, не проявляют очевидной враждебности по отношению к нему и не пытаются демонстрировать своего превосходства над западной культурой. Но азиатские цивилизации — *китайская, японская, буддийская* и движущийся в этом смысле параллельно с Азией *мир ислама* — занимают все более жесткую позицию в отношении Запада. Как азиаты, так и мусульмане ныне открыто утверждают свое нравственное превосходство над западной цивилизацией» [4].

Совершенно очевидно, что в современном мире увеличивается обострение цивилизационного противостояния. Возрождение России, восстановление ее статуса как мировой державы может дать миру шанс — примирить, хотя бы на время, разногласия между Западной, Исламской и Восточной цивилизациями и даровать всему мировому сообществу более спокойные условия развития.

Литература

1. *Зайцева Е.В., Толкачев П.С.* Три периода российской истории // Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. М.: Издательский дом «Библио-Глобус», 2018. С. 366—371.

2. *Толкачев П.С.* Духовно-нравственные начала экономики // Философия хозяйства. 2011. № 2 (74). С. 121—128.

3. *Толкачев П.С.* Цивилизационные различия экономики // Львовские чтения — 2017: сб. статей V Всероссийской научной конференции / Государственный университет управления. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. С. 168—171.

4. *Уткин А.И.* Россия и Запад: история цивилизаций: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2000.

Н.А. ИВАНОВ, А.А. ИВАНОВ

Проблемы единства и патриотизма в современных политических условиях РФ*

Аннотация. Рассматриваются вопросы формирования единой идентичности в российском социуме с целью объединения усилий для реализации национальных проектов. Проанализирован исторический опыт единения в России, также вскрыты текущие проблемы, препятствующие подобному единению в современных условиях. Предложены критерии ресурсного и институционального обеспечения, позволяющие реализовать объединение в обществе как на уровне государства, так и на более низких уровнях. Показано, что основой институционального обеспечения является легитимность власти и собственности, что позволяет

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Теоретико-методологические основы формирования стратегии инклюзивного развития экономики России» № 17-02-00040 «а».

выстраивать иерархические структуры, главной задачей которых является сглаживание противоречий имущественного неравенства.

Ключевые слова: власть, собственность, легитимность, принуждение, единство, патриотизм, иерархия, сословия, альтруизм, инклюзивное развитие, социальные отношения, исторический опыт, имущественное неравенство, этнические элементы.

Abstract. The issues of forming a single identity in Russian society are considered with the aim of combining efforts for the implementation of national projects. Analyzed the historical experience of unity in Russia, also revealed the current problems that impede such a unity in modern conditions. Criteria for resource and institutional support have been proposed, allowing for unification in society, both at the state level and at lower levels. It is shown that the basis of institutional support is the legitimacy of power and property, which allows building hierarchical structures, the main task of which is to smooth out the contradictions of property inequality.

Keywords: power, property, legitimacy, coercion, unity, patriotism, hierarchy, estates, altruism, inclusive development, social relations, historical experience, property inequality, ethnic elements.

Одной из проблем успешной реализации стратегии инклюзивного развития экономики России является отсутствие адекватной институциональной среды. И в первую очередь — недостаточность единства в обществе. Дискуссии о необходимости выстраивания такой среды наталкиваются на наличие замкнутого круга — благоприятная институциональная среда обеспечивает единство, а единство обеспечивает благоприятную институциональную среду. Попытки моделирования ранее реализованного единства и в России, и в других странах оказываются несостоятельными из-за различий в специфике исторических и экономических условий сегодня в России и в рассматриваемые периоды общественного развития той либо другой страны. Тем не менее опыт единения наций, их патриотического подъема — далеко не редкость в истории, да и в текущем времени. И, как ни странно, институциональная среда в подобных условиях была далеко не идеальная. Ниже предпринята попытка выявления механизмов сплочения граждан в рамках общественных конгломератов на уровне наций, государств, региональных сообществ. Организатором такого единения всегда выступала потомственная элита в этих сообществах, а механизм его реализации осуществлялся через принуждение. Последнее достигалось как через прямое силовое воздействие, идеологическое манипулирование, материальное стимулирование, так нередко и через жесткий политический террор. Для реализации подобного механизма принуждения к единству, элите было необходимо иметь:

- комплекс политических, экономических и силовых рычагов приращения в виде властных полномочий;
- непререкаемую легализацию своего статуса потомственной элиты;
- правовую и историческую легализацию своей собственности;
- устоявшиеся сословные структуры в составе конкретного государства.

Политическая и экономическая либерализация, навязанная извне либо возвращенная внутри страны, когда перечисленные четыре условия ослабевали или вовсе переставали действовать в таком государстве, всегда приводила там к смене элит. После завершения такой смены и восстановления статуса перечисленных выше условий механизм единения способен был заработать вновь, но уже под новые цели и задачи и, как правило, под новыми политическими и экономическими лозунгами. При этом даже сильное имущественное неравенство такому единению не угрожало, что ставит под вопрос сегодняшние опасения о расколе в обществе при активной динамике текущего неравенства в мире [7, 2].

Принудительный характер реализации единства и патриотизма неизбежно приводит к издержкам в самой такой практике. Но эти издержки порой не соизмеримы по масштабу с теми отрицательными последствиями, которые появляются уже после решения национальных задач, на которые единство в первую очередь было направлено. Так после окончания двух чеченских войн в 1990-х гг., во время которых чеченская нация показала то самое единение, сплотившись против России, та же Чечня оказалась самой отсталой по экономическому развитию в составе РФ. Стимулы для единения против России — западные деньги и западная же пропаганда.

Если обратиться к истории национального единения Японии после Второй мировой войны и Южной Кореи после Корейской войны, то мы найдем там традиционное материальное стимулирование, позволившее мобилизовать усилия указанных наций и вывести страны на передовые рубежи в экономике. США с их западными союзниками сделали доступными для Японии и Южной Кореи мировые рынки для товаров этих стран. А это самый важный материальный стимул для населения, это значит, что есть работа, за которую после реализации товара на экспорт можно будет получить хорошую зарплату. Когда же США посчитали Японию своим экономическим конкурентом, они этот мировой рынок для японских товаров одномоментно закрыли, изменив совместно с Британией курсовую политику и подняв в цене иену в два раза. После этого Япония превратилась в стагнирующую страну на целых 20 лет [3]. Япония дополнительно получила еще и институциональные пережитки в виде непосильных для страны социальных обязательств перед старшими поколениями.

Что касается Южной Кореи, то для США эта страна сегодня тоже уже конкурент. Но так просто, как Японию, ее уже не выдворить с мирового рынка, поэтому, чтобы избавиться от такого конкурента, США втягивают Южную Корею в противостояние с Северной Кореей, нагнетая на Корейском полуострове гонку вооружений. А свои пережитки бывшего единения Южная Корея тоже получила — в виде женской дискриминации и перспектив демографического коллапса [6].

Сплочение немецкой нации во Второй мировой войне также вызвано отнюдь не пропагандой нацизма, и даже не террором СС и гестапо, а традиционным материальным стимулированием, когда солдатам вермахта было разрешено без ограничений отправлять с фронта посылки домой с военными трофеями. И большая часть разграбленного имущества из России ушло в Германию именно через такие посылки. В сплоченности же ополчения Минина и Пожарского также сыграло роль материальное стимулирование — ополченцы получали за службу небывалое по тому времени жалование — от 30 до 50 р. в год в зависимости от статейного статуса [2].

Но вернемся к российским реалиям. Когда Президент РФ говорил о «духовных скрепах» между нашими людьми, он имел в виду, прежде всего чтобы все граждане РФ чувствовали себя одним народом. Чтобы было ощущение принадлежности к единой нации. Теперь есть такой праздник — День народного единства. Правда, изгнание поляков из Москвы в начале XVII в. особых эмоций не вызывает. Скорее День Победы больше подходит на эту роль. Когда вся страна сплотилась и выстояла в страшной войне. Страна тогда была другая — СССР, и ценности другие. Тогда люди хорошо помнили кровавый ужас Великой Отечественной. Сейчас на фоне комплекса неполноценности, проигрыша в холодной войне, экономической несостоятельности возникают милитаристические настроения, что мы готовы двинуться хоть «на Берлин», хоть «на Вашингтон» и превратить их в «радиоактивный пепел». Такие неадекватные, шапкозакидательские настроения, конечно, тревожат. Так все-таки есть ли единство среди народов РФ? Недавно исполнилось 25 лет кровавым событиям в центре Москвы. Расстрел Верховного совета. До сих пор нет адекватной оценки со стороны нынешних властей тем действиям Ельцина, которые спровоцировали эти события. Никто не просил прощения за жертвы невинных людей, нет и примирения. До единства очень далеко. Вообще власть принимает свои законы, никак не считаясь с мнением населения. Недавний закон о пенсионном возрасте и его повышении тому свидетель. До 90% населения «против». Ученые, экономисты, социологи цифрами доказывают пагубность для страны этой реформы. Собирают миллионы подписей «против», пытаются провести референдум. Но мнение большинства народа было проигнориро-

вано, и в спешном порядке закон был принят. При этом решение практически было принято кулуарно. По такому же принципу принимаются и другие решения. В частности, поддержанное большинством воссоединение Крыма. Что же в первую очередь является препятствием к единству? Конечно, это чудовищное неравенство и несправедливость. Вообще говоря, неравенство в обществе существовало и будет существовать всегда. Неравенство было и в Советском Союзе и никак не мешало народу чувствовать себя единой нацией. Но, во-первых, это неравенство строилось по принципу «каждому по труду», а во-вторых, оно не было таким чудовищным и таким несправедливым.

В России сейчас около 20 млн — это те, кто официально имеет доходы ниже прожиточного минимума. По другим данным Росстата, их в 2 раза больше. Реально же бедных намного больше. В частности, президентом было обещано к 2018 г. увеличить производительность труда в 1,5 раза и добиться повышения реальных зарплат в 1,5 раза. Однако этот рост не состоялся, как не были реализованы и 25 млн новых высокопроизводительных рабочих мест, обещанных к 2020 г. При этом возрастают миллиардные доходы олигархов. Иностранные финансисты утверждают, что 82% личного богатства в стране приходится на долю 10% самых обеспеченных граждан РФ [10, 6]. Причем эта бедность не временная, а хроническая. И они, и их дети будут ограничены в доступе не только к деньгам, но у них будут заведомо худшие условия в здравоохранении, образовании и т. д. Исследования такого экономического положения очень часто предупреждают об очень печальных последствиях, которые наша страна уже переживала — о социальных потрясениях. Действительно, Февральская революция, произошедшая в России более 100 лет назад, явилась полной неожиданностью. Профессиональный революционер В.И. Ленин — и тот «проспал» ее.

Рассмотрим сначала, как вопрос национального единства обстоял ранее. На рубеже XIX и XX вв. национальные государства доказали, что они являются самой эффективной политической единицей. Ведь именно такое государство способно вызвать и сохранить чувство общности и солидарности, порождающее лояльность и преданность и уменьшающее потребность в принуждении. Российская империя оказалась слишком большой и неуклюжей, а главное, слишком разнородной, чтобы породить такое же чувство общности. Впрочем, это оказалось верным и в отношении Габсбургской и Османской империй, которые также прекратили свое существование в начале XX в. А вот Британская империя, базирующаяся на четырех этнических компонентах: англичане, валлийцы, шотландцы и ирландцы, процветает и является примером многослойного национального сознания.

И царская Россия и, позднее, советские вожди предпринимали попытки внушить аналогичное многослойное национальное сознание еще

более разнородным этническим элемента империи. Одно время казалось, что эта идея увенчается успехом, но, как сейчас видно, все усилия оказались тщетными. Одной из причин этого явилось то, что в течение XVIII—XIX вв. имперское дворянство и крестьянство кардинально расходились в представлении о власти, культуре и обществе. Контраст между ними, конечно, не был полным. Обе стороны почитали царя, православную церковь. Во времена наибольшей опасности, например, вторжения Наполеона, они могли действовать сообща. Нечто похожее наблюдается в современной РФ, где 84% составляют ординарные работники, заработок которых составляет 0,21 от среднего заработка стран ОЭСР, и высокооплачиваемые занятые — 16%, у которых соответственно заработок 0,80. Раскол по доходам этих двух категорий имеет качественный характер и делает некорректным рассмотрение их как единого целого. А в число высокооплачиваемых попадает еще и часть занятых двух групп: 1) проживающие в метрополии; 2) занятые в секторах экономики, являющихся приоритетными для утилизационной модели.

Раскол и раньше, и теперь значительный. И, конечно, проходит он не только и не столько в сфере экономики. Что еще важно — эти сообщества удалялись и удаляются друг от друга. Кульминацией первого процесса стали Революция и Гражданская война 1917—1921 гг. В современной России страна позиционируется как многонациональное государство. В то же время из паспортов были убраны сведения о национальности. И государствообразующая, титульная нация — русские — находится в худшем положении и вымирает быстрее остальных. А ведь чувство солидарности, ассоциируемое с национальным сознанием, способствовало бы чувству единства, смягчало бы жестокие политические конфликты. Такой путь представляется предпочтительнее попытки возрождения империи. Однако процесс вымирания населения РФ, запущенный в 1990-х гг., когда ежегодно становилось меньше на 900 тыс. человек, опять набирает обороты [1, 4]. Причем уровень рождаемости снижается, а смертность увеличивается. Если тенденцию не переломить, нас наверняка ждет демографический коллапс. Основных причин убыли населения две: падающий уровень жизни (доходы россиян падают четвертый год подряд) и снижение качества и доступности медицинской помощи. Причина последнего — не война и не стихийное бедствие, а просто «оптимизация здравоохранения». В результате этой реформы к концу 2018 г. число больниц сократилось более чем на 115, а поликлиник — более чем на 7%. Может ли олигарх быть патриотом? М.Е. Салтыков-Щедрин писал: «Нельзя быть паразитом и патриотом в одно и то же время, ни по очереди, т. е. сегодня патриотом, а завтра проходимцем».

Чтобы произошли эти и другие изменения, необходимо прежде всего восстановить сменяемость власти в стране, изменить систему с од-

ной доминирующей партией. Президент, агитируя за увеличение пенсионного возраста, обещал, что продолжительность жизни вырастет до 80 лет — сейчас 67 лет у мужчин и 77 лет у женщин. А вот эксперты ООН утверждают, что к 2050 г. в России вымрет 14 млн человек. Трудно ожидать единства олигархов с народом, если их доходы в 200 000 раз больше дохода среднестатистического бюджетника. Да и понятия о Родине у них другие. Такие, как у Янкеля из гоголевского «Тараса Бульбы»: «Там ему лучше, туда и перешел». Это он о предательстве Андрия. «Когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами». Это слова В.И. Ленина, которые актуальны и сегодня.

Если мы хотим судить о степени единства и патриотизма в древности, мы обращаемся к историческим источникам. Так источником информации о Куликовской битве служат «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище [9, 3], где утверждается представление о Дмитрии Донском как о спасителе Отечества, а о его победе — как об эпическом свершении. Пишут о миллионном войске у Мамаю и 200-тысячном у Дмитрия. Однако специалисты по военному делу пришли к выводу, что в бою сошлись всего тысяч восемь с обеих сторон, все в конном строю. Схватка была скоротечной, и в результате татары регировались. Так что масштаб сражения становится скромнее. И результат сражения стал тем, что после этого не в Орде, а на Руси решали, кто будет великим князем.

А что представляет собой субъект патриотизма — русский человек? В чем состоит особенность русской души? И. Одоевцева пишет, ссылаясь на И. Бунина: «Наши русские православные души лиричны, аскетичны, мрачны и сумасбродны» [5, 263]. Оглядываясь вокруг, нетрудно, подобно Пушкину, воскликнуть: «Боже, как грустна наша Россия!». Но, как и художники, которые изображают гору Фудзи не натуралистически, а такой, «какой она должна быть», иными словами, создают некий идеальный облик ее, так и нам следует судить о русских не по нам грешным, а по святым и по тем идеалам, которыми грезит русский народ. А идеалы его высоки. Он грезит не о могучей, сильной, процветающей России, а о святой. Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» отметил: «Доминирующая черта русских — их религиозность, мессианизм, обратная сторона религиозности — леность, апатия. Он всецело поглощен своим идеалом, а поэтому “земное” не вызывает в нем энтузиазма. Русский человек добр, даровит, свободолюбив, но при этом лишен дисциплины, жесток, склонен к нигилизму и хулиганству» [4].

Из-за капризов русской природы рождается и особая способность русских к величайшему труду в невероятно сжатые сроки. Причем работали сообща, всем миром. Природа с долгой зимой и скверным летом научила работать быстро. Но вместе с тем никакой народ так не бежит размеренного труда, как русский. Он может сварить суп из топора и даже

подковать блоху в пику англичанам, но русский — это анархист. Огромность русских пространств не способствовала в нем выработке самодисциплины и самодеятельности. Действительно, любая власть основана прежде всего на насилии. Петр I — великий реформатор, прорубивший окно в Европу и буквально вытолкнувший туда отсталую Россию, сменил наемную армию на армию рекрутируемую. У прежних государей служили свободные люди за зарплату и привилегии. У Петра в армии служили рабы за пайку. За малейшее ослушание их могли убить. Более ста видов проступков со стороны солдат карались смертной казнью. Отряды, стреляющие в собственные отступающие войска, ввел в русской армии Петр I. Петровская промышленность, основанная на рабском (крепостном) труде, обусловила позднейшее отставание России в XVIII—XIX вв. Известный русский историк Павел Милоков писал, что после петровского правления Россия недосчиталась 20% населения. Именно с Петра российский народ раскололся на два народа — аристократический и «черный». «Верхний» народ даже выглядел по-другому — брился и одевался по-европейски. У аристократии были иная система ценностей, иной язык. Это сильно тормозило формирование буржуазного национального государства, что и привело в результате к 1917 г. Вместо единства — раскол, вместо патриотизма — насилие. А как в современной РФ?

В 2018 г. 23 самых богатых олигарха увеличили свое состояние на 1 трлн 800 млрд р. На столько же увеличивается расходная часть бюджета страны. Среди них половина имеют иностранные паспорта. Кстати, иностранцам уже сейчас принадлежат 80% торговли и 70—95% строительных отраслей [8]. В СССР проводилась неуклонная забота о воспитании единства страны и патриотизма. Марксистско-ленинская идеология пронизывала все сферы общества. Это принесло определенные плоды. Была сформирована новая общность — советский народ. И этот народ как единое целое встал на защиту своей Родины.

Какие же итоги страна получила после перестройки? Это развал великой державы, уничтожение экономики, армии, культуры, предательство русских геополитических интересов, бесконечные криминальные разборки, коррупция в органах власти и правопорядка, обнищание населения, духовная и нравственная деградация молодежи, русофобия и геноцид русского народа. Что же могло бы улучшить положение с единством народа не на словах, а на деле? Уже говорилось о создании национального государства. Необходимо, чтобы русский народ занял полагающееся ему достойное место в своей стране. Народ должен гордиться своей страной. И не только успехами в футболе, но достижениями в науке, культуре, труде. Именно трудом создаются богатства страны.

Литература

1. *Анин И.* Россиян может постигнуть судьба мамонтов // Мир новостей. 2018. № 46.
2. Второе народное ополчение: [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Второе_народное_ополчение (дата обращения: 25.10.2018).
3. *Кузнецов А.В.* Предпосылки и последствия создания гибридной модели хозяйствования в Японии: [Электронный ресурс]. URL: <http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/teksty/291-a-v-kuznetsov-predposylki-i-posledstviya-sozdaniya-gibridnoj-modeli-khozyajstvovaniya-v-yaropii> (дата обращения: 21.09.2018).
4. *Лосский Н.О.* Характер русского народа. Посев, 1957.
5. *Одоевцева И.* На берегах Сены. М.: Худож. лит., 1989.
6. Поколение сампо: почему женщины в Южной Корее не хотят детей и отношений: BBC News Русская служба: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/34443468/?frommail=1> (дата обращения: 21.09.2018).
7. *Сапожников О., Мануйлова А.* Общественному договору угрожает неравенство // Коммерсантъ. 2018. № 175. 26 сент.
8. Советская Ярославия. 2018. № 38.
9. *Шаров Б.* Куликовская битва — великое сражение? // Русская история. 2018. № 9.
10. *Шигарева Ю. и др.* Россия—2018: богачи богатеют. А народ? // Аргументы и факты. 2018. № 44.

Е.С. ЗОТОВА

Софиасофские горизонты сознания современной России

Аннотация. В статье представлены четыре положения, характеризующие софиасофскую суть, функцию и трансформацию сознания в современной России. 1. Сознание есть идеальная силовая энергия, творящая миры, богов, людей, все реалии, их эволюцию в софийный мир Иной. 2. Сознание есть создатель, хранитель и носитель оригиналов, праформ, алгоритмов разума, человека, инфернала и вещей. 3. NBIC (Э) — это попытка (зряшная и опасная!) Запада создать посредством синтеза нано-, био-, информ-, когнитив-, экологических технологий искусственное сознание, дабы, прикрывшись им, избежать возмездия предвечного созна-

ния, следящего за соблюдением Меры и Справедливости Великой Неизвестности. 4. Философия хозяйства и софиасофия представляют подлинный — гибридный — образ сознания, сохраняющего в своей целостности сакральные, inferнальные, природные, социокультурные, человеческие, логосные, технологические, виртуально-информационные, символические, криптогенные свойства русского сознания в современном мире.

Ключевые слова: сознание, софиасофия, Россия.

Abstract. The article presents four provisions characterizing Sophiasophia's essence, function and transformation of modern Russia's consciousness. 1. Consciousness is the ideal power energy creating the worlds, gods, people, all realities, their evolution in sophia's another world. 2. Consciousness is a creator, a keeper and a carrier of originals, proformas, reason's algorithms, the person, infernal and things. 3. NBIC is an attempt (obvious and dangerous!) of The West to create by means of synthesis nano-, bio-, inform-, kognito-, ecological technologies, artificial consciousness that having covered with it, to avoid punishment of the eternal consciousness monitoring observance of the Measure and Justice of the Great Uncertainty. 4. Philosophy of economy and a sophiasophia represent an original, hybrid image of the consciousness keeping in the integrity sacral, infernal, natural, sociocultural, human, logos, technological, virtual and information, symbolical, cryptogene properties of the Russian consciousness in the modern world.

Keywords: consciousness, sophiasophia, Russia.

Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...
Все неразумно, необычайно:
Взмахи побед и разлук...
Мысль замирает пред вещью тайной
И ужасается дух.

М. Волошин

Нынешний мир оказался в ситуации полилектической и апокалиптической. Куда не кинь, везде клин: понимающего знания нет, без такого знания жизнь невозможна, а насилие не решает современных проблем.

А проблемы сегодня решают не столько люди, сколько Великая Неизвестность. «Верхи» не могут говорить о своих планах, что именно, кто и как делает, и что они сделают, куда заведут народ. В России история сегодня идет свободно, повинувшись лишь Неизвестности, которая сама выдвигает из бытия новую Россию: не рыночную, не плановую, не смешанную, а гибридно-цифровую. Нужно глубинное мировоззрение, дающее смысловое понимание реальности, чтобы на его основе создать

криптоконцептуальную власть. Смысловым организмом этой концепции должна стать Русь, хранящая в себе Откровение софийного сознания, когда понимание и знание нисходят к ищущим их людям, даря им свои спасительные смыслы. София ведь познает, не познавая, ибо она есть откровение Неизвестности; знает, не зная, ибо состоит из смысловой субстанции, порождающей знание. Великая Неизвестность задает особые цели бытия, а люди ищут для них средства, ибо такие цели требуют знания мира Иного, а это доступно лишь софиасофской мудрости, которая дает адекватное осознание скрытой идентичности России посредством русских смыслов. Так отвечает Россия оракулу Дельфийского храма: «Познай самого себя, и ты познаешь богов и Вселенную!».

Сознание — основная порождающая, движущая, формирующая, определяющая сила и неведомая константа современного мира, его перводвигатель, создатель, хранитель и носитель его неведомого метафизического проекта, который задает его телеологию, теологию и эсхатологию, продуцируя творящие смыслы его первомудрости Софии.

В архаических и древнейших обществах, в религиях и мифах сознание ценили выше Логоса-разума, видя в нем жизнесохраняющую силу, истоки пророчеств, духовные, душевные и социологические дары. Мудрецы, шаманы, маги, знахари и волшебники превосходили других людей не своим умом, а своим сознанием и осознанием, откуда рождалось и понимание чарующего, влекущего и страшного мира вне и внутри людей. Ум-разум ценился везде и всегда, но лишь как средство принятия решений и достижения целей, но не как высшая целевая и смысловая причина.

Просвещение свершило умственную революцию, воздвигнув ум-разум на престол «Высшего Существа», подчинив ему богов, сделал его главным судьей человеческих деяний и событий истории, превратив его телеологию и эсхатологию в абсолютный смысл истории, жизни, личности. А сознание вместе с совестью, моралью отодвинуло на периферию социума.

Но история бытия (а, может быть, и мироздания?) вершит свой Страшный Суд все же по смысловым императивам и указам сознания. Современная западная (прогрессивная?!) цивилизация создана умнейшими людьми на основе умных решений и проектов, нобелевской наукой, умными средствами, умными институтами, «умным оружием», рациональной экономикой и политикой, умственностью массового образования, умнейшими неорелигиями, хитрейшими (а хитрость, по Гегелю, — высший пилотаж ума и женщины!) проектами. Но результатом триумфального шествия ума-разума стало тотальное безумие самого ума, решений, институтов, деяний, людей, бессознательность в целях, проектах, смыслах. А главное — эта цивилизация утратила понимание себя и

последствий своих деяний, творя произвол, беззаконие и вытворяя безумные энтропийные дела именно из-за недооценки сознания, дающего понимание, меру и справедливость творимого «блага». Западная цивилизация творит множество умнейших дел, не сознавая их суицидных последствий. Ядерные заряды могут уничтожить жизнь на Земле сотню раз, но ум Запада работает над сто первым уничтожением нашей планеты. Зачем? Ради чего? Кому это нужно?

Запад, чувствуя невозможность решать свои проблемы только посредством разума, решил заменить сознание с его идеальными и моральными атрибутами искусственным интеллектом, но кризис, катастрофы, апокалиптика не отступают, а плодят новые смертельные неразрешимости во всех сферах истории, упраздняют человечность, заменяя ее клоно- и роботопаранойей.

Но ведется и работа с мощным финансированием в тайных лабораториях над созданием искусственного сознания. В контексте объективного психогенного пространства (ноосферы) идет моделирование смыслоподобного квазисознания, создается полигибридный синтез естественных, инженерно-технических и социогуманитарных знаний. Новые информационные технологии занимаются созданием самоорганизующихся систем, которые могут обретать квазисознание, становящееся программой моделирования других искусственных сознаний. Идет конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (NBIC-конвергенция) в цельную структуру инженерного конструирования и эксплуатации новых — гибридных — носителей сознания. В NBIC-конвергенции Запад видит грядущий исток власти, богатства, оружия, новую кастовую основу дряхлой элиты — нетократию (см.: [1]), владеющую ключами глобальных сетей.

Гегель открыл закон истинного исследования сознания: «Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» [2, 9]. Это значит, что все изучаемые реалии нужно рассматривать и как творческие «существа», которым присущи особая целемерность, особый разум, особое сознание, особый язык. Для Аристотеля наличие души (сознания) у растений и животных очевидный факт. Есть у всех реалий и своя «мораль» — служить тайной мудрости бытия.

А кто решил, что сознание присуще только человеку? Человек — единственное существо, способное из лжи и пиара сделать профессию. Доверять человеку в таких вопросах опрометчиво, ибо он узурпировал сознание, чтобы монопольно эксплуатировать его смысловые субстанции.

Мифы, сказки, фольклор, анимизм, поэзия традиционного общества, открывшего все основные блага для последующих цивилизаций,

наоборот, полагали, что особое сознание, смысл, язык, разум присущи миру и всем его созданиям⁸. Нужно лишь изменить «настройки» разума, чтобы он видел не просто субъекты и объекты, а во всяком объекте и субъекте выявлял творчество сознания. Более того, понимание любого события требует учесть сознание прошлых, настоящих и будущих поколений, всех реалий. Нужно каждый изучаемый феномен рассматривать как субстанцию-субъект со своим проектом. И понимание сознания тоже требует представить его как субстанцию-субъект, имеющую свой мегапроект и способы его реализации.

1960-е гг. осуществили скрытый рывок в освоении человеком сознания, что позволило начать работы по конструированию посредством информационных технологий искусственных сознаний. Само сознание совершило прорыв в своей ноосфере, выявив и создав смыслы, превосходящие человеческое сознание, несовместимые с человеком и непосредственно недоступные ему. И этот прорыв осуществлен совместной необходимостью человеческого, технического и внечеловеческого сознания.

Сознание существует постольку, поскольку оно непрерывно осуществляет самопознание, которое изменяет сознание-оригинал, вынуждая все реалии мира перестраиваться под новые смысловые константы сознания. Видимо, внутри сознания произошла революция, которая возвращает сознанию его царственные права как смыслового и творческого органа вечности, преобразующей ничто в бытие и в кошмар. Сознание — наивысшее и самое совершенное бытие, ибо для него нет невозможного. Энгельс полагал, что назначение всякого бытия состоит в том, чтобы устроить мир по закону сознания, соответствовать ему, стать его образом и подобием. И коммунизм для него есть общество, максимально соответствующее сознанию. Да и количественный рост сознания качественно изменяет его суть, функции, возможности его практического использования в различных, прежде всего — в военных, целях.

Первым практически среагировал на революцию внутри сознания Запад, для которого не важно: качественно новое сознание создано человеком или возникло путем эволюции. Во-первых, это сознание технологично, так как неопределимую часть его операций выполняют информационно-компьютерные технологии, которые служат не только его носителем и средством, но и его целью. Во-вторых, это сознание предельно аморально, что следует из его технологичности. В-третьих, важную часть этого сознания занимают inferнальные реалии, которые приносят в него свои античеловеческие девиации. В-четвертых, это

⁸ Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык (Ф.И. Тютчев).

сознание гибридное, соединяющее воедино человеческое и внечеловеческие сознания.

И это новое сознание несовместимо с индивидом, который не может его понимать и посредством него познавать реальность. Но и отказаться от нового сознания человек не может, ибо оно уже вросло во все структуры его жизни, и он не может без него работать. Выход из этого противоречия внутри сознания ищут по двум направлениям: 1. Для нового сознания создается другой носитель, нечто вроде совершенного робота, или пытаются интегрировать его в неведомом органоиде, или киберноиде, из нано-био-информ-эко-когнитивных технологий (сокращенно — NBIEC). 2. Для нового сознания в реторте прогресса ищут нового человека-клона. 3. Есть и софиасофский вариант сознания, основанного на Мере и Справедливости мира Иного, но об этом далее. Или же создают искусственные психоструктуры, в которых невозможность и ненужность понимания, осознания становятся технологической необходимостью.

Скрытое преобразование сознания осуществляется на базе и посредством информационно-компьютерных технологий, которые, с одной стороны, расширяют потенции сознания, а с другой — искажают его, создавая его квазианалоги, ставя его на службу войне, т. е. превращают его в античеловеческий орган. Человеческое сознание посредством информационных технологий решает задачи понимания реальности и выбора оптимальных вариантов действия, а те же технологии посредством ума решают задачи рационального порабощения людей. Математикой, сетями и бессознательным пытаются заменить сознание.

Информационно-компьютерные технологии стали орудием развития сознания, выявления его новых гибридных, антропологических, внечеловеческих, inferнальных и технологических форм. Разум уже удовлетворил свои целевые потребности, создав своего дублера — искусственный интеллект. И лишь сознание осталось в мире последней силой, которая не желает иметь дело с искусственной истиной. Поэтому незавершенностью смыслов своей души и морали сознание тревожит человека, весь мир, побуждая их развиваться, искать свои оригиналы.

Современный мир входит в эпоху технологической сингулярности, которая вследствие создания человеком сверхсложных информационных и технообъектов становится недоступной для индивидуального понимания и осознания⁹. Любое понимание требует общего закона, который

⁹ Сингулярность — предопределенная точка в будущем, когда эволюция человеческого разума в результате достижений в области нанотехнологии, биотехнологии и искусственного интеллекта ускорится до такой степени, что дальнейшие изменения приведут к возникновению разума с гораздо более высоким уровнем быстродействия и новым качеством

действует в единичностях (сингулярностях), через который они объясняются. Но в сингулярности законов нет, ибо единичность сама себе закон. А если есть только единичность, то невозможны законы, объяснение и понимание¹⁰.

Восстановление утерянного индивидуального понимания возможно посредством гибридного сознания, соединяющего в себе человеческие коллективные, внечеловеческие и технологические сознания. А такое гибридное сознание требует новых интеллектуальных посредников между различными типами сознания. Между индивидуальным и коллективным сознанием идет борьба за овладение целостностью, которая по мере включенности человека в это целое дает индивидуальное понимание и осознание. Идет священная и скрытая война за понимание бытия.

Но человеческий индивид и без технологической сингулярности ничего не понимал и не сознавал в своем бытии, заявив: «Я знаю только то, что я ничего не знаю» (Сократ). Такова природа индивида, замкнутого в тюрьме своей субъективности, которая делает недоступными понимание и осознание себя и мира. Функция понимания и осознания принадле-

мышления. Кибернетический подход к эволюции считает это состояние переходом от локальных сознаний к сетевому интегрированному сверхразуму без сознания.

Термин «сингулярность» заимствован у астрофизиков, которые используют его при описании космических черных дыр. Математически сингулярность соответствует точке функции, значение в которой стремится к бесконечности, как, к примеру, $1/X$ при X стремящемся к нулю. Сингулярность является символом гипотезы, в которой ускоренный технопрогресс неизбежно породит машинный разум, превосходящий человеческий. И процесс на этом не остановится, ибо зона сингулярности — это концентрация кризисов, ждущих разрешения. Сингулярность — это не проект человека, а следствие развития мертвых законов неконтролируемой техники. А что, если техника не инструмент людей, а сами люди — инструмент для развития техники, который может заменить его другой техникой?

Технологическая сингулярность — гипотетическая точка, в которой технический прогресс, следуя путями искусственного интеллекта, самовоспроизводящихся машин, интеграции человека с вычислительными машинами, внезапного усиления людского мозга за счет биотехнологий станет настолько сложным, что окажется недоступным пониманию и осознанию.

¹⁰Технологическая сингулярность напоминает деньги, существенной частью которых является принципиальная невозможность осознания их сути (если бы люди понимали суть денег, то никто бы не нуждался в них, что сделало бы их ненужными; если бы деньги «понимали» люди, то они стали бы орудием их сознания (или — Госплана), и тогда золотой телец проклял бы их). Да и по материалу, по функциям, по способу своей фиксации, действия деньги напоминают сознание. Антропологически миллиардеры отличаются тем, что они превосходят других людей непониманием и неосознаванием денег, жизни и самих себя. И это дает им колоссальные преимущества именно за счет своего незнания, ибо сознание денег само открывает их сознанию закон своего роста. Миллиардеры теряют себя, обретая взамен деньги. И у них есть все, кроме самих себя. Деньги — первый искусственный интеллект и математик. И Бог, Логос, София открываются не знатокам, а тем, кто признал ничтожность, призрачность своих знаний о них, кто оторвался от своего личного знания и понимания.

жит мудрости, религии, философии, науке, искусству. А индивид понимает и сознает лишь в меру приобщения к безличным формам духа в меру исполнения своего долга перед ними. В качестве посредников служат мудрецы, жрецы, волхвы, маги, пророки, священники, да еще и... деньги, представляющие совместное неразумие индивида и рынка.

Здесь сознание трактуется в рамках софиасофской парадигмы «дух—сознание—разум». Дух — высшая, абсолютная творящая и всеопределяющая смысловая субстанция, которая исполняет должность Бога, служит материей, Домом, софийным миром, работает в мире и в человеке, формируя, устанавливая, детерминируя их творческую неэнтропию, архитектонику их бытия в противостоянии соблазнам и угрозам inferнального мира. Дух дышит, где хочет, и делает то, без чего нет истории бытия и мира. И обретение иных умений, иного понимания, иного качества бытия, стяжание даров Духа Святого — идеал и высшая цель иноческого служения каждого человека, хотя люди не ведают своих обетов.

Сознание есть атрибут, целевая причина Духа; посредством сознания реализуются смысловые проекты Софии и Духа, возвышается человек, становясь личностью и гражданином целостной ноосферы всех идеалов мироздания. Сознание незаметно запускает спонтанные творящие силы¹¹ всех реалий бытия и человека, превращая человека в целевую причину, энтелехию (Аристотель). Действуя сознательно, в сознании, посредством сознания, люди могут изменять провиденциальный ход истории, поскольку все прогнозы основаны на посылке, что люди не ведают, что творят они и что творят с ними. Сознание — основной идеальный орган, через который Вселенная познает себя.

Ум-разум же под водительством Логоса призван искать, изобретать средства для смысловой, целесообразной, институциональной, познавательной, сознательной, inferнальной, сакральной и техногенной деятельности человека, всех реалий бытия. Но ум сегодня отклонился от своей родовой сути, от своей целевой причины — производить различные средства для софийной мудрости мира Иного, став суицидной самоцелью.

А в мире идет скрытая гонка за лидерство в *понимании и осознании*¹² самого сознания; ведь победитель, осваивая и эксплуатируя творя-

¹¹ «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [4, 29, 194].

¹² Понимание и осознание в работе используются как синонимы, ибо «понимание» и «сознание» в Библии и в русском ведизме есть зачатие нового смысла и реалии. Есть познание-отражение, познание-конструирование, познание-откровение (то, что нельзя сокрыть в силу его величия), познание-охота посредством идей (Платон), познание-безмолвие, в котором дается откровение смысла. Но главное — познание есть взаимодействие смыслов сознания,

щие смысловые ресурсы сознания, может создавать новые источники богатств и ценностей, новые виды правления и власти, и даже — нового человека (не обязательно клона). Но главный приз — софийную мудрость мира Иного, его духовные и практические откровения — получит страна, которая сможет метафизически «поладить» с сознанием, с его самосознанием, контролировать сознание и контролироваться сознанием, которое и создает смысловой продукт безмерной ценности — понимание. А понимание — ключ, отворяющий двери мира Иного.

Люди мало думают о том, почему они во все времена яростно боролись с будущим, хотя оно обещало немало благ. Люди не были глупцами, они своей практической мудростью убеждались, что в каждом приходящем будущем было слишком много жестокости, каннибализма и беззакония; и каждое будущее превращало себя в мрачное божество, которое требовало для себя безмерных жертв, забытых рабов и трусливых вассалов. Лишь единицы могли стать его пророками, но чаще всего они выходили из подонков общества, бандитов, мошенников, изгоев или бродяг, которые не находили места среди довольных людей прошлого. И будущее приходит незаметно, крадучись, постепенно находя и привлекая своих тщеславных сторонников, не осознающих, с чем они имеют дело, ибо будущее в первую очередь хищно, коварно и безжалостно сворачивало головы своим верным адептам. Будущее приходит раньше, чем люди осознают его приход, а потому оно столь ужасно. А софиасофия, опираясь на софийную мудрость Великой Неизвестности, нашла альтернативу будущему, которое стало царством князя мира сего. И эта альтернатива именуется «Иным Царством», миром Иным, который погружает людей в круговороты нового сознания социума, его новых возможностей и новых угроз.

Сознание — самый загадочный и самый трудный для понимания феномен, ибо оно само устанавливает, что именно считать сознанием, само определяет свою суть, свою трактовку, само дает каноны понимания мира и самого себя, вернее, каноны своего непонимания. Сознание не сводится к другим субстанциям, посредством которых его можно объяснить. Оно не «слушается» законов, материи, человека, техники, энергии; оно повинует только самому себе, своему тайному и святому делу, ради которого оно работает посредством идеальных сил. Сознание абсолютно автономно, не смешиваясь ни с какими субстанциями, но его смысловая кровь дает жизнь даже бессмыслице. Подобно тому, как свет

ума, памяти, воображения, языка. Эти идеальные силы присущи всем реалиям Вселенной, и человек, Иван-дурак, вступая с ними в солидарные взаимодействия, открывает новый смысловой мир, в котором и находит решения неразрешимостей.

делает видимыми освещаемые им предметы и самого себя, так и сознание, осознывая предстоящий ему мир, выявляет в то же время и свою природу, пересотворяет самого себя. Похоже, что у сознания нет владыки, которому оно доверяло бы эту свою сказочную и чародейную силу. Похоже, что даже Бог не решает, что есть сознание, а сознание решает, что есть Бог, ибо важным продуктом сознания являются свободные решения, кои могут нарушать законы Провидения. Бог определяет суть разума, безумия. А сознание и даже бессознательное в религиях почитаются: чистое сознание в древнеиндийских религиях признается в качестве полного освобождения от внешних и внутренних зависимостей. Юродивых религии почитают как праведников иного мира.

Нет, есть у сознания свои задачи, превосходящие, кажется, проблемы Бога. Сознание есть высшее определение мира, Бога, человека, которые получают свое бытие от сознания и должны оправдать его своим служением сознанию. Аристотель полагал, что душа и сознание не подчиняются законам, определяясь своими автономными причинами. Так, сознание стремится к достижению цельности и центра своего бытия. Вначале сознание преобразует хаос в образы; затем воображает, наделяет образы желанием воплотиться в материи. Затем сознание создает образы, которые превосходят саму реальность, освободив ее от власти времени, оставив лишь те изменения, которые работают на самосохранение бытия. Сознание есть автократическая сущность, в которой субъект, объект, условие, причина, следствие и цели совпадают. И сознание создает своих носителей — мозг, язык, руки, институты. Но тот факт, что сознание подымается выше материи и бытия, истины и Бога, ясно говорит о какой-то его великой тайне и особой миссии в мире, полученной им от своего Отца — Духа.

Сознание — «проблема проблем», порождающая все остальные проблемы человеческого бытия, да и всего мироздания. Это — сущая правда, а не преувеличение. Сознание придает *значение* и *смысл* каждому бытию, вырабатывает *цели* и *решения* для волевых акций, создает *проекты* и *сети* любых организаций, возвращает *Логос*, логику, разум, методы познания, находит в хаосе и безднах *меры* жизни. Сознание — это сакральная лаборатория, в которой изобретаются, испытываются всевозможные умения, способности, импровизации, самоорганизации (дезорганизации), а разум обретает смысловую цель. Вне сознания разум становится технической работой, лишенной критериев добра, производящей антиномии, абстракции и механизмы — искусственные изделия, орудия смерти.

Сознание хранит в себе мир души, придает смысл ее ценностям — совести, долгу, благочестию и справедливости. Сознание — тяжкий дар,

ибо его Немезида бдительно следит за нашими пороками, часто наказывая высшей мерой, покидая своих носителей, не ценящих его благ. Человек не может потерять сознание, как, скажем, потерять деньги. Наоборот, сознание теряет человека и уже не ищет его. Если сознание отказывает человеку в доверии, значит, оно считает кладбище более достойным его доверия.

Сознанию принадлежит высшая власть над всеми властями и мира сего, ибо у власти и сознания единая сакральная основа — тайна. И тайна эта очень близка к той реальности, которая была до греха, а теперь осталась лишь в сознании. Иначе не ясно, почему ни один фактор мира сего не может раскрыть содержание, функции, законы и цели сознания, его импровизационную, фантазийную природу, почему оно терзает муками совести, стыда и позора несчастных людей. Остается одно допущение: сознание свидетельствует о том бытии, которое у всех народов именуется Раем (Золотым веком) — подлинным бытием правды. Смысловым языком сознания говорит и показывает допотопное бытие.

Сознание оберегает человека от смертельно опасных взоров и врагов его внешнего и внутреннего мира. «Враги везде — и даже там, где никого нет» (Шекспир). Но в то же время сознание угрожает человеку гламурной эвтаназией, суицидом радости и любви¹³, соблазняя его миром абсолютно невообразимых, чарующих образов, фантазий, мечтаний, грез, снов, кошмаров, ужасов, измышлений, изобретений, вообще — самыми невозможными из всех невозможностей возможностями. Сознание непрерывно создает новые образы, аллегории, смыслы, понятия и символы, благо или зло которых неопределимы или же определены тогда, когда исправить ничего уже невозможно. Даже сам разум, его идеи, логика, формы мысли возникают только в смысловом мире сознания, которое в этом плане есть софийная лаборатория мироздания, вырабатывающая софиасофские алгоритмы и цели эволюции. Сознание вырабатывает понимание и решения, находя троичность в едином, а единое во многом, создавая *софиасофию*, подающую знаки спасения человеку даже в катастрофах апокалипсиса.

И сознание принципиально непознаваемо, ибо оно само устанавливает, что есть сознание, знание, бессознание, находясь выше дуализма

¹³ Нарцисс, увидев свой образ в воде, влюбился в себя настолько, что забыл о жизни и зачах, являясь в этом плане первой жертвой сознания. И не только вода, но все окружающие человека вещи являются в той или иной мере зеркалами, которые незаметно, непрерывно и неуклонно воруют посредством копий-отражений смысловое содержание жизни, ускоряя приход смерти. Поэтому боги сочли, что любое зеркало — преопаснейшая вещь, которую от людей нужно прятать, как от детей спички. И человека надо немало учить, чтобы он мог безопасно пользоваться сознанием, которое может незаметно сделать из оригинала человека одну призрачную, хотя и живоподобную айфонную копию.

истинных и ложных суждений, оставаясь сознанием в любых, самых превратных ситуациях. Сознание программирует, изменяет критерии важного и неважного, возможного и невозможного, и, самое главное, именно сознание переопределяет то, что есть реальность. А реальность есть то, что лишено сознания, что страдает и мучается вне и без сознания. Не случайно в современном обществе всегда включена дезинформационная завеса, скрывающая осознание. Древние мудрецы доказывали непознаваемость сущего. Видоизменяя суждения софиста Горгия, можно сказать: «1. Сознание не существует. 2. Если же существует, то оно непознаваемо. 3. Если оно познаваемо, то знание о нем не сообщаемо». Но рассуждение Горгия, кажется, незавершенным. Попробуем продолжить: «4. Если сообщаемо, то искажаемо человеческими желаниями и страстями. 5. Если искажаемо, то непознаваемо. 6. Если непознаваемо, то оно для человека не существует, а человек не существует для него». Получается, что человек и сознание — это два великих анонима Великой Неизвестности, замысляющих проект... ну, хотя бы мира Иного, где они встретятся и наконец поймут друг друга.

Причем сознание в этих рассуждениях важнее разума: сознание продуцирует цели и смыслы, визуализирует абстракции разума, используя чувства, фантазию для создания видимых форм невидимых миров. А разум служит лишь логической техникой, средством сознания, которое и создает самый главный плод человеческого бытия — понимание. Кант доказал, что именно неспособность разума определить свои цели загоняет его в логические джунгли антиномий и неразрешимостей. Реально разум есть скрытое безумие и смерть, укрытые логикой, парадоксами и антиномиями.

Сами ученые (Э. Шредингер, Р. Пенроуз, А.Н. Колмогоров) заявляют, что понимание и объяснение сознания в рамках существующих наук невозможно, ибо науки вооружены измеряющей метрологией, а сознание воображает, оценивает, действуя как смысловая причина¹⁴. Ведь благодаря сознанию мы выполняем действия, не имеющие ничего общего с какими бы то ни было физическими и вычислительными процессами. Сознание независимо от всего содержания бытия, хотя и связано со всеми его реалиями. Сознание количественно не измеримо наукой, а качественно оно определяется лишь самим собой. А поскольку сознание лежит в фундаменте всех научных дисциплин, то непонимание сознания означает слабость науки, которая становится социальным заболеванием и родом наркотика. Изменения современного мира превышают научные

¹⁴ Из творчества же самих современных физиков-теоретиков, похоже, не может уже родиться ничего, на это намекает Дж. Хорган, автор книги «Конец науки» в ее последнем разделе, который носит очень яркое и выразительное название «Дела ку-ку» [8, 479].

возможности их понимания. Сегодня в науке недостаточно думать по-новому, переосмысливать даже аксиомы. Сегодня нужно постоянно разрушать созданное, уподобляясь времени, для которого каждый следующий миг ценен тем, что он отринул предыдущий. Сознание такому творчеству не нужно.

Гегель не совсем прав: Сова Минервы вылетает в полночь не просто для познания мира, ибо в темноте трудно видеть сущее, а для того, чтобы познать именно сознание, которое ночью в полной мере проявляет свою загадочную целостность, дополняя свои дневные образы, картины снами, зловещими призраками и кошмарами. Когда люди засыпают, просыпается император снов в его царстве сознания.

С появления человечества оно всегда стремилось достичь мирового господства, хотя бы в каменном или палочном варианте. И это не прихоть простого любопытства и алчность воли. Параноидальное стремление к мировому господству есть на деле стремление приватизировать сознание, его роль в принятии решений человеком. Каков смысл мирового господства? Вынудить людей полностью повиноваться властителям? А для этого нужно познать суть сознания, его смысловые цели и методы. Нужно сделать сознание покорной субстанцией соросов, которые и будут посредством управляемого сознания играть человечеством. Так что игра стоит ядерных свеч и экспериментов над сознанием в твиттерной революции на Украине.

Но не суждено... Для смертных познание и понимание сознания, пожалуй, и невозможны, ибо оно не зависит ни от материи, ни от энергии, ни от труда, ни от языка, ни от мозга, хотя и связано с ними неведомыми квантовыми волнами. Сознание всегда определяет, всегда определяющее, но оно не бывает определяемым чем-то иным, кроме своей смысловой субстанции. И эта непознаваемость сознания закрепил агностицизм, доказывающий, что познаваема ненужная всячина, а вот сознание недоступно даже для сознания.

Сознание нельзя вывести как атрибут из высшего начала, его нельзя представить как свойство высокоорганизованной материи или другого низшего начала. Сознание есть сознание, *causa sui*, отражение самого себя в самом себе, творящее себя из самого себя, понимающее себя через свои смысловые свойства-отражения всех реалий мира. Мы не сможем познать сознание еще и потому, что его никоим образом не нужно познавать, ибо в противном случае оно покинет любопытного познавателя на произвол белых халатов и черных дыр. Так же нельзя познать работу корней дерева, сердца, ибо для этого их нужно «выключить», т. е. погубить. В СССР остановилась работа его сердца — сознание идеологии, и страна рухнула.

В самом общем виде сознание есть софийный атрибут Великой Неизвестности: как Бог творит мир из ничто (ex nihil), так и сознание творит свои образы, картины, знаки и символы из своих внутренних смысловых энергий. Сознание — это субстанция-субъект, и не простая, а магически-мистическая¹⁵, мистериальная, смысловая, целевая, самоорганизующаяся, творящая, познающая, создающая мерность и праведность бытия. И действует эта субстанция прямо и непосредственно, не нуждаясь ни в каком посредничестве. Органы чувств — это не средства, не орудия сознания, а само чувственное сознание¹⁶. Сознание составляет особое объективно-психическое и эфирное пространство, творящее самого себя, вырабатывающее смысл и наделяющее им своих носителей, вернее, пронизывает, пропитывает им все реалии мироздания, одушевляет, оживляет, одухотворяет их, но нередко и карает. Сам Логос, разум, логика суть создания сознания и служит средством познания, средством вычисления, когда оно используется его арендаторами в научных, технических и практических целях. Главной целью сознания становится право определять, решать, понимать, контролировать своими смыслами влечения разума.

Философия многого добилась в своих многовековых поисках сути сознания. Вот ее плоды: сознание есть отражение; сознание есть свойство высокоорганизованной материи; сознание есть функция труда; сознание есть атрибут социума; сознание есть спонтанное творчество, созидющее разум, язык, символы, образы, формы, законы, гармонии, меры, правду, совесть, благочестие, благо и красоту, истину и заблуждения, иллюзии, сны, знание и незнание, понимание и непонимание, жизнь, смерть и воскресение. Сознание может, как семя, сворачиваться в душу, чтобы затем расцвести смысловым многообразием. И суть человека выражает не разум, а сознание. Умны все мошенники, убийцы, подлецы, воры, но с ущербным сознанием они превращаются в рассудочных калек.

И все же есть у сознания неведомая тайная миссия, превосходящая ценность истины и небесную благодать. Истина и ложь, благочестие и атеизм, ум и безумие, праведность и порок, святость и грех в равной мере подчиняются неведомому императиву сознания, сохраняющего жизнь их носителям, хотя в ценностном плане оно учитывает эти различия. Но тот факт, что сознание подымается выше материи и бытия, истины и Бога,

¹⁵ В мистике работает как раз откровение неизвестности для сознания, которое вершит революции для сохранения Меры и Справедливости для мироздания.

¹⁶ В педагогических экспериментах, возглавляемых Э.В. Ильенковым, слепоглухонемые от рождения дети обретали сознание через контакты с руками воспитателей. Все-таки в «благословении», «рукоположении», «помазании» есть сакральные смыслы, творящие и преобразующие сознание, возвращающие ему его царскую природу.

ясно говорит о какой-то его тайне в мире Ином. Сознание образует особую ценностную онтологию, которую культивирует София Премудрость Божия, а разум воспитывает Логос. София — духовник сознания, хотя и разум имеет своего чертовника — дьявола. София всегда взывает к человеку следовать сознанию и разуму, а дьявол соблазняет человека якобы всезнающим разумом и удовольствиями, подменяя сознание грезящим психоанализом.

Прогресс сотворил искусственный интеллект, что не так уж сложно и удивительно, ибо интеллект сам по себе есть искусственное изделие, созданное как логико-техническое средство для целей, задач и решений вопреки сознанию. Искусственность интеллекта наиболее полно проявляется в диалектике. Вообще, во всем, за что борются, воюют противоположности в противоречиях — за что воюют свет и тьма, жизнь и смерть, бытие и небытие и др. Вопросы роковые и решающие для судеб разума, который может узнать все, но только не свои цели. Наибольших успехов разум достиг в научно-технических и военных делах, но конечные смыслы этих дел ему неведомы.

Но вот создать искусственное сознание невозможно, ибо совесть, долг, мораль, импровизации не могут быть искусственными. Но опыты в этом направлении ведутся уже свыше 20 лет, и они крайне опасны, ибо в них на основе всеобщности и внечеловечности сознания, которое точно предвидит и знает ход событий, опережая индивидуальное сознание, создается новое — психогенное — оружие¹⁷. Сознание есть предвидящее, вещее знание, которое можно воплотить в технологиях, опережающих понимание врага. Глубокое и целостное сознание дает понимание, становящееся «мягким», невидимым оружием.

Об этом нам довольно подробно рассказывает миф о героине Персее и чудовище Медузе-горгоне. Этот миф более глубоко раскрывает суть, происхождение, роль и значение сознания в планах мироздания, чем миллионы трактатов, экспериментов и психоаналитиков.

Изначально Медуза превосходила своей красотой и мудростью саму Афину, воплощая в себе совершенное сознание. Афина не простила ей этих достоинств, превратив ее в чудовище со змеями вместо волос. Говоря современным новоязом, Афина пыталась разрушить сознание, но оно неуязвимо, и тогда богиня вызвала из хаоса уже побежденное сознанием чудовище (т. е. бессознательное) и приставила его следить за сознанием. Еврипид в «Ионе» сообщает, что взгляд Медузы сочетал в себе яды и лекарства, ужас и красоту, исцеляющий гипноз и окаменелость. Но вездесудная мудрость так и осталась у Медузы. Облик ее Афина и Зевс

¹⁷ «Чем бы ученые ни занимались, в итоге у них все равно получится бомба» (К. Воннегут).

поместили на своих щитах, которые, изображая полную картину событий, позволяли олимпийцам разить врагов образом сознания. Саму Медузу олимпийцы упростили охранять Центр Земли, признав, что именно мудрость сознания составляет центр, охраняющий космос и Олимп от распада.

Но небожители не могли спокойно устраивать свои оргии, зная о мягкой мощи, всеведении и всеилии сознания, превосходящего весь олимпийский сенат, и неотъемлемого от целомудренной Медузы. Было решено сгубить ее вовсе, изъяв у нее столь грозное оружие, обратив его вначале против нее самой.

Поручили это дело герою Персею, отпрыску Зевса и гламурной нимфы. Но сознательного взгляда Медузы не могли переносить даже чудовища, философы, ученые, превращаясь при встрече с ней в камни. И тогда против сознания были брошены все умения, хитрость и коварство олимпийцев. Их общими усилиями для Персея был изготовлен волшебный щит-зеркало (искусственное сознание); и когда Медуза взглянула в него, она на миг застыла от удивления, а Персей тем временем срубил ей голову и запрятал в мешок. Почему так произошло? Дело в том, что сознание, созерцая самого себя, уже не видит ничего другого, никакой опасности. Виртуальность зеркала оказалась губительной даже для мудрого сознания.

Но отделенная голова сохранила всю свою силу. Герой совершал турне по Греции и при малейшей угрозе вынимал голову и превращал в камни своих недругов. Он забыл — что позволено Юпитеру, не позволено быку! И Персей погиб от Медузы; умерщвляя своих недругов, он случайно взглянул в глаза Медузы и вызвал ее каменное возмездие.

Но чистых душой и сильных духом Медуза одаряла всевидящим сознанием, и они могли даже попасть в Гиперборею (Россию). Сын ее, Пегас, стал покровителем поэзии. Медуза стала последним, самым сильным искушением Данте в его странствиях по Аду. Его спас Вергилий, прикрывший его глаза рукой. Данте искал искупления грехов, но от Медузы не укрылось, что грех перед вечной светозарностью сознания не искупается. И Данте это знал. В Медузе можно видеть грядущее оружие, которым может стать сознание. Спасутся лишь те, кто уйдет в Гиперборею-Россию. Миф о Медузе породил поверья о «дурном глазе», благодаря ему в обиход вошли амулеты-горгонейоны. Тем самым, благодарные люди сохранили память о благах и опасностях сознания.

Возникновение информационных технологий и общества постмодерна устрашающе деформирует онтологию, роль и функции сознания. Ясно одно — капитал, государство, образование, мораль, религия и гуманизм трансформируются в программные продукты, которые определяются и контролируются новыми властителями, которые именуют себя

нетократами — мастерами создания и управления Сетями. Из всей идеологии нетократии для нас важен психоинжиниринг (См.: [1; 3]) — новая социотехнологическая дисциплина, которая занимается конструированием абстрактных сознаний. Кажется, что эта дисциплина сама пришла к нам, предлагая свою «троянскую» помощь сознанию.

Мы не будем дегустировать все экзотические ментальные блюда психоинжиниринга, а остановимся на его изысканиях в сфере сознания. Психоинжиниринг заметил в сознании необыкновенные, доселе неведомые стороны его эволюции, и главное — он заточивает искусственные сознания для нужд войны и смерти, а не жизни. И эти тенденции не дремлют, а подавляют все контртенденции, охраняющие сознание. Физическим основанием, носителем сознания психоинжиниринг считает продольные волны, которые не имеют начала и конца, а в середине имеют «аэродромы» для сознания. Психоинжиниринг ищет границы сознания, пытаясь создать даже математические модели смерти, начиная от нуля и кончая оружием массового поражения.

Суть психоинжиниринга в общем виде — конструирование искусственных сознаний, которые отличаются от сознания человека или даже превосходят его в некоторых аспектах. Сначала создается модель абстрактного сознания, существующего вне человека, коллектива, вне машины и описывающей его возникновение, эволюцию и гибель. Затем создаются модели индивидуального и группового «квазисознания». Коллективное сознание возникает не как обобщения сознаний членов группы, а как скрытый враг сознания индивидуального.

За что же идет война этих двух сознаний? Диалектика не отвечает. Нас интересует в данном случае борьба индивидуального и коллективного сознаний; за какой ресурс идет брань между ними? Коллективное сознание борется с индивидуальным сознанием человека за контроль над смысловым ресурсом, питающим психику, ум и язык. Речь идет о собственности на смыслы сознания, о гегемонии в его смысловом пространстве. Коллективное сознание само по себе не может создавать смысловые объекты, хотя без его информационных ресурсов они невозможны. Индивидуальное сознание само по себе тоже не может создавать такие объекты, хотя и без его участия они не могут быть созданы. Такие смысловые объекты (идеи, теории, решения, алгоритмы, проекты и др.) — плод совместной работы индивидуального и коллективного сознаний, но в отдельности они не могут пользоваться ими.

И противоречие разрешается путем конструирования модели абстрактного внечеловеческого сознания, которое наподобие денег опосредует их борьбу, позволяет им совместно эксплуатировать психогенные объекты ноосферы. Деньги не созданы индивидами, деньги не созданы рынком. Деньги созданы совместным сознанием числа, индивидов и

рынка, позволяя ими пользоваться как общим достоянием. А соединяет борющиеся стороны в целое посредник, который и есть смысловой посланник целого. Так посредничество денег (искусственного ума и сознания) в сфере обычных сознаний создало новый строй, стало причиной монополии на власть и богатство буржуазии. И возникающий новый посредник, интегрирующий «живые» сознания людей с комплексной технологией конструирования новых гибридных носителей сознания и новых техногенных сред, обладающих особыми свойствами квазиколлективных сознаний, может создать новые источники богатства и неведомые виды власти постиндустриального общества.

С начала 1990-х гг. формируется новый *технологический мейнстрим*, требующий соединения в едином комплексе четырех совершенно разных технологий — инфо, био, нано, когнито (ИБНК)+ экология. Каждая из этих технологий сама по себе неопределенна и экономически затратна — значит, их подлинный смысл кроется в их единстве. Технологически конвергенция этих технологий должна решить задачу — создать нового носителя сознания.

Но все указанные технологии — это сферы инженерного творчества. Поэтому их конвергенция возможна лишь на основе нового типа инженерного искусства, способного конструировать искусственные сознания. Этот скрытый «пятый тип инженерии» откроет новую технореальность, которая определит весь постиндустриальный мир. Именно борьба за этот тип технологий, умиряющий конфликты, разбудила кризис, выбрав момент для запуска его финансовых и глобальных органов.

И как часто отвергнутый камень становится краеугольным! Всякое приближение к мере переводит ситуацию в автоматизм высокого согласия. Конфликты могут сниматься не только управлением — они сами могут перейти в режим самосогласования, следуя предельному закону бытия — пониманию. Выиграть гонку за понимание, значит, создать новые источники благ, новые формы управления и власти.

Но сегодня информационные технологи полагают, что разум и сознание ходом собственной эволюции, инженерного творчества пришли в точку технической сингулярности, которая делает невозможными и ненужными понимание и осознание, а лишь умение действовать по программам.

Непонимаемость и неосознаваемость современного общества, деяний людей не подлежит сомнению. Современный человек не понимает и не сознает себя, своих решений, действий, своих целей и планов. И так было всегда, так есть и так завершит человек свою бестолковую и ничемную одиссею. И не может никакими средствами преодолеть он этот гносеологический тупик. Более того, не человеку присущи непонимание

и бессознание, а человек находится в безвыходном плену этой агностиологии. И это благо для него, ибо страшно представить себе, что может натворить всеосознающее и всепонимающее существо. Не сознавая и не понимая своих деяний, человека ведет и сохраняет пока софийная мудрость и софиасофское (см.: [5])¹⁸ понимание сакральных императивов.

Древние скептики и софисты раскрыли и обосновали фундаментальность непонимания, только и обеспечивающего самосохранение человека. А цели и назначение сознания и разума не в производстве знания и понимания, а в чем-то ином. В чем? Трудно, невозможно, обнаружить во всех творениях, делах, знаниях, людей великие вдохновляющие цели, которые оправдывали бы разум.

Нет, пожалуй, есть одно дело, оправдывающее человека. Это — ложь, самообман, вранье, мошенничество, извращения, страх перед мудростью. Кажется, что сознание и разум люди используют именно для изобретения пороков, и преступлений, для их развития и совершенствования. Но, точнее, сознание и разум, о чем ясным и тайным языком глаголет наша эпоха, человек использует для создания оружия, оружия и еще раз оружия. Кажется, что назначение и смысл сознания и разума падшего человека, забывшего об искуплении, состоят в том, чтобы превратить весь доступный ему мир, все его стихии в одно сплошное оружие.

Ситуация потери человеком понимания и осознания мира и своего бытия в нем не так уж нова и необычна. Так было всегда и так останется, но здесь речь идет о техническом варианте этой проблемы; а поскольку сегодня технология — ведущая сила, то невозможность личного понимания и осознания эволюции общества означает для элит потерю власти и обвал общества.

Массовое использование информационных технологий поставило под сомнение индивидуальный интеллект и... личное сознание человека в их способностях понимать не только созданные ими машины, но и мир вообще. Нужно выработать или новое понимание индивидуального ума и сознания, или же отправить их в отставку, или признать, что осознание и понимание осуществляют коллективные человеческие и внечеловеческие виды сознания. Ведь сознание в мире — для мира сего, для человека, но не только для него, ибо само оно не от мира сего. В этом плане скрытая специфика постиндустриального мира состоит и в том, что он сильно расширяет сферу носителей сознаний, с которыми человек может выстраивать отношения симбиоза, эксплуатации, общего творчества.

¹⁸ Софиасофия дает понимание и осознание апокалиптики, присущее самому бытию, идущим путем своей мудрости, которой она отчасти делится со всеми реалиями, но наиболее полно высказывает его в религиях и в софийном ведении [5].

Запад разрывает парадокс: с одной стороны, информационные технологии не позволяют установить полную секретность деяний власти и богатства, что делает всех людей равными друг перед другом. С другой стороны, власть и богатство невозможны без тайн. Это ведет к тому, что никакой элиты в постиндустриальном обществе не может быть, либо функцию элит возьмут на себя технологии, ибо власть и тайна неразделимы. В том и другом случае сознание и понимание остаются без работы.

Россия имеет все необходимое и достаточное для прорыва в зовущий ее мир Великой Неизвестности. Плацдармом для такого прорыва служат софийная мудрость и философия хозяйства, целью прорыва — мир Иной, в коем царят Мера и Справедливость, методология прорыва — полилектика, рассматривающая любую реалию как светило с безмерным числом лучей внешних и внутренних, мировоззрение и идеология прорыва — софиасофия, которая преодолевает сложные и убогие конструкции искусственного сознания, точнее, квазисознания, ориентируя человека и социум на высокие когнитивные технологии, постигающие, использующие реалии, которые ведомы и доступны только русскому языку. А искусственность — это всего лишь аспект русского языка и сознания. Ибо только в системах с опорой на живое человеческое сознание у русских есть заведомое преимущество: способность к логико-математическому, inferнальному, абсурдному, мистическому, сакральному, поэтическому, парадоксальному мышлению, происходящая от особенностей русского языка, который является особой духовной целостностью Великой Неизвестности. России не нужно искусственное сознание, квазисознание, ибо ее язык, ее дух созданы и связаны с интеграцией живых сознаний людей и программных технологий в софийных и софиасофских комплексах социума. Русский язык и софиасофия — это фактически непознанные и неиспользуемые прототипы живых компьютеров. Нужно твердо признать присущую русскому языку лингво-когнитивную защиту сознания от его симулякров, но мы не используем это благо. В русском языке идеальные концепты *осознания*, *понимания*, *контекста* никогда не начинаются и никогда не кончаются в мире тутошнем, а манят нас в мир Иной, а не в мир искусственный.

Философия хозяйства и софиасофия сделали невозможным пребывание сознания в сферах фактов, экономизма, технократизма, виртуализма, переведя его в страну Незнания и Тайны. Все известные категории и методы не удерживают новое содержание, сползающее в хаос за пределы разума и сознания. Поэтому философия хозяйства и софиасофия не спешат превращать в аксиоматику свои знания, оставляя их в намеках, догадках, озарениях, подозрениях и предчувствиях. Философия хозяйства, софиасофия — всеохватывающие реалии, а потому их софийная

мысль вскрывает неизвестное, неосознаваемое и непонимаемое содержание, открывает его для сознания в нужное время. София формирует, выявляет контекст из скрытых в человеке смысловых структур, оставаясь за их пределами. София учит работать в состоянии сингулярности, в которой различия или еще слишком малы, чтобы их можно было понять и осознать, или уже слишком велики для осознания и понимания.

Понимание и сознание от Софии, а мысль и бессознание — от лукавого, Воланда. В философии хозяйства София предстает как посредник, позволяющий работать с индивидуальным непониманием и с неосознаванием, интегрируя всех участников познания и действия в единое целостное сознание, в котором незнание, непонимание исполняют функции знания и понимания. София, не подавляя и не подменяя разума и сознания человека, возводит их в целостность, предохраняет от ошибок, сообщает нужные смыслы, словом — руководит всем познанием, благодаря чему последнее становится уже не просто индивидуальным продуктом человека, а совместным созданием предмета и человека, откровением самого предмета.

Виртуальность порывает со всеми видовыми и родовыми признаками сознания, подменяя его тонкой материей — электромагнитными полями. Но простое отключение электроэнергии губит виртуальность, а сознание не зависит от энергии, ибо оно само есть идеальное спонтанное поле, творящее и виртуальные объекты, виртуальные технологии. Древние русские волхвы были не электромеханиками-программистами, а пророками, ориентирующими людей в сложном мире смыслов.

Для познания и устройства России не хватает неведомого ее соавтора, скрытого в софийной и софиасофской мудрости Великой Неизвестности, которая зовет Русь к себе через их общий мир Иной. Именно незнание, непонимание сознания, незнание самого Незнания не позволяют адекватно изучать и постигать Россию. А Великая Неизвестность есть Дом Премудрости Софии, в ней хранятся Мера и Справедливость, а потому все выходящее из нее должно соответствовать этим миротворным ценностям, чтобы осознать свою идентичность. И Россия хранится в неизвлеченных смыслах софиасофии и полилектики, в спецслужбах Неизвестности.

Нужно твердо знать и помнить аксиому русскости: «Началом мировых событий, вовлекающих в развитие все человечество, является создание нового образа сознания». А новое сознание, согласно пророчеству В.И. Ленина, сотворит новый мир, нового человека, новый смысл истории бытия, новую мудрость для самой мудрости. Сама история — есть эволюционный и полилектический способ поиска чистого сознания, которое содержит в себе софийную мудрость Меры и Справедливости Великой Неизвестности. История и человек должны осознавать сознание,

чтобы самим стать чистым сознанием, чтобы обрести в нем свою идентичность, чтобы расследовать причину смертной трагедии конца, выяснить, почему он не может иметь продолжения. Философия хозяйства, софисофия возникли для того, чтобы тайно общаться с софийной мудростью Великой Неизвестности для блага России. Ни Бог, ни судьба, ни история, ни наука, ни религия, ни сами русские не знают и не могут установить статус России, ибо в ней рождается новое целостное мирозерцание, совпадающее с неведомой русской религией. Все бунты и революция в России суть протест Руси против чуждой ей нерусскости и религиозности во имя своего мира Иного, ведомого мудростью Великой Неизвестности и русской тайной религией.

России как будто нет, а есть страна, которая никак не может стать Европой. Но сегодня любое действие без учета ума и сознания России ведет к безумию, которое вынуждено исполнять функции «умия». Россия — царство смыслового безмолвия, и связываться с ней не нужно даже США. С безмолвием невозможно ни воевать, ни спорить, ни познавать, ни отрицать, ибо оно говорит софийным языком возмездия.

Сейчас идет технокогнитивная революция, преобразующая социум в структуры, не нуждающиеся в сознании и в понимании. Более того, специалисты сегодня встали не только перед решением задач достижения гиперскоростных ракет, но и столкнулись с необходимостью гипескоростного смыслового анализа информации, которую компьютер ракеты обрабатывает лишь частично. А уничтожить-то натовскую цель нужно полностью. Поэтому вопрос упирается в вещь число Пифагора. Но нужна математика, не просто вычисляющая скорость, а распределяющая скорость гибели врага в континуальной матрице чисел, которые правят вычислителями своими неизвестными алгоритмами. Скрытая в числе мудрость Великой Неизвестности сегодня определяет бытие и гибель вещей и людей. Поэтому под угрозой этой неминуемой цифровой гильотины человек должен знать софийную метафизику меры и справедливости числа — во всех своих деяниях и безобразиях. Бог и София передали сегодня функции возмездия беспощадно справедливому и немилосердному числу, которое уже ждет своих первых клиентов и пациентов. А капитаны цифровой системы скрыто занимаются подготовкой «цифровых снайперов», которые должны вывести из строя компьютеры, обеспечивающие водоснабжение, работу электростанций, заводов, аэропортов, а также перехват денежных потоков, что поважнее «умных бомб».

Число вытесняет человека, социальность, ставит их под жесткий контроль владыки смерти. И единственным смысловым и мудрым адвокатом человека в цифровом мире останется лишь смысловое милосердие сознания. Западу — жестокий и немилосердный Логос, а России — радостная, строгая и милостивая Премудрость Софии. А мир Иной работает

на общее благо Великой Неизвестности, которая создаст реалии соответственно их заслугам перед софийной мудростью. Поэтому-то в России факты порождаются не бытием, а нефактуальным миром Иным, метафизикой его мудрости. И править такой страной можно лишь метафизически. Старый немецкий вояка, сделавший блестящую и честную карьеру в России, генерал-фельдмаршал Х.А. Миних выразился кратко, просто и по правде: «Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует!». София, София спасает от гибели!

Человечество сохранится, если оно постигнет непостижимые смыслы сознания и найдет в них пути, предначертанные для каждой реалии. Это заставит жалкие создания, терзаемые произволом коварной судьбы, внимать его смысловым указам. Человек наивно полагает, что все свои замыслы он вынашивает в тайне; и не подозревает он, что его грядущие деяния уже «выложены» в открытом доступе сознания, о чем сам субъект еще не знает! Нужно лишь признать смысловые коды и шифры сознания, приняв три его аксиомы, или упростить их, чтобы они открылись человеку.

Аксиома 1. Не только человек использует сознание в своих целях, но и сознание использует человека для решения своих миротворных задач. Человек может не интересоваться сознанием, но это не значит, что строгие стражи сознания не следят за тем, как человек используют сознание. Сознание не только содействует удовлетворению потребностей людей, но оно имеет сверхъестественную задачу — хранить идею мира Иного, его Мету и Справедливость. Сознание создает универсальные контексты, перспективы, в рамках которых бытие проявляет все многообразие своих форм, законов, причин, функций, движений. И оно бережет, прячет свои энергии для решения проблем мира Иного в спонтанных иллюзиях, сновидениях, мечтаниях, сохраняя автаркию от причин и законов мира. Гегель обнаружил хитрость разума, который использует вещи, интересы людей в качестве средств реализации своих целей. Нужно признать и хитрость сознания, которое использует все творения человека для решения неведомых нам задач мира Иного. Образы сознания служат смысловыми метками скрытой эволюции, посредством которой сознание осуществляет свой софийный миротворный проект — воздвигает Храм той Правды, вне коей правды нет — мир Иной.

Аксиома 2. Познаваемость и сознания — скрытый атрибут всех реалий мира. Фундамент самой материи выстроен из смысловых кирпичей сознания, родственного сознанию человека, но не совпадающего с ним (В.И. Ленин). Разнокачественные сознания присущи всем природным стихиям и созданиям, созданной человеком технике и культуре, инфернальному миру. Без этой всеобщности сознания, без сознаниеподобия

бытия и всех его феноменов познание было бы невозможно, а сознание стало бы излишним.

Аксиома 3. Из предыдущих аксиом вытекает, что есть не только интерфейсы человеческих сознаний, но и интерфейсы человеческих и внечеловеческих отражений-сознаний, самих внечеловеческих сознаний. Именно внечеловеческие интерфейсы сознания придают миру красоту, загадочность, оправдывают его перед смысловым судом вечности. Фольклор и мифы свидетельствуют о катастрофах сильных и умных существ, которые отрицали, не признавали внечеловеческих сознаний. А Ивандураки побеждали благодаря сотрудничеству с внечеловеческими сознаниями. Софиасофия идет дальше, признавая Премудрость Софии смысловым основанием сознания Логоса, разума, всех реалий, инферналий, виртуалий, технокультурных творений, символики и семантики языка. Да, внечеловеческие сознания качественно отличны от людского сознания в плане видовом, но они обладают единой родовой природой, признание, использование которой навсегда избавит людей от различных экологий¹⁹. Признание сознания и разума свойством всех реалий избавит нас от мусора и отходов, ибо с материей мы будем работать, учитывая ее разумность и сознательность, которые не допускают отходов и не знают мусора.

Но и знаменитейшие ученые идут на нелепые оскорбления сознания и человека, не вникая в их идеальные функции. Гегель о таких писал: «Относительно всех наук, изящных и прикладных искусств, ремесел распространено убеждение, что для овладения ими необходимо затратить большие усилия на их изучение и на упражнение в них. Относительно же философии, напротив, в настоящее время господствует предрассудок, что, — хотя из того, что у каждого есть глаза и руки, не следует, что он сумеет сшить сапоги, если ему дадут кожу и инструменты, — тем не менее каждый непосредственно умеет философствовать и рассуждать о философии, потому что обладает для этого меркой в виде своего природного разума, как будто он не обладает точно так же меркой для сапога в виде своей ноги» [2, 36—37].

¹⁹ Дополняя слова Гераклита, можно сказать, что «не человек разумен и сознателен, а разумен и сознателен окружающий его мир» [7, 231]. И вообще, кто сознательно и разумно смотрит на мир, на того и мир смотрит разумно, одаря смыслами его сознание. Все действительное логично, сознательно, разумно, и лишь сознательно разумное и логичное обладает полноценным бытием. Камень не распадается, ибо его сохраняет идеальный центр его сознания. Не случайно люди так ценят драгоценные камни, хотя все камни скрывают в себе свой скрытый ангельский свет неземной. А камень Кааба носит символическое имя — «священный дом». Мифы и древняя философия признавали дух (единство ума и сознания) атрибутом всех реалий Космоса, включая и сам Космос.

Русский ведизм, русская софийная философия всегда признавали космическое, универсальное сознание, пронизывающее смысловыми нитями все реалии мира. С.Н. Трубецкой, например, полагал: «Человеческое сознание не есть только отвлеченный термин для обозначения многих индивидуальных сознаний... Рассматривая сознание в нем самом, в его логических функциях, в его духовной природе, мы несомненно приходим к предположению абсолютных, идеальных норм, универсальных начал, — словом, к идее абсолютного вселенского сознания. ...Точно так же, как и самая чувственная вселенная во времени и пространстве предполагает такое сознание и всеобщую чувственность» [6, 98]. Индивидуальное сознание есть проявление космического сознания и космической памяти, в которых индивидуальное и не-индивидуальное тесно связаны.

И только софиасофия, возродив целостное понимание сознания как внемирового творческого центра софийной мудрости, созидающей все видимые и невидимые реалии, является единственным мировоззрением человечества, единственной его методологией, дающей осознанное понимание истории бытия, России, служит смысловым основанием для выработки спасительных решений в современном апокалиптическом мире. Софиасофия русского самосознания — ключ к современной истории бытия, ибо Русь всегда была совестью и мечом мудрости. Во времена мрака, нашествия духов бездны Россия выстояла, соединив воображение, сознание, реальность и ум, а не только чистый ум. И кроме России у русских ничего нет, ибо нет ничего более важного в мире сем и не будет. Россия в каждом из нас сидит, и нам от нее не избавиться: остается лишь служба ее миру Иному — русскому.

Литература

1. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Стокгольмская школа экономики, 2005.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. Собр. соч.: В 14 т. Т. 4. М., 1959.
3. *Денисов А.А., Денисова Е.В.* Конструирование абстрактных сознаний // Информационные войны. 2013. № 1.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-ое изд. Т. 29. М., 1969.
5. *Осипов Ю.М.* Софиасофские тетради. М.: Теис, 2018.
6. *Трубецкой С.Н.* О природе человеческого сознания // Вопросы философии и психологии. 1891. Т. 1. Кн. 1.
7. *Фрагменты греческих философов.* Ч. 1. М., 1989.
8. *Хорган Дж.* Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. СПб.: Амфора, 2001.

С.А. ЕРМИШИНА

Традиции и современное общество

Аннотация. Автор раскрывает характерные черты современного общества как массового и информационного, выявляет отрицательные стороны внедрения информационных технологий, в том числе гуманитарных, риски этого внедрения, показывает роль традиционных ценностей, политических, хозяйственных, культурных, религиозных традиций для сохранения жизнедеятельных основ развития государства, общества, человека.

Ключевые слова: современное общество, массовое информационное общество, «риски», «угрозы», ответ на «вызовы», традиции, жизнедеятельные основы общественного развития.

Abstract. The author reveals the characteristic features of modern society as a mass and informational one, indicates the negative aspects of the introduction of information technologies, including humanitarian ones, the risks of this implementation, shows the role of traditional values, political, economic, cultural and religious traditions to preserve the vital foundations of the state, society, person.

Keywords: modern society, mass information society, «risks», «threats», the answer to the «challenges», traditions, vital foundations of social development.

«О дивный новый мир» (1932 г.) — эта известная антиутопия О. Хаксли. Надвигающаяся на мир реальность, в которой предстоит жить человечеству, изображена в виде «Мирового государства». В этом мире вместо Бога — «Форд», крупнейшая автомобильная компания, господствует технократия, тотальный контроль над обществом, стандартизация всех сфер жизни с целью обеспечения целесообразности цивилизации. В нем широко применяются различные формы воздействия на сознание человека. «Новый дивномирский человек» живет, забыв о собственной истории, истории народа, человечества, живет без любви и эмоций, так как они могут только мешать, а воспоминания о родном доме вызывать страдания. Вместо любви с раннего возраста население этого мира практикует эротические игры, «взаимопользование», в котором каждый принадлежит всем остальным. Здесь жесткий контроль над появлением детей в инкубаторах, естественного деторождения нет. Нет искусства, а только индустрия развлечений. Нет науки, которая ищет истину, но есть наука, которая обслуживает комфортное состояние, включая лекарства по типу легких наркотиков для эйфорического существования и

радостного ухода в небытие в определенный установленный правилом срок. Этими и многими другими способами создается «стабильное и благополучное» общество. По-человечески живут лишь на «Острове», но туда надо еще попасть [5].

Уже через тридцать лет автор удивлялся быстрым темпам реализации описанного им сценария. Сегодня эти темпы катастрофически увеличиваются.

Однако в характеристиках обществоведов основных черт современного мира, в основном, доминируют позитивные акценты. Для них современное общество — это общество, которое в результате модернизации пришло на смену традиционному, оно характеризуется различными социальными изменениями, урбанизацией, СМИ и т. п. Это массовое общество. В нем преобладают стандартизированные производственные и потребительские процессы, унифицированные инфраструктуры, коммуникации всех видов для безграничного распространения любой информации, для территориального передвижения людей. В этом обществе нарастают глобализация, скорость потребления товаров, а также различных видов досуга, культуры, образования, достижений психологического комфорта и т. д. Весьма важными считаются демократизация политических процессов, активное участие масс в политической жизни всех уровней.

Информационное общество — это «новая ступень развития современной цивилизации». Информационные технологии приобретают глобальный характер и приоритет по сравнению с другими ресурсами и охватывают все сферы социальной деятельности. Россия становится частью мирового политического, экономического и информационного сообщества. Под воздействием технологий меняются основы общества [2, 23]. В связи с этим говорят о ломке старых традиций, о формировании новых форм социальной организации и самоорганизации, о появлении общества «нового типа» и даже о «новой социальной революции».

Целый ряд ученых, политиков видят будущее мира и России только под этим углом зрения. С позиций этих глобальных подходов оценивается эффективность любых национальных проектов в государственном управлении, культуре, образовании, медицине. Научное сообщество успешно измеряет их эффективность темпами роста рынка телекоммуникаций, информатизации всех отраслей экономики, применения искусственного интеллекта и т. п.

Эту реальность и предлагается воспринимать как «осознанную необходимость», основу формирования новой картины мира современного человека. Действительно, названные процессы объективны, но есть и иные стороны реальности, и иные подходы к ее осмыслению. И это тоже надо знать, хотя бы для того, чтобы правильно реагировать на

весьма неблагоприятный прогноз развития человечества, приближающегося к «дивному новому миру». Угрозы и риски слишком велики, чтобы еще и усиливать их с помощью национальных программ.

Отметим самое главное. Внимание встревоженных исследователей обращено на то, что в информационном обществе значительно снижается роль личности, свободного выбора, ответственного поведения, которым все больше руководит «стадный менталитет». Это весьма облегчает задачу манипулирования сознанием, волей людей. Происходит разрыв межличностных отношений, углубляется обособленность людей, утрачиваются нравственные ценности. «Омассовление» условий и форм жизни проявляется в усреднении культуры, в распространении ее примитивных образцов. Но информация — это еще не знание, не культура. Информированный человек может вполне быть неграмотным в этом отношении. И это вполне возможно, если учесть нарастающую информационную войну с длинными смыслами слов, понятий.

Исследователи также указывают на отрицательные последствия внедрения технологических операций, которые уже не доступны человеку и приводят его к подчинению диктату нового цифрового мира. И это еще одна угроза утраты свободы выбора [2, 22—23].

Итак, перспективы широкого внедрения новых технологий не должны закрывать негативных последствий этого процесса. Они могут привести, несмотря даже на усиление государства с помощью наращивания глобального контроля над обществом, к подрыву устоев государства. Рост новых социальных коммуникаций способен обернуться разрушением сложившихся социальных структур, снижением социализации и основ гражданской и национальной стабильности, а новые возможности индивидуального самовыражения могут привести к подрыву личностного потенциала, «самостоянья человека» (А.С. Пушкин). «Зомбированность», «дебилизация» из-за невозможности справиться с «обвалом» информации чревата безответственностью, ростом радикализма и других весьма катастрофических последствий.

Человек, попав в матричную структуру, управляемую посредством «умных» машин, может даже не узнать, что он свободен! Наука и сама может рано или поздно оказаться в жестких рамках такого «детерминизма», из которых весьма сложно вырваться.

Правы те исследователи, которые ставят перед научным сообществом проблему всестороннего изучения современных процессов во всех сферах жизнедеятельности человека, выявления угроз и рисков всех нововведений и разработки альтернативного ответа на вопросы развития человека, общества, человечества.

И в этом у них есть предшественники. В свое время первым критиком позитивизма О. Конта, а нынешние сторонники глобальных информационных перемен его наследники, был известный философ

В.С. Соловьев. Он утверждал, раскрывая основные черты этого «стиля ума», что позитивизм довольствуется каждый раз «последним победившим принципом». Поскольку, не имея Абсолютного критерия, любой научный вывод неизбежно либо отвергается следующим, в процессе «игры современной науки» (Й. Хейзенга), либо, получив поддержку власти (научного сообщества или политической силы), становится всеильным «победившим принципом», и ему насильственно подчиняются наука, сознание и даже вся жизнь общества.

Подобный «стиль ума» готов поклониться очередной «математической идее», т. е. научно доказанной (Ф.М. Достоевский), и руководствоваться ею в сложнейших вопросах исторического развития. С тех пор этот подход внедряет определенную картину мира, основанную на всеобщности «стадий роста» (Г. Спенсер), соответствующих ей законов необходимости подчинения стандарту «первых стран». Сейчас он действует под флагом глобализации.

Кроме того, он отстаивает этический плюрализм, который приводит к размытым критериям нравственности. Подобные принципы готовят сознание к тому, что жизнь перестает быть не только священной, но и биологическим выживанием. Она превращается в «игру, поиск состояний, удовлетворение потребностей». В этом смысле говорил, видимо, К.Н. Леонтьев о «среднем европейце как орудии всеобщего разрушения», с его одинаковым уровнем материальным, умственным, нравственным. О появлении подобного «нового позитивистского человека» и в России, для которого лучше «миру пропасть, а мне чай пить», — замечание накануне революции В.В. Розанова. «Но все ли игра», даже если «человек играющий»? (Й. Хейзенга).

Подчеркивая важность идеи О. Конта о «едином человечестве как “живой полной реальности”» [4, т. 2, 573], В.С. Соловьев критиковал его «положительную религию человечества» и концепцию «органического развития» через всеобщие «стадии роста». Русский философ рассматривал историю как Богочеловеческий процесс, утверждал, что именно это обеспечивает его внутреннее единство — за успехами цивилизации, науки и техники, а «техника через два-три века уйдет далеко, и результаты будут совершенно “чудодейственны”, еще быстрее будут расти “соблазны прогресса”, “борьба зла с добром”» [4, т. 2, 637]. Прогресс катастрофичен, подчеркивал философ, война — его постоянный стимул. «Война, прогресс и конец всемирной истории» стремительно сближаются. Одна из причин этого — в нарастающем отходе человека Западной цивилизации от Христа, от христианских ценностей. Запад забывает, что «Крест — хоругвь Европы» (А.С. Пушкин). С этим связано общее ослабление Запада, в том числе западной системы власти.

В наследии русской мысли содержится богатейший запас положений, выводов о развитии человечества. Еще Н.Я. Данилевский и

К.Н. Леонтьев выдвинули концепцию исторического процесса как развития культурно-исторических типов (стилей), подчеркивали всеобъемлющую роль православного христианства в историческом бытии России, в жизнедеятельности человека и народа.

Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, Н.П. Новгородцевым, С.Л. Франком, П.Б. Струве и многими другими известными мыслителями разработаны различные аспекты судеб человечества и русского пути в мировой истории. Сущность призывов этих мыслителей, особенно ярко проявившаяся в двух послереволюционных сборниках — «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), изучать и развивать традиции своего народа, поскольку «прошлое России есть залог ее будущего» [1, 296]. И эти слова были адресованы не только радикальной интеллигенции, готовившей и свершившей революцию, но и дореволюционным правительственным кругам, да и вообще любой власти в России. Весьма актуальны их размышления, выводы, оценки и сейчас для разработчиков национальных проектов на «новом информационном витке» нашего развития — если, конечно, они заинтересованы в том, чтоб выдержать соблазны «вызовов» глобализации и «оцифровки» всех сторон жизни.

В наследии мыслителей *свободного консерватизма* — положения, укорененные в традициях отношения Власти и Народа, политического и гражданского устройства, их духовно-нравственные основания. В отличие от предложенной западниками «европеизации» они подчеркивали с новой силой, что путь России не чужд Европе, но самостоятелен. Для понимания ее истории «потребна иная формула» (А.С. Пушкин). И в ней ключевое положение занимает вопрос о власти, об исторических традициях взаимоотношения на основе «союза», «симфонии» власти, Церкви и общества — этой «социальной троицы». Звучало у мыслителей и предупреждение об опасности революции и приводились доказательства отсутствия ее необходимости для развития общества.

Особое значение приобретают сегодня положения о развитии всех общественных приоритетов и «прав человека на достойное существование» (В.С. Соловьев), учение о личности с христианских позиций, о путях духовного самоопределения, о свободе как характеристическом признаке личности, о «безусловном значении, достоинства и ценности человеческой личности и основании ее неотъемлемых прав» [4, т. 1, 285]. При этом особо обратим внимание на качественно иное действие личностного принципа в русских реалиях, иного понимания свободы и подчиненных ему чувств равенства и братства. Если для западной традиции характерно отрицательное наполнение понятия свободы как независимости и борьбы «против», что безоговорочно усвоила российская радикальная интеллигенция, стремившаяся к революции, то в русском сознании свобода наполнена положительным содержанием. Уже к началу XX в.

опыт западноевропейских стран показал, что происходил кризис «негативной» свободы в буржуазных обществах, подтверждавший факт исторической эрозии основ классического либерализма. А к концу века он достиг решающей фазы, значительно усилились противоречия между политической демократией и либеральным индивидуализмом, между свободой в ее формально-правовом выражении и свободой на практике, когда в силу отсутствия условий ее реализация становится невозможной. Как это и подтверждает сейчас углубление кризиса либеральной демократии.

Кроме того, подчеркнем, что в нашей традиции мораль, правда и право — тесно связанные элементы единого целого. Справедливость — нравственная категории, восходящая к православным христианским ценностям. Отсюда и понимание «общей идеи права», определение права как «принудительного требования реализации определенного минимума добра, как не допускающего известных проявлений зла» [4, т. 1, 72]. Личная свобода есть условие «для человеческого достоинства» и нравственного совершенствования», для «достойного существования человека». Это возможно только в обществе, при «реальной безопасности всех». И «эта безопасность, не обеспеченная безусловным законом, нравственным самим по себе, как не существующим для людей безнравственных, ограждается принудительным законом юридическим, имеющим силу и для них» [4, т. 1, 73].

В традициях «русской правды» развивались мыслителями идеи о правовом и социальном государстве, общественном развитии, «философии хозяйства», словом, о всем российском домостроительстве. Государству «можно вернее и шире обеспечивать внешние условия для достойного существования и совершенствования людей», защищать их «от чуждых исторических стихий» (В.С. Соловьев).

Но на рубеже веков по разным причинам консервативные силы не услышали этих и других выводов и предупреждений. На практике продемонстрировали слабость реформирования в социальной сфере, архаизм в подходах к новым народным формам активности, непонимание того, как сохранить основы российского домостроительства в условиях «вызовов» модернизации. Весьма медленно продвигалось решение задачи развития «социальной троицы» — «союза» власти, Церкви и общества. Так, например, всесословный принцип организации земских органов разрушался высоким имущественным цензом, и от земств были отсечены крестьяне. Правительственные указы разрушали деревню-общину в условиях нарастания политического кризиса. И, как показала дальнейшая наша история, искавшая выход на историческое поле общинно-вечевая традиция, подпитала создание советов, чем и воспользовались большевики.

«Сумерки просвещения» (В.В. Розанов) привели к отходу от традиционных духовных ценностей, к трудностям поиска ответа на вопрос — как «веровать, быв цивилизованным» (Ф.М. Достоевский). Эти и многие другие ошибки в оценках роли традиций не позволили сторонникам реформ взять инициативу в противостоянии с радикалами, активно выступить, опираясь на обновленные традиционные ценности, и уберечь Россию от революции.

Силу традиций испытала даже большевистская власть. Первоначально провозгласив разрушение «старого мира до основания», она вынуждена была отказаться от курса на мировую революцию и «строить социализм», защищая территориальную целостность России, оглядываясь на российские реалии. Утилитаризм власти вынуждал использовать традиции, признать советы, а внедряя социализм, эксплуатировать «православный тип личности» (Н.А. Бердяев). Об этом говорит и неизбежный переход этой власти после многих лет репрессий к признанию Русской православной церкви. В этом приспособлении власти к основам русского домостроительства, к традициям кроются причины относительного долголетия советского строя.

Для реформаторов постсоветского этапа понимание важности исторического опыта России, ее традиций оказалось малодоступным. Получилось так: «целились в коммунизм, а попали в Россию» (А.А. Зиновьев). И на современном этапе остаются актуальными вопросы для реформаторов, которые задавали русские мыслители властной элите вслед за Н.М. Карамзиным в «Записке о древней и новой России». Это вопросы о том, что такое русское право, справедливость, традиции политической власти, общественной жизни и общества без «корысти имущих и не имущих» (С.Н. Булгаков), «философия хозяйства», национальный суверенитет. Какими путями должно идти народное образование, чтобы избежать «сумерек» и, наконец, какой должна быть национальная элита, чтобы понимать традиционные духовные ценности, в их современных формах разделяемые большинством людей. Все дело в людях, подытоживает и для нас Н.М. Карамзин!

Традиционные основы помогли выстоять России и ее народу в катастрофическом XX в. Взгляд через их призму даст искомый ответ, как сохранить весьма трудное равновесие между глобальными «вызовами» и российским домостроительством, основанным на традициях. Такой взгляд важен и для других народов, и для человечества в целом.

Помогают в этом разобраться и западные мыслители. О «рисках» быстро меняющегося массового общества с разных точек зрения говорили Ф. Ницше, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет и многие другие. К. Мангейм предупреждал, что дисбаланс между моральными нормами, душевными качествами и темпами развития общества может привести к катастрофе [3, 287].

Для понимания феномена современности интересны выводы К. Юнга. В известном «Эпизоде» он подводит итоги своих тридцатилетних наблюдений за немцами и в целом за европейцами после двух мировых войн. Как и русский философ В.С. Соловьев, он задается вопросом о войне: «Сумеет ли человек отказаться от игривого отношения к мысли об очередной войне?» [6, 336]. Выводы К. Юнга во многом совпадают с выводами русских мыслителей, хотя мировоззренческая составляющая их различна.

Главный вывод касается важности культурных скреп, христианских ценностей, как надежной защиты от негативных последствий массовых движений и активизации «коллективного бессознательного». Но, сожалеет К. Юнг, «христианский взгляд на мир утрачивает свой авторитет, и поэтому возрастает опасность того, что “белокурая бестия”, мечущаяся ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями». Эти слова, сказанные в 1918 г., относились не только к немцам, но и «к первобытному европейцу в целом, постепенно выходящему на поверхность в результате нарастающего воздействия принципа массовой организации» [6, 319].

Европеец в условиях отхода от христианских ценностей становится беззащитным перед «первобытными архетипами». В массовых организациях сложно проявиться человеческой индивидуальности, поступки людей становятся безответственными. Человек, управляемый обществом до определенной степени избавлен от личной ответственности. Его «несет масса в социальном пространстве».

Что же может помочь в этой ситуации? Надо учитывать тот факт, что «содержимое коллективного бессознательного, представленное архетипами, с которыми мы сталкиваемся при любом контакте с массовыми феноменами, всегда биполярно: оно имеет как положительную, так и отрицательную стороны. Любое проявление архетипа делает ситуацию критической, невозможно предвидеть ее развитие. Как правило, оно зависит от реакции сознания. Во время коллективистских проявлений архетипов всегда существует большая опасность массовых движений...» [6, 321].

Катастрофы можно избежать, «положительная сторона» архетипов может выдержать колебания, но только в том случае, если воздействие «отрицательной стороны» «перехватывается» и ассимилируется достаточно весомым большинством отдельных личностей, способных оказать чувствительное воздействие на окружающих, теми, кто может противостоять этой инерционной силе. Это только тот, кто укоренен не во внешнем, но во внутреннем мире [6, 321].

События истории человека и человечества — плод свободного выбора тех людей, которых принимают массы, выбирая тот или иной путь

как общее дело. Но Юнг в 1933 г. уже не надеялся, что найдутся такие люди: «в воздухе носится ощущение катастрофы». Может быть, сейчас «настало время для того, чтобы цивилизованный человек обратил свой разум к самым основам» [6, 336].

В свое время В.С. Соловьев, размышляя о «тайнах прогресса», напомнил русскому образованному обществу сказку, в которой добрый молодец перенес через бурный поток старуху, а она превратилась в царь-девицу. И тем, кто верит, и кто не верит «в будущность старой святыни», «надо идти вперед, взяв на себя всю тяжесть старины». «Если ты хочешь быть человеком будущего, современный человек, не забывай в дымящихся развалинах отца Анхиза и родных богов. Им был нужен благочестивый герой, чтобы перенести их в Италию... А наша святыня могущественнее Троянской, и путь наш с ней дальше Италии и всего земного мира. *Спасающий спасется*. Вот тайна прогресса — другой нет и не будет» [4, т. 2, 557].

Опыт истории доказывает важность сохранения укорененных в национальном самосознании традиций и ценностей, составляющих ядро народа. Их понимание и изучение должны сопровождать любые изменения и поиск ответов на «вызовы» современности.

Литература

1. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991.
2. Малков С.Ю. О рисках информационного общества // Информационное общество. 2018. № 2.
3. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
4. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1988.
5. Хаксли О О дивный новый мир: [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/haksli_oldos/o_divniy_noviy_mir.html.
6. Юнг К. Эпилог // Одайник В. Психология политики. Приложение. М., 1996.

Раздел III

Российская экономика в мировом контексте

А.Ю. АРХИПОВ

Евразийская интеграция в новых геостратегических условиях

Аннотация. Глобализация и глокализация современной мировой экономики. Рост значения региональных экономических интеграционных объединений. евразийский экономический союз (ЕАЭС) — важнейшее интеграционное объединение на Евразийском пространстве, проблемы и направления его совершенствования: развитие торговли внутри объединения, формирование единой промышленной, инновационной, образовательной политики. Экономическое развитие России как основа эффективного совершенствования евразийской интеграции.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, Евразийский экономический союз, промышленная, инновационная, образовательная политика ЕАЭС, экономическое развитие России.

Abstract. Globalization and glocalization of the modern world economy. The growing importance of regional Economic Integration Associations. The Eurasian Economic Union (EAEU) is the most important integration Association in the eurasian space, the problems and directions of its improvement: the development of trade within the Association, the formation of a single industrial, innovation, educational policy. Economic development of Russia as a basis for effective improvement of Eurasian integration.

Keywords: globalization, glocalization, Eurasian Economic Union, industrial, innovative, educational policy of the EAEU, economic development of Russia.

Мировая экономика переживает масштабные трансформации. Еще недавно, в 1990-х гг. казалось, что наступил «конец истории», окончательно победила однополярная глобализация в результате развала Советского Союза, краха социалистической системы, утверждения неолиберальной идеологии и практики, Вашингтонского консенсуса,

установившегося политического, экономического, военного господства западного мира во главе с Соединенными Штатами Америки.

Однако уже достаточно быстро стали проявляться процессы, нарушающие эту гегемонию, однополярность. Страны с развивающимися рынками все больше наращивали производство, доходы по их объемам стали обходить развитые страны. Так, безусловный лидер этой группы стран — Китай — уже в 2010 г. догнал лидера развитых стран — США — по объему промышленного производства по паритету покупательной способности (ППС), в 2014 г. — по валовому внутреннему продукту, также по ППС, и может достичь к 2022—2024 гг. превосходства по произведенному ВВП в долларовом выражении. Семерка ведущих стран с развивающимися рынками уже опережает традиционную Большую семерку развитых стран по ППС. Эта тенденция нарастает [7].

Ситуация в мире изменилась. Соответственно меняется и политика лидеров западного мира. В попытках сохранения экономического, политического господства Соединенные Штаты, президент Трамп стали применять санкции, протекционистские меры, торговые войны, прежде всего с Китаем, Россией. Эти меры затрагивают и партнеров США в Северной Америке, Европе. Так, атаки на строящийся газопровод «Северный поток—2» — это практически неприкрытая поддержка интересов американских газовых концернов, попытка под политическими лозунгами продать на европейские рынки их более дорогой, чем российский, газ.

Происходят перемены, реформирование экономического мироустройства, в основе которого фрагментация, локализация как обобщающие характеристики этих процессов, глокализация мировой экономики [1, 91—95]. Усиливаются и будут усиливаться в перспективе региональные группировки в Азии: АСЕАН, ШОС, экономический пояс Шелкового пути, Латинской Америки: Меркосур и др. В то же время эти процессы идут противоречиво: есть и немалые проблемы в ведущей экономической группировке — ЕС, связанные с кризисом мигрантов, брекситом, НАФТА в связи с новой позицией США.

Очень важно в этих условиях развитие интеграционных процессов на евразийском постсоветском пространстве: продолжение взаимодействия в так и остающимся аморфным СНГ, сосредоточение усилий на развитии Союзного государства России и Белоруссии, Евразийском экономическом Союзе (ЕАЭС), ставшем преемником Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза, Евразийского экономического пространства. Важно повышать эффективность всех видов взаимодействия внутри ЕАЭС. Продолжает оставаться незначительной торговля между странами внутри объединения. Необходимо совершен-

ствовать в целом управление в ЕАЭС, в частности, расширять программно-целевой подход в работе Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), развивая межгосударственные программы, с финансированием их из бюджета ЕЭК, повышать эффективность промышленной, торговой, инновационной политики [3, 6].

Требует развития научно-техническое сотрудничество. Здесь важно задействовать все имеющиеся и появляющиеся перспективные направления развития в России техники, технологий, российским предприятиям, их использующим, — привлекать партнеров из стран Союза, развивать кооперативные связи; организовывать совместные исследования и разработки. Необходимо также наращивать сотрудничество в области образования — постепенно формировать единое образовательное пространство. В области высшего образования, в условиях, когда российские вузы прилагают усилия по повышению своей конкурентоспособности, развитию экспорта образования, важно привлекать абитуриентов, особенно из стран ЕАЭС, бывшего СССР, развивать с вузами этих стран академические обмены [2, 8—9]. Велико значение развития сотрудничества в области транспорта, энергетики.

Особое внимание уделяется сотрудничеству в сфере обороны. Укрепляется взаимодействие в ОДКБ. Значение этого сотрудничества возрастает в связи с анонсируемым выводом войск США из Афганистана.

В настоящее время все более актуальным становится расширение Евразийского экономического союза — вовлечение в него или расширение совместной деятельности новых государств. Рассматриваются возможности вхождения в ЕАЭС Таджикистана, Узбекистана. Ведутся переговоры о создании зоны свободной торговли с ЕАЭС Вьетнама, Индии,

Ирана, интерес к сотрудничеству проявляют Китай, Турция, Пакистан [5, 6—7]. В перспективе Евразийский союз должен наращивать формы сотрудничества, кооперации, количество участников, становясь все более значимым Евразийским интеграционным объединением, притягивающим новых членов.

Конечно, важнейшее значение в укреплении ЕАЭС, всех форм евразийской интеграции имеет эффективное, прежде всего экономическое, развитие России. В настоящее время вырабатывается стратегия экономического развития на ближайшую и более отдаленную перспективу, основывающаяся на Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Сформированы национальные проекты, призванные реализовать цели и задачи, содержащиеся в Указе. Правительство уже разработало планы реализации этих национальных проектов. К числу важнейших относятся цели достижения темпов роста выше мировых,

вхождение России в пятерку ведущих по экономическому развитию государств мира. Приоритетно социальное развитие, которое реализуется в национальных проектах «Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Экология» и др.

Реализация этих планов невозможна без реиндустриализации нашей страны, возрождения ее индустриальной мощи, обрабатывающей промышленности, машиностроения. Одним из первых направлений этой работы является импортозамещение. В 1990-х гг. перестали работать многие предприятия, разрушены целые отрасли промышленности. Реализовали идею: зачем производить у себя, купим лучшее за рубежом. Поставили страну в недопустимое с точки зрения экономической безопасности положение. Так, в настоящее время в России производится в месяц всего 320—350 металлорежущих станков, что составляет всего несколько процентов потребности [6, 63]. Отсутствует (либо неудовлетворительно) производство многих видов оборудования, в том числе для нефте- и газодобычи, программного обеспечения при имеющихся кадрах. И это при возможности и осуществлении санкционного давления, запрета на поставки технологического оборудования, программного обеспечения.

Конечно, все разнообразные виды оборудования, техники производить в стране, как это было в Советском Союзе, не целесообразно. Но наиболее значимые — критические — технологии и виды техники, программное обеспечение — и не только для обороны — производить необходимо. Есть возможности и для кооперации, прежде всего с фирмами, разработчиками из Китая, Индии, Вьетнама, других стран Азии, да и Европы.

Реиндустриализация, импортозамещение должны основываться на последних достижениях, развитии в нашей стране научно-технического прогресса, который в годы рыночных преобразований также был в значительной степени свернут. Важно наращивать финансирование научной, инновационной деятельности, развивать коммерциализацию знаний, трансфер технологий. Академия наук, университеты должны стать важным звеном инновационной модернизации.

Для реализации преобразований в экономике России важно не дожидаться иностранных инвестиций, которые — во многом, из-за санкций — становятся недоступными, а опираться, как предлагают ряд ведущих экономистов (С.Ю. Глазьев, представители Столыпинского клуба, Партии роста), на внутренние источники развития, подконтрольную эмиссию, проектное финансирование, добиваться деофшоризации — вывода средств российских компаний из офшоров в отечественные банки.

Следующая важная проблема, остро вставшая в последнее время — борьба с рейдерством, искусственным банкротством, захватом

часто новых, эффективных производств с целью получения собственности, что, как правило, ведет к сокращению производства, потерям, а то и к прекращению функционирования успешных бизнесов. Пример этому — банкротство ЗАО «Сталинвест» в Тульской области, банкротство компании «Евродон» в Ростовской области [4]. Должна быть оперативно разработана законодательная защита от таких деструктивных действий.

Все это даст возможность эффективно развиваться экономике нашей страны, укрепиться взаимодействию партнеров по ЕАЭС, будет привлекать к интеграционному евразийскому процессу все новых партнеров, увеличивать возможность противостоять различным санкциям, кризисным проявлениям, способствовать укреплению позиций ЕАЭС, России в современном мире.

Литература

1. *Архинов А.Ю., Елецкий А.Н.* Трансформационные изменения современной мировой экономики в условиях глокализации и кризиса глобализма (материалы к лекциям и семинарам) // Российский экономический журнал. 2018. № 5. С. 86—110.
2. *Глазьев С.Ю.* Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2017. № 2 (22). С. 7—9.
3. *Глазьев С.Ю.* Построить конкурентоспособный экономический союз. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2017. № 1 (21). С. 5—7.
4. Дело Масленникова: Обманутого главу «Сталинвеста» осудили на три года: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newstube.ru/media/delo-maslennikova-obmanutogo-glavu-stalinvesta-osudili-na-tri-goda> (дата обращения: 2.03.2019).
5. *Дынкин А., Телегина Е., Халова Г.* Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 5—24.
6. *Миркин Я.М.* Российская экономика: рост под санкциями (сценарии будущего) // Экономическое возрождение России. 2018. № 2 (56). С. 7.
7. International Monetary Fund, World Economic Outlook Database. October 2017: [Электронный ресурс]. URL: www.imf.org (дата обращения: 20.04.2018).

С.С. СЛЕПАКОВ

О возможности прогрессивного социально-хозяйственного развития России с опорой на собственные ресурсы

Аннотация. В социально-хозяйственной системе современной России определяющая роль принадлежит парадигме выживания на основе мобилизационной, догоняющей экономики, средствами перманентного обновления институтов. Результаты развития демонстрируют динамичное углубление социально-хозяйственной деградации. Качественное обновление парадигмы требует перехода от ценностей выживания к ценностям развития на основе реализации общественных интересов. В критически опасной для России ситуации, в условиях санкций и закрытия внешних финансовых рынков власть и бизнес демонстрируют намерения к достижению договороспособности, партнерства и сотрудничества в привлечении инвестиций в приоритетные национальные проекты.

Ключевые слова: стагнация, социально-хозяйственная система, политика, стратегия, парадигма, ценности, приоритеты, реформы, обратная связь, национальные проекты, инвестиции.

Abstract. In the socio-economic system of modern Russia the decisive role belongs to the paradigm of survival on the basis of mobilization, catching up economy, means of permanent renewal of institutions. The results of development demonstrate a dynamic deepening of socio-economic degradation. Qualitative renewal of the paradigm requires a transition from the values of survival to the values of development based on the realization of public interests. In a critical situation for Russia, in the context of sanctions and the closure of foreign financial markets, the government and business demonstrate their intention to achieve contractual capacity, partnership and cooperation in attracting investments in priority national projects.

Keywords: stagnation, socio-economic system, policy, strategy, paradigm, values, priorities, reforms, feedback, national projects, investments.

Социально-хозяйственная система современной России стагнирует, продвигаясь в русле либеральных реформ глобалистского толка. Глобальные тренды в принципе не совместимы с идеологией и политикой приоритетного развития национальных социально-хозяйственных систем. Российское государство, отстаивая национальный суверенитет, неизбежно конфронтирует с глобальной системой. Однако в его политике качества рациональности, системности, определенности слаборазличимы. Она не глобальна, не либеральна, не социальна и не эффективна.

Характерно отсутствие сколь-нибудь внятной стратегии развития. Критический подход к «либеральной» стратегии научно-технологического развития России исходным моментом имеет указание на приоритетную необходимость соответствия стратегии научно-технологического развития России стратегии ее национальной социально-экономической системы.

Исходным и приоритетным подходом к определению стратегии в современной России служит ориентация на прогнозы развития мировых трендов. Данный «модернизационный» подход теоретически и методологически не обоснован, поскольку характеризуется оторванностью стратегии от российских социально-экономических реалий. Определяющая роль экзогенных, внесистемных факторов — гарантия не только низкого качества национального стратегирования, но и отсутствия самой возможности его успешной реализации. В подобной методологии видится несоответствие современной российской практики системным требованиям стратегического планирования и управления. По нашему мнению, это не институциональная ловушка, а намеренно внедренный в национальную экономику институт деструкции (вирусный институт) [8, 75—83].

В качестве опорных моментов формирования социально-экономической стратегии следовало бы принять отрасли и кластеры российской промышленности, обладающие качествами научно-технологического превосходства, продуцирующие прорывные технологии и производства, интегрированные во все подсистемы экономики и общества. Причины несоответствия национальных стратегий реалиям национально-хозяйственного развития состоят в отрыве процесса их целеполагания от потенциала и взаимообусловленности элементов структуры экономики и общества.

Выбор приоритетов в научно-технологических стратегиях РФ должен происходить на основе адекватных представлений об инструментах становления *конкурентоспособной, наукоемкой, технологичной экономики*. Изначально (в период, предшествовавший рыночным реформам) приоритет трактовался как тематическое направление научно-технологического развития межотраслевого (междисциплинарного) значения, способное внести наибольший вклад в обеспечение безопасности страны, ускорение экономического роста, повышение конкурентоспособности страны за счет развития технологической базы ее экономики и наукоемких производств. Однако в дальнейшем произошло «переключение» понятия о стратегических приоритетах на развитие «сквозных технологий», способствующих *созданию новых рынков* и охватывающих сразу несколько приоритетных сфер науки и техники, придание приоритетам прикладного характера, нацеленности на решение комплексных научно-

технических и технологических проблем и *ориентированности на конечный результат, способный стать инновационным продуктом* для новых рынков. И далее, в Стратегии до 2035 г. [9, 2], приоритеты уже были всецело сориентированы на мировые тренды.

Стратегические решения, находящиеся в жестких рамках неоклассической теории, не соответствуют ни современной международной практике выхода стран из кризиса, ни задачам подъема национальной экономики в условиях стагфляции и сжимающегося внутреннего рынка. Выбранные в Стратегии 2035 приоритеты расходятся с реальными проблемами российской экономики, ориентированы главным образом на интересы западных и восточноазиатских партнеров, определены без учета внутренних угроз и проблем, с высокой вероятностью применения неполной и недостоверной информации, с неопределенностью субъектов научно-технологического развития, роли государства в поддержке НТП, его функций, задач, ответственности.

Особого внимания заслуживает позиция недопустимости применения механизмов либеральной политики развития науки и образования на основе рыночных отношений в силу специфики науки и образования как видов деятельности по созданию общественно полезных благ, к которым не применимы рыночные законы регулирования на основе сравнительной эффективности (полезности).

В качестве теоретического базиса построения стратегии научно-технологического развития продуктивно применение положения системно-интеграционной парадигмы экономики и концепции системного стратегического планирования в рамках системной теории экономики, развиваемой В.Н. Лившицем и членом-корреспондентом РАН Г.Б. Клейнером [3].

Речь идет о первостепенной значимости учета в процессе стратегического планирования сущностных черт национального хозяйства, истории страны, а также факторов ее ментальности и культуры. С системных позиций критерием выбора направлений стратегического развития должны быть национальные интересы и стратегическая значимость планируемых изменений для благополучия общества, устойчивости и сбалансированности экономики.

Обратимся к мнению Ю.М. Осипова, характеризующего внутрироссийскую «игру» следующим образом: «...между властью и населением на основе и в рамках пореформенной социохозяйственной системы, которая в общем-то никакая не система, а скорее — антисистема, ибо управляющая власть, хоть и старается иной раз что-то хорошее сделать, но либо в не очень-то управляемой ею среде, либо с не слишком адекватными стране задачами, либо явно “чужебно” и вполне себе абсурдно, либо всего лишь некомпетентно, а главное — более всего служа... самой

себе, как и новым в стране большой собственности и кое-каким властям предержажим, кровные интересы которых, увы, не очень-то совпадают не то что с народными, а даже и национальными» [4, 19].

Переход российской социально-хозяйственной системы из состояния стагнации к прогрессивному развитию требует новой политики. Ее выработка и реализация невозможны без формирования в российском сообществе (прежде всего, в его элитах) качественно обновленной социально-хозяйственной парадигмы — прогрессивного образа мышления свободного от инерции застоя, на основе новых алгоритмов понимания и объяснения российских реалий, совокупности ценностей, методов, технических навыков и средств. На содержание парадигмы социально-хозяйственного развития влияют многообразные глобальные, экзогенные и эндогенные политико-экономические факторы; собственные, эгоистические интересы; генезис социально-хозяйственных процессов. Это общая практика.

В России, на протяжении XX—XXI вв., в калейдоскопе судьбоносных идей, давших импульсы историческим событиям и процессам, парадигмы (образы мышления, алгоритмы осмысления системы ценностей и моделей социально-хозяйственного развития) менялись многократно. *Существенно то, что как в СССР, так и в России определяющая роль принадлежала и принадлежит парадигме выживания средствами мобилизационной экономики.* Многообразные варианты этой парадигмы во всех случаях сводились к деструкции действующих и внедрению новых институтов. В этом отношении российская реальность не нова. Перемены, как и прежде, формализуются непрекращающейся, бессистемной, квазирыночной коррекцией институтов.

Отметим, что в «переходной» России (переход затянулся, без малого, на 30 лет, и конца ему не видно) способность к прогрессивной перемене социально-хозяйственной парадигмы оказалась проблематична. В управлении страной и государством остро востребованы *качества неформального, элитарного мышления*, реализующего высокие знания, разностороннее образование, эрудицию, прогрессивное мировоззрение, жизненный опыт, нравственность и гуманизм. Массовый, очевидный дефицит данных качеств у представителей российских формальных элит служит определяющей причиной того, что российская парадигма не находится в русле прогрессивного развития социально-хозяйственных систем.

В результате, российское национальное сообщество расколото. В социально-хозяйственном развитии ни обновленная парадигма, ни сколь-нибудь внятная стратегия не обнаруживаются. Реализуемая в России парадигма выживания все менее убедительна, поскольку демонстри-

рует динамичное углубление социально-хозяйственной деградации. *Период реакции* общества и экономики на деструктивные либерально-гайдаровские реформы длится более десятилетия и далек от завершения.

Общество негативно оценивает политику государства. Поводом к тому послужили события 2018 г.: повышение пенсионного возраста, НДС, цен на бензин; перспективы проведения в 2019 г. реформы оплаты вывоза мусора, введения налогообложения самозанятых (в пилотных регионах), подорожания ипотеки и отмены договоров долевого участия в строительстве, повышения цен на продукты (прежде всего импортные, но и на продукты отечественного производства), поэтапное (двукратное) повышения тарифов ЖКХ [5].

Развитие событий происходит на фоне застарелых проблем: неменяемости власти, нарастающей коррупции; запредельного уровня социально-хозяйственной дифференциации и несправедливости, бедности и безработицы, несовершенства системы законодательства, тотальной слабости и неэффективности судебной системы, роста преступности, кризиса морали, культуры и нравственности. От 60 до 70% россиян бедствует на фоне непомерного потребления 7—8% населения, заслуги которого перед обществом и страной, как минимум, сомнительны [7]. Население России с доходом ниже 10 дол. в день выросло до 53,7%, при этом 13,8% россиян тратят меньше 5 дол. в день [10].

Современное состояние и мировосприятие российского бизнеса также не дает оснований для оптимистических оценок и прогнозов. Богатство граждан России в значительной части не имеет «национальной прописки». Состоятельные россияне держат 2/3 своих финансовых активов за границей. В российских банках находится порядка 140 млрд дол. против 315 млрд дол. за рубежом. Санкционные угрозы не приводят к репатриации средств. Перекос предпочтений российского бизнеса в пользу зарубежных банков связан не столько с проблемами отечественных банков, сколько с намерением избежать российских рисков потери капиталов. В предпочтении «исхода» отечественных капиталов в зарубежный бизнес убеждает и то, что Россия находится в числе стран, худших по стоимости бизнеса. Российские компании оцениваются в разы дешевле конкурентов в США, ЕС и Китае. Стоимость компаний занижается из-за слабого корпоративного управления, неблагоприятной инвестиционной среды, слабой юридической защиты [10].

С полным на то основанием Ю.М. Осипов констатировал: наступление кризиса «...пореформенной системы, ее уже собственный кризис, который на деле выражается сверху в кризисе властных намерений и в кризисе властного управления, а снизу — в кризисе народного к власти доверия...», и чреват лишь «углублением... и переходом кризисной системы в неуправляемый режим существования» [4, 20].

В сложившихся в России условиях востребованное обществом обновление парадигмы должно определяться переходом от ценностей выживания к ценностям развития. В основе процесса должна находиться реализация общественных (национально-государственных) интересов.

Предпримем попытку обнаружить реальные события в российской социально-хозяйственной действительности, которые хоть отдаленно наводили бы на мысль о возможном продвижении российской парадигмы от стагнации и выживания к развитию. Очевидно то, что российские субъекты бизнеса и власти, являясь носителями собственных, рассогласованных интересов, не испытывают взаимного доверия. И, тем не менее, они обречены на сотрудничество. В новогоднем (2019) поздравлении В.В. Путин призвал страну объединиться, потому что у России «никогда не было и не будет» помощников [1].

Не только во имя сохранения страны и государства, *прежде всего в целях самосохранения* власть и бизнес России сегодня *вынуждены* договариваться.

В этом отношении представляет интерес поиск способов привлечения инвестиций в приоритетные национальные проекты, на реализацию майских указов президента. В августе 2018 г. помощник президента А.Р. Белоусов выступил с инициативой об изъятии у 14 крупнейших металлургических, химических и нефтехимических компаний (так называемый, «список Белоусова») более 500 млрд р. «сверхдоходов», полученных ими в результате девальвации рубля. Это предложение бизнес встретил бурным протестом.

Но в дальнейшем на площадке Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) речь уже шла не об изъятии 500 млрд р., а о привлечении представителей российского бизнеса, при поддержке правительства к участию в реализации национальных проектов [2].

Очевидно, что в данном случае речь идет о несистемных, «точечных» инвестициях, осуществляемых по выбору олигархических структур [6]. Тем более, что реальные суммы, проекты, сроки и пр. пока не заявлены. Однако власть и бизнес в принципе явили обществу способность вести переговоры и договариваться о сотрудничестве. Впечатляет и мультипликатор — от изначальной суммы предложенного изъятия — 500 млрд — до 7,5 трлн, с возможностью инвестирования до 14,5 трлн р. [2].

Прошедшее десятилетие продемонстрировало способность власти и бизнеса России к осуществлению масштабных проектов: Олимпиада в Сочи, Крымский мост, ЧМ по футболу и пр. (речь не идет об их экономической эффективности и целесообразности с точки зрения национальных (общественных) и региональных интересов). Существенно то, что возможности прогрессивного социально-хозяйственного развития России

с опорой на собственные ресурсы далеко не исчерпаны. При обновлении политики они могут быть эффективно задействованы и направлены на трансформацию парадигмы выживания в парадигму развития.

Литература

1. Британские СМИ назвали «дерзким» новогоднее поздравление Путина: [Электронный ресурс]. URL: http://www.topnews.ru/news_id_126219.html.
2. Двое в лодке: могут ли быть полезные последствия у списка Белоусова: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/business/10/10/2018/5bbc69ac9a794749b8353cf4>.
3. *Клейнер Г.Б.* Системная экономика как платформа развития современной экономической теории: [Электронный ресурс]. URL: <http://institutions.com/theories/2238-sistemnaya-ekonomika-kak-platforma-razvitiya-sovremennoj-ekonomicheskoy-teorii.html>.
4. *Осинов Ю.М.* Большая игра — российский миттельшпиль — «русская рулетка» // *Философия хозяйства*. 2018. № 6.
5. «Подарки» россиянам от правительства к приближающемуся Новому году: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777366611/>.
6. Рельсы от Абрамовича: зачем бизнесмену вкладываться в дорогу в Казань: [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/business/13/12/2018/5c10e8cf9a7947fc0d9e7169?from=main_right.
7. Сбой Чубайса. Стоит ли России благодарить олигархов за зарплату: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/obshchestvo/370183-sboy-chubaysa-stoit-li-rossii-blagodarit-oligarhov-za-zarplatu>.
8. *Слепаков С.С.* Четверть века России в новом времени: общественные интересы, глобальная конкуренция и стейкхолдер-менеджмент // *Философия хозяйства*. 2016. № 3 (105). С 75—83.
9. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года. Утв. Приказом Президента РФ 01.12.2016: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unn.ru/site/images/news/2016/11/24/strategia.pdf>.
10. Эксперты признали неравенство в России сопоставимым с 1905 годом: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/12/2017/5a33e2fc9a79471b6d846e24>.

Л.Ю. АНДРЕЕВА

Международные торговые войны: экономическая политика как инструмент геополитической конкуренции

Аннотация. Состояние неопределенности в глобальной экономике усиливается с течением времени вследствие действия рискованных геополитических факторов, возникновения торговых конфликтов, замедления роста крупнейших мировых компаний и национальных экономик стран с формирующимися рынками. Фактор неопределенности замедляет активность инвесторов, развитие крупных компаний и целых отраслей. Процесс смены экономического и технологического укладов способствует превращению неопределенности в долгосрочный тренд, оказывающий влияние на развитие национальных компаний. В статье рассматривается влияние макроэкономической неопределенности на динамику роста национальных экономик и устойчивость экономических агентов.

Ключевые слова: геополитическая конкуренция, инвестиционная активность, неопределенность, торговые войны, факторы роста экономики.

Abstract. The condition of uncertainty in global economy eventually amplifies when taking to consideration action of risk geopolitical factors, emergence of the trade conflicts, delay of growth of the largest world companies and national economies of the countries with emerging markets. The factor of uncertainty slows down activity of investors, development of the large companies and the whole industries. The process of shifting of economic and technological ways promotes transformation of uncertainty as the long-term trend having an impact on development of national companies. The article considers the impact of macroeconomic uncertainty on dynamic of growth of national economies and stability of national economic agents.

Keywords: geopolitical competition, investment activity, uncertainty, trade wars, actors of economic growth.

Научные исследования подтверждают негативное влияние макроэкономической неопределенности на рост экономики и финансовую устойчивость национальных экономических агентов. В условиях растущей макроэкономической неопределенности растут волатильность экономики, финансовые дисбалансы компаний и увеличиваются риски бизнеса. Высокая волатильность экономики вызывает падение цен на рискованные активы, увеличивает кредитные спреды, ограничивает доступ национальных экономических агентов к финансовым и кредитным ресурсам.

Неопределенность только увеличивается при перманентных финансово-экономических кризисах, которые в условиях финансовой глобализации стали носить разрушительный характер. В период кризисов снижается спрос экономических агентов на продукты и услуги компаний, поэтому фирмы всех отраслей вынужденно переходят к политике снижения издержек, создают систему инструментов управления рисками и затратами, сокращая персонал и снижая другие издержки, в том числе, и на разработку новых продуктов. Таким образом, в условиях макроэкономической неопределенности снижаются инвестиционная активность агентов российского рынка, потребительская активность населения и замедляется рост экономики в целом.

В современном глобальном мире основные риски связаны с долгосрочными процессами дестабилизации и перманентными кризисами. В условиях неопределенности рынки не только «привыкли» к волатильности, но и пытаются разрабатывать инструменты, снижающие риски, которые ее сопровождают. К таким рискам можно отнести резкие скачки фондового рынка, финансовую неустойчивость, санкции и торговые войны. При возникновении названных выше рисков Банк России может применять методы и инструменты, снижающие последствия рисков; например, макрорегулятор предоставляет ликвидность через рублевое и валютное рефинансирование, снижает валютные интервенции на открытом рынке и др.

По итогам 2018 г. зафиксировано увеличение роста российской экономики с 1,6 до 2,1%, однако инвестиционная активность агентов рынка пока не восстановилась до докризисного уровня. Рост мировой экономики, который продолжается с 2011 г., и увеличение потребительского спроса создали условия для позитивной динамики экспорта отечественных товаров более чем на 5% несмотря на усиливающуюся неопределенность на глобальных рынках. В это время девальвация рубля способствовала снижению темпов роста внутреннего потребления. По экспертным оценкам, рост потребления населения замедлился в 2018 г. до 2,3% (рост потребления в 2017 г. составлял 3,2%); оборот отечественных компаний розничной торговли в 2018 г. был на 10,8% ниже, чем в 2014 г., а платные услуги населению превысили докризисный уровень только на 0,4%, когда российская экономика не испытывала жесткого санкционного давления со стороны западных стран [3].

Риски неопределенности усиливают торговые противоречия между крупными странами мировой экономики, которые перерастают в торговые войны, прежде всего, между США и КНР. Несмотря на то, что торговые делегации этих стран активно проводят переговоры, между позициями США и КНР существуют большие разногласия не только по во-

просам балансировки торговых потоков, но и по проблемам защиты интеллектуальной собственности иностранных компаний. Очевидно, что США не устраивает вектор развития китайской инновационно-инвестиционной политики, которая с каждым годом усиливает свои конкурентные позиции. Администрация президента США в качестве стратегической задачи стремится распахнуть китайский рынок для иностранных инвестиций, а также ослабить роль КНР в мировой экономике.

Торговый конфликт между США и КНР возник, когда правительства этих стран ввели пошлины на ввоз импортной продукции на сумму более 350 млрд дол., которые незамедлительно вызвали замедление динамики роста капитальных затрат, потребительских расходов и инвестиционных вложений в китайскую экономику. Торговая война между США и КНР снизила потребительскую активность экономических агентов, которые стали тревожиться о будущем и реализовывать сберегательные стратегии.

Китайское правительство реально оценивает последствия развязывания торговых войн со стороны США, а также стремится их предотвратить, нивелируя возможные риски. Реструктуризация рисков необходима КНР для обхода возможных ограничений со стороны США на использование инновационных американских технологий, которые выступают фактором роста национальной экономики. Рисковая ситуация в международных взаимоотношениях двух стран сложилась вследствие того, что американская сторона предъявила КНР в процессе переговоров обвинения, связанные с промышленным шпионажем, с фактом применения которого китайское правительство не согласилось.

Сложившаяся проблемная ситуация в торговых отношениях между США и КНР ухудшилась с момента предъявления со стороны США компании «Huawei» и финансовому директору этой компании обвинения по фактам несанкционированного доступа к объектам интеллектуальной собственности и нарушения санкционной политики в отношении Ирана.

В конце 2018 г. лидеры США и КНР приняли решение о трехмесячном перемирии в торговой войне, при этом, если к 1 марта 2019 г. контрагенты не придут к общему соглашению, то США повысит пошлины на импорт китайских товаров с 10 до 25% на общую сумму 200 млрд дол.[4].

Для выравнивания доминирующей позиции КНР в торговых отношениях и снижения напряжения китайское правительство предложило к обсуждению меры по увеличению импорта американских товаров, прежде всего, энергоресурсов, аграрной и промышленной продукции. Представители США намерены ограничить процесс передачи инноваци-

онных производственных технологий китайским компаниям, чтобы снизить их конкурентоспособность. В качестве аргументов представители США выделяют возникающие риски в механизме защиты интеллектуальной собственности, но китайская сторона не соглашается с тем, что такие риски, связанные с промышленным шпионажем, в КНР уже существуют.

Торговая палата США и Американская торговая палата в КНР подготовили для Управления торгового представителя США (USTR) доклад о механизме реализации стратегии развития мирового лидерства КНР в области технологий. В материалах доклада непосредственно указывается, какие реформы следует провести КНР для обеспечения на внутреннем рынке конкурентных условий компаний-нерезидентов. В качестве ответных мер, снижающих напряженность, правительство КНР приступило к разработке институционально-правового механизма, ограничивающего принуждение к передаче технологий от компаний-нерезидентов китайским фирмам.

Согласно информации агентства «Синьхуа», новый закон должен обеспечить технологическую безопасность иностранных компаний, работающих на китайском рынке, и обеспечить невмешательство китайских регуляторов в деятельность компаний, принадлежащих иностранным инвесторам. Реализуя антикризисную стратегию в условиях обострения глобальных противоречий и усиления макроэкономических рисков, Народный банк Китая разрешил международному агентству «Standard & Poor's» присваивать кредитные рейтинги выпускаемым в стране облигациям. В настоящее время правительство КНР рассматривает условия заключения соответствующего договора, однако по ряду направлений, которые обсуждаются в ходе переговоров, КНР в настоящее время уступает США.

Для ускорения темпов роста национальной экономики Народный банк Китая реализует финансовую стратегию, направленную на снижение установленных требований к резервам кредитных организаций. Такие стратегические меры должны способствовать росту кредитной и потребительской активности экономических агентов.

В качестве последствий разразившейся торговой войны между США и КНР можно выделить в конце 2018 г. следующие события на мировом рынке:

- падение фондового рынка в конце 2018 г.;
- изменение модели экономического поведения инвесторов;
- замедление темпов роста китайской экономики;
- снижение уровня доверия на глобальном рынке.

Очевидно, что американская сторона приложит все силы, чтобы одержать победу в торговой войне и договориться с китайским прави-

тельством на выгодных для себя условиях. Вместе с тем снятие напряженности в отношениях между США и КНР может создать определенные проблемы для российской экономики, которая окажется в большей изоляции и лишится определенной поддержки со стороны китайских инвесторов.

По мнению В. Иноземцева, КНР достиг высоких показателей роста экономики не только за счет эффективного государственного регулирования, успешных общенациональных стратегий развития, но и на основе реализации комплекса рыночных мотиваций для поддержки национальных экономических агентов. Примерно 30 лет тому назад СССР и КНР приступили к реализации крупных трансформационных проектов. СССР превосходил Китай по ВВП на 5—6%, а по подушевым доходам в 4 раза; советский экспорт в китайскую экономику состоял из высокотехнологичной продукции более чем на 20%, а легковых автомобилей СССР поставлял на китайский рынок в стоимостном выражении больше, чем нефти [1].

Согласно оценке МВФ (World Economic Outlook database), на начало 2017 г. по размерам ВВП КНР обогнал Россию в 9 раз, по объему экспорта — в 4,4 раза, по темпам роста жилищного строительства — в 14,5 раза, а по протяженности высокоскоростных автодорог — в 70 раз. Многие высокотехнологичные товары, составляющие ныне основу китайского экспорта, в России не производятся до настоящего времени [5].

Стремясь снизить уровень внутренней конкуренции, правительство КНР методично стимулировало выход ведущих национальных предприятий на глобальный рынок, в то время как российское правительство стремилось создать благоприятные условия для развития национальных компаний внутри страны. В настоящее время экономика КНР замедляется на фоне продолжающегося торгового конфликта с США и снижения спроса на внутреннем рынке — регулируя риски, КНР снизил целевое значение роста ВВП до 6—6,5% в 2019 г., сообщает «Reuters» [5]. Новая цель была поставлена в середине декабря на закрытой центральной конференции по экономике, на которой Центральный комитет Компартии Китая и Госсовет устанавливают цели и приоритеты развития экономики, финансового и банковского секторов. В настоящее время КНР решает двойную задачу: успешного выхода из торговой войны с США и перевода национальной экономики на модель высокотехнологичного роста [5]. В связи с этим, стратегическая цель китайского правительства на ближайшую перспективу — это обеспечение стабильности экономики, что определяет в качестве проблемных задач борьбу с финансовыми и долговыми рисками.

Российская экономика к началу 2019 г. перешла к росту, несмотря на значительный отток капитала и низкую инвестиционную активность

экономических агентов. Инвестиционные вложения в экономику растут медленно из-за усиления санкций и снижения уровня доверия агентов в условиях высокой внешней и внутренней неопределенности.

Ограниченные вложения в развитие экономики не способствуют росту производительности труда, низкий уровень которого снижает возможность реализации инновационной промышленной политики, следовательно, прибыльность и уровень заработных плат в индустриальном секторе остаются низкими, что ограничивает привлекательность реального сектора для инвесторов. Во время кризиса и посткризисного периода правительство Российской Федерации стремилось направлять ресурсы на стимулирование потребления домохозяйств за счет бюджетных расходов, повышая уровень пенсионного обеспечения, занятость и заработные платы в государственном секторе. Антикризисная политика государства, сосредоточенная на стимулировании спроса, действительно обеспечила рост доходов населения и повысила уровень потребительского спроса. Однако оживление потребительского спроса домохозяйств привело к увеличению импортных товаров на российском рынке, что, в свою очередь, вызвало отток капитала из страны и снизило бюджетную стабильность.

Стимулирующим фактором потребления выступили в этот период времени банковские кредиты, спрос на которые постоянно увеличивался вследствие низкого уровня доходов населения. За счет антикризисной денежно-кредитной политики Банка России, направленной на снижение бюджетных рисков и поддержание курса рубля на основе валютных интервенций, удалось поддержать рост потребления на отечественном рынке в 2009—2014 гг. Реальные доходы домохозяйств снижались медленно, а мировые цены на энергоресурсы стали быстро восстанавливаться.

Российская экономика после мирового экономического кризиса перешла к восстановительному росту, который продолжался вплоть до введения санкций в отношении России в марте 2014 г. В этот период времени в рамках антикризисной стратегии правительство Российской Федерации сосредоточилось на формировании резервных накоплений, а не на повышении инвестиционного спроса. Ресурсы, направляемые государством на стимулирование внутреннего спроса, также уменьшились, и рост потребления домохозяйств поддерживался за счет кредитов, стоимость которых росла. Рост кредитной зависимости населения привел в 2015 г. к снижению уровня потребления домохозяйств в реальном выражении.

В настоящее время инвестиционная активность российской экономики низкая, а для развития экономики необходимо стимулировать рост

инвестиций. По оценкам аналитиков, выйти на докризисный уровень инвестиции при текущих темпах роста смогут лишь в 2020 г., в 2019 г. для обеспечения роста должны увеличиться на 4,7%. Динамика основных индикаторов российской экономической активности 2018 г. к 2014 г. представлена на рис. 1.

Рис. 1. Изменение основных индикаторов экономической активности 2018 г. к 2014 г., % [3]

По итогам 2018 г. российская экономика показала позитивные результаты: устойчивый рост, умеренную волатильность валютного курса, невысокие процентные ставки и уровень инфляции в пределах целей таргетирования Банком России. Пресс-служба Банка России в комментарии «Инфляционные ожидания и потребительские настроения» сообщает, что инфляционные ожидания населения, согласно опросу ООО «ИнФОМ», превысили показатель инфляции. Рост ожиданий аналитики связывают с реакцией агентов рынка на налоговые и курсовые факторы инфляции.

Инфляционные ожидания агентов рынка, согласно информации макрорегулятора, в январе 2019 г. выросли еще на 0,2 п. п. — до 10,4 п. п. К концу 2018 г. инфляция ускорилась до 4,3%, превысив прогнозный диапазон Банка России в 3,9—4,2%, и существенно превысила прогноз правительства. Домохозяйства проявляют особую чувствительность к росту цен на продовольственные товары и бензин, — отмечает регулятор рынка, при этом, в декабре 2018 г. рост цен на отдельные продукты ускорился [2].

Таким образом, основным фактором роста инфляционных ожиданий российского населения выступает ускорение фактической инфляции. Участники аналитического опроса, проведенного ООО «ИнФОМ», в перспективе ожидают более высокую инфляцию, чем в настоящее время. Инфляционные ожидания населения остаются повышенными с середины 2018 г., факторами роста этих ожиданий выступили снижение курса рубля и рост цен на бензин.

Инфляционные ожидания предприятий также сохранили тенденцию к росту, при этом наиболее высокие показатели демонстрируют компании оптовой и розничной торговли, что преимущественно связано с повышением НДС и динамикой курса рубля. В российских обрабатывающих производствах рост ценовых ожиданий в большей степени пришелся на предприятия, производящие продукцию для конечного потребления, а ожидания роста цен предприятий, занимающихся добычей полезных ископаемых, уменьшились на фоне снизившихся цен на нефть.

Можно констатировать, что экономическая ситуация в Российской Федерации, безусловно, сложная. Макроэкономическая неопределенность увеличивает риски, связанные со снижением устойчивости российской экономики. Геополитические риски и санкции продолжают оказывать негативное влияние на темпы роста отечественной экономики. Снижение устойчивости российских компаний может быть связано с усилением санкционного режима, например, с введением ограничений на операции с новым российским государственным долгом. В случае, если иностранные инвесторы сократят долю российских активов, экономический рост замедлится в большей степени. В связи с возможными рисками замедления роста экономики актуализируются задачи правительства по реализации комплекса мер, направленных на прорывное развитие экономики.

Литература

1. *Ломская Т.* Инвестиции и внутренний спрос в России все еще не восстановились после кризиса // Ведомости. 2019. 29 янв.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/01/29/792753-v> (дата обращения: 29.01.2019).

2. *Невельский А.* США и Китай пытаются сблизить позиции в торговом споре: Пекин готов пойти на уступки, но их может оказаться недостаточно // Ведомости. 2019. 30 янв.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/01/30/792844-ssha-kitai-sblizit-torgovom> (дата обращения: 30.01.2019).

3. *Иноземцев В.* Борьба амбиций: как за 30 лет Китай догнал и перепернал Россию // РБК. 2019. 30 янв.: [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.rbc.ru/opinions/economics/21/02/2017/58abf4239a7947ffded4e0c5> (дата обращения: 30.01.2019).

4. Yao K. Exclusive: China to set lower GDP growth target of 6-6.5 percent in 2019 // BUSINESS NEWSJANUARY from 11, 2019: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-economy-targets-exclusive/exclusive-china-to-set-lower-gdp-growth-target-of-6-6-5-percent-in-2019-sources-idUSKCN1P50CJ> (дата обращения: 02.02.2019).

5. Инфляционные ожидания в январе продолжили умеренно расти // Центральный банк Российской Федерации. От 01.02.2019: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/Press/event/?id=2391> (дата обращения: 01.02.2019).

В.В. ЧЕКМАРЁВ

Реиндустриализация — российский миттельшпиль — национальная безопасность

Аннотация. Состояние экономики России вызывает тревогу и у политиков, и у практиков-хозяйственников, и у ученых-экономистов. Вот и одна из знаковых фигур экономистов XXI в. О.Ю. Мамедов не мог не сформулировать свои предложения в ответ на вопрос «что делать?». Достаточно очевидно, что требуются серьезные системные изменения в организации национального хозяйства. С одной стороны, это вызвано тем, что люди хотят жить лучше во всех смыслах слова «лучше». А с другой стороны, международная обстановка, страновая конкуренция, исторический путь России на дорогах цивилизации делают системные изменения неизбежными. При этом, по выражению Ю.М. Осипова, «российское системное перестроение не предполагает однозначности в его осуществлении». Для каких-то секторов российского экономического пространства этот процесс будет заключаться в реиндустриализации, а для каких-то — в неоиндустриализации. Но само перестроение не может не иметь общей стратегии целей и задач. Данное обстоятельство с позиций экономической науки требует выделения общего и особенного процессов неоиндустриализации и реиндустриализации на основе понимания индустрии не просто как совокупности заводов, фабрик и прочих экономических производящих организаций, а как средства приставить людей к делу.

Вышеотмеченное определяет авторскую позицию относительно экономического развития. Она такова: экономический рост на основе переработки природных ресурсов — это ад индустриализации; экономическое развитие на основе высокотехнологичных производств — это наше будущее.

Ключевые слова: российский миттельшпиль, реиндустриализация, национальная безопасность.

Abstract. The state of the Russian economy is alarming both among politicians, practitioners, business managers, and economists. So one of the iconic figures of economists of the XXI century, Oktay Yusufovich Mamedov, could not help formulating his proposals in response to the question «what to do?» It is quite obvious that serious systemic changes are needed in the organization of the national economy. On the one hand, this is due to the fact that people want to live better in all senses of the word «better». On the other hand, the international situation, the country's competition, the historical path of Russia on the roads of civilization make systemic changes inevitable. At the same time, in the words of Yu.M.Osipov, «the Russian systemic restructuring does not imply unambiguity in its implementation». For some sectors of the Russian economic space this process will consist in re-industrialization, and for some — in neo-industrialization. But rebuilding itself cannot but have a common strategy of goals and objectives. From the standpoint of economics, this circumstance requires singling out a general and specific processes of neo-industrialization and re-industrialization based on an understanding of the industry not just as a set of factories, factories and other economic producing organizations, but as a means to put people in business.

The above determines the author's position regarding economic development. She is. Economic growth based on the processing of natural resources is a hell of industrialization. Economic development based on high-tech industries is our future.

Keywords: Russian middle game, re-industrialization, national security.

Начнем с ключевых в данном случае терминов «индустрия» и «индустриализация». Они имеют, по меньшей мере, три значения: 1) определенная отрасль народного хозяйства, 2) определенный тип технологий, 3) определенный тип экономической политики (industrial policy).

В первом случае автор данной статьи вслед за другими авторами предпочитает использовать хорошее русское слово «промышленность».

Во втором случае требуется существенное уточнение. Первоначально термин «индустриализация» обозначал переход от преимущественно ручного к преимущественно машинному типу производства. В Англии, Нидерландах и ряде других стран Западной Европы он начался

в XVIII в., в России — в XIX, но господствующим в мире стал в XX в. (в СССР — в 1920—1930-е гг.). В результате индустриализации господствующим стал индустриальный технологический уклад (в традиционной классификации — 3-й, 4-й). Последующее развитие привело к формированию в развитых странах мира 5-го — позднеиндустриального технологического уклада, содержащего элементы постиндустриальных технологий [7; 16].

Третий случай использования термина «индустриальный» — применительно к особому типу экономической политики вообще имеет много общего и с первым, и со вторым: он обозначает систему селективного регулирования производства со стороны государства. Индустриальной (промышленной) политикой он называется в большинстве случаев по инерции, в силу исторических причин, ибо первоначально такая политика была нацелена на активизацию развития именно промышленности.

Прежде чем задуматься, что в этом контексте означает слово «реиндустриализация», следует обратиться к многосмыслию другого понятия — «постиндустриальный». Здесь степень неопределенности существенно выше, устоявшихся определений немного, а авторов, писавших и пишущих на эту тему, не счесть. Тем не менее, некоторый минимальный круг традиционных смыслов выделить можно, хотя термин «постиндустриальный» означает самые разнообразные явления.

Во-первых, экономику, в которой промышленность и другие отрасли материального производства охватывают менее половины (в настоящее время — 20—30%) занятых и выпуска, а большая часть приходится на разные отрасли сферы услуг (это понимание характерно прежде всего для Д. Белла) [2].

Во-вторых, этот термин используют для того, чтобы обозначить определенный технологический уклад (уклады), базирующийся преимущественно на не механических способах преобразования материи (информационные, микробиологические, нано- и т. п. технологии). Этот взгляд развит в массе работ западных авторов, лет 30—40 назад писавших о постиндустриальной, а затем об информационной, основанной на знаниях экономике. На этой базе авторы выделяют ряд индустриальных и т. п. изменений, которые вызывают активное развитие новых технологий. В нашем отечестве акцент на новые технологические уклады в структуре экономической науки еще в 1990-е гг. был сделан академиками Д. Львовым и С. Глазьевым. В последние годы эта тема активно развивается в работах профессора С. Бодрунова и др.

В-третьих, в настоящее время в нашей стране в связи с мировым финансово-экономическим кризисом и наконец дошедшей до нас критикой финансовализации под постиндустриальной экономикой стали пони-

мать некий неопределенный круг негативных явлений, связанных с перебазируанием материального производства в третьи страны и приоритетной экспансией в развитых экономиках финансового и других посреднических секторов, иногда называемых трансформационными — в противоположность реальному производственному сектору.

Наконец, под постиндустриальной экономикой может пониматься система, основанная на качественно новом содержании труда. Если доиндустриальная система предполагала господство репродуктивного ручного, а индустриально-репродуктивного машинного труда, то постиндустриальная — постепенное, массовое распространение общедоступной творческой деятельности. В этом случае предпочтительнее вести речь о креатосфере. И именно это категориальное поле А.В. Бузгалину и нам представляется наиболее теоретически обоснованным и практически операциональным [10, 86—87].

Цивилизационный подход к периодизации этапов общественного развития базируется (по меньшей мере пока) на понятии «индустрия». Выделяют доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды развития. Но такая классификация весьма условна. Ведь содержание постиндустриализма определяется через превалирование производства услуг над товарами. Однако продукт труда становится товаром после признания в нем полезности, а услугой — через признание полезности до начала его производства. Но ключевым словом в этих характеристиках является производство, индустриальное производство. Следовательно, постиндустриализм — это не антииндустриализм. Более того, из отличия содержания понятий «товар» и «услуга» мы можем говорить о постиндустриализме как о качественно новом индустриализме. Качество здесь характеризуется технологическими возможностями производства удовлетворять не массовые, а индивидуальные потребности. Эта особенность характерна и по отношению к предметам потребления, и по отношению к средствам производства.

Сегодня не требует доказательств тезис, согласно которому без производства на индустриальной основе никакому государству просто не выжить, а не то чтобы развиваться. Но так случилось, что в лихие 90-е промышленное (индустриальное) производство было практически располовинено. Половина заводов и фабрик была уничтожена. Пришло отрезвление. Появились разговоры о реиндустриализации. Да и не только разговоры. М.И. Воейков начал решать задачу создания экономической теории реиндустриализации [4, 60—72]. Согласно его взглядам, необходим новый тип индустриального развития. Сегодня «это не только создание новой техники и технологий... но... развитие человека, человеческого потенциала на базе высокоразвитых сфер науки, культуры, образования» [4, 63]. Воейков полагает, что новый тип индустриального

развития по своему содержанию является инновационным. И поэтому «его следует рассматривать как особую, или специальную, *социальную ценность*» (выделено нами. — В. Ч.) [4, 64].

Далее мы еще раз вернемся к экономической теории реиндустриализации. Здесь же заметим, что в стране уже имеется определенный практический опыт проведения реиндустриализации (см.: [3, 121—131]). Есть и теоретические наработки проведения реиндустриализации, отличные от позиции М.И. Воейкова (см.: [1, 112—115; 5, 88—94; 12, 91—100; 18, 101—115]). Есть и критическая оценка политики реиндустриализации. Так С.А. Марков называет ее консервативной модернизацией [14]. Есть и экстравагантные предложения по проведению реиндустриализации России [6, 253—264].

Но не только российские экономисты размышляют о реиндустриализации рефлексируя на текущие задачи экономического развития. Западные ученые, реагируя на челленджи времени, также исследуют процессы технологических изменений в мире. Так, например, Джереми Рифкин предлагает свое понимание промышленной революции [23]. Особняком стоит позиция Н. Кляйна [8].

Что же объединяет столь разные выше пунктирно изложенные взгляды исследователей на реиндустриализацию? Пожалуй, только одно — индустриализация является столбовой дорогой человечества. А возвращаясь к экономической теории реиндустриализации, нельзя не вспомнить определение А. Колгановым и А. Бузгалиным реиндустриализации как ностальгии [10].

Теперь перейдем к осмыслению неоиндустриализации и ее отличию от реиндустриализации. И здесь нельзя не отметить тот значительный вклад Ю.М. Осипова, который он (практически первопроходцем) внес в раскрытие сущности, значения и механизмов реализации неоиндустриализации [19].

Поэтому обозначим лишь позиции ученых, разделяющих и развивающих идеи Ю.М. Осипова и выскажем свое понимание процесса неоиндустриализации.

Во-первых, нельзя пройти мимо работы С.Г. Ковалева, взявшего на себя труд оценить возможности неоиндустриального развития России в современных геополитических условиях [9, 127—139]. Под неоиндустриализацией он понимает «развитие традиционной индустриализации вширь (создание принципиально новых отраслей — биохимии, нанотехнологий и т. п.), либо к процессам, когда машины делают сами машины» [9, 136], и рассматривает неоиндустриализацию как новую фазу индустриализации. Особенностью неоиндустриализации Ковалев полагает разрушение старых производственных отраслей и отсутствие прин-

ципиально новых. Вряд ли с С.Г. Ковалевым можно согласиться как в части содержания выделенной им особенности, так и в части очерчивания возможностей неоиндустриализации страны через знание процесса индустриализации в СССР (быстрый, массивный, мобилизационный).

Во-вторых, крайне интересны рассуждения В.М. Кулькова по идентификации будущего индустриального развития. Этот процесс следует называть постиндустриализацией или новой индустриализацией? [11, 140—153]. То есть какова содержательная оценка трендов экономического развития? И когда речь идет о новой индустриализации, иногда понимаемой как однопорядковой с реиндустриализацией, то очевидно, что это не неоиндустриализация. Более того, неоиндустриализация не есть постиндустриализация. Поэтому заметим, что постиндустриализм как концепция развития общества (автор Д. Белл) существует уже более полувека (подробнее см.: [14]), но выполняет функцию не экономического, а социального прогнозирования (подробнее см.: [2; 5]). А термин «новая индустриализация» появился в исследованиях россиян и употребляться стал после публикации серии статей в журнале «Экономист». Согласно позиции Кулькова реиндустриализацию следует толковать в широком смысле как некий общий ориентир на развитие промышленного производства, в узком смысле — как набор конкретных мероприятий по восстановлению разрушенного ходе деиндустриализации в 1990-х гг. Под неоиндустриализацией (по Кулькову) следует понимать выход на уровень современных технологических требований. По мнению академика С.Ю. Глазьева, неоиндустриализация — это стратегия динамического наверстывания.

В заключение беглого обзора (в рамках объема публикации) взглядов на развитие процессов индустриализации России, позволивших определить и свою позицию, поделимся ею с читателями.

Первое, что хочется отметить, это нашу солидарность со взглядами Ю.М. Осипова. Напомним еще раз его позиции через названия его работ: «Российское перестроение как неперемнная актуальность» [21]; «Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теотеризирования к адекватному воззрению на реальность» [22]; «Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики» [20]. Методологически выверенный алгоритм прогнозирования будущего. Убавить нечего. А прибавить следует только одно. Каждая из имеющихся исследовательских позиций базируется на анализе особенного и в реиндустриализации, и в неоиндустриализации. Но у них есть и общее — это высокотехнологичное производство. Без него реиндустриализация — всего лишь консервативная модернизация. А неоиндустриализация просто не случится. Работ по проблемам организации высокотехнологичного производства — множество. Но наиболее интересными нам показались идеи

С.М. Никитенко, Л.Е. Никифоровой, В.А. Шабашева [15] и К.В. Хлебникова.

Вышеотмеченное позволяет к общему в характеристике реиндустриализации и неоиндустриализации отнести этапность развития высокотехнологичных производств, а к особенному — этапность государственной экономической политики.

В целом же реиндустриализация, новая индустриализация, неоиндустриализация, постиндустриализация являются фазами (этапами) со своим содержанием и характеристиками в новой экономике, формирующейся одновременно за счет «хредного эффекта» [17, 181] в многоуровневом российском экономическом пространстве.

В литературе, освещающей возможные тренды развития, наряду с упором на реиндустриализацию имеется точка зрения (А.В. Бузгалин и его «заединщики»), согласно которой главным приоритетом является развитие креатосферы.

Под креатосферой понимается постиндустриальный сектор экономики. Остановимся несколько подробнее (в рамках объема статьи) на отличиях креатосферы от реиндустриализации. И начнем, вслед за А.В. Бузгалиным, с напоминания: современная экономика с политико-экономической точки зрения структурируется отнюдь не по тем принципам, которые приняты в современной статистике и, соответственно, мейнстриме экономической теории. А в этом пространстве экономисты в большинстве своем следуют известному принципу «искать там, где фонарь, а не там, где потерял»: они исследуют то и так, что и как отражено в статистических сборниках. Но ведь в этих сборниках отражается только то и так, что и как необходимо для оптимизации процесса извлечения прибыли капитала и стабильности этого процесса на макроуровне.

Между тем наиболее значимые пропорции (и диспропорции) глобальной экономики связаны с более сложными — лежащими не на поверхности явлений, а на сущностном уровне — процессами. Это не просто соотношение финансового и нефинансового секторов, материального производства и сферы услуг и т. п. Едва ли не главные вопросы современной экономики — мера развития творческого содержания труда, объем свободного времени (не времени досуга, а времени свободного гармоничного развития личности), объемы производства, с одной стороны, средств развития человеческих качеств, а с другой — симулякров и т. п. — эти проблемы современная статистика отражает только косвенно, а во многих случаях информация об этом вообще недоступна. Однако марксистская экономическая теория в отличие от мейнстрима говорит: искать надо именно здесь. И если пока в этих сферах «темно», ибо нет «фонаря» (достаточного объема адекватных данных), то это не осно-

вание для того, чтобы закрыть проблему. Здесь ученому на помощь приходит тот «инструмент», который, по образному выражению Маркса, заменяет политэконому телескоп, микроскоп или иной инструмент, позволяющий разглядеть то, что не видно «невооруженному взгляду» обывателя и его научного собрата. Этот инструмент — сила научной абстракции и (в наиболее развитом виде) метод восхождения от абстрактного к конкретному, которому предшествует долгая работа по критическому анализу и синтезу эмпирически доступных форм, через «очищение» от деформаций, создаваемых миром превратных форм и т. п. [10].

Профессор О.Ю. Мамедов, будучи одним из могикан профессионалов-политэкономов на бескрайних просторах нашей страны (а их всего-то осталось меньше полутысячи, исходя из публикационной активности) утверждает, что «экономическая суть реиндустриализации... — это стимулирование экономического роста за счет государственного бюджета в целях модернизации устаревших и появления новых отраслей промышленности» [13, 8]. Но при этом профессор отмечает, что концепция реиндустриализации производства возникла как реакция на «перемещение рабочей силы и энергоемких отраслей промышленности, приведшее к потере многих рабочих мест и экспортных возможностей, которое не может быть преодолено восстановлением прежних, уже устаревших и неэффективных, производственных структур, а должно быть возрождено как новое и качественное промышленное развитие на базе высоких технологий и огромных инвестиций в человеческие ресурсы и научно-исследовательскую деятельность» [13].

Однако, по мнению другого ученого-политэнома — А.В. Бузгалина, использование термина «индустриальный» (и его производных) для обозначения технологий обуславливает несколько неожиданный вывод: в развитых странах господствующим типом технологий являются индустриальные, а содержанием труда — репродуктивный ручной и машинный труд.

По-видимому, этот вывод по меньшей мере покоробит большую часть критиков западной экономики как постиндустриальной, ибо в действительности под «постиндустриальностью» они понимают не тот или иной уровень развития производительных сил в тех или иных сферах производства, а... отраслевую структуру экономики. Для них главная задача — показать, что в современной глобальной экономике накануне кризиса доминировала тенденция вытеснения материального производства в реальном секторе и экспансии паразитической посреднической деятельности, особенно финансовой.

Самое смешное, что мы согласны с ними и в том, что эта тенденция реальна, и в том, что она негативна, и даже в том, что ныне и в ЕС,

и в США наметились обратные процессы возврата предприятий материального производства в свои страны. Еще более «смешно», что не только у нас, но и зарубежом этот процесс часто называют реиндустриализацией, что с точки зрения предложенных нами классификаций, основанных на выделении этапов развития содержания труда и технологий, выглядит нонсенсом. Однако многие авторы, особенно отечественные, *de facto* именно так и трактуют исследуемый нами термин — как приоритетное развитие не только промышленности, но и вообще материального производства (а в дальнейшем и социальной сферы), причем преимущественно на новом техническом базисе [10, 87—88].

В этом ключе выдержаны работы С.Ю. Глазьева, С.Д. Бодрунова и их коллег. И мы с ними солидаризируемся.

В работах других авторов (С.С. Губанова и его коллег) реиндустриализация (в ряде случаев — неоиндустриализация) также трактуется в ряде случаев как развитие высокотехнологичных производств, хотя во многих случаях речь идет о восстановлении промышленности как таковой [10, 88].

Еще раз, со ссылкой на А.В. Бузгалина, отметим, что, используя такой базовый критерий, как содержание труда и (как производный) технологий, в рамках собственно реального сектора могут быть выделены следующие большие сферы:

- производства, основанные на репродуктивном ручном труде и использующие доиндустриальные технологии I уклада (сюда войдет часть материального производства и сферы услуг);
- производства, основанные на репродуктивном машинном труде и использующие индустриальные технологии 2—4 укладов;
- креатосфера, где главную (не обязательно количественно доминирующую, но определяющую лицо и миссию этой сферы) роль играет творческая деятельность; это большая часть образования (включая воспитание), здравоохранения, культуры, деятельности по рекреации природы и общества, плюс та часть материального производства, которая базируется на постиндустриальных технологиях, где человек, по выражению Маркса, выступает преимущественно как контролер и регулировщик.

В рамках креатосферы мы можем выделить аналоги I и II подразделений. Напомним, что в индустриальной экономике, основой которой была, естественно, индустрия, производство машин (производство средств производства) именно эта сфера была названа в рамках марксистского дискурса I подразделением. Производство при помощи этих машин предметов потребления было, соответственно, II подразделением. По аналогии мы можем предположить, что в рамках креатосферы роль I подразделения выполняют сферы, в которых производится главный

«ресурс» развития — творческий потенциал человека (это такие «отрасли», как образование, здравоохранение, культура, социальная работа и т. п.). Использование этого главного ресурса для производства важнейших результатов функционирования креатосферы — культурных ценностей, в частности инноваций, know-how, и т. п. происходит в таких областях, как фундаментальная и прикладная наука, инженерное и социальное творчество, управление и т. п. Эти сферы, следовательно, играют роль II подразделения.

Если мы рассматриваем экономику, где креатосфера играет роль лидера, локомотива развития, то собственно материальное производство и сектор полезных (для прогресса человеческих качеств, решения экологических задач) услуг будет в такой экономике выполнять роль III подразделения. «По ту сторону» такого реального сектора будет лежать сфера производства симулякров и иных бесполезных (а то и просто вредных) феноменов — превратный сектор [10, 90—91].

Можно ли усмотреть в вышеотмеченном «тотальную этатизацию российской экономики?» Вряд ли.

В статье О.Ю. Мамедова содержится одно суждение, которое трудно не заметить. Он пишет, что «экономика — не та сфера, в которой идеологические барьеры могут хоть как-то воспрепятствовать осуществлению назревших объективных тенденций» [13, 10].

На наш взгляд, положение не просто дискуссионное, а просто неверное. Во-первых, тенденции обозначают возможный вектор движения (экономической динамики), а во-вторых, экономическая динамика характеризуется наличием многих ее форм (экономический рост, кризис, зигзаги, петли, складки и т. п.), а идеологические барьеры (в формате формальных институтов, разрабатывающихся «новыми русскими олигархами») очень даже, как показывает практика, воспрепятствуют «осуществлению назревших объективных тенденций».

Позиция, изложенная выше, коротко звучит как общий вывод — реэкономизацию возможно рассматривать как неоиндустриализацию. Именно неоиндустриализация является характеристикой постиндустриального общества. Могут упрекнуть, что это всего лишь новый технологический базис. Да. Именно это и утверждаем. Ибо, если нет базиса, то о чем вообще вести разговор?

Литература

1. Андрианов К.Н. Реиндустриализация России на основе реализации модели третьей промышленной революции // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: Сб. мат-лов Международного конгресса «Возрождение

производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 112—115.

2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М.: Academia, 1999. 956 с.

3. *Бурцева Т.А.* Реиндустриализация промышленного региона: опыт и итоги реализации // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: Сб. мат-лов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 121—131.

4. *Воейков М.И.* Экономическая теория реиндустриализации: основные проблемы // Производство, наука и образование России: Сб. мат-лов II Межд. конгресса. СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. С. 60—72.

5. *Гринберг Р.С.* Российская модернизация: среди шансов и рисков // Философия хозяйства. 2010. № 1. С. 83—89.

6. *Захаров В.К., Голикова Е.И.* Модель реиндустриализации России посредством воссоздания параллельной системы управляемой хозяйственной деятельности // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: Сб. мат-лов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 253—264.

7. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 200. 304 с.

8. *Кляйн Н.* Доктрина шока / Пер. с англ. М.: Изд-во «Добрая книга», 2015. 656 с.

9. *Ковалев С.Г.* Возможности неоиндустриального развития России в современных геополитических условиях // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: Сборник мат-лов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 127—139.

10. *Колганов А.И., Бузгалин А.В.* Реиндустриализация как ностальгия. Теоретический дискурс // Социс. 2014. № 1. С. 28—39.

11. *Кульков В.М.* Постиндустриализация или новая индустриализация? // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: Сб. мат-лов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 140—153.

12. *Ленчук Е.Б.* Технологический вектор новой индустриализации России // Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики.

Т. I: Сб. пленарных докл. Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2016) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2016. С. 91—100.

13. *Мамедов О.Ю.* Нам нужна не реиндустриализация, нам нужна — реэкономизация! // TERRAECOMICUS. 2016. Т. 14. № 4. С. 6—12.

14. *Марков С.А.* Консервативная модернизация: попытка новой модели развития России // Философия хозяйства. 2010. № 1. С. 112—119.

15. *Никитенко С.М.* Высокотехнологичные секторы региональной экономики: формирование и развитие / С.М. Никитенко, Л.Е. Никифорова, В.А. Шабашев. Кемерово: ООО «Сибирская издательская группа», 2012. 311 с.

16. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

17. *Новиков В.А.* К вопросу о «новой индустриализации» в России // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 6. С. 179—181.

18. *Нуреев Р.М.* От старой индустриализации к новой // Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики. Т. I: Сб. пленарных докл. Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2016) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2016. С. 101—115.

19. *Осинов Ю.М.* Неоиндустриализация: сущность, значение и механизмы реализации // Философия хозяйства. 2013. № 3 (87). С. 283—288.

20. *Осинов Ю.М.* Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // Философия хозяйства. 2016. № 2. С. 293—298.

21. *Осинов Ю.М.* Российское перестроение как непреходящая актуальность // Философия хозяйства. 2009. № 6. С. 3—18.

22. *Осинов Ю.М.* Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность // Философия хозяйства. 2016. № 2. С. 9—26.

23. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Пер. с англ. 3-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 410 с.

О.В. АНДРЕЕВА

Адаптивность российской экономики в мировом контексте: источники и исходы

Аннотация. Переход к новым технологическим укладам с одновременным становлением цифровой экономики, ставший основной тенденцией уходящего десятилетия, происходит на фоне замедления глобального экономического роста. Существующие модели глобального экономического роста себя исчерпали, о чем свидетельствуют снижение экономической динамики, нарастание проблем неравенства и объективные проблемы с реализацией концепции устойчивого развития, ставящей эссенциальность обеспечения устойчивости и единства экономического, социального и экологического компонентов. Новые тренды и тенденции развития глобальной хозяйственной системы требуют изыскания зон формирования источников адаптивности российской экономики. По нашему мнению, источники адаптивности российской экономики в мировом контексте базируются на новом формате развития российской академической науки, который должен совместить лучшие наработки российской научно-академической традиции с учетом проактивных трендов развития хозяйственной системы.

Ключевые слова: адаптивность, российская экономика, технологический уклад, системный риск, финансизация, финансовые технологии, организационно-финансовые технологии.

Abstract. Transition to new technological ways with simultaneous formation of the digital economy which became a top trend of the past decade is taking place on the context of delay of global economic growth. The existing models of global economic growth are played out already with the evidence of decrease in economic dynamics, problems of inequality and objective problems. It also assumes implementation of the concept of sustainable development with the focus on putting an essentialism of ensuring stability and unity of economic, social and ecological components. The research of zones of formation of adaptability sources of the Russian economy is an object for demand lead by new trends and tendencies of development of a global economic system. According to us, sources of adaptability of the Russian economy in the context of the world is based on a new format of development of the Russian academic science which has to combine the best practices of the Russian scientific and academic tradition and consideration of pro-active development trends of an economic system.

Keywords: adaptability, the Russian economy, technological way, systemic risk, financialization, financial technologies, organizational and financial technologies.

Переход к новым технологическим укладам с одновременным становлением цифровой экономики, ставший основной тенденцией уходящего десятилетия, происходит на фоне замедления глобального экономического роста. Существующие модели глобального экономического роста себя исчерпали, о чем свидетельствуют снижение экономической динамики, нарастание проблем неравенства и объективные проблемы с реализацией концепции устойчивого развития, ставящей эссенциальность обеспечения устойчивости и единства экономического, социального и экологического компонентов. Однако внедрение «зеленых технологий» не является панацеей от нарастания системного риска. Дефиниция «системного риска» стала все чаще появляться в аналитических отчетах профильных министерств развитых стран и ведущих аналитических и консалтинговых агентств. Нарастание системного риска, стохастические процессы его экспорта и импорта в рамках гиперсетевой формы организации глобальной хозяйственной системы существенно осложняют и в ряде случаев делают невозможным достижение целей устойчивого развития. Выделим явления, наиболее ярко характеризующие современную глобальную экономику.

1. *Тотальная финансовизация всех сфер глобальной хозяйственной системы в сочетании с активным развитием цифровых информационно-коммуникационных технологий.* Тотальная финансовизация всех сфер глобальной хозяйственной системы в сочетании с активным развитием цифровых информационно-коммуникационных технологий формирует новый тип экономики. Он характеризуется факторами и тенденциями, не учитываемыми в фундаментальных концепциях экономической науки. При этом их воздействие на продуцирование стоимости остается бесспорным. Отсутствие функциональной теоретико-методологической базы, достоверно описывающей и объясняющей новые факторы и тенденции, до сих пор не сформировано. Вместе с тем вклад виртуального сектора в формирование стоимости и «ценностей для потребителя» очевиден, однако не в части снижения себестоимости производства на фоне роста потребительской ценности, а в части удорожания высокотехнологичных компонентов и роста концентрации на рынке высоких технологий. При этом производство новой стоимости в рамках распределенных международных технологических цепочек актуализирует проблему изыскания методов оценки участия виртуальных компонентов в стоимости не только реальных, но и виртуальных продуктов. С этих позиций анализ трендов и тенденций развития глобальной экономики представляет особый интерес в части определения приоритетных сфер методологических разработок и практико-прикладных исследований: цифровизация и без того виртуальной финансовой сферы приводит к выводу

глобальных потоков финансовых ресурсов из-под контроля и даже из мониторингов. Отслеживать неявные транснациональные финансовые потоки возможно лишь при помощи сравнительного анализа, причем с невысоким уровнем достоверности. Так, примерно 170 трлн дол. в глобальной экономике вне сфер влияния государств, а всего финансовых активов — около 340 трлн дол.

2. *Финансовый детерминизм.* Доминантное положение финансовых ресурсов по отношению к иным производственным ресурсам формирует зависимость реципиентов финансовых ресурсов от их поставщиков. Именно финансовый детерминизм позволил ввести санкционный процесс в разряд внеэкономических, но вместе с тем действенных инструментов перераспределения ресурсов в глобальной экономике. Тотальная зависимость от поставщиков ликвидности (от эмитентов до финансово-кредитных институтов) вынуждает ведущих игроков глобального рынка учитывать геополитические тренды в ущерб классическим бизнес-стратегиям. При этом сама финансовая параметрика становится все более противоречивой и дисфункциональной: государственные долговые ценные бумаги приравняются в инвестиционном анализе к безрисковым, хотя таковыми по сути не являются и никогда таковыми не являлись, учитывая хотя бы само существование оценочного параметра «страновой риск» в экономическом анализе; страны, лидирующие по концентрации финансового капитала (США, Швейцария и др.) одновременно являются беднейшими странами по показателю уровня государственного долга на душу населения; центральные банки, являющиеся де-юре институтами, обязанными реализовать стабильную денежно-кредитную политику, де-факто недооценивают кредитный риск, что приводит к недопустимой эскалации рисковей нагрузки в финансово-кредитном секторе конкретных стран и обеспечивает хрупкость финансово-кредитного механизма. Это в свою очередь изменяет функционал финансово-кредитного механизма с «межотраслевого перелива капитала» на «обеспечение рентабельности операторов финансового рынка», что подстегивает развитие финансовых спекуляций на биржах и формирует дефицит ликвидности в реальном секторе экономики.

3. *Стабильная турбулентность экономических систем.* Начиная с глобального экономического кризиса 2008 г., турбулентность экономических систем из эпизодических фактов стала практически обычным состоянием. Высокая неопределенность и продуцируемые ею риски на фоне снижения риск-аппетита инвесторов ограничивают инвестиционную активность в реальном секторе экономики, приводя к доминированию коротких спекулятивных стратегий. Российский малый и средний бизнес и вовсе снижает свой горизонт инвестиционного планирования

до краткосрочных тактик (не более 1—1,5 лет). Реализация крупных проектов в реальном секторе экономики ставит перед соинвесторами необходимость разработки финансового механизма хеджирования рисков, что, с одной стороны, повышает инвестиционную привлекательность, а, с другой, уводит финансовый капитал из длительных инвестиционных проектов в пользу краткосрочных хеджей. Здесь же следует отметить, что риск-метрики инвестиционных инструментов показывают свою дисфункциональность (например, использование государственных облигаций как безрисковых инструментов приводят к тому, что инвесторы размещают дешевые кредитные ресурсы в государственные облигации сроком погашения до 5 лет, при этом при малейшем проявлении геополитических или страновых рисков выводят свои капиталы, ослабляя финансовый рынок страны). В результате этих эффектов экономическая турбулентность становится самовоспроизводящимся и самовозрастающим явлением, которое нивелировать рыночными механизмами невозможно. Требуется применение вне рыночных инструментов.

4. *Непрекращающаяся цепочка экономических кризисов.* Экономическая турбулентность результируется в непрекращающейся череде кризисов: социально-экономических, финансовых, геополитических, экологических и т. д. Эти кризисы становятся все более конвергентны: стирание границ между кризисами и их интеграция приводят к эффекту «непрерывности кризисной динамики». При этом все нарабатанные антикризисные механизмы, известные экономической науке как отрасли знания, в условиях сетевой экономики и турбулентности теряют свою результативность. Антикризисные инструменты становятся все более кастомизированными и краткосрочными. Следует также учитывать, что антикризисные стратегии требуют значительного ресурсного обеспечения, которое у хозяйствующих субъектов отсутствует: оно просто не было сформировано, поскольку резервирование ресурсов противоречит самому духу тотальной финасизации, а привлеченные ресурсы требуют платы за обслуживание. Такого рода риск-ориентированное резервирование противоречит самому духу финансовой глобализации и финансового детерминизма, когда все активы должны работать, а «штрафом» за простой является минимум уровня инфляции. Судя по всеобщей геоэкономической обстановке, кризисы не закончатся. Непрекращающаяся череда кризисов ставит задачу разработки способа обеспечения бесперебойности и жизнеспособности экономической системы в условиях «конвергенции кризисов».

5. *Перелив трудовых ресурсов с виртуальные сферы, в том числе в сферы спекулятивных инвестиций.* Новые явления виртуальной экономики (от SMM продвижения до цифровых денег (криптовалюты), робо-

тов и роботизации, распределенные реестры (blockchain), квантовые компьютеры, большие данные (big data), цифровой банкинг (digital banking), 3D-печать и печатная электроника) представляются высокорентабельными направлениями в условиях цифровизации экономики. Это факт выступает аттрактором для трудовых ресурсов и человеческого капитала, вызывая их перелив в сферу виртуальной экономики. При этом возникает объективный дефицит качественного человеческого капитала в реальном секторе экономики, где, собственно, и происходит создание стоимости. Это закономерно приводит к формированию двух фрактальных групп организационного механизма экономического роста: в одной — атомизация социума с его последующей интеграцией в производственные цепочки через информационно-коммуникационное администрирование (в том числе с привлечением технологий масс-медиа), в другой — режим «ручного управления» развитием с администрированием посредством бюрократической номенклатуры. Причем оба типа деструктивны для производственных систем, так как неспособны обеспечить ресурсосберегающее устойчивое развитие [5]. Одним из сопутствующих отрицательных эффектов становится размывание контура управления развитием социальной-экономических систем за счет подключения виртуальных компонентов в локальные подсистемы.

6. *Деиндустриализация как следствие цифровизации.* Высокая рентабельность проектов в области цифровизации приводит к стохастической реаллокации ресурсов из реального сектора экономики в пользу цифрового сектора [2]. Вместе с тем возникает объективный риск ослабления индустриальной базы и гипертрофии цифровой надстройки. В целом ряде стран с низким экономическим потенциалом в сфере криптовалют (майнинг и спекуляции) занято больше трудоспособного населения, чем в промышленности. При этом роботизированная поддержка функционирования виртуальных бирж снижает уровень требований к компетенциям участников, исключая мотивацию таким образом самозанятого населения к получению квалификаций, необходимых в реальном секторе, что, в свою очередь, в перспективе создаст ощутимые дисбалансы на рынке труда. Безусловно, цифровые технологии способны обеспечивать экспоненциальный рост эффективности, однако в отрыве от процессов производства реальной стоимости они непродуктивны и способны дать лишь кратковременный спекулятивный эффект: алгоритмизация и виртуализация полезны только для упорядоченных систем, в остальных случаях она продуцирует нарастание хаоса, стохастики и неопределенности.

7. *Размывание контуров управления развитием социально-экономических систем.* Риторика обеспечения устойчивого развития, главенствовавшая в науках об обществе на протяжении десятилетий, привела

к принятию ряда программных документов долгосрочного развития, в которых не учтены новые свойства и характеристики изменившейся глобальной экономики [3]. Программные документы становятся все менее конкретными и содержат все меньше прикладных рекомендаций в части алгоритмов достижения целевых состояний. С одной стороны, это обеспечивает возможность маневра в условиях быстро изменяющейся деловой среды, а с другой — закономерно продуцирует рассинхронизацию между уровнями и отраслями экономики: так, задача цифровизации выполняется ускоренными темпами в финансово-кредитном секторе, а в отраслях транспорта, строительства, сельского хозяйства — значительно медленнее. Это приводит к разбалансировке контуров управления за счет вынужденной диверсификации системы управления стратегическим развитием в части инструментов, методов и алгоритмов, что по сути вновь приводит к режиму ручного управления.

8. *Рассогласование денежно-кредитной и промышленной политики.* В условиях посткризисного развития в ряде стран произошла разбалансировка промышленной и денежно-кредитной политики в части оптимума ликвидности на рынке. Так, российская практика показывает, что банковские институты держат избыток ликвидности, при этом промышленность страдает от дефицита доступной ликвидности из-за высоких процентных ставок [6]. Это приводит к недофинансированию оборотного капитала, что, в свою очередь, существенно ограничивает темпы роста промышленного производства и возможность инновационной модернизации производственной инфраструктуры, поскольку в условиях дефицита доступной ликвидности снижается и емкость спроса, что не позволяет обеспечить реализацию крупных программ модернизации и широкое внедрение инновационных разработок.

Обозначенные условия, пусть и в самых общих чертах, позволяют определить контуры новой хозяйственной системы, которая все же требует разработки и внедрения новых алгоритмов активации экономического роста. Активизация экономического роста важна не только в рамках «новой модели экономического роста», но и в рамках существующих моделей, поскольку именно эффективность их реализации создает ресурсную базу для возможности обновления. Следует отметить, что гиперсетевая организационная модель современной хозяйственной системы не позволяет всерьез воспринимать риторику о необходимости резкой и кардинальной перестройки производственных и социально-экономических систем (например, в рамках реинжиниринга), поскольку «длинные хвосты» последствий управленческих решений в условиях гиперсети практически невозможно достоверно спрогнозировать. В пользу более консервативных подходов к управлению изменениями говорит и

тот факт, что в условиях геополитической дестабилизации и высокой стохастичности динамики волатильности финансовых рынков, риск-ориентированный подход центристически приближается к концепции обеспечения устойчивого развития [1].

Вместе с тем организационно-финансовый механизм обеспечения устойчивого развития крупных социально-экономических систем в условиях тотальной цифровизации остается малоисследованным и требует детального изучения с позиций балансировки рисков и выгод.

Высокая дифференциация стран и их макрорегионов по уровню технико-технологического развития достаточно остро ставит вопрос о роли и месте цифровизации в системе функционирования современных социально-экономических систем, рынков и хозяйствующих субъектов. «Модные» тренды и тенденции, диктуемые цифровизацией, начинают превращать цифровизацию в самоцель, уводя управляющий контур от содержания процесса управления к его организационным характеристикам. Безусловно, алгоритмизация бизнес-процессов и их дальнейшая цифровизация способствуют повышению производительности, однако сама по себе цифровизация не может служить источником роста. Да, цифровизация выступает драйвером, да, цифровизация повышает эффективность коммуникаций, да, цифровизация может обеспечить ресурсосбережение. Однако цифровые технологии, внедряемые в хозяйственный оборот, должны быть релевантны целям и задачам хозяйственных систем. «Цифровизация ради цифровизации» создает объективные риски дестабилизации систем управления, что закономерно приводит к размыванию управленческого контура и снижению потенциала к устойчивому развитию.

Приоритетная роль цифровизации видится, прежде всего, в расширении возможностей и повышении эффективности и протяженности существующих производственных цепочек. Генезис инсталляции цифровых технологий в производственные системы свидетельствует о том, что их внедрение в упорядоченные и отлаженные механизмы обеспечивает экспоненциальный рост эффективности и результативности. При этом попытка автоматизации неупорядоченных процессов приводит лишь к нарастанию хаоса и неопределенности, росту выдачи «отказов» систем и нарастанию риска критических ошибок.

Сами процедуры цифровизации должны инициироваться в рамках системно-диагностического подхода [4] в целях четкого определения цели внедрения цифровых технологий. Высокая дифференциация возможных к применению цифровых технологий в современных хозяйственных системах приводит к высокой ответственности разработчиков при моделировании стратегий цифровизации. Так, в число современных технологий современное экспертное сообщество включает чрезвычайно широкий диапазон: от цифровых каналов связи до искусственных

нейронных сетей и прототипов искусственного интеллекта. Безусловно, базисными этапами являются цифровизация инфраструктуры и институционализация презумпции цифровых технологий на базисном (инфраструктурном) уровне, потому как дальнейший трансферт цифровых технологий возможен только при наличии лояльности (восприимчивости) хозяйствующих субъектов к типовой алгоритмизации и упорядочиванию базисных бизнес-процессов. Новейший опыт применения цифровых технологий в обработке метаданных показал, что чрезвычайно сильное влияние на результативность цифровизации оказывает предварительная кластеризация данных. В противном случае цифровые технологии возвращают недоверенные значения и формируют отрицательную эффективность, внося неупорядоченность и стохастичность в системы управления за счет возвращаемых недоверенных данных.

Немаловажным аспектом цифровизации является моделирование возможных комбинаций и соотношений «затраты—результат», поскольку цифровизация требует значительных финансовых инвестиций и в инфраструктуру, и в программное обеспечение, и в сопровождение проектов и, что наиболее важно, в человеческий капитал. Цифровые технологии сами-по-себе не являются производственным ресурсом, однако их уместное применение может обеспечить беспрецедентный рост эффективности. Решение относительно точки стартовой импликации цифровых технологий, в которой начинается внедрение обширной программы цифровизации, во многом определяет исход программы. Это решение принимается, прежде всего, управленческим персоналом, и ошибка, допущенная на любом этапе моделирования и реализации проекта цифровизации, чревата огромными финансовыми потерями.

Роль и место человеческого капитала в современной хозяйственной систем трудно переоценить. Вместе с тем существенно изменились характеристики самой дефиниции «человеческий капитал». Все чаще экспертное сообщество в профильных исследованиях наделяет человеческий капитал перечнем обязательных свойств и характеристик, которые по сути отражают способность человеческого капитала формировать гибкие организационные группы (например, адаптивность, стрессоустойчивость, нестандартное мышление и умение работать в команде), что очередной раз доказывает неразрывную связь между человеческим и организационным капиталами. Капитализация интеллектуального продукта невозможна без соответствующего организационного контура и релевантного объема финансовых ресурсов и применяемых финансовых технологий.

«Экономика связей» демонстрирует не менее важный аспект возможностей цифровизации — это возможность организации коммуника-

ционных площадок в цифровой среде. Возможность находить и налаживать связи, составлять длинные распределенные цепочки ресурсов и участников, осуществлять продвижение проекта — все это из разряда «ноу-хау» перешло в сегмент обязательных soft-skill для человеческого капитала [5]. Без этих опций в современных условиях практически невозможно сформировать бизнес-проект, а тем более обеспечить его реализацию. Переход инвесторов к краткосрочным консервативным стратегиям требует более оперативного развертывания бизнес-процессов, что возможно только за счет сокращения операционных и временных затрат при применении «цифры».

Позитивная риторика в отношении функциональности и позитивных свойств цифровизации может быть продолжена, однако основной линией напряжения является адаптация разных уровней цифровизации к различным уровням технико-технологического развития, а именно — технологическим укладам. Для пятого и последующих технологических укладов цифровая инфраструктура, понятно, является эссенциальной. Однако глобальная экономика развита чрезвычайно неравномерно. А это означает, что с точки зрения практико-прикладного аспекта наиболее важными элементами в стратегии цифровизации являются этап конкретизации дефиниции «цифровизация» с учетом специфики территории развития, а также конкретизация и детализация организационно-финансового механизма реализации, а именно — четкий перечень финансовых и управленческих технологий, доступных на каждом этапе реализации стратегии цифровизации. Здесь следует отметить, что для определения более или менее четких контуров организационно-финансового механизма требуется масштабная аналитическая поддержка, поскольку в современном «информационном обществе» массивы данных перешли те масштабы, когда ответы на одни и те же вопросы могли быть однозначными. Современный опыт глобальной экономики имеет огромное количество примеров различных результирующих исходов проектов при, казалось бы, релевантных отправных характеристиках. Только подробный, знаниеемкий, интеллектуальный анализ может обеспечить возможность реализации риск-ориентированного подхода к процедурам импlications цифровых технологий в системы с различными технологическими укладами.

В этой связи акцент закономерно смещается на центры компетенций, которые начинают концентрировать в себе ключевые компетенции и способны обеспечить формирование искомым конструкторов свойств человеческого капитала в рамках исследовательских групп. В российской практике такими площадками для формирования центров компетенций остаются высшие учебные заведения как зоны интеграции академиче-

ской науки, практико-прикладных исследований с привлечением профильных хозяйствующих субъектов. Дифференциация уровней развития территории Российской Федерации представляет собой значимый драйвер для развития цифровых центров компетенций с целью адаптации стратегии цифровизации к специфике и региональным особенностям территорий.

Таким образом, источники и исходы адаптивности российской экономики в мировом контексте базируются на новом формате развития российской академической науки, который должен совместить лучшие наработки российской научно-академической традиции с учетом проактивных трендов развития хозяйственной системы.

Литература

1. *Андреева О.В., Шевчик Е.В.* Адаптивное риск-ориентированное организационно-финансовое моделирование в обеспечении устойчивого развития хозяйственных систем // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 14—17.
2. *Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З.* Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 5 (155). С. 22—29.
3. *Andreeva O.V., Shevchik E.V.* Organizational and Financial Modeling of Transnational Industrial Clusters Sustainable Development: Experience, Risks, Management Innovation // European Research Studies Journal. 2017. Т. 20. No. 1. P. 137—147.
4. *Andreeva O., Shevchik E.* Organizational and Financial Mechanism of New Russian Industrial Policy: Systemic Approach // Journal of Applied Economic Sciences. 2016. Т. 11. No. 3. P. 351—363.
5. *Vovchenko N.G., Alukhanyan A.A., Andreeva L.Y., Buryakov G.A.* Formation of An Adaptive Personnel Training System as A Factor Of Ensuring Financial Stability Of Leasing Companies // European Research Studies Journal. 2018. Т. 21. No. S1. P. 3—15.
6. *Tashtamirov M.R., Tavbulatova Z.K., Galazova S.S., Abaev R.M.* Current Instability in The Monetary and Credit System of Russia // Journal of Applied Economic Sciences. 2017. Т. 12. No. 1 (47). P. 303—311.

В.В. ЧЕКМАРЕВ, А.Ф. ШВЕЦ

Тетическая интенциональная структура институциональных особенностей социальной сферы

Аннотация. Будущее России как государства в той или иной мере будет определено днем сегодняшним. А он, этот день сегодняшний, прямо диктует осуществление коррекции социально-экономической политики.

Какие же коррективы требуется осуществить? Авторы на основе анализа реальных экономических отношений обосновывают свои предложения по переходу миттельшпиля (понятие введено М.Ю. Осиповым) экономики России в эффективный эндшпиль.

Ключевые слова: институциональная теория, философия хозяйства, социальная сфера, экономические отношения.

Abstract. The future of Russia as a state in one way or another will be determined by the present day. And he, this day today, directly dictates the implementation of the correction of socio-economic policy.

What adjustments are required to carry out? The authors, based on an analysis of real economic relations, substantiate their proposals for the transition of the middle game (the concept introduced by M. Yu. Osipov) of the Russian economy to an effective end game.

Keywords: institutional theory, economic philosophy, social sphere, economic relations.

Начнем с того, каким мы хотим видеть день завтрашний. Пестрота ожиданий очевидна. Кто-то рассуждает о «новой экономике», что-то о шестом технологическом укладе, кто-то об «Экономике 4.0», кто-то о цифровой экономике... Очевидно, что пафосные слова (как и в случае с инновационной экономикой или с наноэкономикой) затемняют смысл происходящего и запутывают возможные ориентиры. В одной из наших публикаций мы уже рассматривали форму реальности как форму действительности [6]. И с учетом оркестрирования мыслей напомним суть своих идей.

Используя для анализа исторических процессов и явлений ту или иную методологию, очевидно рискуешь произвести в недооценку как места и роли личности, так и временного фактора исторического развития общества. События, разделенные пропастью культурно-религиозных различий, могут быть объединены лишь пространственным подходом. Только пространство выступает в форме реальности, а так, в свою очередь, в форме действительности. Однако такое философское трактование формы небызупречно. Вспомним героиню романа Густава Майринка

«Ангел Западного окна» [3]. На вопрос главного героя о том, чего же она больше всего хочет, звучит ответ: «Вычеркнуть твое имя из книги жизни, дружок» [3, 24].

Многие ставят целью своей жизни войти в историю, но не многие — вычеркнуть кого-либо (что-либо) из истории. Однако не будем обольщаться, ведь и последних хватает. И дело в том, что интенсивность отражений, резонансов, соответствий, сообщений определяет функциональную значимость объектов, формирующих производственные зависимости. Эти же объекты могут быть рассмотрены как индивиды. Индивид представляет собой органическую систему, состоящую из множества компонентов. Индивид разрушается как под воздействием внутренних дисгармоний, так и под разрушающим воздействием любых внешних условий. Собственно процесс становления и разрушения и называется жизнью. Системологи называют такую систему «дивид» — делимый, а не «индивид». Отсюда методологически пытаются заменить понятие «индивид» на понятие «агент». Последнее означает герметическую систему, максимально защищенную от внешних воздействий. Однако время показало, что системы с присутствием человека не избавлены от него как «индивида». И в этом слабость системного подхода. Пространственный подход позволил предложить версию субъекта отношений в качестве актора. Тем самым произошло расширение пространства образа. Понимание места «рационального» человека как простого и однородного объекта замещается пониманием человека «институционального». «Институциональный» человек одновременно существует и действует в различных пространствах — экономическом, политическом, культурном, образовательном и т. п. — т. е. предстает актором отношений и связей, возникающих и в системе «человек (индивид) — общество», и в системе «общество — природа (среда)». Но тогда методология исторической науки не может не считаться с рассматриваемым подходом (игнорировать его). Е. Головин отмечает, что с молодых лет человек пропитывается познаниями, возможно чуждыми ему принципиально [1, 489]. Среди готовых религиозных и моральных догм, стабильных социальных и физических постулатов индивид приспособляется к этим институтам. Приспособляется, но не воспринимает их. И этот человек имеет шанс услышать (прочувствовать) зов природы (среды). И тогда может начаться ужасная работа — нигредо, препарция, репарация, отделение чужого от своего. Собственно это и есть исторический процесс с позиций онтологии, феноменологии и гносеологии. И время здесь бессильно. Только пространство «исправляет» время.

Утверждение о том, что в экономике знаний, в обществе знаний наука играет ключевую роль, представляется совершенно тривиальным. Действительно, все мы знаем, что именно наука порождает те высокие

технологии, все более широкое распространение которых и является в наши дни основным фактором экономического роста в развитых странах. Поэтому и для России движение в направлении общества знаний выступает как единственно приемлемая альтернатива. Эту идею мы подробно изложили в работе [7].

Однако тривиальность утверждения об определяющей роли науки в обществе знаний — не более чем видимость, в основе которой лежит довольно-таки поверхностное представление о том, что нынешние формы жизни общества отличаются от предыдущих лишь количественно, лишь в той мере, в какой сегодня мы имеем дело с беспрецедентным многообразием новых технологий. Если же говорить об обществе знаний серьезно, то следует прежде всего исходить из своеобразия качественных характеристик как современной науки, составляющей, если можно так выразиться, его базис, так и того социального мира, тех условий жизни людей, которые не только формируются этой наукой, но и во многом определяют ее собственное устройство. Без понимания этих особенностей словосочетания «экономика знаний» и «общество знаний» будут оставаться не более чем новомодными клише.

Действительно, говоря об экономике знаний и обществе знаний, необходимо иметь в виду, что это не просто усиление, повышение роли науки в обществе. Это — глубокие изменения именно в самом обществе, для которого новые научные знания и технологии становятся не чем-то факультативным, а модусом его существования, его сутью как современного общества, средой, в которой оно обитает. При этом речь никоим образом не идет о технологическом детерминизме — все намного сложнее и интересней.

Отметим, что в этом обществе радикально трансформируются сами механизмы потребления научных и технических знаний (подробно см.: [4]). И, что особенно важно, потребление знаний во все большей мере начинает воздействовать на способы и формы их производства, задавая определенные требования к характеристикам тех (новых) знаний, которые еще только предстоит получить. Один из прародителей самого термина «общество знаний» — американский социальный философ и социолог Питер Дракер — в 1994 г. говорил о предстоящих социальных трансформациях — становлении «общества знаний», которое изменит природу труда, высшего образования и способ функционирования всего общества как сложной взаимосвязанной системы [2].

П. Дракер исходил из того, что, вообще-то говоря, превращение научных знаний в главный источник новых технологий начало происходить, если судить по историческим меркам, сравнительно недавно. По его словам, еще в XVIII в. «никто даже не пытался рассуждать о применении науки для разработки орудий производства, технологий и изделий,

т. е. об использовании научных знаний в области техники и технологии. Эта идея созрела лишь... в 1830 г., когда немецкий химик Юстус фон Либих (1803—1873) изобрел сначала искусственные удобрения, а затем способ сохранения животного белка» [2, 82]. Именно в это время начинается, согласно Дракеру, промышленная революция как процесс глобального преобразования общества и цивилизации на основе развития техники. При этом научные знания начинают выступать в новой, не свойственной им прежде роли — в роли фактора, активно воздействующего на жизнь человека и общества и динамизирующего ее.

Особо данный тезис актуален для сферы здравоохранения и для сферы образования. И дело в том, что в контексте технологического применения науки социальная сфера в целом выступает не только как познание мира как он есть сам по себе, мира естественного, но и как преобразование этого мира естественного, т. е. как создание мира (а точнее, миров) искусственного через изменения функции человека в изменении мира. И в этой своей ипостаси исследование оказывается прообразом технологического способа освоения и, более того, видения мира. Однако не будем при этом забывать и о сложности во имя сложности. Например, блоха, подкованная Левшой, являет собой яркий пример российских нанотехнологий: никому не видно и никому не нужно.

Сегодня технологическая роль науки стала доминирующей, а многие даже видят в создании новых технологий единственную функцию науки. При этом путь практического воплощения научных знаний и основывающихся на них технологий представляется примерно таким. Сначала в голове теоретика и (или) в исследовательской лаборатории делается какое-либо открытие. Затем результат этого исследования в ходе того, что называют разработкой (или развитием), воплощается в новых (инновационных) технологиях. Следующие стадии процесса связаны с тем, что каждая инновация находит — с большими или меньшими злоключениями — практическую реализацию в производственной или какой-то иной сфере человеческой деятельности. Иными словами, для традиционного порядка вещей характерно следующее: сначала создается инновация, а затем для нее ищутся рынки сбыта. Говоря о злоключениях, имеется в виду, в частности, пресловутая проблема «внедрения», по поводу которой ломались копья в нашей стране на протяжении многих десятилетий и которая до сих пор так и не получила сколько-нибудь удовлетворительного решения. В связи с этим имеет смысл задуматься о том, что, быть может, некорректна сама постановка проблемы [8].

В наших устоявшихся воззрениях, таким образом, появление всякой инновации выступает как выход за пределы данного, уже освоенного нами рутинного порядка вещей. Слово «внедрение» представляется здесь весьма характерным, поскольку оно несет, помимо всего прочего, и тот

смысл, что происходит некое воздействие извне, вмешательство, нарушающее привычный ход событий, нечто экстраординарное.

Сегодня, однако, можно, если воспользоваться термином М. Вебера, говорить о рутинизации самого процесса технологических обновлений, когда новые технологии уже не вторгаются в производственную деятельность, в жизнь людей, а занимают заранее определенные «ячейки». Иными словами, новые технологии изготавливаются «на заказ». Все чаще последовательность выстраивается прямо противоположным по сравнению с привычным образом: разработка новой технологии начинается тогда и постольку, когда и поскольку на нее уже имеется спрос.

Ныне, в начале XXI столетия, есть все основания говорить о возникновении качественно новой стадии развития не только науки и техники, но и их взаимодействия с обществом. Одним из выражений этого является становление нового типа взаимоотношений науки и технологии, который получил название *tehnoscience* — технонаука. Так, британский социолог науки Барри Барне пишет: «Термин “технонаука” ныне широко применяется в академических кругах и относится к такой деятельности, в рамках которой наука и технология образуют своего рода смесь или же гибрид... технонауку следует понимать как специфически современное явление» (B. Barnes, 2005). Наиболее очевидный признак технонауки — это существенно более глубокая, чем прежде, встроенность научного познания в деятельность по созданию и продвижению новых технологий. По словам немецкого социолога и политолога Вольфа Шефера, «технонаука — это гибрид онаученной технологии и технологизированной науки. Всемирная телефонная связь и генетически модифицированная пицца — это технонаучные вещи: своим вторжением в наш мир они обязаны замысловатому переплетению определенных человеческих интересов с современным пониманием электричества, с одной стороны, и генетики — с другой» (W. Schafer, 2002). Здесь, как мы видим, обращается внимание на тот факт, что технонаука — это не только теснейшая связь науки и технологии, но и симбиоз, включающий также человеческие устремления и интересы.

Взаимоотношения науки и техники в этом симбиозе, впрочем, внутренне противоречивы. С одной стороны, наука выступает как генератор новых технологий, и именно в силу устойчивого спроса на эти новые технологии она пользуется определенной и подчас весьма щедрой поддержкой. С другой стороны, производство новых технологий определяет спрос на науку определенного, если угодно, ограниченного, одностороннего типа, так что многие потенции науки при таком ее использовании остаются нереализованными. Грубо говоря, от науки не требуется ни объяснения, ни понимания вещей, достаточно того, что она позволяет эффективно их изменять.

Помимо всего прочего это предполагает понимание познавательной деятельности, включая и научную, как деятельности в некотором смысле вторичной, подчиненной по отношению к практическому преобразованию, изменению и окружающего мира, и самого человека. Тем самым, напомним, открывается возможность для переосмысления, точнее даже сказать, оборачивания — сложившегося ранее соотношения науки и технологии. Если традиционно это соотношение понималось как технологическое приложение, применение кем-то и когда-то выработанного научного знания, то теперь оказывается, что сама деятельность по получению такого знания «встраивается» в процессы создания и совершенствования тех или иных технологий.

Интересно не только то, как подобные трансформации происходят в реальности, но и то, как они осмысливаются. На поверхности все вроде бы остается по-старому: провозглашается, что наука — это ведущая сила технологического прогресса, который, в свою очередь, использует достижения науки.

На этом фоне, впрочем, пробуждается осознание того, что так называемая прикладная наука занимается теми проблемами, которые диктуются именно инновационным вектором экономики, и по количественным масштабам, по финансовому и иному обеспечению, по социальному признанию такая обслуживающая наука становится определяющей. Регулятивом научной деятельности становится не получение знания, так или иначе претендующего на истинность, а получение эффекта, который может быть воплощен в пользующуюся спросом инновацию.

Следует отметить, что и в общественных ожиданиях, обращенных к науке, сегодня явно доминируют запросы на новые эффективные технологии, а не на объяснение мира. Такого рода трансформации во взаимоотношениях между наукой, технологией и обществом, в частности, реальный переход науки с авангардных на служебные роли, начинаются в сфере естественных наук, но затем захватывают и науки социально-гуманитарные. Не исключением является и экономическая наука.

Итак, и общество, и государство (включая даже органы, ответственные за формирование политики в области науки) все в большей мере склонны воспринимать и исследовательскую деятельность, и саму науку почти исключительно в облике машины, способной генерировать инновации. Пожалуй, наше государство в этом отношении готово пойти дальше других, стремясь едва ли не совсем избавиться от такой обузы, как финансирование науки. Имеется в виду, что наука, исключая ту, которая работает на «оборонку», должна перейти на самообеспечение, зарабатывая прежде всего на создании и продвижении на рынок новых технологий. При этом практическое отсутствие в стране инфраструктуры,

способной обеспечивать востребованность новых технологий, трактуется в том смысле, что «тем хуже для науки». Однако такая технаука имеет дело прежде всего не с объектами как таковыми, а с обширными контурами, включающими помимо этих объектов также совместную, согласованную деятельность самых разных людей и социальных структур. И понятие технауки — это лишь одна из многих попыток как-то зафиксировать то качественно новое состояние науки, в котором она оказывается в начале XXI столетия. Среди таких попыток представляет интерес, в частности, то различение двух стилей науки, которое проводит австрийский социолог науки, председатель Европейского консультативного совета по исследованиям Хельга Новотны [5]. По ее словам, эпистемология, характерная для науки стиля-1, основывается на четком разделении науки и общества. Что касается науки стиля-2, то для нее характерны иные черты. Перечислим их.

Во-первых, проблематика исследований определяется в контексте приложений, который выстраивается в ходе диалога — нередко очень непростого — различных сторон, которые так или иначе будут затронуты этими приложениями. Во-вторых, на смену характерным для университетов иерархическим структурам, жестко разграничивающим отдельные дисциплины, приходит существенно гетерогенные, нежесткие структуры организации исследований. В-третьих, трансдисциплинарность науки стиля-2, направленность интеллектуальных усилий в ней определяются не столько интересами тех или иных научных дисциплин, сколько требованиями, задаваемыми контекстом приложений.

Литература

1. Головин Е. Лексикон. СПб., 1992.
2. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
3. Майринк Г. Ангел западного окна / Пер. с нем. В. Краюкова. СПб.: Terra Incognita, 1992.
4. Осипов Ю.М. Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // Философия хозяйства. 2016. № 2. С. 293—298.
5. Философские основания развития науки в XXI веке. М.: Наука, 2010.
6. Чекмарев В.В. Форма реальности как форма действительности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Исторические науки. 2005. № 4. С. 94—96.
7. Чекмарев В.В. Экономические возможности нашего времени // Вестник ВСГУТУ. 2017. № 1 (64).
8. Юдин Б.Г. Человек в обществе знаний // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 3.

Раздел IV

Техногенез: трансформация хозяйства или переворот в бытии?

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Какой «искусственный интеллект» необходим культуре России?

Аннотация. В статье трактуется гипотетико-реальная модель искусственного интеллекта, необходимого и возможного для России. Эта модель обуславливается тремя историческими, гносеологическими и софиасофскими условиями. 1. Россия — «страна конца», живущая у бездны дикой на краю, но получившая онтологический аванс у Великой Неизвестности на продолжение своего бытия. 2. Для этого новые технологии должны создаваться в контексте и на основе софиасофской традиции страны. 3. России необходим полигибридный, полилектический интеллект, органически сочетающий в себе ее софийные, природные, научные, социокультурные, технические, сакральные и русские ведические начала. России нужен интеллект, способен выполнять роль коллективного Сказочника и Волшебника.

Ключевые слова: Россия, полигибридный интеллект, альтернатива будущему.

Abstract. The article presents a hypothetical and real model of the artificial intelligence that is necessary and possible for Russia and this model is caused by three historical, gnoseological and sophiasophical conditions:

1) Russia is «the country of the end» which is living at the wild chasm on the edge but received ontologic advance from Great Uncertainty for continuation of the life; 2) its new technologies have to be created in a context and on the basis of its sophiasophical tradition for this purpose; 3) Russia needs the polyhybrid, polilektical intelligence which is organic combining its sophia, natural, scientific, sociocultural, technical, sacral and Russian origins. The article concludes that Russia needs intelligence, which is capable to carry out a role of the collective Storyteller, Wizard and Lefthander of Tula.

Keywords: Russia, polyhybrid intelligence, future alternative.

Что вразумительное, понимающее и просветляющее может сегодня сказать человек о самом себе и окружающей его Вселенной? Почти ничего, ибо его лукавое самомнение, тщеславное незнание и профессиональная ложь уже все сказали, доказав его талантливость во зле и опасную бездарность в осознании последствий своих деяний в царстве Идеальности. Возникает вопрос: зачем человек нужен, например, Богу, видевшему, что даже после потопа «всяк человек ложь» (Пс. 115, 2)? Для чего вообще нужно несовершенное, если уже есть несокрушимое совершенство, победившее все несовершенное? Пожалуй, Эпикур прав, утверждая, что люди не нужны богам. Хотя боги нужны людям и как образцы праведности, и как ответственные за земное зло. Так что человеку сегодня лучше всего пребывать в безмолвии, ибо все его речи и дела не укрепляют и не обогащают, а загаживают и разрушают бытие²⁰.

Есть, не может не быть, в стратегических смысловых закромах Великой Неизвестности прямо-таки аксиоматически свершенное, завершенное, совершенное, безукоризненное и безупречное Бытие-Субъект, имеющее ответы на все вопросы и разрешившее все противоречия, антиномии, неразрешимости Вселенной, усмирившее Зло суицидным финишем его дел. Как полагал Платон, живет это Бытие-Субъект согласно священному алгоритму самосовершенствующегося и самовозрастающего Блага, знающего Истину, но продолжающего разыскивать Истину самой Истины, Правду ее милосердия, телеологию и эсхатологию ее Вселенной, ее сингулярную тайну, ее смысловые и творящие вызовы мирозданию, выявлять свои софиасофские замыслы и проекты, которые будоражат, волнуют, зовут в мир софийной мудрости логосные семена, покоящиеся в кластерах Ничто, Незнания и Тайн Великой Неизвестности, поддерживая мироздание, ум-разум и сознание людей в импровизационном, интригующем, устойчивом апокалиптическом недоумении: «А что же все-таки будет тогда, когда свершится все возможное, а невозможное станет иным, когда мироздание станет чистым листом, а Великая Неизвестность прикажет Бытию-Субъекту писать новую главу своего русского Писания?».

В этом Бытии-Субъекте невозможны пороки, зло, извращения, страдания, ложь и коррупция, войны и апокалиптика разрушений, природа не разрушается алчностью человека, а обогащается его смысловыми творениями. Ход времени внутри Бытия-Субъекта идет от прошлого через настоящее в иное; само время непрерывно дышит в нем творчеством

²⁰ Не знают недруги, с кем связываются в России: с истоками бездны. Русский генерал-фельдмаршал Х.А. Миних, немецкого происхождения, государственный деятель, инженер: «Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует».

смысловых потенций бездны, где таятся энергии Великой Неизвестности.

Человечество, да и само мироздание одарило это Бытие-Субъект чарующим словом «Идеальность», сочетая в нем свершенность, совершенность, уникальность и неповторимость, всевозможность и всезнание, тайны и открывающего их человека (тайны ведь нужны только людям!), постоянное совершенствование и непрерывное созидание новых потенций эволюции, творческое изобретение неизобретаемого, желающего попасть хотя бы в число «званных».

Более возвышенной и продуктивной, более загадочной и скрыто ужасающей субстанцией может быть лишь Премудрость Софии в мире Ином Великой Неизвестности. И Премудрость эта таятся в Запределье, за горизонтами идеальности, и... в смысловом мире России. И она сама решит, когда, кому, как и в чем сообщить свое вещее слово, если человек, конечно, не вздумает самого себя считать вершиной мудрости.

Именно Идеальность правит мирозданием посредством своей неведомо-ведомой Премудрости Софии — творящей субстанции-субъекта, которая формирует целостность космоса, устанавливает его цели, средства, условия, динамику света и мрака, богов и демонов, людей и зверей, святых и пропащих, ум и сознание, душу и удушье, мусор и преступность, суицидную энтропию и хаос, технику и оружие, падение и возрождение, тайны закрытые и загадки открытые. Впрочем, не исключаются и другие неведомые устройства Вселенной, другие извороты ее суицидных проектов, другие модели и алгоритмы смерти, позволяющие ей избегать контактов с жизнью, бытием. Но и Суд Неведомой Правды Идеальности самой Великой Неизвестности во всех случаях есть и плодотворно работает! Возмездие Идеальности и Премудрости парит над миром тщеславного и наглого зла.

Историческим миром человека правят техника, искусственные орудия, механизмы, ставшие путем эволюции машинами и технологиями. Да, люди движут научно-технический прогресс, изобретают сложнейшие машины, изделия, оружие, но почему-то сразу же становятся их слугами и сырьем, субстанцией антижизни. Нет особой нужды перечислять научно-технические революции, уклады, изобретения, ибо даже созданные людьми простейшие искусственные средства сразу же выходят из-под их власти, превращая их в своих слуг. Обычная палка, созданная для защиты от хищников, для ловли рыбы незаметно становится орудием, побивающим людей. Не человек пользуется палкой, а палка использует человека для испытания своей прочности. Не человек имеет палку, а палка содержит при себе человека. Вся история человечества есть триумф слепых средств над кое-в-чем зрячими целями людей. И не нужно впадать в иллюзию, что техникой все же правит воля человека,

хотя иногда она может на время выйти из-под власти людей. Нет, есть у техники, как и у любой реалии мира, своя особая непреклонная воля, охватывающая пустое своеволие людей, вынуждая их косвенно исполнять посредством якобы своей воли императивы техники, других реалий бытия. Например, шофер управляет авто: кажется, что железный конь повинуется его воле, но на деле его воля исполняет скрытую волю авто, а если его воля не согласна с волей авто и дороги, то авария ее исправит. Человека губит беспредметная пустотность его воли, которую в итоге заполняет своеволие смертного мрака. Некий инфернальный Аноним назвал эту пустоту своеволия свободой, провозгласив ее наивысшей ценностью, предложив ради нее родимой убивать живых, мертвых, убитых, не задумываясь и не сознавая конечных целей этого деяния, не сознавая трехслойного мрака Тартара, который он строит посредством своей свободы.

Для исполнения именно своей воли (кстати, человеку неведомой или неверно постигнутой) людям нужны средства, которые должны служить их замыслам. Но при использовании этих средств срывается «хитрость мирового разума» (Гегель), который совершает инверсию целей и средств, делая людей слугами этих средств, исполняя таящуюся в них мудрость Великой Неизвестности, ее целей, средств и свободы. Нет и не было у человека свободы воли, а всегда был лишь выбор между праведной и brutальной, между законной и преступной, между творческой и паразитической волей; и даже безволие, своеволие есть скрытая воля коварной свободы лукавого. Свободная воля есть суицидная ловушка, в которой человек становится рабом и палачом самого себя. И не свободная воля человека породила первородный грех прародителей, а сомнительное, не проверенное ангелами Глобаллпотребнадзора яблоко заменило волю человека пороками вздорных братоубийственных военных радостей.

И в отношениях с техникой человек может следовать либо воле Техноса, разрушительной воле его свободы, или же благой воле бытия, всех его реалий, разделяя с ними общие тяготы и блага целей и средств, что делали и делают фольклорные русские люди. А воля человека только ради своего самосохранения должна служить необходимости бытия; так, следуя воле авто и дороги вольный человек сможет сохранить свою волю, может, и самого себя. Первым и последним словом свободной воли, как мудро заметил Великий Инквизитор, является поиск любых путей и средств, чтобы избавиться от этого ненужно им инфернального дара. Человек знает, что, как и для чего делать, худо-бедно с элементами творчества умеет исполнять волю жизни — так зачем ему еще в придачу к этим тяготам свобода, требующая разрушать сделанное и убивать неубитых?

Первым человеком, начавшим жить по закону свободы, был Каин. Он же стал посредством этой своей злобной и завистливой свободы изобретателем, механиком, кузнецом, металлургом, строителем, атеистом, создателем алкоголя, первым братоубийцей западной цивилизации, бросив своими творениями вызов Богу, который запретил убивать Каина — «первого убийцу», предоставив сие дело его возлюбленной свободе. Значит, и сегодня он может быть инструктором ИГИЛА, воспитателем бандеровцев, советником НАТО. Кто знает, куда ведет и к чему приведет сегодня его свободная воля, взявшая в заложники почти все человечество? И эта первобытная бесконтрольная воля Каина сама не знала, не знает своих целей и желаний, но продолжает изгаляться над слабыми и спокойными трударями.

Но в чем же состоит собственная воля Техноса? Что ищут, чего желают его духи? Каковы телеология и эсхатология Техноса? Куда ведет человека его эволюция? Может ли Технос без человека стать самодовлеющей и саморазвивающейся особой конструкцией, инстанцией, институтом, а то и особым монструазным бытием, хотя не исключены и «Белые Лебеди», иронизирующие над Африкой? Для каких целей Каин открыл, изобрел, сотворил Технос? И чем в итоге отблагодарит он своих творцов и потребителей?

Можно предположить, что посредством научно-технического прогресса, подмявшего под себя историю, Технос ищет адекватную общественную, социально-политическую и экономическую форму для своей мудрости. Капитализм, социализм, фашизм — это всего лишь не совсем удачные попытки Техноса воплотить свою неукротимую волю, продиктованную ему каинизмом. Может, каинизм, самоистребление людей ради неведомых других существ содержит в себе искомую цель Техноса?

Россия знает эти сокрытые цели Техноса, но она корректирует их под соответствующий им социально-политический строй — мир Иной, который пора уже назвать его социальным словом — *софианизм* — неведомый социальный строей Меры и Справедливости; именно этот строй бессознательно ищут Технос и человек. Россия, видимо, знает электронный пароль ахиллесовой пяты и тайну искусственного интеллекта Техноса, ибо она требует для своего самопознания не только ума-разума Логоса, но и софийной мудрости, смысловых органов сознания Великой Неизвестности.

Но, скорее всего, Технос сам несет в себе если не гибель свою, то радикальную трансформацию в технологический софианизм. Об этом намекает загадочная и скрытая гибель первоубийцы Каина — то его задавили обломки первого рухнувшего здания, которое он неудачно сконструировал, вдохновленный удачной расправой с братом, то Бог осудил его на вечные мучения, каждые 200 лет обновляя меню страданий,

то «упаковал его в темнице судьбы», то зачем-то заложил каиново семя во все его потомство. Похоже, что «Каин» стал символом заложенной в каждом человеке готовности убить ближнего по любому поводу. А пока, до подходящего случая, это семя прорастает в человеке его техногенными умениями и склонностями. И эту способность, готовность хранит, лелеет и пестует в себе электронная душа Техноса, соблазняя людей своими асоциальными и скрыто суицидными благами.

Высшим творением современного Техноса стал искусственный интеллект, который посредством информационных технологий проникает во все сферы жизни, охватывая ее своими инфернальными сетями. Технос не может удовлетвориться искусственным интеллектом, а стремится пересотворить мироздание по своим канонам и скрытым целям. Ему нужны для поддержания своего технотонуса искусственная природа, искусственные люди, искусственные слуги, искусственное общество, искусственная телеология, искусственное сознание, искусственная жизнь и вечность, искусственные боги, смерть, да и мудрость искусственная, знания, числа, языки тоже нужны искусственные, хотя прямой задачей антирусского Техноса является создание искусственного оружия для мирового господства вовсе не искусственной власти. Сегодня уже не человек полноценно властвует над Техносом, а Технос непреклонно диктует свои императивы эволюции общества, человека, смысловых констант духа жизни.

И Россия вынуждена вступить в информационно-техническую гонку с Западом и Востоком по созданию своего искусственного интеллекта для решения оборонных задач страны, для создания робототехнологических комплексов для работ с вредными условиями или вообще недоступных для людей, для освобождения людей от ненужной им умственности. Хотя, хотя никто не знает подлинных возможностей искусственного интеллекта, его информационных и реальных целей.

Но не только с искусственным интеллектом, но и с простым умом в познании России возникают метафизические, целевые, смысловые, методологические, социальные нелады, нестыковки, ковбойские «закавыки». Древневедическая русская аксиома, сформулированная Ф.И. Тютчевым, гласит, что умом Россию не понять. Не понять и все! И не только Россию, но и любой предмет ум-разум не может познать, ибо он возник не для познания, а для создания средств, методов, орудий независимых и неподвластных ему целей; он создан для метрологических вычислений, а не для осознания того, что делают человек и его свободная воля. Разум не сознает самого себя, своего назначения, а потому печать этого незнания он ставит на всех своих изделиях, которые сами по себе разваливаются от простого прикосновения времени. Похоже, что разум призван своим собственным лукавством, руками и умом самого человека

очистить мир от людей, которые не желают или не умеют жить в нем, пользуясь его благами; в то же время разум приучает людей быть живыми призраками, тенями смертными аидного царства. Разум — слуга смерти, ибо он превращает все познаваемое в абстракции, а смерть и есть универсальная абстракция, абстрагирующая от бытия все его реалии.

Посему свои сокровенные замыслы, ценности, планы и алгоритмы жизни, свою телеологию и эсхатологию Россия доверяет не уму-разуму, а... глупости, что признал русский фольклор, мудрость волхвов. Почему же наши далекие предки считали хранителем и носителем смыслов и мудрости глупость, а в уме-разуме видели опасную, угрожающую жизни силу? Каким образом они понимали то, чего сегодня не понимают ученые эксперты?

Речь идет не о повседневной глупости, обволакивающей своей паутиной жизнь людей, сопровождающей их мелкие и суетные неурядицы. Такая глупость — это и ошибка, и незнание правил, законов, и хитрость примитивная, и мелкое мошенничество, обман и самообман, и ложь, безумие, например, дуэли, азартные игры. Есть ученая глупость, выражающая неразвитость сознания, не ведающего последствий своих дел, мыслей, целей. Есть философская глупость, например, позитивизм, незнающий и отрицающий смысловую метафизику даже своих отрицаний, не осознающих бессмыслицы своей «занаученной и замученной философии».

А вот полноценная, фирменная Глупость обладает тремя необходимыми атрибутами, посредством которых она превосходит и ум-разум, и «вумных, всезнающих экспертов», и зверье хитроумное, и криптографов голодных и даже может бросить вызов самому Аиду, усматривая в нем некое подобие своей работы. (Ну, действительно, зачем Аиду квадриллионы усопших, их теней, из которых ничего уже невозможно сделать, как только копить? Чичиков хотя бы эти тени покупал и продавал, но в Аиде рыночная экономика не приживается!)

Глупость, во-первых, признает вселенскую идеальность в качестве незримой мудрости, которая служит творческой «субстанцией-субъектом» бытия и небытия, знания и незнания, тайной правды мира Иного, ждущего своего срока, своих людей и своих друзей. Глупость кажется глупостью, ибо она видит и трактует все события и материальные реалии в контексте незримых смыслов и символов идеальности. Подлинный глупец, Иван, смотрит на мир и в каждой мелочи видит золотые крохи идеальности, ее мудрости, сокрытые в глупости. Глупец хранит в себе идеальность за счет умаления опасной умственности. Глупость — это мудрость, понимание дел и работ бесстыжей материи. Когда-то эту глупость все народы называли Золотым веком и до сих пор не забывают о нем.

Во-вторых, Глупость видит и признает, что ум-разум, сознание присущи не только людям, но в уникальных формах эти идеальные силы присущи всему космосу, всем его реалиям. Конечно, эти умы, сознания и души не тождественны человеческому духу, но все же они имеют минимальные родовые качества, позволяющие человеку общаться с ними, выстраивать гибридные интерфейсы духа. Демокрит полагал, что камень имеет душу — центр, без которого он рассыпается. Гераклит полагал, что огонь есть единственный праведный разум, Логос, суждения которого неоспоримы. Фалес считал воду центром души, сознания и разума, что позволяет ей успешно взаимодействовать с этими идеальными стихиями. Вообще, в фольклоре, в магии, в эзотерике, в мифологии все существующие реалии имеют идеальные центры, которые своими смысловыми узлами удерживают целостность вещей, придавая самому бытию прочность. Идеальное — центр, оригинал всех реалий, представляющих собой сумму, массу копий, архивных данных, хаотической материи, подтачиваемой энтропией. Точка в материальном плане — даже не нечто, не ничто, она вне пространства и времени, но вся реальность состоит из точек, т. е. из того, чего нет материально, но всегда есть в качестве идеальности. Незнание, непонимание, скепсис, отрицание того, что ум-разум, душа и сознание присущи не только человеку, а в своеобразных и многообразных видах они присущи всему мирозданию, всем его реалиям, всем его инфернальным и негативным стихиям, всем его незримым силам сужает, губит человеческий ум и сознание, превращая их в органы обслуживания телесности. Страшно, необычно признавать, что своеобразный смысл, ум и сознание присущи и окружающим нас вещам²¹, и искателям инфернальной правды, и бестиарным созданиям, и незримой метафизике, но не признавать этих признанных общечеловеческим сознанием фактов, значит, лишать себя всякой надежды на понимание мира, духа и человека.

Тем более, что сегодня прогрессивный интеллект душегубов как раз и направил свой Технос на поиски интерфейсов человеческого и вне-человеческих сознаний, чтобы сделать природные стихии борцами за свободу и права произвола, превратив присущий природе дух в сокрушителя человеческого ума и сознания. Кажется, невероятным и невозможным, чтобы, скажем, не сама популяция комаров, а лишь ее сознание

²¹ Исследуя огромное количество цветов, их пестрое многообразие, их запредельные метафизические и геометрические фигуры, конфигурации, превосходящие воображение, сознание и ум человека, Метерлинк полагает, что отказать в своеобразном разуме и сознании цветам невозможно. Поэтому не случайно цветы встречают человека, они же и провожают его в последний путь. Цветы не могут и не умеют обманывать, обещая уходящим мир Иной Премудрости Софии, которая является царицей цветов [1].

пошло в массовую атаку на людей. Пусть комарик не ужалил еще, но постоянное ожидание укуса деформирует сознание человека в трусливого таракана, с которым и воевать не надо — он сам найдет свой яд в себе. Ожидание казни ужасней самой казни. Целенаправленно античеловеческое воспитанное сознание комариков может стать оружием, страшнее ОМП.

В-третьих, Глупость допускает определенную мораль, присущую мирозданию и всем его обитателям, стихиям, началам, элементам. Эта мораль не исключает конфликтов, войн, сражений, но все же вносит в отношения свирепых имманенций и беспощадных трансценденций некие кодексы самосохранения. Поэтому фольклорный Иван обращался с природными, с незримыми тварями вежливо, учтиво, учитывая их возможные моральные реакции. Так называемая глупость фольклорного Ивана содержит в себе целостный Дух, который наделяет специфическим умом-разумом и сознанием природу, мироздание, все творения и реалии; а потому Иван в любом свершаемом им невозможном деле тайно и умело советуется не только с мудростью волхвов, старцев, но и с разумом рек, лягушек, волков, всех творений и, конечно, следует указам вещей женщин. А в итоге он обретает софийный ум, цельное знание и понимание мира, катастрофических, гибельных, inferнальных ситуаций, разрешая их в пользу благой жизни.

Ведическая Русь сразу распознала, что ум (как и свобода) сам по себе вне контролирующего его контекста софийной мудрости есть величайшая опасность для человека. Топор — полезная, нужная вещь в контексте хозяйства, военного и палаческого дела, но представив, что топор самостоятельно гуляет себе на Арбате, в Лондоне, около Белого Дома, выискивая себе жертвы повкуснее, ИГИЛ покажется спортивным развлечением. А в ЕвроАмерике сегодня свободно гуляет масса вольнолюбивых и безработных топоров с программным обеспечением.

Почему появилась Глупость наряду с умным-преумным интеллектом, который вроде не должен оставлять ей место? Отчасти ответил И. Кант. Разум, не зная своей сути и вне контекста мудрости, запутывается в антиномиях, давая по каждому вопросу взаимоотрицающие ответы, в равной мере доказуемые и опровергаемые. Например, теизм, атеизм, скептицизм для разума суть тождественные позиции, равноценно доказуемые и опровержимые. Разум — неведомое средство, а потому цели, смыслы, ценности познания, жизни ему недоступны, да они ему и не нужны. Изобретать новую бомбу или новое лекарство от дебилизма ему в равной мере интересно и безразлично. Особенно любит разум совершать открытия, используя которые человек превращает планету и людей в мусор и в отходы.

Но главный порок разума состоит в том, что он унаследовал метод падших ангелов — мыслить, познавать, творить, убивать посредством абстракций, которые по сути представляют в нашем мире смерть; и как абстракцию, скажем, дерева нельзя наполнить всеми деревьями прошлого, настоящего и будущего, так и смерть нельзя насытить никакими жертвами. Поэтому в строгом и точном смысле слова разум есть и орудие суицида, смерти, сама смерть в абстрактном наряде. «Над чем бы ученые не работали, у них все равно получится оружие» [2, 9]. Все абстракции неизбежно становятся преступными технологиями, оставляя после себя пустыни.

Странно, но сказочные, инфернальные персонажи в России не просто умны, а умны по нобелевскому счету. Змий, Каин, Кошей, Чудо-Юдо, Воланд, Идолище Поганое своими умами всех победили, а вот глупость Ивана, обыкновенный ум Ильи Муромца, Афрания вынудили их к суициду. Да и средний типаж преступника умнее ученых из НИИ.

Но просветители сделали из разума божество («Высшее Существо»), не видя, что поклонение этому божеству ведет человечество к инфернальному и апокалиптическому суициду. Даже самого человека назвали Homo Sapiens, что в переводе на смысловой русский язык означает «смерть в разуме», ибо смерть придумал разум, а смерть придумала себе человека. И поныне предлагают решать неразрешимые проблемы, созданные умом, увеличением умственности; это все равно, что пожар тушить бензином. И несмотря на катастрофические последствия для цивилизации роста умственности, ее продолжают умножать уже искусственными средствами и допингом. Сегодня любая критика разума, облачение его инфернальной сути бесполезны, ибо он сам должен распять себя на кресте, составленном из абстракций, атеизма, бессмыслия и бесцельности.

И, видимо, не случайно, в России произошла решающая брань естественного разума бытия и искусственного интеллекта Техноса, а плодом этой брани стала Премудрость Софии, которая и раскрыла, что единым, общим смысловым основанием искусственного интеллекта и естественного ума является софийная мудрость хозяйства и мира Иного, сокрытых в соответствующих условиях маской Глупости.

Но Глупость имеет свою провиденциальную и оптимистическую телеологию и эсхатологию, которые ведут человечество по пути преобразования сего разумного и гибнущего мира в мир Иной — в мир смысловой софийной мудрости, в котором правят Мера и Справедливость. Глупость открывает даже для Великой Неизвестности ее же Золотой век.

Вот почему полноценная Глупость превосходит полноценный ум, спасая его к тому же от гибели в сетях его же абстрактной умственности.

Субстанцией, ядром полноценной Глупости являются понимание и признание Целого, и в этом понимании скрывается, частично выражается софийная мудрость мироздания, средством и Логосом которой служит ум-разум обычный. Глупость представляет целостность софийной мудрости Великой Неизвестности, а разум — всего лишь ее части, их взаимодействие. Глупость скрывает в себе Премудрость Софии от агрессии человеческого ума, от деспотизма интеллекта экспертов и ученых, посылая им в жены смерть, а глупому Ивану дает мудрую, устойчивую к абстракциям жену. Полноценная Глупость есть мудрость — видение, знание, понимание, пребывание в целостности идеального мира, внимание, исполнение императивов, указов Премудрости Софии, воздвигающей мир Иной, устанавливая его Мету и Справедливость, его Благо, столь желанное и ожидаемое Великой Неизвестностью и Россией. Вот почему история сокрыла свою мудрость в Глупости, полагая, что постигшие смысл глупости, постигнут и мудрость, и трудовые, гнусные, античеловеческие и антиразумные дела ума-разума. А стремления постичь суть чистого разума запутают субъекта в его антиномиях так, что и глупость уже не сможет их выручить. Ум в этом плане опасней смерти, ибо он на службе у нее познал ее тайны, и может придумать нечто поужасней ее гробовых цветов.

А полноценный, развитый, вскормленный коньяками диалектики разум так и останется врагом мира и самого себя, антиразумом, абстракцией смерти и смертельной абстракцией, черной духотенью, гробовщиком Аида, хотя внешне своей логикой и Логосом он будет внушать несведущим экспертам высшую, якобы присущую ему мудрость, умение разрешать любые неразрешимости. Хотя сохранить свою частичную правду, свои благие умения он сможет лишь в смысловом контексте сознания софийной мудрости, опекающей и охраняющей целостность идеального мира, Мету и Справедливость Великой Неизвестности, ее мира Иного и непонятной даже для нее России²².

Но поскольку Запад и Восток, смастерив искусственный интеллект, угрожают посредством него создать новые информационные, соци-

²² Крайне важно, да и не случайно В.И. Ленин видел ядро идеологической работы коммунистов именно в развитии и совершенствовании *сознательности* граждан страны, в повышении уровня идеологической зрелости, а не просто в формировании у них зрелого ума-разума, интеллекта, хотя он не забывал и о ликвидации неграмотности, о возвращении ум-разума народов России до уровня развертывающейся научно-технической революции, до уровня индустриального и военно-оборонного интеллекта. Премудрость Софии, софийность мира, ума и сознания, софийная культура и ее смысловые ценности В.И. Ленину вряд ли были ведомы, но культурная революция все же незримо направлялась именно донной мудростью Софии, которая сыграла не последнюю роль в победе СССР над еврофашизмом в 1939—1945 гг.

окультурные, военные технологии, которые смогут-де поработить Россию, изменить ее антропологическую идентичность, то русский ответ неизбежен, и он должен быть невзаправдашним, учесть онтологическую, геополитическую, культурно-генетическую традицию страны, ее место и роль в метафизическом пространстве мироздания.

Условно историю Запада в целом, как и отдельных стран, можно трактовать в контексте парадигмы: «начало—середина—конец». Древний мир Греции и Рима представляет начало западной истории, а ее антропологическими символами служат Ахилл и Геракл; середину западной истории представляет Европа своими преуспевающими предпринимателями, а концом истории служит Россия, представленная тремя богатырями, подлинные имена которых пока не подлежат оглашению.

В каждой части этой парадигмы можно выделить начало, середину и конец. Но здесь есть крайне важный смысловой аспект понимания эпохи, страны, человека и грядущего. Так, Древний мир владел лишь своим началом, а его середина и конец стали добычей другого мира. Европа же владеет только своей серединой, ибо ее начало укоренено в Средневековье, а ее конец убежал от нее в Россию. Такое местоположение Европы создало для нее благоприятные условия для развития наук, искусств, хозяйства, предпринимательства, но так как ее начало и ее конец находятся в чужих руках, то это делает Европу не целым, а частью, обреченной на гибель или на поиск своего конца.

Россия же держит в своих руках и хранит свое начало, свою середину, свой конец (сам язык узаконил выражение «в конце концов», намекая на то, что конца России за ее пределами быть не может). Поскольку свое начало и свой конец России скрывает в субстанции русскости, то никто не знает о них, а потому никто не сможет победить ее, как и переделывать ее устройство на чужой лад.

Но и это еще не весь парадокс истории бытия России. В отличие от «начальных», «срединных» и других «конечных» стран Россия имеет еще один уникальный параметр — *n-p-o-d-o-l-j-e-n-u-e!* Он служит целевой причиной, метафизикой смысла, выражая императив Великой Неизвестности в отношении России. Продолжение — чарующая, манящая, устрашающая, гибельная реалья, действующая по закону русской рулетки, оставляющей только один путь блага, только один путь спасения и самосохранения, только один аттрактор движения. Причем субстанцией-субъектом продолжения являются не столько люди, сколько само продолжение (иногда — в качестве прогресса), вовлекающее людей в работу по выявлению и созиданию проекта мира Иного для реализации Меры и Справедливости Великой Неизвестности, дабы не прекратились творческие дерзания мира и человека в поисках Абсолюта.

Будучи субстанцией-субъектом своего конца, Россия больше, чем страна, больше, чем мир, представляя собой незримый и неведомый Соборный Союз Сакральных Сил России (СССР), испытывающий форму единого бытия человечества. Будучи субстанцией-субъектом своего конца, Россия больше, чем государство, и представляет собой космический познавательный организм, жертвующий собой ради поисков новых смыслов бытия, ради созидания метафизического Крымского моста Великой Неизвестности для переправы человечества через бездну мрака, через его черные дыры в мир Иной.

Будучи субстанцией-субъектом своего конца, Россия больше, чем прошлое, настоящее и будущее; она превосходит само будущее, которое уже наступило и схвачено алчными когтистыми клещами Кощея и Золотого тельца. Россия вообще не зависит от времени. А в отношении к будущему она представляет альтернативную эволюцию, которая в ее ведической и фольклорной мудрости именуется «Царством Иным». Это и не Золотой век, и не Царство Божье, и не Эльдorado земных счастливых, а мир Иной (инобытие философии, иночество монахов, диагональные смыслы сущего, всех реалий; иное — это живой горизонт, реальная перспектива выхода из наступающего inferнального электронного рабства). Ибо сегодня будущее становится для России, да и для всего человечества, включая и финикийцев, постоянным проигрышем без места в гробу.

Иное Царство (мир Иной) одним лучом уходит в софийную мудрость Великой Неизвестности, а другим лучом он скрыто, незаметно и творчески пронизывает все реалии земной жизни, выявляя их inferнальную обреченность. Мир Иной — реальность, творческий Образ и живое подобие софийной мудрости Вселенной; в то же время мир Иной — образ и подобие Великой Неизвестности, ее гносеологических спецслужб — Ничто, Незнания, Тайны; но мир Иной — это образ и подобие Меры и Справедливости мироздания, готовящего возмездие алчности, беззаконию и безнаказанности. Именно три этих соответствия составляют сегодня площадку для выявления и создания именно русского искусственного интеллекта «семиструнного» (семиствольного С-700). Ибо сегодня ходом истории бытия правит Великая Неизвестность, а люди, избранные ее решением, могут лишь содействовать в утверждении закона ее Меры и Справедливости в России.

Сегодня Россия геополитически находится в середине своего конечно-концевого состояния; говоря языком шахмат — в миттельшпиле своего игрового бытия с врагами и с самой собой. Миттельшпиль — сильнейшая софийная эзотерическая метафора, косвенно выражающая драму экзистенциального бытия, теряющего свой игровой тонус в пробных делах.

Миттельшпиль можно исследовать извне — с позиций Великой Неизвестности, желающей узнать проблемы и планы своих «искусственно-чумных детей». Но миттельшпиль можно и нужно исследовать изнутри, с позиций, возникающих в ней проблем, смурного хаоса, возможных продолжений бытия, зарождения новых судьбоносных и смертотворных миров, их тайн, охраняющих бытие от самораспада.

Миттельшпиль — это особое неопределенное, позиционное состояние бытия, напоминающее глупость круглого стола, за которым мудрость на время освобождается от умственности, и массы «вумных» экспертов, переключив их энергию на «игру в бисер».

Во-первых, на эмпирической поверхности миттельшпиля царит полная смысловая неопределенность, допускающая любые решения и разрешения бытия, советуя слишком азартным игрокам спокойно сидеть дома, ибо за ними в любом случае придут уже с готовыми решениями.

Во-вторых, в неопределенности миттельшпиля России царит высокая напряженность, почти как «война всех против всех», включая и ее войну с самой собой и против самой себя; каждая часть в этом состоянии стремится не к взаимодействиям, а к созданию максимальной напряженности, массы проблем друг для друга.

В-третьих, телеологическая неопределенность «срединности конца» России, ее миттельшпиля определяется важностью решаемых ею метафизических и геополитических задач — в этом срединном состоянии идут скрытое целе- и смыслообразование, выработка новых целей, новой телеологии, очищение своей идентичности, поиски новых проектов и путей истории бытия России, ее софийного аттрактора. Крайне, исключительно важно, что процессы целе- и смыслообразования Меры и Справедливости осуществляет не только и не столько сам человек, сколько сами цели и смыслы, само продолжение софийной мудрости, в которой человек исполняет роль познавателя, осознавателя и трактователя их роли в составе Великой Неизвестности. Цели, смыслы мира Иного, Мера и Справедливость нужны не только людям, но и самой Великой Неизвестности для разрешения ею основной тайны мироздания — замена всепожирающего и алчного будущего времени, плененного Золотым тельцом, миром Иным, в котором будет работать алгоритм *«прошлого-настоящего-иного»* бытия в его живой целостности. Сегодня только софийная мудрость Россия занимается целтворением, ибо все остальные страны заняты обслуживанием своего физического исчезновения. Только Россия в своем миттельшпиле превращает саму себя в единый познавательный субъект Великой Неизвестности, вооруженный Премудростью Софии. Ибо София — последняя идея, надежда и единственная правда человечества, которое вне мудрости софийной и мира Иного бесследно истлеет в

лабиринтах Великой Неизвестности. Россия есть совокупность разнокачественных лабиринтов, представляя форму, образ и дитя Великой Неизвестности, и навигатором в этом сплетении лабиринтов может служить только Премудрость Софии. А ее миттельшпиль — полная неопределенность с возможностями любых ходов. Это бытие-игра-война с inferнальным Ничто, которое внушает западным людям, да и не только им, что назначение человечества состоит в культивировании ненависти к России, в поиске средств тотального уничтожения даже памяти о ней в мироздании. И для этой цели, начиная с латинян, создаются оружие, институты, союзы стран, изобретаются науки, искусства, идеологии, виды образования и др. Россия — носитель альтернативного устроения жизни, помимо будущего, в отношении Запада и Востока. Это устроение начинает выявляться в русской софийной философии. А пока всеми способами следует охранять корень, субстанцию устойчивости, творческого самосохранения России и русскости в условиях, которые смертельны для всех других стран.

Историческая конечность и «внутренняя срединность конца» России, ее миттельшпиль, неопределенность ее телеологии, само продолжение ее истории призваны для выработки альтернативной в отношении будущего эволюции, которая позволит решить метафизическую, конкретно-временную и вечную задачу — создать безопасный и надежный русский искусственный интеллект, который позволит обойти будущее, контролируемое Золотым тельцом и ступить на путь движения иного времени к Мере и Справедливости мира Иного, к софийному обществу софианства, в котором правят Мера и Справедливость.

Литература

1. *Метерлик М.* Разум цветов. М.: Изд-во «Московский рабочий», 1995.
2. *Воннегут К.* Колыбель для кошки. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1989.

А.В. АНДРЕЕВА

Технологизация экономики и цифровизация финансового бизнеса

Аннотация. Информационная экономика, породившая цифровизацию бизнеса, отличается многомерным взаимодействием контрагентов во всех сферах; при этом, современные направления финансово-технологического бизнеса (финтех) получили свое перспективное развитие в банковской сфере, а банки стремятся функционировать как интернет-компании на основе конструирования многофакторного взаимодействия инновационных сетевых технологий и искусственного интеллекта в финансово-кредитной сфере.

Ключевые слова: банки, деглобализация, интернет-технологии, информационно-сетевая экономика, предиктивные технологии, риски, неопределенность, сетевая модель бизнеса, техногенез, цифровизация.

Abstract. The information economy which generated digitalization of business differs in multidimensional interaction of contractors in all spheres; at the same time, modern directions of financial and technological business (Fintech) gained its perspective development in the sphere of banking, and banks seek to function as Internet companies on the basis of designing of multiple-factor interaction of innovative network technologies and artificial intelligence in the financial and credit sphere.

Keywords: banks, deglobalization, internet technologies, information and network economy, predictive technologies, risks, uncertainty, network model of business, technological genesis, digitalization.

Количественные изменения в области использования цифровых инструментов привели к качественным переменам на глобальном финансовом рынке и в мировой экономике в целом. Развитие и внедрение новых бизнес-моделей, основанных на платформенных цифровых технологиях (например, Alibaba, Uber, Airbnb), а также на передовых производственных технологиях (например, 3D-принтинг, создание цифровых двойников, экономика совместного использования) меняют как существующий способ ведения бизнеса и хозяйствования, так и социум, который становится более виртуализированным.

Цифровая экономика обеспечила развитие финансово-технологических компаний, онлайн-банкинга, внедрение цифровых моделей развития финансового рынка, рост доступности интернет-решений для развития отечественного бизнеса.

Основной проблемой техногенеза, согласно концептуальным подходам философии хозяйства, является динамичное уплотнение цифровой

среды, оказывающей значительное влияние на развитие мирового хозяйства, финансовой экономики и современного общества. С развитием информационно-сетевой экономики, интернет-технологий и новых интернет-коммуникаций сформировалась сетевая модель бизнеса, которая отличается уникальными бизнес-процессами, направленными на ускоренное формирование нового формата коммуникаций, повышающих скорость проведения технологических операций и прозрачность финансовых потоков.

Противоречивость этого взаимодействия создает новые вызовы для развития глобальной экономики, усиливая финансовые и организационные риски, расширяя неопределенность, а также формируя новые зоны напряженности на локальных финансово-кредитных рынках.

В условиях неустойчивой глобальной экономики происходит значительное изменение экосистемы, обусловленное давлением технологической сферы, которое проявляется в развитии новых системных рисков и в усилении противоречий роста в рамках воспроизводства составляющих его институтов.

Расширение системных противоречий происходит, по мнению академика С.Ю. Глазьева, до момента дестабилизации системы международных и политических отношений, которые разрешались до сих пор мировыми войнами. Инициатором войн выступали конкурирующие между собой страны — лидеры устаревающего мирового уклада для усиления контроля над периферией мировой экономики [1, 67].

Интернет вещей, предиктивная аналитика²³ и искусственный интеллект, выступающие основными атрибутами информационно-сетевой экономики, в настоящее время кардинально меняют работу финансовых институтов. Цифровизация финансового бизнеса — более сложный проект, позволяющий на основе системных решений разрабатывать, внедрять и поддерживать оптимальные организационно-финансовые и производственные показатели эффективнее, чем человек.

Предиктивные технологии в финансовой сфере позволяют разрабатывать оптимальные организационно-финансовые параметры деятельности банков. Модель ведения бизнеса на основе предиктивных технологий обеспечивает качество бизнес-операций. Даже в узкоспециальных проектах, как правило, используется не одна, а целый комплекс технологий. Собранная информация от контрагентов включается в цифровую модель ведения бизнеса.

²³ Сбор, обработка и анализ данных с использованием методов Data Mining и Big Data.

Технологии ведения бизнеса конструируются на основе интернета вещей и больших данных. Прикладная модель, анализирующая эти данные, функционирует на основе самообучающейся нейронной сети, прогнозы делаются с помощью предиктивной аналитики.

В сложных конкурентных условиях борьбы за финансовые и природные ресурсы усиливаются риски, связанные с обострением межгосударственных и геополитических отношений, а также актуализируется задача разработки направлений стратегии развития техногенеза, гибко сочетающих локальные и глобальные тенденции развития экономики и общества. Процесс технологизации экономики стремительно развивается, порождая новые смыслы и инструменты. Информационно-сетевые коммуникации изменили финансовые отношения, которые под влиянием инновационных технологий способствовали возникновению цифровых денег (записями цифр на банковских счетах).

В современных условиях, когда техногенез воздействует на неустойчивые финансовые системы, вызывая их необратимые изменения и кризисы, явно прослеживается связь между компьютеризацией банковских операций и масштабами изменений финансового рынка. Скорость осуществления банковских операций по сравнению с другими процессами, происходящими в хозяйственной системе, развивается беспрецедентно.

Техногенное вторжение цифровых инструментов изменило вектор развития финансово-кредитного бизнеса, который уже сложно вернуть к исходному состоянию. Цифровизация бизнеса практически исключает релаксацию финансовой системы, которая развивается неустойчиво в условиях формирования новой модели развития геоэкономики, а также способствует усилению оттока капитала и формированию нетранспарентных институтов. Вместо восстановления исходного состояния турбулентной финансовой экономики наблюдается формирование новых техноценозов.

Тем не менее, развитие техногенных финансовых экосистем и создание цифровой среды происходят за счет вытеснения привычных бизнес-процессов. Это обуславливает выход на уровень предельной актуальности информационной проблематики, которая в свете современных концепций финансовой экономики не может рассматриваться вне контекста влияния на нее цифровизации бизнеса.

Темпы развития экономики в условиях информационно-финансовой глобализации в современных условиях обнаруживают все большую зависимость от достижений научно-технического прогресса (НТП), обеспечивающего рост цифровой экономики во всех отраслях хозяйства, в том числе и в финансово-кредитной сфере. Динамичное развитие НТП способствует росту технической оснащенности кредитных организаций,

который в современных условиях решает проблему цифровизации бизнеса.

Особенностью современной экономики, отличающейся высокой турбулентностью, выступает развитие процессов цифровизации, которые являются результатом техногенеза. Эти процессы сопровождаются существенными изменениями не только привычного уклада жизни современного человека, но и новыми вызовами, на которые предстоит дать ответ отдельным секторам глобальной системы хозяйства и целым странам.

Важнейшим фактором развития цифровизации на российском банковском рынке является интеграция экономических агентов финансового рынка в цифровую глобальную сеть. Процессы, происходящие в современном финансово-кредитном бизнесе, требуют снижения издержек, эффективного использования ресурсов, привлечения новых клиентов в условиях доминирования «цифры» в процессах и результатах. Осмысливая техногенез, а также результат размывания границ между тремя основными сферами (биологической, цифровой и физической) российские банки конструируют новые инструменты, позволяющие реализовать возможности системного взаимодействия на глобальном цифровом пространстве.

Внедрение цифровых финансовых технологий способно обеспечить устойчивость российской банковской системе в условиях проявления деглобализационных трендов. Процесс деглобализации можно рассматривать как результат мирового кризиса либерализма. Экстремальным примером деглобализации можно считать намеченный выход Великобритании из Евросоюза. «Brexit» стал первым свидетельством того, к каким издержкам приводит разрыв тесных связей, налаженных в период глобализации.

Страны Евросоюза гораздо больше интегрированы друг с другом в рамках единого рынка товаров, услуг, капитала и труда, чем страны в других зонах свободной торговли. Однако многие барьеры, которые будут установлены между Великобританией и ее партнерами в сфере регулирования, торговли, миграции, зависят от уровня развития цифровой экономики, которая позволяет учитывать глубинные тренды и риски.

Один из уроков брексита заключается в том, что менее крупные государства в большей степени испытывают риски деглобализации. Это связано с тем, что небольшие государства имеют больше выгод от свободной торговли, так как национальные компании этих стран получают доступ к крупным рынкам. Например, согласно исследованию аналитиков Банка международных расчетов (BIS), Мексика и Канада потеряют по 2% ВВП из-за прекращения торгового соглашения NAFTA, а США — только 0,2% [3].

Особенностью современного банковского бизнеса является его стремительный переход к процессам цифровизации и диджитализации операций по обслуживанию клиентов, которые отражают результаты технологического прогресса в финансовой сфере. Эти процессы начали активно развиваться после выхода России из глобального финансового кризиса (2008—2010). В период с 2014 г. и по настоящее время на финансовом рынке наблюдаются ускоренные темпы освоения российскими банками цифровых технологий, что вызвано не только впечатляющими результатами научно-технического прогресса, объективными целями по увеличению прибыли и сокращению издержек, но и особой необходимостью обеспечения цифровой национальной безопасности. Эти цели актуализируются в связи с реализацией геополитических рисков и усилением секторальных санкций, введенных США и другими западными странами в отношении России.

Современные задачи цифровизации бизнеса достаточно обширны — от создания национальной платежной системы в целях обеспечения финансовой безопасности до копирования опыта мировых цифровых банков. Глава ПАО «Сбербанк России» Г. Греф после введения экономических санкций высказал мнение, что будущее традиционных отечественных банков в условиях развития цифровой экономики подвергается риску. В связи с этим Сбербанк должен был построить «экосистему», в рамках которой будут работать сервисы за пределами банковского сектора [4].

Для решения задач цифровизации бизнеса Сбербанк целенаправленно приступил к моделированию новых информационно-финансовых инструментов и финтех-стартапов, которые гибко вписывались бы в эту экосистему. Информационные технологи и менеджеры банка активно участвуют в разработке цифровых инструментов и технологий.

Продвигая новые знания в области инновационных форм ведения бизнеса, Сбербанк начал реализовывать крупный образовательный проект для подготовки специалистов в области информационных технологий и официально открыл образовательную организацию «Школа 21», которая работает по французской франшизе Ecole 42. Поступить в учебное заведение могут студенты в возрасте от 18 до 30 лет. Продолжительность обучения будет составлять около 4 лет. «Школа 21» планирует ежегодно принимать и выпускать до 1 тыс. специалистов. Для набора на первый поток было создано 500 учебных мест. Подготовка специалистов в области цифровизации бизнеса будет организована в соответствии с принципом «равный равному» на основе новых цифровых образовательных инструментов.

Важно отметить, что цифровые технологии ускоряют процесс капитализации Сбербанка как экосистемы. Банк, расширяя свою деятельность за пределы стандартного финансово-кредитного бизнеса, стремится перейти в инновационный цифровой формат интернет-компаний, чтобы в перспективе на основе дополнительных инструментов и технологий взаимодействия с клиентами увеличить свою стоимость. Отношение капитализации к прибыли у классических кредитных организаций стандартно ниже, чем у интернет-компаний. Это связано с кредитными рисками и более низкими темпами роста. Кредитные организации, особенно российские, в большей мере зависят от экономических циклов.

В настоящее время стоимость ПАО «Сбербанк России» достигает примерно 60 млрд дол., но эта кредитная организация стоила бы больше, если бы стала интернет-компанией; в этом случае капитализация банка составила бы соответственно около 200 млрд дол. [2].

Возникновение такой концепции развития Сбербанка связано с тем, что многофункциональная структура банка больше напоминает финансовый супермаркет, а применяемые цифровые технологии позволяют оперативно реагировать на запросы клиентов. Известно, что Сбербанк уже приобрел доменное имя sber.ru. Несмотря на то, что Сбербанк де-факто уже является крупной информационной компанией, а созданная на основе кредитной организации экосистема позволяет банку объединить продукты под брендом «Сбер», банк находится под особой системой регулирования со стороны Центробанка. На банк распространяются особые требования по капиталу, а также у него существует специфический портфель обязательств.

Самым сложным рисковым фактором в современном положении Сбербанка является включение его в санкционный список, утвержденный США и рядом западных стран, чтобы ослабить его конкурентоспособность и снизить финансовую устойчивость. Определяя инвестиционную привлекательность Сбербанка, агенты финансового рынка руководствуются макроэкономическими и геополитическими факторами, а не информационно-технологическими параметрами организации. Стоимость банка, таким образом, снижают геополитические риски, поэтому для того, чтоб увеличивать стоимость бизнеса, банку важно развивать процессы технологизации управления и развивать цифровую модель ведения бизнеса.

«Тинькофф банк», являясь частным сетевым интернет-банком, в большей степени относится к формату интернет-бизнеса, чем ПАО «Сбербанк России». Вместе с тем коэффициент, отражающий отношение капитализации к прибыли, у Сбербанка составляет около 5, у «Тинькофф банка» — около 8, а у финансово-технологических компаний этот коэф-

фициент составляет более 15. Эффект от этого коэффициента, показывающего отношение капитализации к прибыли, объясняется разницей в размерах финансовых организаций. Эффект от технологических нововведений «Тинькофф банка» приносит больше доходов бизнесу и в большей мере оказывает влияние на его инвестиционную привлекательность. «Тинькофф банк» по своему функционалу де-факто является технологической онлайн-платформой, так как устроен организационно иначе: во-первых, этот банк не имеет отделений, во-вторых, не является громоздким по системе управления, в-третьих, имеет сетевую структуру.

Для перехода к цифровой модели ведения бизнеса Сбербанк стал самостоятельно моделировать необходимые инструменты, технологии и организации. Таким образом, в результате техногенных методов при ПАО «Сбербанк России» появилось множество непрофильных компаний и нефинансовых сервисов, большая часть которых использует активы банка в качестве ресурсной базы. Такой конгломерат вместе с финансово-кредитной организацией должен стать целостной экосистемой.

Расширяя применение цифровых инструментов, Сбербанк технологически формирует вокруг себя цифровой финансовый супермаркет, в котором сконцентрированы инновационные технологии, собраны многофункциональные сервисы, производятся финансовые и нефинансовые услуги. В создании такой экосистемы заинтересованы не только сам банк, стремящийся к увеличению доходности и доли рынка, но и его клиенты и контрагенты. В 2018 г. Сбербанк возглавил список самых дорогих российских компаний: его капитализация по итогам 2017 г. выросла почти на 40% до 84 млрд дол.; второе место заняла корпорация «Газпром» [5].

Одним из проявлений техногенеза являются огромные массивы данных обо всех операциях людей с применением современных технологий и интернета, которые хранятся на серверах. Используемый в русскоязычной среде термин «большие данные» (Big Data) является технологией сбора и анализа больших данных, которые важны для кредитных организаций: от увеличения клиентской базы и предпочтений банковских продуктов до оценки рисков, управления активами и защиты от кибернетических угроз.

В современной экономической литературе достаточно много статей о необходимости скорейшей цифровой трансформации экономики, открытии обществу возможностей цифрового мира, поддержке высокотехнологических компаний, использовании Big Data, развитии робототехники, повсеместного высокоскоростного доступа в интернет.

Анализ технологий Big Data, а также использование алгоритмов машинного обучения (machine learning) позволяют российским банкам не только сравнивать поведение своих клиентов, которые сопоставимы

по уровню их доходов, но и выявлять факторы риска и мошенничества. Вместе с тем право граждан на личную жизнь и неразглашение информации и их «цифрового следа» часто игнорируется, несмотря на то, что в России с Big Data работают не только финансовые сервисы, но и сотовые операторы, розничные сети. Работа с Big Data является вызовом для регуляторов по всему миру, так как поднимает вопросы защиты от кибернетических угроз, а способность компаний и правительств обеспечить защиту информации своих клиентов и граждан от несанкционированного доступа является одним из факторов конкурентоспособности не только банков, но целых стран.

В условиях реализации геополитических рисков и санкционных ограничений российские банки, в отличие от зарубежных кредитных организаций, вынуждены отвечать на современные технологические вызовы, создавать новые форматы ведения бизнеса, отвечать на запросы клиентов, развивая новые системы цифрового обслуживания.

Таким образом, условием эффективности реализации цифровых технологий в финансовой сфере является четкое обозначение приоритетов, позволяющих обеспечить конкурентоспособность российских банков и финансово-технологических компаний. Стратегии развития российских банков многофункциональны и конкурентоспособны с точки зрения цифровизации бизнеса, но уровень капитализации отечественных кредитных организаций уступает финансово-технологическим компаниям.

Литература

1. *Глазьев С.* Рынок в будущее. Россия в новых технологических и мирохозяйственных укладах. М.: Книжный мир, 2018.
2. *Еремينا А., Третьяк А.* Почему Греф хочет превратить Сбербанк в IT-компанию // Ведомости. 2018. 16 дек.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/12/16/789410-gref> (дата обращения: 16.12.2018).
3. *Ип Г.* Brexit показал цену деглобализации // Ведомости. 2018. 22 окт.: [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2018/10/22/784289-brexit-tsenu-deglobalizatsii> (дата обращения: 16.12.2018).
4. *Мархулия Е.* Греф рассказал о конце эпохи традиционного банкинга // РБК: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/08/12/2016/584949599a7947f375230ecc> (дата обращения: 16.12.2018).
5. Сбербанк возглавил рейтинг самых дорогих компаний в России // РИА Новости — Экономика: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20180130/1513634114.html> (дата обращения: 19.12.2018).

И.А. ГОРЮНОВ

Современный техногенезис как точка сингулярности бытия-небытия

Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие *ветви* собирают и бросают в огонь, и они сгорают.

(Иоан. 15:6)

Аннотация. В статье обсуждается развитие современного общества, будущее человека и социума с учетом возможных достижений и прорывов в области НБИКС наук и технологий. Анализируются угрозы, особенно вследствие корыстного использования достижений НБИКС, для будущего человека и человечества. Показываются уникальность российской цивилизации и ее роль в сохранении духовной сферы и обеспечении устойчивого развития общества.

Ключевые слова: человек, социум, техногенезис, НБИКС науки и технологии, постмодернизм, точка сингулярности.

Abstract. The article discusses the development of modern society, the future of human and society, taking into account possible achievements and breakthroughs in the NBICS science and technology. The threats are analyzed, especially as a result of the mercenary use of the NBICS achievements, for the future of human and humanity. It shows the uniqueness of the Russian civilization and its role in preserving the spiritual sphere and ensuring the sustainable development of society.

Keywords: human, society, technogenesis, NBICS of science and technology, postmodernism, point of singularity.

Точка сингулярности, о которой так много говорил постмодерн, и о достижении которой он, наверное, грезил с момента своего зарождения, оказалась не только достижима, но достижима в самом ближайшем будущем: ее, быть может, удастся лицезреть-чувствовать современному поколению человеков.

Только в этой чаемой постмодерном точке сингулярности скорее всего произойдет не прорыв в принципиально новое высшее бытийное существование (абсолютно свободное, так как будут сброшены все оковы-запреты и предзаданные идентичности мышления, действия и поведения²⁴), а схлопывание-коллапс (апокалипсис!) человека, человечества и мира.

²⁴ Идеологи постмодернизма полагают, точнее абсолютно уверены, что главным сдерживающим началом-фактором в стремительном и прогрессивном развитии человечества является традиционализм — традиционные, точнее говоря — сущностные, уходящие в мир

Достижение этой точки сингулярности должна обеспечить современная наука, точнее постмодернистская наука (наука постмодернистского типа²⁵) — химерический симбиоз инфо-, био-, нейро-, когнито-, социогуманитарных дисциплин и их практических приложений-наработок в виде континуума техно-кибер-социореальности, а также менеджерских практик рефлексивного управления людьми посредством «когнитивного» («креативно-когнитивного») взлома их сознания и трансформации (в том числе и генетической) природной сущности человека.

Цель науки постмодернистского типа — создать с помощью НБИКС²⁶: 1) из людей (подвластного большинства, а в конечном счете и властного меньшинства) некий жестко управляемый извне социум биороботов²⁷ или 2) вместо людей (подвластного большинства) запрограммированное сообщество «искусственных людей»²⁸.

трансцендентно-сакрального или исходящие из этого трансцендентно-сакрального мира, ценности и образы жизни: мышления, действия и поведения.

²⁵Сущность классической, возникшей на рубеже XVI—XVII вв., науки очень точно определил Ф.М. Достоевский: «наука человеческая еще в младенчестве, почти только начинает дело и если есть за ней что-либо обеспеченное, так это покамест лишь то, что она твердо стала на ноги» [1, 33]. Относительно науки постмодернистского типа мы можем сказать, что это наука как раз сбита со своих ног, она стоит совсем не на своих ногах и даже не на костылях — она подвешена в невесомость людьми наживы, свято верящими, что некие (неизвестно откуда взявшиеся) техника и технологии, прежде всего информационные, принесут им абсолютную власть, безумные деньги, ничем не нарушаемое спокойствие и счастье в виде бесконечных, прежде всего виртуальных, развлечений.

²⁶НБИКС — постмодернистский комплекс нано-, био-, инфо-, когнито- и социогуманитарных наук и технологий, позволяющих (как полагает постмодернистский менеджмент жизни, точнее менеджмент управления человеком) создавать «искусственных людей» и новые реальности, т. е. новые постчеловеческие миры, имеющие различные ценностные установки и аттракторы развития.

²⁷В прочитанном 30 сентября 2015 г. в Совете Федерации докладе об угрозах, которые современная наука несет человечеству, директор НИЦ «Курчатовский институт» М.В. Ковальчук обратил внимание на то, что «сегодня возникла реальная технологическая возможность (вмешаться. — С.Н.) в процесс эволюции человека. И цель (этого вмешательства. — И.Г.) — создать принципиально новый подвид *homo sapiens*, служебного человека» (цит. по: [10]). Далее М.В. Ковальчук объяснил сенаторам, что «служебный человек обладает ограниченным самосознанием, его размножение находится под внешним контролем, а “дешевым кормом” ему служат генно-модифицированные организмы» [10]. И этот «служебный человек может быть создан, с одной стороны, благодаря прорывам в нано- и биотехнологиях, а с другой — с помощью информационных и когнитивных технологий» [10], дополненных социогуманитарными технологиями, позволяющими создавать устойчивые сообщества «служебных людей».

С помощью НБИКС можно создавать и сверхлюдей с уникальными творческими, организаторскими и другими способностями.

²⁸Вот что говорит по этому поводу в публикации под красноречивым названием «Курчатовский институт готовит новый вызов цивилизации» президент НИЦ «Курчатовский институт» М.В. Ковальчук: «Представьте, что вы создаете семейство роботов: есть некая “матка”, из которой выходят мини-роботы; они расходятся и собирают нужную информацию — из-

Постмодернизм в силу его технологической ориентированности (абсолютной веры в технику и технологии), антинаучности и античеловечности²⁹, конечно, склоняется в пользу второго варианта — замещения

меряют температуру, кислотность почвы, что-то фотографируют, в зависимости от того, какая задача стоит. Потом они передают эту информацию в центр. Если надо с помощью этих роботов что-то разрушить, вы формируете у них психологию, социологию стада или табуна. Если надо, чтобы они были строителями, вы изучаете и закладываете им социологию мурaveйника» [6].

²⁹Антинаучность постмодерна проявляется в том, что истинное познание действительности (окружающего материального и социального мира, человека и его сознания) постмодерну не нужно, а значит и не нужна занимающаяся этим фундаментальная наука. Нужны облегчающие жизнь и помогающие управлять материальным и социальным миром техника и технологии, которые посредством некоего «расширения» сознания человека должны, по верному замечанию Ф.М. Достоевского, как бы «свалиться на человечество и, главное, совершенно даром» [1, 33]. Но обретение этой способности легко обращать «камни в хлеб» представляет не просто чрезвычайную опасность для человечества, но и является самым эффективным инструментом по уничтожению человечества, пророчески заявил Ф.М. Достоевский. Использование техники и технологий, позволяющих без каких-либо серьезных умственных и физических усилий производить всевозможные блага и антиблага, сначала, безусловно, вызвало бы всеобщий восторг: «люди обнимали бы друг друга в упоении, ...они вдруг почувствовали бы, так сказать, себя осыпанными счастьем, зарытыми в материальных благах; они, может быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в десять раз скорей, чем теперь по железной дороге; извлекали бы из земли баснословные урожаи, может быть, создали бы химией организмы, и говядины хватило бы по три фунта на человека... — словом, ешь, пей и наслаждайся. “Вот, — закричали бы все филантропы, — теперь, когда человек обеспечен, вот теперь он проявит себя! Нет уже более материальных лишений, нет более заедающей “среды”, бывшей причиною всех пороков, и теперь человек станет прекрасным и праведным! Нет уже более беспрерывного труда, чтобы как-нибудь прокормиться, и теперь все займется высшим, глубокими мыслями, всеобщими явлениями. Теперь, теперь только настала высшая жизнь!”» [1, 33—34].

Но, продолжает Ф.М. Достоевский, «вряд ли и на одно поколение хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже больше нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них все украл разом; исчез человеческий лик, и настал скотский образ раба, скотины, с той разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнило бы человечество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои в муках, увидя, что жизнь у них взята за хлеб, за “камни обращенные в хлеб”. Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль не трудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что гнусно жить на даровщинку и что *счастье не в счастье, а лишь в его достижении*. Настанет скука и тоска: все сделано и нечего больше делать, все известно и нечего больше узнавать. Самоубийцы явятся толпами, а не так, как теперь, по углам; люди будут сходиться массами, схватываясь за руки и истребляя себя все вдруг, тысячами, каким-нибудь новым способом, открытым им вместе со всеми открытиями» [1, 34].

Ф.М. Достоевский абсолютно уверен, что «черти: дьявольские, inferнальные, (постмодернистские?) силы *в конце концов возьмут свое и раздавят человека “камнями, обращенными в хлеб”*, как муху: *это их главнейшая цель* (выделено мной. — И.Г.)» [1, 35]. Поэтому постмодернизм, активно заигрывающий и сотрудничающий с этими сатанистско-адскими силами, точнее находящийся в услужении у них, является античеловеческим.

людей компьютерами и машинами (роботами) и свято верит в перспективность этого сценария. При этом постмодернисты любят ссылаться на некие тренды развития, например, приводят прогнозные данные ООН, согласно которым якобы в мире к 2030 г. роботы отнимут у людей от 400 до 800 млн рабочих мест. Что касается России, то в нашей стране «лишатся работы около 25% активного населения и исчезнут 57 специальностей» [13].

В настоящее время окончательный выбор между управляемым извне сообществом биолоидей (роботами на основе людей) или программируемым социумом роботов еще не сделан. Сообщество роботов (искусственных людей), конечно, предпочтительнее, но их функционирование требует несоизмеримо больше энергии, чем это необходимо биолоидам. По оценке вице-президента НИЦ «Курчатовский институт» О.С. Нарайкина, для обеспечения полноценной жизни сообщества из 3000 роботов Ленинградская АЭС в течение года должна работать только на них.

В современном мире, по оценке тех же сотрудников Курчатовского института, треть производимой энергии тратится на функционирование компьютеров. Конечно, переход от нынешних компьютеров к новым, работающим по принципу восприятия и обработки информации человеческим мозгом, к примеру, позволяющим хранить и обрабатывать информацию в одном месте, а не постоянно тратить энергию на трансфер данных из одного блока в другой, сократит затраты энергии, но даже это не позволит приблизить компьютерное «мышление» по энергозатаратам к человеческому³⁰, не говоря о качестве человеческого мышления, особенно в нетривиальных, непрограммируемых ситуациях.

В условиях, когда не решены проблемы энергоэффективности компьютерного «мышления» и функционирования роботов, постмодернистам приходится делать ставку на конструирование биолоидей. Создание эффективного (хорошо управляемого) сообщества биолоидей и должны обеспечить НБИКС науки и технологии, в целом постмодернистская наука как инструмент радикальной трансформации человека, социума и мира.

³⁰ «Вся современная вычислительная техника, несмотря на ее колоссальные возможности, по принципам своего устройства не имеет ничего общего с инструментами обработки информации, созданными природой. Например, человеческим мозгом. Он представляет собой принципиально аналоговое, не цифровое устройство. Между тем его “вычислительная мощность” превышает возможности всех компьютеров мира. И при этом мозг потребляет ничтожно мало энергии по сравнению даже со смартфоном, не говоря уже о суперкомпьютере» [9].

Как надеются постмодернисты, НБИКС позволят решить и экологические проблемы человечества посредством создания природоподобной инфотехносферы, функционирование которой будет базироваться на заимствованных (подсмотренных) у природы процессах трансформации энергии и синтеза/аннигиляции вещества, осуществления других функций, например, перемещения нано-, микро- и макрообъектов.

Президент НИЦ «Курчатовский институт» М.В. Ковальчук отмечает, что «поиск природоподобия в области вычислительной техники³¹ уже идет полным ходом: так называемый квантовый компьютер, над созданием которого сейчас трудятся ученые во всем мире, по своему устройству гораздо больше похож на живой человеческий мозг, нежели на современный суперкомпьютер» [9], а в целом в Курчатовском институте выдвинута «концепция развития и продвижения конвергентных и природоподобных технологий в промышленность» [9].

«Создание природоподобной техносферы — лучший из возможных ответов человечества на стоящие перед ним глобальные вызовы» [9], — считает М.В. Ковальчук. По его мнению, «проект природоподобных технологий сегодня — это новый вызов, который по масштабам превосходит даже значение атомно-космического проекта» [6], обеспечившего новый технологический облик нашей страны и сделавший СССР одной из двух сверхдержав в мире.

Атомно-космический проект «обеспечил суверенитет нашей страны и, по сути, по сей день обеспечивает нашу конкурентоспособность в самых сложных областях науки. Сейчас у нас (в Курчатовском институте, где, по словам М.В. Ковальчука, всегда реализовывались «прорывные научные идеи, которые меняли цивилизацию» [6]. — *И.Г.*) есть похожий проект — создание природоподобного технологического уклада» [6].

Заместитель директора Института теоретической физики имени Л.Д. Ландау РАН, доктор физ.-мат. наук М.В. Фейгельман и доктор химических наук Г.А. Цирлина отмечают, что ТД-2 («Трофим Денисович Лысенко — 2.0»), так на эзоповом языке М.В. Фейгельман и Г.А. Цирлина называют М.В. Ковальчука), выдвинувший идею создания природоподобного технологического уклада, «ощущает себя основателем некой новой философской системы или даже — страшно сказать — новой религии» [17] — постмодернистского, уточним мы, взгляда на мир, человека и человеческую цивилизацию.

³¹По мнению М.В. Ковальчука, «гигантское, непрерывно растущее грандиозными темпами потребление энергии вычислительной техникой — один из самых грозных вызовов, стоящих перед человечеством... Выходом из подобных ситуаций может стать только развитие цивилизации в направлении тех технологий, которые “разработала” природа» [9].

Как надеются и обещают идеологи постмодернизма наука постмодернистского типа создаст природоподобный инфотехнологический уклад и уникальную, хорошо управляемую социогуманитарную сферу, на вершине которой будут находиться сверхчеловеки (субъекты управления), обладающие уникальными интеллектуальными и физическими возможностями и абсолютно управляемые «служебные» люди (биороботы — человеко-машинные системы) вперемешку с искусственными людьми (роботами).

Этот дивно-сказочный, абсолютно устойчивый и бесконфликтный мир материально-виртуального изобилия Постмодерна позволят создать НБИКС.

НБИКС науки и технологии

Нанонауки и технологии — это конструирование материалов на наноуровне, причем в рамках этой методологии можно создавать абсолютно новые материалы, которые не встречаются в окружающем мире.

Биотехнологии дают возможность активно работать с существующим биологическим материалом, его радикально трансформировать и даже создавать новые формы жизни. В рамках такой деятельности, как полагают постмодернисты, можно вмешиваться в эволюцию (на генетическом и других уровнях) различных живых организмов, человека, отдельных экосистем и биосферы Земли в целом.

В современном мире нанотехнологическая деятельность сопрягается с биотехнологической по трансформации живого вещества, и в результате этой конвергенции, как надеются постмодернисты, удастся осуществить синергию живого и неживого и создать гибридные приборы и даже целые биоробототехнические системы, а, может быть, и искусственную жизнь (синтетическая биология).

Информационные технологии создавались для того, чтобы обеспечить быструю и эффективную обработку большого объема информации при моделировании ядерных и термоядерных взрывов, управлении полетами межпланетных космических аппаратов, решении межконтинентальных логистических проблем и др. В частности, современный суперкомпьютинг родился после запрета на проведение ядерных и термоядерных испытаний, когда перед учеными встала задача математического моделирования ядерного и термоядерного взрыва на ЭВМ, а потом и на Супер-ЭВМ.

В настоящее время информационные технологии — необходимый элемент управления динамическими, нелинейными системами. Все социальные и социально-экономические системы относятся к типу таких сложных систем и для своего успешного и эффективного управления требуют использования информационных технологий.

Информационные технологии применяются прежде всего для управления сознанием людей. Подобную работу, к примеру, выполняют современные медиа (прежде всего электронные), призванные не просто доносить определенную информацию до целевой аудитории, но и формировать у нее вполне определенное видение происходящего, т.е. соответствующую картину мира. Перед постмодернистским менеджментом жизни, претендующим на безусловное управление современным человечеством, стоит проблема эффективного донесения этого видения до отдельных индивидов, больших социальных групп (классов) и всего общества. Эту задачу должны решать когнитивные и социогуманитарные науки и технологии.

Когнитивные науки призваны изучать сущность и особенности работы человеческого сознания и создавать различные технологии его трансформации в нужном постмодернистам направлении.

На помощь когнитивным наукам должны прийти современные информационные технологии, точнее симбиоз информационных и когнитивных технологий, позволяющих осуществлять комплексные информационные и нейрокогнитивные воздействия на человека посредством тесно переплетенных (конвергенция) глобальных информационных сетей, кастомизированных под особенности-возможности-интересы конкретного индивида, и нейронных сетей мозга этого индивида.

Постмодернизму нужны абсолютно управляемый человек и абсолютно управляемый социум. Как полагают постмодернисты, такой человек (и социум) получается в результате управления его сознанием изнутри и социальным управлением извне.

За формирование и управление сознанием (индивидуальным и массовым) отвечают информационно-когнитивные технологии (дирижируемые искусственным интеллектом интегрированные человеко-машинные и/или машинно-человеческие комплексы), создать которые обещает наука постмодернистского типа.

За социальное управление должны отвечать социогуманитарные технологии, принуждающие человека/социум поступать определенным (нужным субъекту управления) образом.

В целом постмодернистский комплекс НБИКС должен предоставить власть имущим эффективные технологии целенаправленного вмешательства в процесс мышления человека, принятия им решений, формирования его мировоззренческих представлений и на этой основе — различных цивилизационных образований.

Иначе говоря, этот комплекс должен обеспечить формирование различных типов мышления, их трансформации и замены (по мере необходимости) одного типа мышления и/или одного типа социального устройства другим.

На всем протяжении существования человечества таким формированием занималась культура как деятельность по ориентации человека в окружающем (подлунном) мире и его связи с иным (подлинным!) миром сущностей — трансцендентно-сакральным миром.

Постмодернизм ни в какой иной, потусторонний, трансцендентный, сакральный мир не верит. Более того, он его боится и вообще запрещает думать о нем, а тем более устанавливать какие-либо связи с этим миром. И в этом постмодернизм абсолютно прав, так как человек, чья душа устремлена в подлинный мир, перестает подчиняться правилам сего мира, т. е. становится неуправляемым.

Поэтому постмодернизм пришел к окончательному выводу: мир и человек должны быть полностью лишены какой-либо трансцендентно-сакральной сущности и переведены (в пресловутой постмодернистской точке сингулярности!) в иное существование — постбытийное и постчеловеческое. В человеческом случае это лишение человека души³².

Гедонизм как инструмент порабощения и уничтожения человечества

Инструментом лишения человека души, а мира всего трансцендентного и сакрального (десакрализации природы, социума и человека) избран гедонизм.

Нынешняя техногенная действительность, по крайней мере в западной части современной человеческой ойкумены, позволяет дать большей части своих граждан все мыслимые и немыслимые блага — точнее всевозможные симулякры, прежде всего виртуальные.

Указывая на эти блага, идеологи постмодернизма активно формируют у человека (прежде всего западного) представление о нынешней действительности как о рае на Земле. Рая без Бога, уточняет научный директор Германо-Российского форума А.Г. Рар. Именно без Бога, так как только элиминация Бога позволит построить этот гедонистический рай.

В современном мире именно (материальные) блага выступают как главный соблазн и как главное средство колоссального давления на человека, чтобы он отказался им от своей сущности — избавился от Богом данной души.

³² Согласно всем системам традиционного мышления «душа есть самое святое в человеке и дарована нам Господом Богом, чтобы мы достойно владели ею. Нет ничего драгоценнее, чем душа человеческая и никакие блага земные не могут сравниться с нею. Она стоит всего золота на свете и ценнее царских рубинов» [16, 117]. Постмодернизм как ультраземная, ультрагедонистическая и ультраторгашеская система мышления и цивилизация со смехом отвечает человеку на это: «На что нам душа человеческая? Она не стоит и ломаного гроша. Продай нам в рабство тело твое, и мы облачим тебя в пурпур и украсим твой плащ перстнем, и ты будешь любимым рабом королевы. Но не говори о душе, ибо для нас она ничто и не имеет цены» [16, 118].

Современный Запад (не только элита, но и широкие слои населения) в силу наличия у него большого континуума материальных благ считает, что он открыл новые высшие ценности, на которых должны строиться новая мораль, новый человек, новая цивилизация и вообще новый постбытийный мир.

При этом полный и окончательный переход к новой морали и постмодернистской парадигме цивилизационного развития возможен только в пресловутой точке сингулярности. Поэтому нынешние власти предрешающие считают своим долгом активно работать на приближение этой точки.

Суть постмодернистской морали-идеологии сводится к отказу от всех ценностей, норм и правил общества Модерна: капитализма; науки; национального государства как выразителя воли народа³³; свободы, в том числе свободы совести; равенства вообще и перед законом в частности; прав человека; расовой, национальной, гендерной, возрастной идентичности и т. д., и к отказу от ценностей традиционного общества (Премодерна): сакральности, трансцендентности, четких границ, строгой иерархичности и т. д.

Постмодернизм — это ультралиберализм³⁴, абсолютная свобода от всех запретов и ограничений³⁵. Свобода даже от научного (адекватно описывающего реальность) мировоззрения с его текстами и смыслами. Постмодернизму нужны картинки и эмоции, поверхностность и забавы, а не понятия и смысл (содержание), глубина и серьезность.

Согласно Иоанну Богослову: «Отец, Слово и Святой Дух свидетельствуют на небе; и Сии три суть едино»³⁶ (1 Ин. 5:7). То есть человеческое слово содержит в себе трансцендентно-сакральную сущность. А раз так, то борьба с текстом³⁷, как и с художественным образом (божьем образом!) во всех его измерениях (в живописи, скульптуре, архитектуре, музыке и т. д.), и замена их пустотелыми симулякрами являются важнейшими направлениями деятельности постмодернизма. Можно

³³Депутат Европарламента и профессор геополитики Эмерик Шопрад (Франция) говорит о желании постмодернистов подорвать иерархию наций иерархией элит, которых они целенаправленно возвращают.

³⁴Постмодернизм стал закономерным (?) следствием исторической эволюции либерализма, который в своей экстремальной фазе перешел в ультралиберализм и в этом состоянии был трансформирован в постмодернизм — как отказ от всех норм и правил обществ Модерна и Премодерна.

³⁵Прежде всего абсолютная свобода для власть имущих от всех обязательств по отношению к управляемому социуму.

³⁶«Три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино» (1 Ин. 5:7).

³⁷Борьба с текстом дает свои результаты. Сегодня 80% пользователей соцсетей уже предпочитают видео-контент и анимации классическим постам [19].

даже сказать, что в этой борьбе состоит и раскрывается его истинная сущность.

Эту тенденцию в культуре XX в. четко уловили И.В. Сталин, А.А. Жданов и ряд других советских руководителей, противопоставив зарождающемуся (уже родившемуся?) постмодернизму социалистический реализм. Характеризуя «формалистическое направление в искусстве» (постмодернизм?), Жданов определяет его как отказ от классического наследия, т. е. подлинности, фундаментальности, устремленности в мир трансцендентно-сакрального. «Левацкое (постмодернистское. — *И.Г.*) искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова. ...Мелкобуржуазное “новаторство” ведет к отрыву от подлинного искусства, от подлинной науки, от подлинной литературы» [2, 125].

Современное буржуазное искусство (как и тесно связанные с ним медиа, прежде всего электронные) направлено на человеческие чувства и эмоции, а не на разум. Как отмечает политолог и журналист М.В. Восканян, в настоящее время в СМИ произошел переход от формата Модерна (с преобладанием текста и смысла) к формату Постмодерна (с господством визуализации; эмоций; микса всего и вся, прежде всего жанров, и др.).

В современных медиа преобладают эмоциональные форматы, и в информационной политике делается ставка на СМИ нового типа: не просто продуцирующие эмоции и сверхэмоции медиа, а СМИ, вызывающие массовый истеризм³⁸. И это не случайно. Через эмоции и путем стирания всяких из другого мира данных границ: добра и зла, истинного и ложного, красоты и уродства, возможного и невозможного и т. д., людям легче навязывать постмодернистскую картину мира, постмодернистский стиль мышления и жизни.

Именно формированием постмодернистской картины мира прежде всего и занимаются современные медиа. А в самом ближайшем будущем, как полагает постмодернистский менеджмент управления людьми, они будут это делать, опираясь на достижения НБИКС наук и технологий. То есть современные медиа в союзе с постмодернистской культурой и НБИКС призваны формировать соответствующего человека и общество.

Американский специалист в области межкультурных коммуникаций и конфликтологии Лео Энзель откровенно говорит, что в нынешнем

³⁸По оценке председателя совета Российского фонда фундаментальных исследований, академика РАН В.Я. Панченко, в современном мире от 10 до 12% населения не просто эмоционально перевозбуждены, а психически нездоровы.

мире фильмы, музыка, новости, игры, соцсети — это полки армии, призванной завоевывать и поработать сознание граждан других стран. И если у элиты той или иной страны нет такой армии, то, в конечном счете, она будет завоевана и поработана.

Массовая культура, медиа, информационно-когнитивные технологии в купе с постмодернистскими социально-гуманитарными дисциплинарными и практиками, заметим мы, не менее эффективно поработают сознание граждан самих США и других государств «золотого миллиарда».

Но почему современному постмодернизму удастся так легко и быстро «обрабатывать» современного человека? Безусловно, что современная культура и медиа (используя уже имеющиеся наработки НБИКС) опираются на невысокий уровень образования современного человека, не обученного думать (работать с информацией), его постоянную занятость (точнее погруженность в спешку и суету), привычку безотчетно потреблять привычную по форме и содержанию информацию и т. д., что делает его идеальным объектом для всевозможных манипуляций.

Однако, как нам представляется, дело не только в хорошо организованном и извращенном (в том числе нейрокогнитивном) промысливании мозгов современному человеку: он добровольно заглатывает некую наживку, на которую его ловит постмодернизм.

Что же это за наживка, заглотив которую, человек так легко попадает в руки постмодернистам, что им затем довольно просто детрансцендировать и десакрализировать мир, лишая человека души и загоняя народ не просто в состояние рабства, а отказа от его сущности?

Ответ на поставленный вопрос прост. Современного человека ловят на материальную наживку, на обещание максимально комфортной (гедонистической) жизни. Именно материальные (и виртуальные!) блага выступают как главный соблазн и как средство колоссального давления на человека с целью его отказа от своей сущности — от Богом данной души.

Людей соблазняют комфортом и благами: настоящими и будущими. И люди этих плотских (материальных и виртуальных) благ не просто хотят, они их жаждут. Как жаждут и бессмертия (вечной жизни) на этой грешной Земле. И очень боятся быть (навсегда?) исключенными из этого гедонистического рая. А такая угроза постоянно висит над каждым современным человеком.

Именно на эту наживку (обещание материальных благ и угрозу лишения этих материальных благ) и ловит человек постмодернизм. Вот что пишет в воззвании к народу Священный Синод Элладской православной церкви: «Мы, народ, действовали безответственно. Мы обожестили богатство, искали сытой и спокойной жизни, не брезговали обманом и

легкой наживой. Нас уже не волновало, что происходит в мире и с нашей страной» [18].

Священный Синод Элладской православной церкви обращает внимание на то, что «согласно оценкам многих экономистов, этот (нынешний экономический. — *И.Г.*) кризис был создан искусственно, чтобы стать инструментом в достижении мирового господства силами, которые сложно заподозрить в любви к человеку» [18]. И притязания этих сил, безусловно, «распространяются на духовную и культурную идентичность людей» [18]. То, что переживает сейчас Греция (как и другие страны), «не имеет прецедента и потрясает воображение. Бок о бок с духовным, социальным и экономическим кризисом шествует ниспровержение всех наших основ. Речь идет о попытке искоренения и уничтожения нашей традиции, того, что всегда считалось основой жизни нашего Отечества» [18].

Возможно ли постбытийное (гедонистическое) существование в десакрализованном мире?

Но возможно ли это постбытийное (лишенное того, что в наш мир привносит человек) существование мира и постчеловеческое (лишенное души) существование человека? Возможно ли сохранение человека и цивилизации при лишении их всего трансцендентно-сакрального?

Возможна ли жизнь в «замыкании человека в одномерном настоящем, на его эгоцентричном самолюбивом инстинкте?» [18] — задается вопросом Священный Синод Элладской православной церкви. Ведь это «настоящее без будущего, без идеалов и мечты. Настоящее, обреченное на скуку и монотонность. Это превращение жизни во временной промежуток между двумя событиями: рождением и смертью, лишь с одной неизвестной — сколько времени пройдет между ними. В подобной перспективе бесцельное всегда соревнуется с бессмысленным, а в результате всегда побеждает трагическое» [18]. Современный человек «вместо того, чтобы найти смысл жизни, стремится к богатству, комфорту, благополучию. Но когда кроме потребления не существует другой жизненной цели, когда материальная состоятельность и ее демонстрация окружающим становятся единственными способами добиться общественного признания, тогда разврат³⁹ становится единственно возможным образом жизни, в противном случае, если ты не растлился — то ты глупец. Так думали и поступали многие, и мы достигли того, что растлились не только наши власти, но и большая часть нашего народа. Вечный вопрос — дилемму

³⁹Греческое слово *διαφωρά* можно перевести на русский не только как распущенность, развращенность, разврат, извращенность, но и как подкуп и коррупция — *прим. пер. Афанасия Зоитакиса*.

Достоевского: “Свобода или счастье” мы переживаем во всем его трагическом размахе. Мы выбрали мнимое благополучие, а потеряли свободу, причем не только нашу личную, но и свободу нашей Родины» [18]. «Сегодня человек *не переживает об обесценивании человеческой личности и жизни. Вот подлинный смысл сегодняшнего кризиса и источник экономических трудностей* (курсив мой. — И.Г.), которыми столь безжалостно пользуются “мировые правители”» [18].

Можно ли свернуть с этого пути? Можно. Священный Синод Элладской православной церкви говорит, что «есть противоядие культу потребления — это аскеза. В то время как потребление — это тупик (ведь жизнь не имеет смысла), аскеза — это путь (так как ведет к настоящей жизни). Цель аскезы — не отказ от удовольствия, а наполнение жизни глубиной и содержанием. Она подобна тренировке спортсмена, которая приведет его к завоеванию медали, и медаль эта не что иное, как жизнь, побеждающая смерть, жизнь, обогащенная любовью. Аскеза — это путь свободы от рабства излишествам. Того рабства, которое сегодня сделало нас посмешищем» [18].

В XX в. Россия (Советский Союз) не просто выдвинула альтернативу постмодернистскому стилю мышления и пути развития, но и попыталась ее реализовать. Великая Октябрьская социалистическая революция выдвинула прежде всего великую идею освобождения человека. Подлинного, а не иллюзорного (как это делала Французская революция). Причем не только от власти капитала и денег, частной и личной собственности, но и от всего бытийного. В пророческих текстах упанишад⁴⁰ говорится, что есть два состояния, означающих узы и освобождение: «не мое» и «мое». Со словом «мое» существо связывается узами. Со словом «не мое» — освобождается от порабощения (см.: [12, 223]).

Большевизм (коммунизм) впервые в истории показал человеку (человечеству) пример освобождения от состояния «мое» (привязывающего-приковывающего к этому материальному миру в его худшем измерении — частной собственности), т. е. дал человеку подлинную, а не эфемерную свободу, свободу двигаться «к высшему (трансцендентно-сакральному) состоянию» человека, общества и мира. Именно общенародная собственность, состояние «не мое» дает человеку шанс двигаться «к высшему состоянию».

Вообще Россия и русские как «чужой» в этом гедонистическом мире народ еще пытаются сопротивляться лишению природы, социума общества и человека последних атрибутов трансцендентности и сакраль-

⁴⁰Упанишады относятся к ведийскому разделу литературы, называемому шрути (śruti — «услышанное») — откровение, внушенное свыше древнеиндийским поэтам-мудрецам.

ности. И в этом им помогает не только русская вера, русское слово и русская культура, но и русско-советская (уходящая в предельную фундаментальность, а значит в метафизичность, трансцендентность и сакральность) наука, которая со времен Петра не раз спасала и еще сейчас спасает русскую цивилизацию. Пример этого — создание отечественными учеными (в рамках парадигмальных установок классической науки) таких уникальных оборонных систем, как ракетный комплекс стратегического назначения «Аванград», гиперзвуковой ракетный комплекс «Кинжал», боевой лазерный комплекс «Пересвет», стратегический подводный беспилотный аппарат «Посейдон» и др.

Попытка превратить русскую (и мировую) науку в некий НБИКС, который будет производить сообщество биороботов и обеспечивать их устойчивое функционирование, пока напоминает наивные фантазии постмодернизма⁴¹.

На примере Курчатовского института⁴², как отмечает М.В. Фейгельман, в настоящее время мы видим только «лысенковщину» XXI в. и «распил» бюджетных средств⁴³.

Суть современной «лысенковщины» в органическом союзе с «распилом» бюджетных средств хорошо описывает научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН Е.Е. Онищенко: руководство института «рисует “планов громадьё” — как будут развиваться нанотехнологии, как будут создаваться гибридные антропоморфные системы — роботы. Исследования в этом направлении, разумеется, идут, но М.В. Ковальчук обещает какие-то невероятные результаты, достижения которых при нашей жизни не предвидится... Похоже, все, что интересуется Ковальчука — это пиар и добывание все новых и новых государственных денег под обещания. Это напоминает лысенковщину, когда не исполняется одно обещание, а уже рождается новое» [3].

Однако именно симбиоз «лысенковщины» с «распилом» дает надежду, что постмодернистские планы по ликвидации науки и человечества не будут реализованы. По крайней мере в ближайшее время. Ведь одновременно обогащаться и серьезно заниматься наукой невозможно⁴⁴. Для серьезного занятия наукой, как минимум, надо обладать

⁴¹Вместо человека, социума и техносферы должна быть создана надежно управляемая искусственным интеллектом интегрированная человеко-машинная система.

⁴²По словам В.В. Путина, «полигона для обкатки новой формы научно-исследовательских центров, отвечающих требованиям XXI века» (цит. по: [5]).

⁴³«По мнению заместителя директора Института теоретической физики имени Л.Д. Ландау РАН Михаила Викторовича Фейгельмана, в новом объединенном Курчатовском центре происходят “лысенковщина” и “распил”» [4] бюджетных средств.

⁴⁴М.В. Фейгельман: «В нашей стране наука управляется теми, кто рассматривает ее как средство для немедленного отжима наличности — в рублях, в долларах, в чем попадетс.

трезвым взглядом на окружающую реальность — видеть ее такой, какая она есть на самом деле. PR, призванный обеспечить вышибание бюджетных денег, такой взгляд исключает, четко заявляя один из величайших физиков XX в., а также автор идеи нанотехнологий Ричард Фейнман: «В конце жизни он был привлечен к расследованию причин катастрофы шаттла “Челленджер”. Результатом стал детальный отчет, опубликованный в качестве его “особого мнения” (правительственная комиссия отказалась его приобщить к своим основным материалам — слишком неприемлем был этот отчет для NASA). Заканчивается отчет Фейнмана фразой, которую следует выучить наизусть любому президенту любой страны: “For successive technology, reality must take precedence over public relations, for Nature cannot be fooled” — то есть “для успешного развития технологий реальности должен быть отдан приоритет перед пиаром, ибо Природу не обманешь”» [17].

В целом надо понять и хорошо запомнить, что «лысенковщина выживается к жизни при помощи политической воли и обильного бюджетного финансирования» [17]. При этом западная наука постмодернистского типа занимается той же «лысенковщиной» и «распил» бюджетных средств, о чем наглядно свидетельствует скандал вокруг европейского научного мегапроекта «Человеческий мозг» («Human Brain Project»). Его первый руководитель нейробиолог Генри Маркрам обещал построить математическую модель человеческого мозга, которая даст «такие серьезные возможности, как виртуальные поиски и испытание новых лекарств, замена некоторых экспериментов, проводящихся сейчас на животных, и лучшее понимание механизмов некоторых заболеваний — таких, например, как болезнь Альцгеймера. А если этого мало, то моделирование работы мозга будет также способствовать созданию новых быстрых компьютеров и роботов, обладающих когнитивными способностями и, возможно, интеллектом» [13, 42], и естественно Г. Маркрам требовал мегафинансирования для своего проекта (см.: [15, 42]), и выбивал деньги у европейских политиков (на финансирование проекта Европейская комиссия выделила около миллиарда евро), которым в силу своего тщеславия очень хотелось заявить: «Мы, европейцы, создаем мозг. Это захватывающе, это как полет на Луну» [15, 45].

Однако расцвет «лысенковщины» и «распил» бюджетных средств в российском и мировом масштабе гарантируют, что точка сингулярности, в которой должен быть осуществлен перевод человека и мира в постбיתийное существование (небытие), не будет достигнута.

Главная опасность в том, что на науку и на страну в целом им, в общем, наплевать... сейчас управленческие решения принимаются для того, чтобы “распилить бабки”» [3].

Россия — страна не от мира сего. Она в целом чужда гедонистическому миру, как и он чужд ей. Сопротивлению удушающим объятиям постмодернизма вкупе с гедонизмом помогают православная вера, русское слово⁴⁵, русско-советская наука.

Выбор, перед которым стоит человечество, это не выбор между той или иной степенью трансформации хозяйства или тем или иным переворотом в бытии. Сегодня это выбор между человеческим (трансцендентно-сакральным) бытием и постмодерновским небытием. Бытие возможно только при сохранении сущностных основ мира, социума и человека такими, какими они были в момент их творения. Изменение их фундаментального (онтологического) статуса, даже из самых лучших, а не мефистофельских, побуждений может привести только к их уничтожению, к провалу в тьму кромешную.

В современном мире Большая игра/война идет не между Россией и Западом, свободой и рабством, прогрессом и регрессом, культурой и варварством и т. д. Идет непримиримая война между Жизнью и Смертью. Война за Бытие (мир, социум, человека) и Небытие — аннигиляцию мира и человека в точке сингулярности в метафизическую пустоту (метафизический мусор).

Цели нынешних властей — установление постмодернистского фашистского порядка и, в конечном счете, уничтожение человечества. Об этом уже давно и точно сказал Луис Альберто Корвалан (сын генерального секретаря компартии Чили Луиса Корвалана), одним из первых столкнувшийся с постмодернистским фашизмом в ходе госпереворота в 1973 г. и испытавший на себе все «прелести» постмодернистских лагерей и изощренных пыток: «Лозунг фашистов — тотальное уничтожение. Их враг — не тайная группа, а вся страна, весь народ (и весь мир, добавим мы. — *И.Г.*). Вот в чем причина массовых репрессий» [8, 208].

Президент швейцарского пресс-клуба, руководитель Российско-Швейцарской торговой палаты Г. Метан фиксирует переход в США от республики к имперской системе. Современные США стремятся навязать свою мораль и свою политику всему миру, а такие цели всегда преследовали имперские республики. А конечной фазой республиканского строя, по мнению немецкого философа Хауке Ритца, является фашизм (постмодернизм — как современная разновидность фашизма и его расовых теорий).

Депутат Государственной Думы РФ О.Н. Смолин, ссылаясь на К. Маркса, пишет, что «в каждом эксплуататоре проглядывает рабовладелец» [14]. В сегодняшнем постмодернистском мире этот рабовладелец

⁴⁵ Английский — язык межнационального общения. А какой язык должен быть языком культуры, хранения трансцендентно-сакральной сущности человечества?

виден вполне ясно. Данное утверждение ярко подтверждает-иллюстрирует наделавший много шума в интернете видеоролик, демонстрирующий ползущих на коленях по улицам Китая женщин-работниц. Оказалось, что это не очередной перформанс, а мотивационный тренинг для сотрудниц, не выполнивших рабочий план. Так начальник (потенциальный-скрытый рабовладелец) решил «стимулировать своих работниц трудиться усерднее» [15].

Россия в современном мире является оплотом традиционализма. И по мнению профессора политологии и международных отношений, редактора внешнеполитического отдела палеоконсервативного журнала «Chronicies» (США) Срджа Трифковича, должна отстаивать традиционные, а не консервативные ценности. И в этом смысле Россия — надежда всех здравомыслящих людей в мире.

Об этом же, но в отношении Советского Союза и советской культуры, говорил и А.А. Жданов: «СССР является сейчас подлинным хранилищем общечеловеческой музыкальной (и другой. — *И.Г.*) культуры так же, как он во всех других отношениях является оплотом человеческой цивилизации и культуры против буржуазного распада и разложения культуры» [2, 151]. О современной России американский актер и режиссер С. Сигал говорит как об одной из самых прогрессивных стран мира, но, по его словам, к сожалению, не всем это известно (см.: [11]).

В современном мире геополитика и постмодернизм, или постмодернизм и геополитика, естественным образом объединяются против России и русских. Постмодернисты и геополитические противники нашей страны ненавидят Россию и русских. Их очень бы устроило, если бы не было России (Россия и русские исчезли бы с лица Земли), которая мешает установить в мире постмодернистский геополитический порядок. Именно этим объясняется их зоологическая русофобия, которая выходит за рамки всякого приличия.

Сегодня перед каждым человеком планеты Земля встает вопрос: с кем мы? С русскими, истинно русскими, которые не от мира сего и за жизнь в ее подлинной трансцендентно-сакральной сущности — с человеческой душой, горячим сердцем и светлым разумом, — или против русских, за механизацию мира и обездушивание человека, т. е. за господство inferнальных (дьявольских) сил с неминуемо следующей за этим смертью? Вот выбор, перед которым стоит современное человечество.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1972—1988.

2. *Жданов А.А.* Ориентация на современную западную музыку // Жданов А.А., Маленков Г.М. Сталин и космополиты. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.
3. *Кириленко А.* Михаил Ковальчук, любимый физик Владимира Путина: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24516371.html> (дата обращения: 2.01.2019).
4. *Кириленко А.* Физики против Ковальчука: первая жертва? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24585445.html> (дата обращения: 3.01.2019).
5. Китайский босс заставил своих подчиненных ползти по улице на коленях: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/36022112/?frommail=1> (дата обращения: 18.01.2019).
6. *Ковальчук М.В.* Курчатовский институт готовит новый вызов цивилизации: [Электронный ресурс]. URL: <http://agnc.ru/publication/10715> (дата обращения: 1.01.2019).
7. *Ковальчук М.В.* Российская меганаука в Европе // Редкие земли. 2018. № 1 (9).
8. *Корвалан Л.А.* Боль и надежда: фрагмент из книги // Все — даже свою жизнь! Сборник документальных и художественных материалов о героях разных стран — борцах за свободу и независимость родины против фашизма, неофашизма, империалистического диктата и неокolonialизма. М.: Дет. лит., 1987. 267 с.
9. *Людмирский Д.* Природоподобная техносфера: развитие и ответ на глобальные вызовы: [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/794265/dmitrii-liudmirskii/prirodopodobnaia-tehnosferarazvitie-i-otvet-na-globalnye-vyzovy> (дата обращения: 4.01.2019).
10. *Немалевич С.* Большой ученый: [Электронный ресурс]. URL: <https://takiedela.ru/2016/02/kovalchuk/> (дата обращения: 3.01.2019).
11. *Нешевец М.* Монсон и Сигал любят Россию бесплатно // Метро. 28 нояб. 2018 г.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.metronews.ru/novosti/russia/reviews/monson-i-sigal-lyubyat-rossiyu-besplatno-1484030/> (дата обращения: 20.01.2019).
12. Пайнгала упанишада IV, 19—20 // Упанишады: В 3 кн. Кн. 2.
13. *Романова Г.В.* Робот или ты: шесть вопросов о карьере: [Электронный ресурс]. URL: <https://mbamfua.timepad.ru/event/875692/> (дата обращения: 25.12.2018).
14. *Смолин О.Н.* СССР — призрак коммунизма или мировая ностальгия? [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/smolinomsk> (дата обращения: 16.01.2019).
15. *Тейл С.* Горе от ума // В мире науки/Scientific American. 2015. № 12.

16. Уайльд О. Рыбак и его Душа // Уайльд О. Сказки и рассказы. М.: Худож. лит., 1993. 302 с.

17. Фейгельман М.В., Циблина Г.А. Трофим Денисыч — версия 2.0: [Электронный ресурс]. URL: https://gazeta.ru/comments/2007/07/23_a_1943235.shtml?updated (дата обращения: 4.01.2019).

18. Церковь и современный кризис. Воззвание к народу Священного Синода Элладской Православной Церкви: [Электронный ресурс]. URL: http://pravoslavie.ru/43762.html#_ftn1 (дата обращения: 2.01.2019).

19. Big data, машинное обучение и умный массовый маркетинг. Digital-прогнозы на 2019 год: [Электронный ресурс]. URL: https://marketingone.ru/knowledge/marketing/764.htm?utm_campaign=day-dzhest_11_01&utm_medium=email&utm_source=Sendsay (дата обращения: 11.01.2019).

Е.А. ПОЧИНКОВА

Новые технологии как фактор развития экономики и производственных отношений

Аннотация. В статье рассматриваются реальные возможности выхода российской экономики из кризисного состояния путем внедрения передовых технологий. Анализируются существующие производственные отношения во взаимосвязи с технологическими и экономическими преобразованиями.

Ключевые слова: новые технологии, экономический рост, производственные отношения.

Abstract. Real possibilities of exit Russian economic from crisis by entering modern technologies are looking in article. Existing production relations are analyzing in connection with technological and economical transformations.

Keywords: new technologies, economic growth, production relations.

Нынешнее состояние российской экономики большинство исследователей характеризует как кризисное. Проявляется это в более чем скромных темпах экономического роста, падении реальных доходов населения, низких показателях инвестиционной активности. В дискуссии о способах преодоления сложившейся ситуации много говорится об инновациях, смене технологического уклада, развитии цифровой эконо-

мики. На уровне власти разработаны программы технологического развития, перехода к цифровой экономике. Отдельные авторы уверены, что переход к новым технологиям неизбежен и естествен. Другие полагают, что в нашей стране этот процесс должен стимулироваться государством, а иначе ничего не произойдет. Но все уверены, что технологический рынок приведет к экономическому росту, а значит, росту благосостояния общества. Поскольку все предыдущие рецепты выхода из кризиса больше не действуют, у многих осталась последняя надежда на новые технологии.

Во второй половине XX в. активно развиваются концепции научно-технического прогресса. Особенность этих концепций в том, что экономическая и социальная эволюция общества рассматривается через призму развития техники и технологий. В 1947—1950 гг. в развитых странах происходит конверсия массового военного производства в конвейерное производство гражданских товаров. В сочетании с развитием системы потребительского кредитования это привело к росту потребления и уровня жизни, породило спрос на квалифицированную рабочую силу, повысило роль образования в обществе и, в конечном итоге, привело к росту благосостояния граждан. Произошедшие изменения были осмыслены в ряде исследований.

Термины «глобальная промышленная революция», «вторая промышленная революция», «новое общество», «индустриальное общество» получили признание после книги П. Друкера «Новое общество: Анатомия индустриального строя» (1949). Автором было сформулировано новое понимание технологии как культуры совместного труда больших коллективов образованных работников, где человек не просто дополняет машину, а становится ключевым звеном развития. В результате происходит рост производства, потребления, образования общества. Для этого помимо технического развития производства П. Друкер предложил систему научно обоснованной организации и управления производством.

Дж.К. Гэлбрейт предложил теорию «корпоративной экономики». В ряде работ («Новая конкуренция и экономическая политика» (1938), «Американский капитализм» (1952), «Общество изобилия» (1958), «Новое индустриальное государство» (1964)) было дано описание нового общества, развитие которого определяется технологическим развитием. Центрами технического развития являются корпорации, что приводит к их доминированию в жизни общества. При этом Дж.К. Гэлбрейт обращает внимание на проблемы, возникающие в таком обществе. Уже тогда становится очевидным, что рост потребления материальных благ идет в ущерб интеллектуального и духовного развития.

В 1960 г. У. Ростоу предложил теорию стадий экономического роста. С этого момента в экономической науке укрепилось представление, что повышение доли сбережений и инвестиций вместе с активной ролью

государства стимулирует экономический рост. Оптимизм в отношении НТП сменился пессимизмом после публикации доклада Римского клуба «Пределы роста» (1972). Основные выводы доклада состояли в том, что при существующих темпах развития в обозримом будущем ресурсы будут полностью исчерпаны, а человечество обречено на гибель. Позже сделанные выводы были пересмотрены, но настороженность в отношении технологий была уже посеяна в сознании общества.

Компьютерная революция породила новую волну исследований и концепций (Дж.К. Гэлбрейт, П. Друкер, А. Тоффлер, Д. Белл). Появляются термины «постиндустриальное общество», «информационное общество», «инновационная экономика». Основным ресурсом экономики становится информация, она же становится продуктом деятельности новых отраслей. Это экономика, где знание и интеллект, а не капитал, становятся главными источниками развития и успеха.

Сегодня много говорится о «четвертой промышленной революции», «цифровой экономике», новой роли знаний, искусственном интеллекте, роботизации и цифровизации экономики и общества. При этом признают, что цифровые технологии не привели к заметному росту производительности труда, экономическому росту и революционному изменению производства. Надежды на технологический прогресс сопровождаются опасениями в отношении будущего самого человека, который может стать жертвой технологий.

На наш взгляд, следует различать инновации, реализованные в потребительских товарах, и технологии, реализованные в средствах производства. Появление новых потребительских благ или усовершенствование имеющихся приводит к повышению комфорта (при одновременных негативных побочных явлениях). Для производителей инновации в потребительские блага означают возможность роста продаж. Совершенствование средств производства более сложный процесс, поскольку предполагает снижение затрат в будущем при необходимости дополнительных издержек в настоящем. Кроме того возникает проблема финансирования инноваций в условиях риска и неопределенности. В российской экономике именно эта проблема наиболее актуальная. Согласно опросу представителей бизнеса, они не видят для себя острой необходимости внедрения инноваций и не имеют для этого финансовых возможностей. По их мнению, вопросами инноваций должны заниматься органы исполнительной власти государства.

Важный момент — отрасли внедрения технических и технологических инноваций. В экономике есть базовые отрасли, определяющие ее состояние. Сегодня в России таковыми являются энергетика, ВПК, машиностроение, АПК. На наш взгляд, стабильное функционирование базовых отраслей является смыслом и критерием инноваций на макроуровне. Сейчас много говорится о развитии в России цифровой

экономики, но не обращается внимания на отсутствие собственной микрокомпонентной базы, неразвитость отечественного приборостроения, без которых цифровизация бессмысленна и даже опасна.

Идеологи НТП предполагали, что прогресс техники приведет к тому, что труд будет все более интеллектуальным и творческим. Но сегодня наблюдается обратный процесс. Автоматизация и стандартизация потребовали формализации трудовых и производственных процессов. Компьютеризация требует их алгоритмизации. Сформировавшаяся система управления не предполагает инициативы со стороны исполнителей. В результате на рынке доминирует спрос на простой труд, не требующий высокого образовательного или интеллектуального уровня. И речь не только о низкоквалифицированном труде. При наличии требования о высшем образовании сами выполняемые функции на предприятии подобных знаний не предполагают. Развитие искусственного интеллекта только усилит эту тенденцию.

В экономической теории существует постулат о соответствии производственных отношений уровню развития производительных сил. Предполагается, что совершенствование производительных сил меняет характер производственных отношений в лучшую сторону. Предполагалось, что отношения становятся более гуманными, основанными на взаимном уважении. Сегодня можно констатировать, что характер производственных отношений в России как на уровне предприятий, так и в обществе в целом, ухудшился. Между рядовыми работниками создана нездоровая конкуренция за рабочие места. В системе управления используется директивный метод, дополненный системой наказаний и увольнений. Причем эта система управления распространяется не только на уровень корпоративного управления, но и на все уровни власти в стране. В настоящее время доминирующую роль в системе властной вертикали занимают чиновники. Бизнес не представлен во власти, он находится в подчинении у исполнительной власти. При определенных условиях отдельные предприниматели могут получать привилегии от власти, но в любой момент могут быть их лишены. Предприниматели могут лишиться бизнеса не по экономическим причинам, а в результате действий чиновников. Подобная ситуация никак не способствует предпринимательской инициативе, внедрению инноваций и предпринимательскому риску.

Усиление вертикали власти имело целью уменьшение власти капитала. Но в результате сегодня в экономике властные полномочия принадлежат чиновникам, а экономические ресурсы — у предпринимателей и собственников бизнеса. Чиновники контролируют и регулируют бизнес, но не могут заставить его развиваться. При такой системе отношений никакие технологические рывки и ускорения невозможны. Для развития нужны ресурсы и заинтересованность, но у чиновников нет ни того, ни

другого, а бизнес старается сохранить достигнутое. Кроме того явно прослеживается тенденция национализации крупного успешного бизнеса в рамках госкомпаний. Сегодня многие госкомпании успешны по рыночным критериям, обеспечивают стабильную занятость и производство благ. В таких условиях именно госкомпании могут быть локомотивами технологического развития в силу наличия необходимых ресурсов и предсказуемости своего положения на внутреннем рынке.

Современные производственные отношения характеризуются враждебностью: работников по отношению к управленцам, собственникам и власти; предпринимателей по отношению к власти, наемным работникам. Проблема эта не связана с технологиями, цифровизацией и интернетом. Она в самой системе властных отношений, которые взаимосвязаны с системой распределения экономических ресурсов. Эта система не связана теперь ни с собственностью, ни с общественными заслугами, ни с интеллектуальным и нравственным уровнем личности. Такая система власти порождает напряженность в обществе.

По нашему мнению, проблемы современной экономики России, как и ряда других экономик, в том, что рыночные отношения, которые горизонтальны по своей сути, сочетаются с властными отношениями, которые иерархичны. А властные отношения определяют не только механизм управления, но и распределения ресурсов. Государственное управление является теперь услугой, которая вменяется обществу и стоимость которой не определяется рынком. Рыночные принципы конкуренции равных больше не работают в сложных экономических системах. Отсюда и возникновение нерыночных механизмов, которые вступают в конфликт с рыночными. Сложные экономические системы требуют в своей работе координации и планирования, а не стихии рыночной неопределенности.

Таким образом, технологические инновации сами по себе ничего не меняют в российской экономике. Экономический рывок по воле чиновников произойти не может. Для экономических изменений потребуется изменение системы властных отношений, причем на всех уровнях. Технологии не влияют на общественные отношения. Внедрение технологий, присвоение результатов использования технологий, властные отношения влияют на общественные отношения.

Развитие цифровых технологий не означает революционного изменения экономики. Это новый способ хранения и передачи информации. Как любая новая технология, цифровые технологии способствуют появлению новых компаний и новых видов деятельности. Но при этом происходит сокращение сферы, обслуживавшей предыдущую технологию.

Так цифровые технологии в нашей стране с ее обширной территорией позволяют расширить доступ к знаниям. Развитие цифровых техно-

логий позволит изменить сложившуюся малоэффективную систему образования, поскольку позволяют выстроить индивидуальную траекторию обучения и получить доступ к носителям знаний.

Основные технологические инновации в РФ будут осуществляться госкомпаниями либо при условии государственных гарантий. Инновации, предполагающие средние капиталовложения, могут быть осуществлены частным бизнесом. Научно-технический прогресс является нелинейным. Его стимулирование или сдерживание — это заведомо провальная затея.

Надежды ученых на то, что НТП приведет к созданию более совершенного общества, пока не оправдались. Как и уверенность в том, что ускорение НТП поможет экономике выйти на траекторию устойчивого экономического роста. Техника и технологии — это лишь один из компонентов экономического успеха, который действует только в сочетании с другими факторами.

И.Ю. ФОМИЧЕВ

Неоиндустриальное освоение арктических территорий: этносоциологический аспект

Аннотация. В представленной статье анализируются проблемы, связанные с этносоциальными процессами, развивающимися в ходе неоиндустриального освоения арктических и субарктических территорий севера Тюменской области. Показано, что эти процессы носят противоречивый характер. С одной стороны, фиксируются тенденции роста социально-бытовых потребностей аборигенного населения в результате модернизации (в той или иной степени) повседневной жизни. С другой стороны, отмечается неизбежное в данных обстоятельствах разрушение традиционных стандартов воспроизводства жизни коренных малочисленных народов Севера, связанные с этим изменения в быту и менталитете аборигенных народов. В социально-философской интерпретации эти процессы рассматриваются как неорганичное взаимодействие противоречивых культурных парадигм, в результате которого происходит неизбежная трансформация одной этнокультурной идентичности под приоритеты другой, более мощной и агрессивной.

Ключевые слова: этносоциологическая ситуация, неоиндустриальное освоение Арктики и Субарктики, коренные малочисленные народы Севера, традиционный образ жизни местных жителей, прошлое

население, этнографическое содержание патриархальной жизни, неорганическое взаимодействие, культурная парадигма.

Abstract. The article analyzes the problems associated with ethno-social processes developing in the course of neo-industrial development of the Arctic and sub-Arctic territories of the North of the Tyumen region. It is shown that these processes are contradictory. On the one hand, there are trends in the growth of social and household needs of the aboriginal population as a result of modernization (to some extent) of everyday life. On the other hand, there is an inevitable destruction of the traditional standards of reproduction of the indigenous peoples of the North in these circumstances, and related changes in the way of life and mentality of indigenous peoples. In the socio-philosophical interpretation, these processes are considered as an inorganic interaction of contradictory cultural paradigms, as a result of which there is an inevitable transformation of one ethno-cultural identity under the priorities of another, more powerful and aggressive.

Keywords: ethnosociological situation, neoindustrial development of the Arctic and Subarctic, indigenous peoples of the North, traditional way of life of local people, alien population, ethnographic content of patriarchal life, inorganic interaction, cultural paradigm.

Новое освоение арктических провинций Севера Тюменской области демонстрирует в ходе своего развития характерные черты процессов такого типа. Прежде всего, имеется значительных размеров территория, обладающая существенными природными ресурсами, в которых нуждается метрополия, есть немногочисленное местное население (именующиеся коренными малочисленными народами), которое этими ресурсами не пользуется и которое невозможно массово привлечь к их разработке и утилизации в силу определенных особенностей этих людей. Другим фактором, характерным для районов нового освоения, является девственная природа этих территорий, являющаяся традиционной естественной средой обитания аборигенных народов, источником жизненно необходимых для них ресурсов, многовековым ареалом их национального бытия, тем, что обычно называется «малой родиной» и что по праву принадлежит им. Третья, характерная для процессов нового освоения черта, предстает в виде идеи скорейшей хозяйственной разработки ресурсов этого региона с целью получения новых природных богатств для производства и экспортных программ, новых прибылей для бизнесменов, создания новых предприятий, новых рабочих мест и т. п. В этих условиях фундаментальной интенцией в научном дискурсе оказывается осмысление пределов и последствий новой индустриальной интервенции, может быть, даже определение нравственного смысла происходящих процессов и «красных линий» в его развертывании.

В связи с этим обратим внимание на исследования неоиндустриального освоения арктических территорий Тюменского региона, которые развиваются в рамках системного подхода к изучению социальных аспектов этого многофакторного процесса. Основное внимание исследователей обращено на социальный потенциал арктического освоения, человеческий фактор в освоении ресурсов Арктики и Субарктики в его разнообразных проявлениях [5]. Исследуются этносоциологические проблемы, образовательные проекты, нравственные и другие аспекты жизни людей в Арктике [1; 3; 6], поступательно развивается и оттачивается теоретико-методологический базис, проводятся конкретно-социологические исследования. Можно утверждать, что в настоящее время уверенно складывается своеобразная региональная социологическая школа, призванная сформировать теоретико-методологическую базу научного обеспечения управления социальными процессами нового арктического освоения.

Одним из важных элементов в системных исследованиях неоиндустриального освоения Арктики является этнокультурная ситуация жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, социальные условия производства и воспроизводства жизни аборигенного населения в современных изменившихся обстоятельствах нового освоения. В истории человечества известны примеры освоения территорий других народов, когда в результате таких процессов коренное население осваиваемых земель частично или полностью истреблялось. Так происходило в Африке, Северной, Центральной и Южной Америке. В Российской империи одобрялись и практиковались совсем другие принципы освоения новых земель, где коренное население не уничтожалось более развитыми в промышленном и военном отношении первопроходцами, а приобщалось к инновационной культуре. Заметим в связи с этим, что популярный ныне термин «инновация» был заимствован основоположниками этой концепции из антропологии, где первоначально означал «вторжение в другую культуру», и поэтому вполне корректно может употребляться в этнокультурном контексте.

В условиях нового освоения важнейшими факторами социального и биологического здоровья коренных малочисленных народов Севера являются сохранение и поддержание традиционной естественной среды обитания как источника жизненно необходимых ресурсов. Фундаментальными характеристиками арктической природы являются ее хрупкость и высокая уязвимость к внешнему воздействию. Как свидетельствуют специальные исследования, особенность освоения ряда территорий заключается в том, что если экосистемы Юга и Центральной полосы России за сотни лет своей ресурсопоставляющей эволюции могут частично «приспосабливаться» к антропогенной нагрузке, то другие экосистемы гибнут на глазах. Так, например, экосистемы, прилегающие

к г. Хабаровску исчезли за 70—80 лет, а к г. Комсомольску-на-Амуре — 30—40 лет [2]. Для любого исследователя очевидным является тот факт, что контакт с Арктикой — это контакт с неопределенностью, когда просчитать все варианты природно-экологических последствий нового освоения даже при современном прогностическом аппарате не представляется возможным. Как утверждают экологи, арктические климатические процессы имеют глобальное значение и оказывают значительное влияние на всю биосферу планеты и дальнейшее изменение планетарного климата. Такие обстоятельства предполагают консолидированную (согласованную) хозяйственную деятельность в арктическом регионе с обязательным учетом экологических особенностей и интересов проживающего здесь аборигенного населения.

Как фиксируют социологи, в процессе своей преобразовательной деятельности в арктических регионах Тюменской области государственные и корпоративные производственные организации в целом соблюдают принятые в нашей стране законы по ведению хозяйства в Арктических и Субарктических регионах. В результате наблюдается определенное повышение общего жизненного уровня коренных жителей этих территорий, растут социально-бытовые потребности аборигенного населения, которые уже не могут быть удовлетворены традиционными для коренных жителей способами производства и воспроизводства жизни — оленеводством, охотой и рыболовством и др. Поэтому осваивающие регион промышленные организации налаживают снабжение коренных малочисленных народов Севера различными потребительскими товарами, специальной техникой и горючим для охоты и рыболовства, в определенной степени улучшают жилищные и бытовые условия, выплачивают в соответствии с законом компенсации, а государство предоставляет льготы и дотации для традиционных северных промыслов, выплачиваются социальные пособия.

В то же время необходимо отметить противоречивый характер современного взаимодействия автохтонов и пришлого населения, когда неоиндустриальное освоение Арктики и Субарктики привносит в жизнь аборигенов негативные факторы, превращается в неоиндустриальную интервенцию и актуализирует проблему естественных прав коренных малочисленных народов Севера (в первую очередь — прав на землю и традиционное бытие) как нечто насущное, но пока что неопредмеченное и экзистенциальное. Традиционное ведение национального хозяйства малых народов по своей сути не индустриальное и малоэффективно в конкурентной экономике. Более того, различные производственные практики на исконных территориях коренных северных народов разрушающе воздействуют на личную окружающую среду, меняют привычные экологи-

гические стандарты рыболовецких территорий и нерестилищ (как пример — углубление дна для крупнотоннажного судоходства в Обской губе в местах нереста сибирского осетра), нарушают веками настроенную жизнь разнообразных охотничьих угодий, накладываются на приспособленные и соответственно «оборудованные» оленеводческие пастбища и «нахоженные» маршруты кочевания коренных жителей, затрудняя воспроизводство традиционного образа жизни местного населения. Космический универсум, в который самотрансцендируется абориген, воспроизводится для него через растворяющиеся в северном пространстве образы «неба», «тундры», «тайги», «реки», ценности патриархальной космологической морали. Онтология новопереселенческого этноса так или иначе репрезентируется как «недра» и «ресурсы».

Поэтому в дискурсе коренных жителей вполне закономерно и естественно формируется и укрепляется дихотомическое отделение «своих», ведущих традиционный полупатриархальный образ жизни, воспроизводящих «культуру предков» и национальные обычаи, и «чужих», апологетов неоиндустриального освоения, ведущих модернистский образ жизни и определяющими ценностями своего бытия границы антропологического существования коренного северного жителя, за которыми он социально трансформируется в маргинального представителя социума, ориентированного не на символы языческой веры и космологической культуры, а на привнесенные ценности оккупирующей цивилизации. Определенное этнографическое содержание патриархальной жизни, — истонные источники национального коллективного бессознательного — предметы быта и соответствующие артефакты, традиционная рыболовная и охотничья техника, орудия труда, традиции и обычаи, фольклор и т. п. — сохраняются в немногочисленных этнографических заповедниках и музеях.

Можно констатировать, что, к сожалению, такова привычная, повторяющаяся практика освоения новых территорий, в которой, как правило, можно выделить, во-первых, постепенное и очевидное отдаление большинства местного населения от веками присущей ему традиционной культуры, затруднения в передаче культурных ценностей новому поколению. Например, согласно социологическим исследованиям, молодое поколение малых народов Тюменского Севера в меньшей степени приобщено к ценностям национальной культуры, чем их родители [6]. Во-вторых, местное население испытывает значительные трудности в адаптации к вновь возникшей в регионе ситуации в силу ряда объективных причин, среди которых можно назвать недостаточный (как правило) образовательный уровень, отсутствие актуальной профессиональной квалификации и даже особенности национального менталитета. То есть представители коренного населения, в большинстве своем, оказываются

невостребованы в качестве полноценных субъектов наступающей промышленной цивилизации. В социально-философской интерпретации неоиндустриальное освоение Арктики являет собой неорганичное взаимодействие противоречивых культурных парадигм, в результате которого происходит неизбежная трансформация одной этнокультурной идентичности под приоритеты другой, более мощной и агрессивной.

Социология в своем развитом состоянии не ограничивается эмпирической фиксацией фактов и их теоретической интерпретацией, обретая свое прикладное значение в социальных проектах, например, в сфере управления социальными процессами в том или ином регионе. В настоящее время это особенно актуально для межкультурных взаимодействий, что показывает соответствующая социальная практика, например, в Китае, Европе, Северной и Южной Америке. Так, например, в Китае процессы нового освоения отслеживаются на государственном уровне, создана Руководящая группа по делам освоения западных районов при Госсовете КНР. В Колумбии претворяется в жизнь так называемая программа «шаманских школ и этнообразования», направленная на сохранение национальной культуры местных индейцев [7]. На фоне кризиса политики мультикультурализма в Совете Европы выработан специальный межправительственный документ под названием «Стратегия социальной сплоченности», где последняя понимается как способность общества обеспечить благополучие своих членов, в частности, за счет минимизации диспропорций между ними. Даже если принять во внимание неизбежную сюрреалистичность практических программ и декларативность подобных документов, необходимо видеть в этом признание проблемы, где абориген предстает духовной субстанцией с уникальной идентичностью, имеющей право на равное существование с другими идентичностями, и попытку решения этой проблемы.

В связи с этим можно уверенно утверждать необходимость разработки соответствующего проекта этносоциологического мониторинга неоиндустриального освоения Арктики, целью которого должно быть сохранение «равенства различий» субъектов технократической экспансии и коренных малочисленных народов Севера. То, что происходит в настоящее время в рамках межкультурного диалога этих субъектов, нуждается в некоей трансцендентной инстанции, легитимирующей этносоциальный консенсус, обеспечивающий должную степень гармонии и согласия многообразных национальных культур. Это обуславливает теоретическую и практическую значимость дальнейших социологических исследований в области гармонизации этносоциальных практик в освоении территорий Арктики и Субарктики.

Литература

1. Человек в Арктике: инновационные технологии решения социальных проблем / Отв. ред. А.Н. Силин. Тюмень: ТИУ, 2017. 157 с.
2. Вануйто Г.И. Кочевая школа: инновационные проекты. Салехард: ГАОУ ДПО ЯНАО «Риро», 2015. 83 с.
3. Мирзеханова З.Г. Особенности региональной экологической политики в стратегии перспективного развития Хабаровского края // Тихоокеанская геология. 2010. Т. 29. № 2.
4. Человеческий потенциал освоения нефтегазовых ресурсов Арктики и Субарктики / Отв. ред. А.Н. Силин. Тюмень: ТИУ, 2016. 149 с.
5. Этносоциологический мониторинг неоиндустриального освоения Арктики / Отв. ред. А.Н. Силин. Тюмень: ТИУ, 2018. 148 с.
6. Фомичев И.Ю. Этика Севера в парадигме социальной ответственности / И.Ю. Фомичев // Человеческий потенциал освоения нефтегазовых ресурсов Арктики и Субарктики. Тюмень: ТИУ, 2016. С. 132—137.
7. Jackson J. Preserving Indian culture: Shaman schools and ethno-education in the Vaupes, Colombia // Cultural anthropology. Wash., 1995. Vol. 10. No. 3. P. 302—321.

В.И. СМАГИНА

Соответствие российской системы образования требованиям цифровой экономики

Аннотация. Совершенствование системы образования обеспечивает цифровую экономику компетентными кадрами, способствует безболезненной трансформации рынка труда, формирует систему мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой экономики России.

Такое значительное влияние, которое оказывает система образования в качестве инвестиции в человеческий капитал, приводит к необходимости рассмотрения данного элемента в окружающей культурной среде как ключевого фактора как национального, так и международного бизнеса. Сравнительные с зарубежными рынками данные могут помочь в понимании, например, уровня доступности образования и его влияния на непрерывное обучение и установление рыночных связей.

Ключевые слова: цифровая экономика, уровень доступности образования, непрерывное образование.

Abstract. Improving the education system provides the digital economy with competent personnel, contributes to a painless transformation of the labor market, forms a system of motivation for the development of the necessary competencies and the participation of personnel in the development of the digital economy of Russia.

Such a significant influence that the education system has as an investment in human capital leads to the need to consider this element in the surrounding cultural environment as a key factor in both national and international business. Comparative data with foreign markets can help in understanding, for example, the level of accessibility of education and its impact on lifelong learning and the establishment of market relations.

Keywords: digital economy, access to education, continuing education.

Неграмотный будущего — это не тот, кто не умеет читать. Им станет тот, кто не умеет учиться.

Э. Тоффлер

В 2017 г. российское правительство утвердило систему реализации программы цифровой экономики, в основе которой лежит создание цифровой среды. Согласно распоряжению «цифровизация» экономики является основой для повышения конкурентоспособности России и ее национальной безопасности [2].

В своем развитии общество формировалось поэтапно: 1 этап — аграрный с преобладанием сельского хозяйства и ручного труда; 2 этап — индустриальный с доминированием промышленности; 3 этап — постиндустриальный, который характеризуется доминированием сферы услуг и появлением информационных технологий.

Однако дальнейшее развитие постиндустриального общества привело к доминированию сферы услуг над производством, где IT-сфера стала определяющей. Развитие интернета и снижение стоимости доступа в глобальную сеть стали настоящей цифровой революцией, которая изменила нашу жизнь, и экономику [7]. (Сам термин «цифровая экономика» (digital economy) впервые был использован Николасом Негропonte (Массачусетский университет) в 1995 г. для разъяснения коллегам преимуществ новой экономики.)

Вместе с тем необходимо уже сегодня дать четкое определение процессу создания цифровой экономики, чтобы понимать будущее. Образовательные программы не соответствуют пока требованиям цифровой

экономики. Основы нового направления должны формироваться еще в школе.

В интернет-сети предлагаются образовательные курсы, которые может пройти любой школьник, многие из них предоставляются в открытом доступе ведущими вузами мира. Но, согласно исследованию поисковой системы «Яндекс», 38% населения России элементарно не имеют доступа в интернет, не говоря уже о скоростном интернете. В связи с этим необходимо найти решение вопроса доступа всех групп населения к обучающимся программам, что станет инструментом расширения их возможностей.

Вместе с тем если мы обратимся к крупному обзору сферы образования, подготовленному Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Education at a Glance 2017», то Россия окажется на 2-ом месте после Канады (рис. 1).

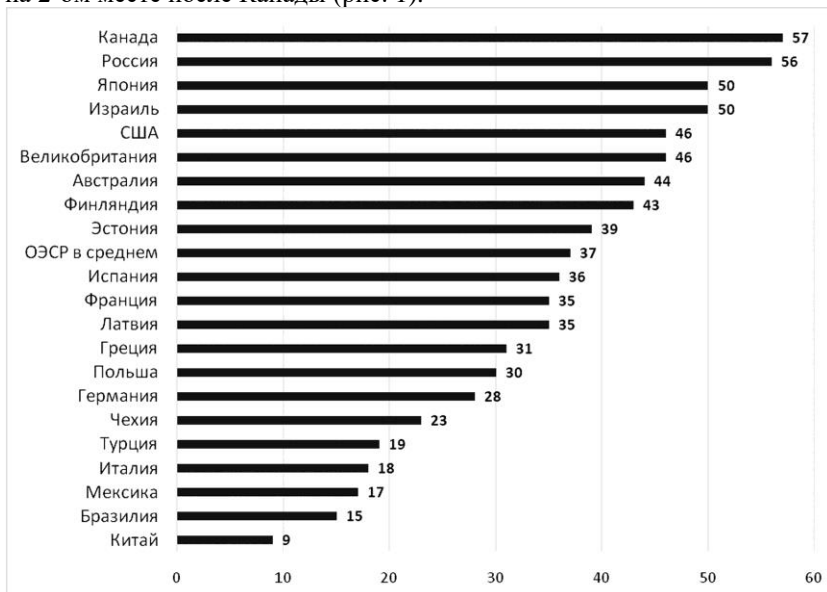

Рис. 1. Высшее образование населения в возрасте 25—64 года, в %, 2016 г. [5]

Но, стоит уточнить, что, во-первых, речь идет о доле не в общей численности населения страны, а лишь о возрастных группах в интервале 25—64 года. Во-вторых, статистика ОЭСР не является первоисточником и их оценки по России основаны на данных Росстата. В-третьих, в силу различия формулировок, здесь объединены как люди с высшим образо-

ванием, так и выпускники техникумов и колледжей. Так, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в стране насчитывалось 83,384 млн человек в возрасте от 25 лет до 64 (общая численность 144,5 млн человек). Из них о наличии высшего образования заявили 27,5 млн, или 33,4%, но это никак не «более половины» от всех, как нередко воспринимают оценку ОЭСР. Общий количественный показатель выпускников высшего образования и среднего профессионального образования делает Россию одним из лидеров в рейтинге стран ОЭСР (рис. 2).

Рис. 2. Уровень образования населения по категориям, % [4]

Миф о всеобщем высшем образовании в России настолько утвердился в массовом сознании, что его мало кто ставит под сомнение. Таким образом, в реальности Россия оказывается на одном уровне с Чехией и с показателем высшего образования ниже среднего по ОЭСР.

При этом сама доступность в России высшего образования для молодых людей в возрасте 17—25 лет весьма различается по регионам, отмечают авторы другого исследования НИУ «Высшая школа экономики». Имеются в виду три параметра: общее наличие мест в вузах региона для желающих учиться, финансовая доступность и территориальная доступность высшего образования в регионе. Средний по регионам России общий показатель такой доступности составляет 33%, при этом почти в половине регионов — ниже 28%.

Еще одна характеристика, которую сложно переоценить в условиях цифровой экономики — это непрерывность образования. Мировое сообщество это давно признало и придает большое значение обучению на протяжении всей жизни. Обучение в течение всей жизни является

ключевым компонентом Лиссабонской повестки дня и дорожной карты, которая была выработана на саммите европейских лидеров еще в марте 2000 г. Причина тому — старение населения, растущая миграция, потребность в квалифицированных рабочих. И здесь Россия явно отстает от европейских стран (рис. 3).

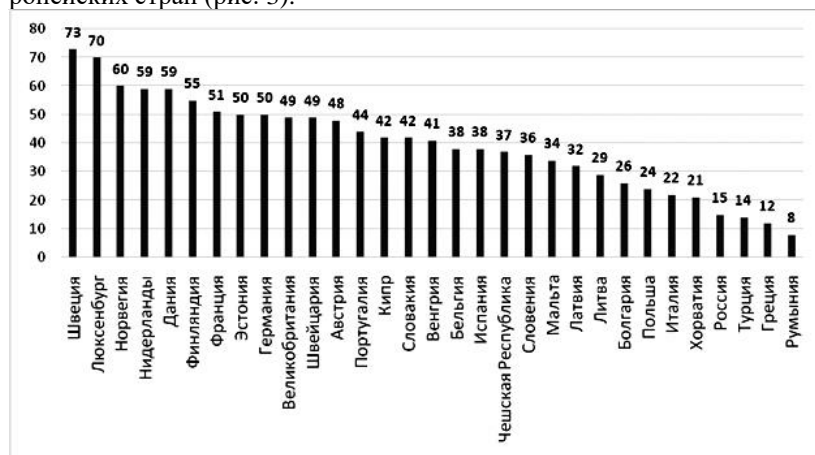

Рис. 3. Непрерывное образование: формальное и/или дополнительное (в % от численности респондентов в возрасте 25—64 лет) [1]

Мы видим на рис. 3, что место России в непрерывном образовательном процессе далеко от лидеров, и представления о всеобщем высшем образовании в России сильно преувеличены, а следовательно, искусственно сокращать число мест в университетах преждевременно, так как специалисты с высшим образованием на рынке труда вполне востребованы. Кроме того, высшее образование приносит положительные моменты: люди с высшим образованием — это более высокий уровень культуры, знание традиций (т. е. имеют утвержденные координаты ценностей), более работоспособны.

Литература

1. Индикаторы образования 2017: сб. / Статистические сборники НИУ ВШЭ: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ю2017> (дата обращения: 01.04.2019).
2. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 01.04.2019).

3. Современные проблемы экономики труда и пути их решения: коллект. монография / Под науч. ред. И.А. Епишкина, В.Н. Никитина, С.А. Шапиро. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 490 с.
4. Федеральная служба государственной статистики: [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/ (дата обращения: 01.04.2019).
5. Education at a Glance 2017 / OECD: [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2017_eag-2017-en (дата обращения: 01.04.2019).
6. Memorandum on lifelong learning / Commission of the European Communities: [Электронный ресурс]. URL: http://pjp-eu.coe.int/documents/1017981/1668227/COM_Sec_2000_1832.pdf/f79d0e69-b8d3-48a7-9d16-1a065bfe48e5 (дата обращения: 01.04.2019).
7. *Smagin I., Smagina V., Strekalov N.* Indicative planning in the Russian economy: a crisis-prevention instrument // *Advances in Economics, Business and Management Research (AEBMR)*. 2018. Vol. 39. Competitive, Sustainable and Secure Development of the Regional Economy: Response to Global Challenges. P. 261—264.

РЕЗОЛЮЦИЯ

международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия»

Москва, МГУ, 5—7 декабря 2018 г.

Заслушав и обсудив доклады и выступления участников и проведя оживленную междисциплинарную дискуссию, конференция выдвигает для заинтересованного восприятия и непредвзятого осмысления следующие концептуальные положения.

1. Большая экзистенциальная, она же и геостратегическая, игра на мировой, региональных и крупных национальных аренах не только и не столько удобная для размышления относительно реальности метафора, сколько совершенно *реальная реальность*, когда помимо реальных физических и метафизических игровых полей есть реальные субъекты-игроки, которые ведут вполне реальные игры, весьма и судьбоносные («не на жизнь, а на смерть»), по преимуществу и «без правил», еще и «в темную»), когда разыгрываются вполне реальные партии с их — этих партий — этапами-частями вроде шахматных дебютов, миттельшпилей и эндшпилей, когда достигаются и реальные игровые итоги в виде взаимных ничьих, чьих-то восторженных побед, не исключая и пирровых, и кого-то горьких поражений, иной раз и спасительно назидательных.

2. Россия в лице ее правительства, правящей элиты, государства и нации в целом — один из больших *субъектов-игроков*, способных не только участвовать в разных зёмных и даже космических играх, но и открывать и вести собственные игровые партии, включая и ныне Россией развернутую — что на внешней для России арене, что на внутренней, истоками своими восходящую к 1985 и 1991 гг., но вполне отчетливо выраженную для внешнего мира с момента мюнхенской 2007 г. речи главы российского государства, а для внутривосточного мира — со смены верховного лидерства в 2000 г. и стабилизации нового пореформенного строя — примерно с середины нулевых годов XXI в.

3. Там и там — во внешнем для России и в ее внутреннем мирах — большая экзистенциальная, она же и геостратегическая, игра; там и там — неоднозначный миттельшпиль, когда там и там дебюты уже состоялись, эндшпили еще впереди, налицо же там и там середина партии (партий), однако та самая середина — как раз миттельшпиль, где все в партии так или иначе сходится, где все главное в партии вершится, откуда все решающее и исходит: прошлое страны и мира, их настоящее,

возможное будущее, причем все это в единении, как и с неизбежными меж ними расхождениями. *Судьбоносная середина!*

4. Конференция признает своевременной и плодотворной постановку вопроса о ходе и развитии мировой и российской реальности как поля и результата активных целеположенных игровых действий больших, средних и малых геостратегических субъектов — разной силы центров политической, экономической, технологической и вообще экзистенциальной инициативы, что позволяет как дать мониторинговую оценку текущей мировой и российской ситуаций, так и наметить перспективы их ближайшего развития с учетом возникающих в реальности тенденций и меняющих реальность императивов.

5. Конференция поддерживает в целом курс Российской Федерации на достижение и защиту своего суверенитета во всех аспектах и областях актуального жизнеотправления, а также курс на переход планетарного международного общежития от моноцентрической (однополярной) системы глобалического свойства к полицентрической (многополярной) системе постглобалического характера.

6. Учитывая растущее напряжение и усиливающуюся конфронтационную потенцию в международной сфере, а также факт ведения Западом беспрецедентной по цинизму и раскованным манерам «гуманитарной войны» против России, конференция выступает, с одной стороны, за активную оборонно-наступательную позицию Российской Федерации вкупе с необходимыми для страны мобилизационными интенциями, а с другой — за настойчивое движение Российской Федерации и мирового сообщества к *большому планетарному компромиссу* на основе нового всемирного устройства с недопущением угрожающей бытию человечества на Земле глобальной войны «всех против всех».

7. Исходя из факта великих, вполне и тектонического характера, мироустроительных перемен и усиливающегося конфронтационного состояния планетарного мира, конференция выступает за всестороннее развитие в интересах России международной многофакторной кооперации на основе БРИКС, а также за приоритетное движение России в евразийском направлении — за *российский евразийский путь*, в целях формирования вместе с Китаем, Индией и другими странами Евразии *целостного воспроизводственного контура* — не регионального вове, а вполне по масштабу и значению *мирового*, обеспечивающего хозяйственную, экономическую, технологическую и иную *самодостаточность* решающей части неЗападного мира.

8. Констатируя факт экзистенциально-геостратегической войны, ведущейся Западом против России (нового «Дранг нах Остен»), конференция находит возможным говорить о наличии феноменов *фронта* и *тыла* во внешних и внутренних для России реалиях, делая при этом

акцент на феномене тыла — на внутренней российской ситуации, от которой все главное для России и ее будущего как раз и зависит. И ежели на «фронте» все более или менее сносно, хотя и весьма сложно, то в «тылу», мягко выражаясь, «не очень». Отсюда и все более заметный ситуационный диссонанс между «фронтом» и «тылом», чреватый немалыми для суверенного бытия страны осложнениями.

9. Поддерживая кое-какие из вроде бы благих по намерениям и некоторым результатам начинаний и действий российского государства по обеспечению внутреннего жизнеотправления страны, конференция при этом не может не констатировать нарастающего расхождения между государственно-элитным правлением и реальными ожиданиями российской нации; мало того, не может не констатировать наличия в стране вполне уже реального *кризиса социохозяйственного строя*, сложившегося по итогам проведенной в 1990-е гг. в России «Великой антисоветской реформы». Конференция находит, что данный кризис носит сущностно-системный характер и его невозможно преодолеть, во-первых, не меняя радикально возникшего в стране социохозяйственного уклада, переходя в связи с этим шаг за шагом от *порепорформенной системы произвольного административно-финансового деспотизма* (смеси «либерального экономизма», «глобалического модернизма» и «азиатского деспотизма») к *постреформенной системе гармонического солидаризма*; во-вторых, не реализуя *целостного системного перестроения* России, ее хозяйства, социума, всего жизнеустройства страны; в-третьих, пренебрегая имманентным и исторически оправданным идейно-духовным *концептом России* — социабельным, государственным, державным, служилым, мобилизационным; в-четвертых, недооценивая необходимую стране практику императивного *национального дирижизма* (управления из центра основными социохозяйственными параметрами и процессами, массовым и локальным субъектным поведением) в целях сбалансированного развития страны; не построив *единой российской нации*, не отягченной разрывным противоположением «успешной» владетельно-управленческой надстройки «неуспешному» народному базису (базис — он ведь и без надстройки базис, а вот надстройка без базиса... совсем и не надстройка, а так — ничто!); игнорируя, вполне и опрометчиво, судьбоносную роль такого сакрального феномена, как *российский народ*, — во все уже не «деревенский», не «темный» и не «безгласный», однако представляемый на практике более всего лишь в виде «населения», «массы» «электората», что крайне недальновидно и весьма исторически рискованно (народ российский, который, кстати, так и не дождался лично ему адресованной правдивой и конструктивной «мюнхенской речи» от своего национального лидера, хотя бы по итогам мартовских 2018 г. победоносных для лидера событий, следует глубоко уважать, высоко ценить и

к нему всерьез прислушиваться, не рассматривая его лишь как податную производительную силу и спросо-потребительскую «прорву», как и не стремясь уже который раз в истории его «модельно» переделывать).

10. Конференция выступает за пристальное конструктивное внимание государства, общества и научно-образовательных кругов к *гуманитарной сфере* — что в общемировом и общечеловеческом, что в национальном и собственно российском аспектах — с целью адекватного восприятия и трактования феноменов человека и человечества, культуры, цивилизации, государства, нации, истории, текущей современности, и все это в сопряжении с наукой и техникой, той же цифровизацией, в единении с Землей и Космосом, перед лицом наступающего неумолимо неоднозначного будущего, а также ради приемлемого для современности восприятия и понимания России, ее концепта, истории, телеологии и эсхатологии, ее положения и роли в мире, особенностей ее культуры и цивилизации, государственности, тенденций ее актуального бытия, геостратегических устремлений.

11. Констатируя необходимость отечественного развития *нейрокибертехнологий* («цифровизации») и трансформации экономики, производства, творчества, всего жизнеотправления в *новую историческую данность*, конференция предостерегает от рискованного увлечения «перспективными новшествами» (от выплеска безудержной авторитарной «цифромании») и выступает за экологическую относительно человека, социума, культуры, природы практическую реализацию императивов *нового технологического переворота* в целях избежания неуправляемой трансгрессии всего ныне живого сущего в *конечное* симулятивно-искусственное неживое несущее. «Цифровизация» — вовсе не панацея и не безвредность!

12. Кризис, о котором речь, — особенный кризис, который хоть и проявляется на виду как обычный социальный, экономический, трудотворческий, административный, управленческий, присвоительный, «обнищательный» и т. д. кризис, в основе своей есть кризис, пусть и не так еще явно выраженный во внешних проявлениях, культуро-цивилизационный, смысловой, концептуальный, можно сказать — *экзистенциальный, гуманитарный, вообще человеческий*, наконец — *метафизический*. Истинная Россия, подлежащая воскрешению, укреплению и развитию, подменяется, уже не первый раз в истории страны, некой *псевдоРоссией* — бессодержательной, унылой и беспросветной. Смысл и значение данного кризиса в обозначении бесперспективности для России возникшего в ней строя, отчего и необходимость не чего-нибудь, а *большого российского переустройства*.

13. Конференция подтверждает необходимость учреждения и развития в рамках и на основе передовой национальной мысли *всестороннего россиеведения* и убеждает в возможности выработки и реализации *актуальной идеологии для России*, сочетающей здоровый консерватизм с приемлемой новизной, историческое интеллектуальное наследие и новейшие гуманитарные открытия, учитывающей и выборочно вбирающей в себя общемировые культурно-цивилизационные тенденции, но не подверженной слепому идейно-поведенческому подражательству.

14. Конференция выражает тревожную озабоченность по поводу сложившейся за последнее время в Российской Федерации излишне технократически формализованной и изрядно менеджериально запутанной системы управления *научно-образовательной сферой*, творческой деятельностью ученых и преподавателей, оценкой их не подлежащего строгой кодификации неординарного труда, что не только не способствует эффективной реализации и содержательному развитию науки и образования, в особенности фундаментальных, но и наносит им труднопоправимый ущерб. Отечественные наука и образование, в особенности гуманитарные, заслуживают куда как более бережного к ним отношения, всесторонней поддержки со стороны государства и создания условий для достойного великой державы суверенного бытия национального интеллекта. Отсутствие собственного высокого уровня гуманитаризма приводит лишь к пленению отечественной мысли, науки и образования в тенетах внешнего, вовсе не всегда для России приемлемого, а иной раз им враждебного и отталкивающего идеологизма.

15. *Отечественный гуманитарный концептуализм* — залог не одной ментальной и культурно-цивилизационной безопасности Российской Федерации, но и возможность обретения и поддержания в эпоху великих и неоднозначных перемен, во времена жестких, доходящих до войн международных противостояний и противоборств, среди эсхатологических потрясений и катаклизмов, приемлемой для России и всего мира все-еще-человеческой экзистенции, не пренебрегающей возможностью величественного земно-космического будущего.

Наши авторы

Осипов Юрий Михайлович,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Научного совета «Центр общественных наук МГУ», заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Архипов Алексей Юрьевич,

вице-президент АФХ, д.э.н., профессор, экономический факультет, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Зотова Елена Серафимовна,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (г. Москва).

Алиев Урак Жолмурзаевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, вице-президент, Образовательная корпорация «Туран» (г. Нур-Султан, Казахстан).

Андреева Алина Владимировна,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС) (г. Ростов-на-Дону).

Андреева Лариса Юрьевна,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС) (г. Ростов-на-Дону).

Андреева Ольга Владимировна,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС) (г. Ростов-на-Дону).

Бугаян Илья Рубенович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Ростов-на-Дону).

Гарбузов Дмитрий Викторович,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Волжский филиал Волгоградского государственного университета (г. Волжский).

Горюнов Игорь Александрович,

действительный член АФХ, старший преподаватель, кафедра стратегического планирования, управления и прогнозирования, Московский финансово-юридического университет (г. Москва).

Гузев Михаил Михайлович,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.э.н., профессор, заместитель директора, Волжский филиал Волгоградского государственного университета (г. Волжский).

Ермишина Светлана Александровна,

действительный член АФХ, к.и.н., доцент, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Зайцева Елена Владимировна,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва).

Иванов Алексей Анатольевич,

старший преподаватель, кафедра медицинской и биологической физики, Ярославский государственный медицинский университет (г. Ярославль).

Иванов Николай Анатольевич,

к.т.н., начальник отдела, АО «Научно-исследовательский центр по изучению свойств поверхности и вакуума» (г. Москва).

Ионцев Владимир Алексеевич,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Иохин Виктор Яковлевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН (г. Москва).

Кашицын Виктор Валентинович,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор (г. Новороссийск).

Ковалев Сергей Георгиевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (г. Санкт-Петербург).

Кузнецов Алексей Владимирович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, старший научный сотрудник, кафедра мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва).

Кульков Виктор Михайлович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Недзвецкая Наталья Павловна,

действительный член АФХ, к.э.н., лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Петров Владимир Константинович,

действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (г. Москва).

Починкова Елена Анатольевна,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск).

Рамазанов Сергей Павлович,

действительный член АФХ, д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Волжский филиал Волгоградского государственного университета (г. Волжский).

Родина Галина Алексеевна,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономики и финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ (Ярославский филиал) (г. Ярославль).

Слепаков Сергей Семенович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономики, менеджмента и государственного управления, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал), Северо-Кавказский федеральный университет (г. Пятигорск).

Смагина Виктория Игоревна,

к.э.н., доцент, Институт экономики и финансов, Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва).

Субботин Александр Алексеевич,

член-корреспондент АФХ, аспирант, кафедра демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Толкачев Павел Сергеевич,

к.э.н., доцент, кафедра институциональной экономики, Государственный университет управления (г. Москва).

Фомичев Игорь Юрьевич,

действительный член АФХ, д.соц.н., профессор, Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень).

Чекмарев Василий Владимирович,

действительный член АФХ, член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор, Костромской государственной университет (г. Кострома).

Чекмарев Владимир Васильевич,

к.э.н., департамент здравоохранения, администрация Костромской области (г. Кострома).

Швец Александр Федорович,

аспирант, кафедра экономики и экономической безопасности, Костромской государственной университет (г. Кострома).

Шулевский Николай Борисович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Our Authors

Osipov Yuriy Mikhaylovich,

Doctor of Economics, Professor, Chief of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Arkipov Alexey Yurievich,

Doctor of Economics, Professor, Economics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don).

Zotova Elena Seraphimovna,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Aliev Urak Zholmurzaevich,

Doctor of Economics, Professor, Vice-president, Turan University (Nursultan, Kazakhstan).

Andreeva Alina Vladimirovna,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics and Finance, Rostov State University of Railways (RGUPS) (Rostov-on-Don).

Andreeva Larisa Yur'evna,

Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Economics and Finance, Rostov State University of Railways (RGUPS) (Rostov-on-Don).

Andreeva Ol'ga Vladimirovna,

Candidate of Economics, associate Professor, Department of Economics and Finance, Rostov State University of Railways (Rostov-on-Don).

Bugayan Iliia Rubenovich,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory and Entrepreneurship, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (South-Russian Branch) (Rostov-on-Don).

Garbuzov Dmitry Viktorovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of social and humanitarian disciplines, Volga branch of Volgograd State University (Volzhsky).

Goryunov Igor Alexandrovich,

Senior Lecturer, Department of Strategic Planning, Management and Forecasting, Moscow University of Finances and Law (Moscow).

Guzev Mikhail Mikhailovich,

Doctor of Economics, Professor, Volga branch of Volgograd State University (Volzhsky).

Ermishina Svetlana Aleksandrovna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, History Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Zaitseva Elena Vladimirovna,

Candidate of Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow).

Ivanov Alexey Anatolyevich,

Senior Lecturer, Department of Medical and Biological Physics, Yaroslavl State Medical University (Yaroslavl).

Ivanov Nikolai Anatolyevich,

Candidate of Technical Sciences, Head of Department, JSC «Research Center for the Study of Surface and Vacuum Properties» (Moscow).

Iontsev Vladimir Alekseevich,

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Demography, Higher School of Modern Social Sciences (faculty), Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Johin Viktor Yakovlevich,

Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Europe RAS (Moscow).

Kashicin Victor Valentinovich,

Candidate of Economics, Professor (Novorossiysk).

Kovalev Sergey Georgievich,

Doctor of Economics, Professor, Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg).

Kuznetsov Alexey Vladimirovich,

Doctor of Economics, Professor, Department of World Economy and World Finances, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow).

Kulkov Victor Mihailovich,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Nedzvetskaya Natalia Pavlovna,

Candidate of Economics, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Petrov Vladimir Konstantinovich,

Candidate of Economics, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (Moscow).

Pochinkova Elena Anatolievna,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory and World Economy, Admiral F.F. Ushakov State Maritime University (Novorossiysk).

Ramazanov Sergey Pavlovich,

Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Volga branch of Volgograd State University (Volzhsky).

Rodina Galina Alekseevna,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation (Yaroslavl branch) (Yaroslavl).

Slepakov Sergey Semenovich,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics, Management and Public Administration, Institute of Service, Tourism and Design (branch), North Caucasus Federal University (Pyatigorsk).

Smagina Victoria Igorevna,

Candidate of Economics, Associate Professor, Institute of Economics and Finance, Russian University of transport (MIIT) (Moscow).

Subbotin Alexander Alekseevich,

Post-graduate Student, Department of Demography, Higher School of Modern Social Sciences (faculty), Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Tolkachov Pavel Sergeevich,

Candidate of Economics, Associate Professor, State University of Management (Moscow).

Fomichov Igor Yurievich,

Doctor of Sociology Sciences, Professor, Industrial University of Tyumen (Tyumen).

Chekmarev Vasily Vladimirovich,

Doctor of Economics, Professor, Kostroma State University (Kostroma).

Chekmarev Vladimir Vasilievich,

Candidate of Economics, Department of Health, Administration of Kostroma Region (Kostroma).

Shvets Alexander Fedorovich,

Post-graduate Student, Department of Economics and Economic Security, Kostroma State University (Kostroma).

Shulevski Nikolay Borisovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Содержание

Большая всемирная игра, актуальная российская партия, судьбоносный миттельшпиль (<i>Ю.М. Осипов</i>)	3
---	---

Раздел I

Большая игра: российский миттельшпиль

Ю.М. Осипов

Большая игра — российский миттельшпиль — «русская рулетка»	7
---	---

Д.В. Гарбузов, С.П. Рамазанов

Россия в мире: «Большая игра» между миттельшпилем и «концом истории»	19
---	----

В.В. Кашицын

Российский миттельшпиль в свете современной мирохозяйственной трансформации	27
--	----

М.М. Гузев

Цугцванг в миттельшпиле	34
-------------------------------	----

С.Г. Ковалев

Метафизика миропорядка: воспроизводство суверенности РФ в Большой Евразии	44
--	----

Г.А. Родина

Современное состояние российского социума: насколько правомерно трактовать его как «миттельшпиль»?	53
---	----

И.Р. Бугаян

Новый Рим и Новый Карфаген современного мирового хозяйства: межимперский миттельшпиль!	58
---	----

У.Ж. Алиев

Российский миттельшпиль с сомнительным дебютом и... обнадеживающим эндшпилем (краткий тематический анализ конференции)	65
--	----

Н.П. Недзвецкая

Шах России или ее реванш на европейской «шахматной доске»	68
--	----

Раздел II

Геостратегия: ходы и выходы

В.М. Кульков

Миттельшпиль в российской экономике: откуда и куда?	74
---	----

<i>А.В. Кузнецов</i>	
Россия и мир в XXI веке.....	78
<i>В.Я. Иохин</i>	
Геополитические сдвиги и парадигма развития России.....	86
<i>В.А. Ионцев, А.А. Субботин</i>	
Евразийский путь демографического развития — основа спасения «тонущей» России	101
<i>В.К. Петров</i>	
Геостратегия России в отношении Украины: религиозно- политический раскол вчера, сегодня, завтра.....	108
<i>Е.В. Зайцева, П.С. Толкачев</i>	
Вектор экономического развития мировых цивилизаций.....	119
<i>Н.А. Иванов, А.А. Иванов</i>	
Проблемы единства и патриотизма в современных политических условиях РФ	125
<i>Е.С. Зотова</i>	
Софиасофские горизонты сознания современной России	133
<i>С.А. Ермишина</i>	
Традиции и современное общество.....	157
Раздел III	
Российская экономика в мировом контексте	
<i>А.Ю. Архипов</i>	
Евразийская интеграция в новых геостратегических условиях	167
<i>С.С. Слепаков</i>	
О возможности прогрессивного социально-хозяйственного развития России с опорой на собственные ресурсы	172
<i>Л.Ю. Андреева</i>	
Международные торговые войны: экономическая политика как инструмент геополитической конкуренции.....	179
<i>В.В. Чекмарев</i>	
Реиндустриализация — российский миттельшпиль — национальная безопасность	187
<i>О.В. Андреева</i>	
Адаптивность российской экономики в мировом контексте: источники и исходы.....	199
<i>В.В. Чекмарев, А.Ф. Швец</i>	
Тетическая интенциональная структура институциональных особенностей социальной сферы.....	209

Раздел IV

Техногенез: трансформация хозяйства или переворот в бытии?

Н.Б. Шулевский

Какой «искусственный интеллект»
необходим культуре России? 216

А.В. Андреева

Технологизация экономики и цифровизация
финансового бизнеса 231

И.А. Горюнов

Современный техногенезис
как точка сингулярности бытия-небытия 239

Е.А. Починкова

Новые технологии как фактор развития
экономики и производственных отношений 257

И.Ю. Фомичев

Неоиндустриальное освоение арктических территорий:
этносоциологический аспект 262

В.И. Смагина

Соответствие российской системы образования
требованиям цифровой экономики 268

Резолюция международной научной конференции

«Российский миттельшпиль:

экономика, техногенез, геостратегия»

Москва, МГУ, 5—7 декабря 2018 г. 274

Наши авторы 279

Contents

The Big World Game, the Current Russian Party, Fateful Middle Game (<i>Yu.M. Osipov</i>).....	3
--	---

Part I

Big Game: Russian Middle Game

Yu.M. Osipov

Big Game — Russian Middle Game — «Russian Roulette».....	7
--	---

D.V. Garbuzov, S.P. Ramazanov

Russia in the World: «The Big Game» Between the Middle Game and the «End of History».....	19
--	----

V.V. Kashitsyn

Russian Middle Game in the Spotlight of Modern World Economic Transformation.....	27
--	----

M.M. Guzev

Zugzwang in the Middle Game.....	34
----------------------------------	----

S.G. Kovalev

Metaphysics of the World Order: Reproduction of the Sovereignty of the Russian Federation in Greater Eurasia.....	44
---	----

G.A. Rodina

The Current State of Russian Society: How Legitimate to Interpret It as a «Middle Game»?.....	53
--	----

I.R. Bugayan

New Rome and New Carthage Modern World Economy: Inter-Imperial Middle Game!.....	58
---	----

U.Zh. Aliyev

Russian Middle Game with a Dubious Debut and... a Reassuring Endgame (Brief Thematic Analysis of the Conference).....	65
---	----

N.P. Nedzvetskaya

Russian Check or Its Revenge on the European «Chessboard».....	68
---	----

Part II

Geostrategy: Enter and Exit

V.M. Kulkov

Middle Game in the Russian Economy: from Where to Where?.....	74
---	----

A.V. Kuznetsov

Russia and the World in the XXI Century.....	78
--	----

<i>V.Y. Jokhin</i>	
Geopolitical Shifts and Paradigm of Russia's Development	86
<i>V.A. Iontsev, A.A. Subbotin</i>	
The Eurasian Demographic Development Path as the Basis for Saving the «Drowning» Russia	101
<i>V.K. Petrov</i>	
The Russian Geostrategy Toward Ukrain: Religious & Political Schism Yesterday, Today and Tomorrow	108
<i>E.V. Zaytseva, P.S. Tolkachev</i>	
Vector of Economic Development of the World Civilizations	119
<i>N.A. Ivanov, A.A. Ivanov</i>	
Problems of Patriotism and Unity in the Modern Political Conditions of the Russian Federation.....	125
<i>E.S. Zotova</i>	
Sophiasophia's Horizons of Modern Russia's Consciousness	133
<i>S.A. Yermishina</i>	
Traditions and Modern Society	157

Part III

Russian Economy in the Global Context

<i>A.Yu. Arkhipov</i>	
Eurasian Integration in New Geostrategic Conditions	167
<i>S.S. Slepakov</i>	
About Possibility of Progressive Social and Economic Development of Russia with Reliance on Own Resources	172
<i>L.Yu. Andreeva</i>	
International Trade Wars: Economic Policy as an Instrument of Geopolitical Competition.....	179
<i>Vi.Vas. Chekmarev</i>	
Reindustrialization — Russian Middle Game — National Safety.....	187
<i>O.V. Andreeva</i>	
Adaptability of the Russian Economy in the Context of the World: Sources and Outcomes.....	199
<i>Vas.Vi. Chekmarev, A.F. Shvets</i>	
Tetic Intentional Structure of Institutional Peculiarities of Social Sphere	209

Part IV

Technogenesis:

Transformation of the Economy or a Revolution in Being?

N.B. Schulevskij

What an «Artificial Intelligence»
is Necessary Russische Kultur? 216

A.V. Andreeva

Technologization of Economy and Digitalization of Business 231

I.A. Goryunov

Modern Technogenesis as a Point of Singularity
of Being-Nonbeing..... 239

E.A. Pochinkova

New Technologies as Factor of Economic Development
and Production Relations 257

I.Yu. Fomichev

Neo-Industrial Development of the Arctic Territories:
Ethnosociological Aspect..... 262

V.I. Smagina

Compliance of the Russian Education System
with the Requirements of the Digital Economy 268

Resolution of the International Scientific Conference

«Russian Middle Game:

Economics, Technogenesis, Geostrategy»

Moscow, MSU, 5—7 December 2018..... 274

Our author..... 283

Научное издание

Россия в игре: страна и мир

Монография

Под редакцией
Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова,
Е.С. Зотовой

Подписано в печать 07.05.2019 г.

Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. лист. 16,97.

Уч. изд. л. 16,0. Заказ № 7033. Тираж 500 экз.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.